

В. Рубин

ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА

ВИТАЛИЙ РУБИН

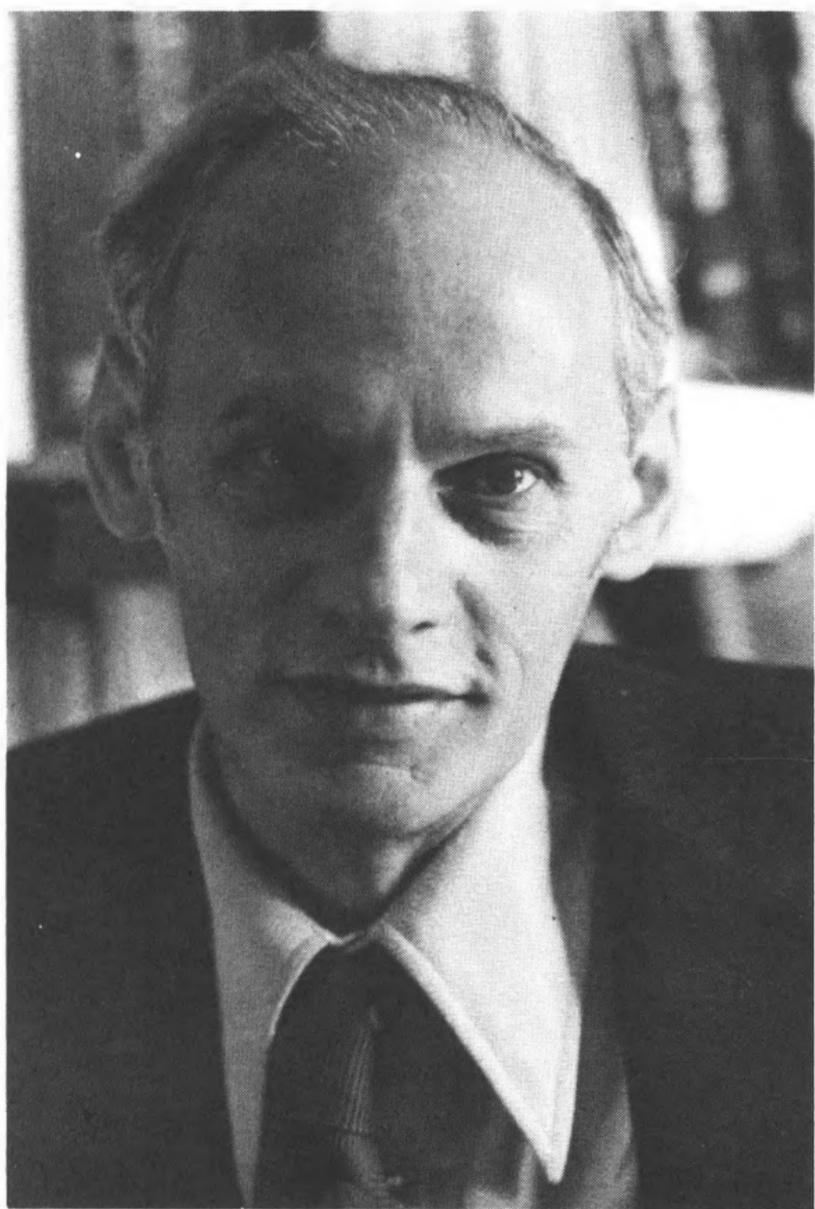
**ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА**

君子

125

Виталий Рубин
ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА
Книга II

ВИТАЛИЙ РУБИН
ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА
II

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ
1988
Printed in Israel

ויטלי רובין
יומן. מכתבים

Vitaly Rubin
DIARY. LETTERS

Научный редактор *Л. Дымерская-Цигельман*
Художник обложки *А. Резницкий*

Иероглифы на обложке — 君子 — цзюньцзы

הספר הוצא בסיוע
קרן אווה מיניסקר
דה-וויליאר (ארגנטינה)

ISBN 965-320-007-0

©

All rights reserved

כל הזכויות שמורות
לספרית-עליה
ת.ד. 4140, ירושלים
היוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

OCR Давид Титиевский, июль 2020 г., Хайфа

*Думая о том, что мы приехали сюда
слишком поздно, я говорил себе:
"Мы тоже не зря прожили свою
жизнь и сделали из нее то, что
могли".*

В. Рубин

СОДЕРЖАНИЕ

Дневники 1972—1981	3
Список основных работ	405
Китайские имена и термины, встречающиеся в книге	407

ДНЕВНИКИ
1972 — 1981

ДНЕВНИКИ 1972—1981

20.3.1972 Теперь — сдача документов позади (25 февраля), ждем ответа. Период активности кончился, начался период ожидания, пока он не очень затянулся, психологически легче.

6.4.1972 Когда долго не пишешь, не строишь, наступает ощущение пустоты. Так и сейчас: целый день приходят люди, я не остаюсь один, не успеваю почитать, подумать. Надо выбраться в библиотеку, что ли, чтобы побыть одному.

В [газете] "Обсервер", от 26.3.1972, стр. 36, помещена рецензия Э. Крэнкшоу на книгу R. Medvedev, *Let history judge*¹. Там такой пассаж: "И вот мы неожиданно погружаемся в новый мир — зловещее предвестие эпохи 'чисток', где раздаются забытые голоса, вызывающие к нам непосредственно из мрачного периода, следовавшего за давно забытым процессом 1931 года так называемого Союзного бюро меньшевиков. Два голоса: один из могилы (заявление сестры И. Рубина о пытках, которым он подвергался), другой — голос М.П. Якубовича, удивительным образом пережившего те времена".

Итак, я выполнил то, что мог: честь дяди Исаака навсегда спасена для будущей истории. Кто бы ни писал о нем через сто, двести или триста лет, никогда

¹ Р. Медведев, "К суду истории; генезис и последствия сталинизма", Нью-Йорк, 1972. Виталий отправил Р. Медведеву свидетельство Б.И. Рубиной о деле ее брата И.И. Рубина. Оно было опубликовано Р. Медведевым в его книге (стр. 132—136).

ложное признание на процессе не будет лежать на нем позорным пятном, и его судьба может быть классическим примером жуткого выбора, перед которым ставит человека тоталитарная власть: стать косвенным участником убийства или дать ложные показания. Никто не может дать ответ, однозначный и неукоснительный, на этот вопрос, но во всяком случае ясно, что не по простому малодушию и слабости согласился дядя Исаак на это.

21.4.1972 Вчера провожал Юру Глазова в аэропорту. Почти ровно четыре года назад он был изгнан из Института; я очень хорошо помню это время – никому тогда и в голову не могло прийти, что нас могут выпустить. Теперь он со своей семьей уже в Риме. Что будет с нами? Кончатся два месяца, и ожидание становится тревожнее. П. вчера сказала, что, по слухам, Отдел науки [ЦК КПСС] протестовал против того, чтобы меня отпустили, на том основании, что я читал в спецхране. Нелепость подобного обвинения бросается в глаза. Не ясно, так ли это.

25.4.1972 Двадцать первого апреля в двенадцать часов умерла В.В. [мать Ины]. Похоронили ее двадцать третьего апреля. Последняя неделя, после шестнадцатого, была для нее ужасна, и я уже видел, что это не кончится хорошо. Ина держится молодцом – я думаю, играет роль то, что она пережила смерть наших родителей, а все ухудшавшееся состояние В.В. подготовило ее к мысли о смерти.

Сегодня – два месяца со дня нашей подачи. Теперь главное – сохранять хладнокровие.

5.5.1972 Прекрасная [самиздатская] работа В.Я. о смерти:

”Мысль о неизбежности смерти не должна парализовать нашу этическую волю... Этическое мужество не исчерпывается спокойствием и бесстрашием перед лицом смерти. Оно достигает своей вершины, когда осознает

себя на фоне бренности человеческой жизни. Это не только мужество взять на себя риск, но и мужество вложить себя в относительное, подверженное гибели. Ибо если этическому дерзанию и свойственна вечность, то только вечность смысла, бесконечность экстаза”.

6.5.1972 Найти путь к существованию в новой ситуации – вот в чем проблема. На меня произвела большое впечатление статья американского журналиста, которому осталось жить не больше года. Именно в этой ситуации осознается особенно ясно ценность жизни перед лицом смерти. Это – концентрированная *la condition humaine*¹.

Вопрос: какой ход найти? ”Письмо к американским синологам”? ”Письмо к американским ученым”? И что же там написать? Ты рассматриваешь свою ситуацию в сравнении с другими; но может быть, для американского синолога это будет все же ново? Нужно продумать тон – скорее всего, это должен быть тон спокойного рассказа о том, что со мной произошло.

7.5.1972 Научиться мужеству ждать.

12.5.1972 Не так-то это просто. Когда охватывает тревога, когда не находишь себе места, не так-то это просто. Я вчера думал о письме – что за него может быть? Вызов в КГБ, разговор, арест? Надо быть готовым и к этому, хотя последнее кажется мне маловероятным. Ну что же, надо набраться мужества.

20.5.1972 Проблема писем [архив семьи Рубиных]: отдавать ли их в Ленинскую библиотеку? Вчера А. вселила в меня сомнение; она говорила о том, что она бы просто из чувства интимности не отдала бы своих документов в чужие руки. Следует ли исходить из этого?

¹ Здесь: жизненная ситуация (франц.).

Очень трудный вопрос. Он в конечном счете восходит к вопросу о том, как относиться к науке, к истории, к человеку. Считать ли, что это может быть использовано во зло и исходить из этого, или же думать, что то, что здесь написано, будет правильно понято? И, наконец, здесь ли место моим документам?

30.5.1972 Длительное ожидание деморализует. Не работаю уже четыре месяца, не могу похвастаться и успехами в иврите. Делать ничего не хочется до решения. Напоминает фронт — полная неизвестность в отношении завтрашнего дня. Жизнь или смерть? Конечно, мне сейчас буквально смерть не угрожает, но и жизнь — ее привлекательность уже не та, что тридцать лет назад. Я не люблю, когда начинают, как В., говорить о том, что было бы, если бы нам было бы на двадцать лет меньше — я за то, чтобы решать вопросы так, как они стоят, в той ситуации, в которой мы находимся, не убегая в сентиментальные сожаления и жалобы. Но доля истины в этих ламентациях есть, и для меня достаточно серьезная.

Игра на острие ножа, которую я веду, могла бы быть увлекательной, но мне, увы, не вёсело. Все как бы застыло в ожидании. Но поскольку ожидание может продлиться еще месяц-два, нужно преодолеть это. Не терять времени! Ведь, в самом деле, если ты возьмешься интенсивно за иврит, то ты сбережешь себе время обучения впоследствии. Но мне не хватает погружения, того погружения в тему, которое всегда давало мне ощущение удовлетворения. Я не могу быстро переключаться — это моя беда.

31.5.1972 Сегодня иду в ОВиР, к Смирнову, и снедает тяжелое беспокойство. Понимаю, что надо это преодолеть, что это — слабость, но ничего не могу сделать. Отвлечься писанием — единственный выход.

Отчего это беспокойство? Ведь я твердо надеюсь, что нас выпустят. Но нельзя исключить возможности отказа, и к нему-то я и хочу себя подготовить. К тому

же, я был недоволен собой, когда ходил к Смирнову семнадцатого числа. Он разговаривал по-хамски, но не в этом дело — я не дал ему отпора. Он не принял моего заявления, и я не возражал против этого. Сегодня поэтому одна из главных задач — реабилитировать себя в собственных глазах. Нужно сконцентрироваться и заставить его разговаривать по-человечески.

Был у Золотухина. Разговора вообще никакого не было, и он никуда не звонил. Просто сказал, что они разберут мое заявление. Больше ходить по начальству не буду. Бессмысленно. Задача другая: не дать превратить себя в ничтожество. Но как? Попробую написать большую рецензию на Бауэра¹. Книга стоит того, чтобы над ней поработать, и эта работа сама по себе должна придать жизни другое измерение. Пусть я буду мерить жизнь не тем, сколько дней они заставили меня ждать (сегодня девяносто семь дней), а тем, сколько дней потребовалось, чтобы написать хорошую рецензию на Бауэра.

1.6.1972 Прочитал очень интересную статью Бауэра о Лао-цзы. Пришла в голову мысль: не назвать ли рецензию "Китай без конфуцианства"? Сосредоточиться на этой теме и показать, что конфуцианство вовсе не лишилось ценности. Слово "ценность" здесь надо употребить во множественном числе: ценности конфуцианства. Это: уважение к человеку, свобода мнений, демократия. Общий идейный кадр: утверждая, что конфуцианство устарело, Бауэр исходит из нынешней исторической конъюнктуры. Однако эта конъюнктура преходяща. В этом смысле моя перспектива — на более длительный срок. Бауэр по существу видит Китай, как он подошел к сегодняшнему дню, я же вижу, как он с отвращением отвернется от того, чему поклоняется се-

¹ На книгу: W. Bauer, *China und die Hoffnung auf Glück*, München, 1971.

годня. Обращение к истокам морали и культуры неизбежно, и в этом-то обращении именно то, что кажется Бауэру окончательно устаревшим, опять заговорит полным голосом.

Да, об этом надо думать, не бегая каждый час к почтовому ящику.

Итак, "Китай без конфуцианства?". Это тема, меня в самом деле волнующая. Таким образом я найду свой путь в западный мир. У меня там будет своя позиция. А. правильно сказал о себе, что его читатель здесь. Мой, конечно, тоже. Но я верю, что у меня будет и на Западе свой читатель. Вокруг Китая разворачивается большая полемика, в какой-то мере повторяющая черты полемики тридцатых годов вокруг СССР. И столь же ясна тенденция к предательству идеалов демократии и свободы. Восхищение "экспериментом", "социальными успехами", уничтожением голода; полное пренебрежение свободой, культурой, моралью. Западные поклонники Мао готовы закрыть глаза на то, что в Китае растоптана свобода и культура, что народ превращен в бессмысленное стадо.

2.6.1972 Вчера Мика позвонил и сказал, что он слышал, что у меня отказ. Это, конечно, один из многочисленных слухов, но он на меня произвел гнетущее впечатление. Я посмотрел в ящике — ничего не было; потом позвонил Светлане, жене Мики, и у нее узнал, что об этом говорил Мике его знакомый, который будто бы узнал об этом от меня — явная чушь. И все же, после вчерашнего успокоения, сегодня снова угнетенное, тревожное состояние. Надо отвлечься и пойти в Ленинскую, что ли. Нелли вчера хорошо сказала, что поскольку их цель — вывести нас из равновесия, мы должны его сохранять.

Бердяев: "Мучительная среда мертвого времени" — та среда, в которой мы сейчас находимся.

11.6.1972 Да, это были дни! Десятого июня провожали Алика [Гроссмана], и когда выходили, вынули

из почтового ящика открытку из ОВиРа, где было написано: "Прошу вас позвонить в ОВиР инспектору Сивец. 7.6.". Что-то в этой открытке мне не понравилось. Вернее, я знаю, что: в ней не было "срочно зайти", только позвонить. Значит, отказ, решил я. Так, похолодевший внутри, я ехал провожать Алика, пытаюсь найти в себе силы, чтобы жить с отказом. К концу пути стало легче, хотя настроение все равно было ужасным. Но когда я приехал, выяснилось, что такие открытки получали многие, и Алик даже меня поздравил. Все снова стало под вопрос, этот вопрос заменил отчаяние.

А сегодня выяснилось, что нам просто хотели сообщить, что наше заявление рассмотрено и что мы получим ответ в течение десяти-пятнадцати дней.

20.6.1972 Вчера Дима рассказывал, что Бахтин¹ пишет для себя и ряд своих книг подарил другим – они вышли под их фамилией. Счастливый человек. Как хорошо, когда мысли сами льются из-под пера. У меня не так – я творю с усилием, но это доставляет мне удовлетворение.

4.7.1972 Вчера Марусе сказали, что наши документы находятся на заключительном этапе оформления.

16.7.1972 Наконец веет ветерок, стало прохладнее, можно жить, думать, работать. Тринадцатого июля позвонила Сивец из ОВиРа, сказала, что нам с Иной отказано, В.В. и Марусе разрешено.

Теперь первая задача – отправить Марусю, потом начать борьбу на всех фронтах.

Оказалось, отказ перенести легче, чем я думал. Я страшился отказа, как катастрофы, подобной смерти; думал, что буду оправляться от этого удара неделями.

¹ М.М. Бахтин (1895–1975) – известный литературовед.

Но сейчас я уже пережил этот удар и думаю о том, как на него ответить. Не забыть упомянуть в письмах о том, что я был добровольцем, что я провел полтора года в спецлагере и четыре года в постели, как и о том, что уже полгода я живу без работы и без средств существования.

Открытое письмо американским синологам¹

Издателям журнала "New York Review of Books".

Человек ли ученый?

Я задаю этот интересный вопрос, так как после пяти месяцев ожидания я наконец получил отказ на мою просьбу о выезде в Израиль. Мне не разрешили эмигрировать, поскольку я "известный специалист".

Не мне судить о своей квалификации как синолога. Но позвольте мне сообщить несколько фактов о судьбе этого "известного специалиста" в Советском Союзе. Последние три года я работал в Институте востоковедения Академии Наук СССР в качестве временно исполняющего обязанности старшего научного сотрудника, хотя я никогда не был утвержден в этом звании. Когда в январе 1972 года я заявил своему начальнику, что я решил подать документы на выезд в Израиль, он настоял на том, чтобы я немедленно оставил свою должность. Первого февраля 1972 г. я отказался от работы и с того времени больше уже нигде не работал, и следовательно не зарабатывал на жизнь. Рукописи моих трудов были изъяты из печатания (среди них русский перевод первых трех книг "Чуньцю" и "Цзо Чжуань", с комментариями, и статьи: "Проблемы культуры в древнекитайской мысли", "Шэнь Дао и фацзя", "Древнекитайские философы о проблеме влас-

¹ Напечатано в: New York Review of Books, 19, No. 5 (October 5, 1972), p. 36. Здесь дано в обратном переводе с английского.

ти"). В двух научных журналах были ликвидированы заказы на рецензирование моей книги "Идеология и культура Древнего Китая" (опубликованной в 1970г.). Более того, были изъяты из всех книг и статей, находящихся в процессе публикации, цитаты из моих предыдущих работ и ссылки на них. Смысл этого ясен: такие люди, как я, нежелательны и не имеют права существовать в советском китаеведении.

Когда советские власти отказывают еврейским ученым в праве на эмиграцию в Израиль, они заявляют, что эти ученые имели доступ к секретным материалам и что их эмиграция может нанести ущерб безопасности государства. Но моими материалами являются китайские классические произведения; они не более секретным, чем Библия или трагедии Шекспира. Я лишен своих человеческих прав, потому что я ученый.

Я отправляю это письмо в надежде, что обращение с вашим коллегой не безразлично для вас. Советские лидеры сейчас часто говорят о большом значении международного сотрудничества ученых. Однако трудно понять, как можно ценить знания и в то же время лишать ученых их человеческих прав.

Виталий Рубин

Москва, СССР

19.7.1972 Ночью — потрясающая новость о выводе советских советников из Египта. Несомненно, скажется и на нас. Пока же никаких новостей из ОВиРа.

Надо подумать над доработкой статьи.

Кончил вчера S. Bellow, "Sammler's Planet"¹. Замечательная книга. Хочется написать ему письмо.

25.7.1972 Поистине, удивительные вещи происходят со мной. Вчера мне позвонил приятный мужской

¹ Роман С. Беллоу, "Планета м-ра Сэмлера"; русский перевод вышел в изд-ве "Библиотека-Алиа", 1978 г.

голос, отрекомендовавшийся Виталием Васильевичем Бойко из Бауманского райкома КПСС. Просил зайти. В начале двенадцатого я там был. Встретил меня довольно-таки серо выглядевший зав. отделом агитации и пропаганды. Спросил, как у меня дела, на что я ответил, что если он меня вызвал, то уж наверно знает, как дела. "Да, — ответил он, — я знаю, что вы давно не работаете. Но как же вы живете?" Я ответил, что мне пришлось кое-что продать, к тому же у меня были сбережения. "Но почему вы не пытаетесь устроиться на работу?" — спросил он. Я ответил, что это вопрос конкретный, и что устраиваться на работу для меня было бы бессмысленно. "Почему?" — встрепнулся он, явно ожидая, что я скажу, что евреев на работу не принимают. Но я ответил иначе: как я могу устраиваться на работу, если знаю, что не сегодня-завтра мне придется уходить. Тогда он предложил мне работу — поскольку, как он сказал, райком крайне обеспокоен тем, что такой специалист, как я, без работы — и не где-нибудь, а в отделе Китая ИВАН [Ин-т Востоковедения АН СССР]¹. Я ответил, что я не собираюсь отказываться от своего желания уехать в Израиль. "Что вы, что вы, разумеется, вы просто будете ждать, а когда вы получите визу, к вам не будет никаких претензий". — "Ну что ж, — сказал я, — на таких условиях это меня устраивает". Тогда Бойко взял трубку и позвонил в партком Института Захарченко. Тот спросил, проявляю ли я такую инициативу. Естественно, райкомовец соврал, сказав, что да. Расстались мы на том, что я пойду к Захарченко.

Выйдя, я стал думать, что все это значит, и пришел к выводу, что они хотят отказать мне, сославшись на то, что я крупный специалист и могу быть использован здесь. Если я при этом буду на работе и буду полу-

¹ ИВАН (Ин-т востоковедения Академии Наук СССР), образован в 1930 г. С 1960 по 1968 гг. назывался ИНАЗ (Ин-т народов Азии).

чать зарплату, их позиция будет как-то звучать, если нет, она будет чрезвычайно слабой. Исходя из этого, я решил к Захарченко не идти и дальше в эту западную не лезть.

Вчера отправил письмо Бойко с изложением мотивов, по которым я не могу принять его предложения:

1. Мне было достаточно ясно показано, что как ученый я здесь существовать не могу. Числиться и получать зарплату ученого, не выступая как ученый — такая ситуация меня не устраивает.

2. Полная невозможность взять на себя политические и идеологические обязательства, вытекающие из работы в идеологическом учреждении.

4.8.1972 Мой анализ оказался правильным. Меня не пускают именно как "крупного специалиста". Маруся уезжает в ближайшие дни.

Седьмого мая я записал: "научиться мужеству ждать". Это теперь еще во сто раз важнее. Ждать, надеяться, не терять бодрости. Не так все это просто. И нужно продумать, чем я буду заниматься: синологией для себя или изучением политических идей Библии? Тут надо подумать. С одной стороны, я решил не иметь ничего общего с советской синологией, и это, несомненно, правильно. Но правильно ли было бы вообще перестать этим заниматься? Это, я думаю, нет, потому что хорошо поддерживать свою марку в международной синологии. Для этого нужно перевести свои предыдущие работы. Но для какой-то духовной жизни этого мало. И тут хорошо было бы начать изучать Танах¹. Конечно, мне трудно было бы овладеть всей новейшей литературой, но этого и не нужно для начала. Здесь интерес обеспечен, и можно быть уверенным в том, что аудитория будет откликаться очень живо.

6.8.1972 Когда-нибудь с меня спросится, почему я в

¹ Библия ("Ветхий Завет") (иврит).

эти дни не относился к Марусе более тепло и нежно — кто знает, не последние ли это дни, когда мы видим друг друга. Не дано нам было радости всем вместе вступить на землю Израиля. Дай Бог, снова воссоединимся там.

11.8.1972 Вчера последний раз видели Марусю на аэродроме. Теперь она либо в Вене, либо уже в Израиле. Будем ждать телеграммы.

12.8.1972 Надо все же работать.

13.8.1972 Вчера получили телеграмму от Маруси, из которой ясно, что она уже вечером десятого прилетела в Израиль. Уже одиннадцатого она была в Иерусалиме, у Цукерманов. Когда думаю о ней, становится легче на душе. Во всяком случае ее мы сумели спасти — довольно-таки неожиданно для себя. Что теперь будет там с ней, как сложится ее жизнь и сумеет ли она помочь нам — покажет будущее.

Вчера у синагоги Марк передал слух, будто третьего августа принят закон о том, что за вузовский диплом будут брать от шести до одиннадцати тысяч рублей. Если так, то выезду образованных людей будет положен конец, во всяком случае на ближайшие годы. Посмотрим. Во всяком случае мы не одиноки, и когда знаешь, что есть такие люди, как Яхот и Воронель¹, делается веселее. Мне надо будет написать для них что-то². "Почему я хочу переселиться в Израиль" — очень интересно, работа ума и памяти.

Уже сейчас для меня проясняются некоторые ответы на вопрос "почему".

1. Потому, что я всегда ненавидел ложь и рабство,

¹ Виктор Яхот (выехал в Израиль в 1972 г.), Александр Воронель (в Израиле с 1974 г.) — физики, активисты алии.

² Для самиздатского журнала "Евреи в СССР".

в котором мне приходилось жить. Мы никогда не верили в советскую власть. Это — благодаря папе. Жизнь здесь всегда рассматривалась как рабство, неизбежное рабство. В последние годы я неожиданно получил возможность кое в чем говорить правду: благодаря тому, что с древнекитайскими источниками, с которыми я работал, никто не был знаком, я интерпретировал их так, как считал правильным. Это было использование щели в монолите. Мне удалось даже издать книжку, пафос которой — пафос личности, и где ни разу не упоминаются классики марксизма-ленинизма. Но я никогда не поддавался иллюзии, что это надолго. Это было *mutatis mutandis*¹ то же, что и с Солженицыным: благодаря счастливой ситуации ему удалось напечатать "Один день", но вскоре спохватились. В общем же жизнь для таких людей, как я, была жизнью без надежды. Стремление вырваться из этой страны было решающей предпосылкой.

2. Воспитавшись без знания языка и еврейских традиций, я с годами все сильнее стал осознавать себя евреем. В 1961 году умер мой отец, которого я безмерно любил, которым восхищался и с которым меня связывала тесная дружба. Отец был человеком, которого я из всех известных мне людей с наибольшим основанием могу сравнить с Эйнштейном. Мне кажется, что имеется такой специфический еврейский тип, сочетающий огромную мощь ума со святостью. Я думаю, что это не только индивидуальная особенность, но именно сложившийся веками тип; в этом меня убеждает, например, книга Х. Потока "The Chosen". К этому типу относился мой отец; к нему же относился и Эйнштейн.

14.8.1972 Предстоит сформулировать свою позицию. Это не так-то просто. В конечном счете все заплетается в один узел: и почему я хочу переселиться в Израиль, и как мне быть сейчас.

¹ Перефразируя (лат.).

Последним радостным событием здесь был переход в Институт. Но радость эта оказалась иллюзорной — я довольно скоро почувствовал эту атмосферу всеобщей спячки, взаимного покровительства, бессмысленности всяких усилий. Может быть, если бы я не перешел в Институт, меня бы сейчас и отпустили — кто знает. Но можно ли раскаиваться в том, что хотел перемен, хотел как-то вырваться из рутины и безнадежности? По-видимому, в моем характере есть некоторое нетерпение, непоседливость, "охота к перемене мест". То же качество, которое толкнуло меня и на эту авантюру — я не считаю это слово плохим (кто-то говорил, что для того, чтобы идти на подобные вещи, нужна какая-то доля авантюризма, и это так)

Какова же проблема? Одно мне ясно: я должен отказаться от всякого участия в советской синологии. Это следует из того, что они хотят, чтобы я был синологом. Как я понимаю, это нужно им, чтобы меня "трудоустроить" — я не собираюсь давать им этого оправдания; пусть покрутятся. С советской синологией я общего ничего иметь не должен. Но с синологией вообще? Имеет ли смысл стремиться к тому, чтобы сохранить свою квалификацию синолога?

Это тот же вопрос, что у физиков. Когда я поставил его в последнюю встречу, мнения разделились: Яхот высказался так, что он согласен отказаться от всего ради того, чтобы попасть в Израиль, Воронель же высказался в том смысле, что физик выполняет Божественную миссию и не должен от нее отказываться.

Юра Брегель недавно рассказал, как востоковед-иранисту, колебавшемуся, сменить ли свою специальность на тюркологию, другой востоковед сказал: "Менять специальность — то же, что менять религию". Это верно в том смысле, что дающееся десятилетиями труда и размышлений овладение своим материалом вряд ли в моем возрасте повторимо: у меня просто нет времени для того, чтобы овладеть, положим, гебраистикой, и все, чего я смог бы достичь, сводилось бы к дилетантизму. Ведь даже если я изучу Библию (а по-

настоящему это возможно только со знанием иврита), мне не так-то просто будет узнать современную литературу [по гебраистике]. Стоящего гебраиста из меня уже не получится. Правда, есть вопрос, могу ли я при таком образе жизни остаться настоящим синологом. Научная атмосфера играет огромную роль. В одиночестве, лишенному научной атмосферы, работать, конечно, будет трудно.

15.8.1972 В конце концов, шаг, который я совершил, был в первый раз в жизни шагом полностью свободного человека. Человека, который ради своего права быть тем, что он есть, ради права свободно выражать себя, готов пожертвовать всем. "The truth will make us free"¹ – еще вернее то, что человек, который говорит правду, уже "free". Он внутренне свободен.

Не в этом ли суть дела? Не в желании ли открыто сбросить с себя всю навязанную нам ложь и сказать открыто и свободно, как мы себя чувствуем?

Вспомним немецкого ученого Виктора Клемперера – не самое ли значительное из всего, что он написал – "LTI"², написанная тогда, когда он был лишен своей специальности (возможности заниматься ею) и сделал своей специальностью слово, произносимое человеком. Но тут случай несколько иной. Клемперер был лишен возможности выступать как ученый, мы же свободным актом от этого отказались. Во имя чего? Именно во имя свободы. И поскольку само открытое провозглашение этого желания стать свободным было первым в жизни актом свободы, в нем невозможно раскаиваться. Так же невозможно, как невозможно было раскаиваться, скажем, А. Гинзбургу в том, что он составил "Белую книгу".

¹ Истина делает нас свободными (англ.).

² V. Klemperer, LTI. Notizbuch eines Philologen, Leipzig. 1970. LTI – Lingua Tertii Imperii (лат.) – язык Третьего рейха.

Итак, быть ли мне синологом или не быть? Очень возможно, что это не будет зависеть от меня, что все повернется так, что я не смогу быть синологом, но должен ли я стремиться к этому? Или я должен стремиться к тому, чтобы, освободившись сам, помочь освобождению других? Этому отдать все силы?

16.8.1972 Вчера по радио передали об оплате за образование. Это, по-видимому, конец надежде, по крайней мере, лет на пять. Горько до слез. Поскольку предстоят, вероятно, решительные действия протеста, надо быть готовым к самому худшему. Сегодня звонил В. Яхот, узнал от него подробности. Он не теряет бодрости, советует жить так, как будто бы этого не было. Но я не из тех, кто тешит себя иллюзиями. Не все еще ясно в отношении кандидатства, но общая сумма для нас обоих колеблется от шестнадцати до тридцати тысяч; и то, и другое нам не по силам, в общем, в равной мере, и надеяться мы можем только на помощь извне. Можно ли будет такую помощь получить, допустимо ли будет ее принять? Все это неясно.

Основной смысл меры, как мне кажется, — ликвидировать алию образованных людей. Но сейчас я стал думать, что, может быть, в ней есть и другой смысл: вымогательство. Не для этого ли они стали так часто делить семьи, рассчитывая, быть может, на то, что оказавшиеся там родные приложат все усилия, чтобы собрать деньги?

Все это пока неясно. Ясно только, что начался новый, мрачный этап эпопеи. Яхот рассказывал, что кому-то, чьи вещи были уже сданы в таможню, предложили доплатить в дополнение к 860 рублям, еще 15 тысяч рублей. Я вспомнил при этом рассказ о том, что когда какой-то военачальник в последний раз запросил контрибуцию с осажденного города, жители уже не плакали, а смеялись: больше дать они все равно ничего не могли.

Я перечитывал перед самым отъездом свои дневники за шестьдесят третий — шестьдесят пятый годы. Они

полны ощущения безнадежности. При всей тяжести удара, который нам нанесен, даже и он не может лишить нас надежды. Прошедшие полтора года показали, как они слабы; они показали, что решительной борьбой можно добиться многого; показали, как сильна поддержка зарубежных евреев. Они показали — и это главное — что возможно чудо, возможны вещи, которых никто и никак не мог предвидеть. Для нас же лично они были годами, когда у нас появились близкие друзья за рубежом и когда нам удалось перебросить туда Марусю. Все это — залог надежды; этот бесценный дар им не удалось у нас отнять.

Если подытожить: ситуация трудная и страшная, но уже не безнадежная. Она, прежде всего, не стабильна: с выездом Маруси дело сдвинулось с мертвой точки.

17.8.1972 Принимаю седуксен, чтобы заснуть: одолевают мрачные мысли.

Ситуация ученого... Когда работает ученый — техник или физик, — то ясно, что он приносит пользу своим злейшим врагам. Строит новый Рамзес фараонам. Поэтому позиция их ясна. Что же касается моей позиции, то она сложнее. Фактически они не хотят, чтобы я был там; буду ли я работать на них здесь, им безразлично. Но я чувствую отвращение к тому, чтобы возвращаться в Институт; я ощущаю это как капитуляцию.

Моя позиция такова: раз вы задерживаете меня как крупного специалиста, для вас я никаким специалистом не буду. Мои работы не будут фигурировать среди советских трудов; а числиться в Институте и не печататься — это тоже не для меня. Я буду китаеведом во внутреннем изгнании; будет очень неплохо, если в иностранных журналах будут появляться мои статьи назло советским товарищам. Ведь и до сих пор мое творчество по существу относилось не к советской науке, так что в общем мало что изменится. В самом деле, я потому и выделился как ученый, что мне противно было тянуть тягомотину вслед за другими, и я решил-

ся на то, на что советский ученый-гуманитар как правило не решается — написать то, что думаю на самом деле. Я стал известен потому, что выступил с совершенно новой точки зрения, до меня никем не высказывавшейся в моей науке и представлявшей собой вызов всей советской синологии. Почему-то мне раньше это не приходило в голову, но это, несомненно, так. Если проанализировать мои работы, то в них, конечно, есть достаточно серьезное отношение к материалу, но самое важное в них — интерпретация. И тут-то я сознательно шел на авантюры — с 1964 года, когда я выступил с докладом в Университете, я один отстаивал точку зрения, которую не поддерживал поначалу никто.

19.8.1972 Может ли каждый из нас оставаться ученым в одиночку — вопрос конкретный. Кто-то может, кто-то — нет. Теперь я решил подписываться "Honorary member of the Israel Society of Asian Studies, held in Moscow"¹.

Теперь интересно будет написать анализ нынешней ситуации. Новый чудовищный открыто антисемитский акт показывает лживость болтовни об отсутствии еврейского вопроса. Он существует, и для предотвращения отъезда евреев на свою родину требуются такие свирепые меры. Фактически своим последним актом советское правительство открыто покончило с высшим образованием для евреев. В какой-то мере это отвечает их целям — низвести евреев на последнее место в обществе. Но, как это часто бывает, то, что дает непосредственный эффект, в конечном счете оборачивается против тех, кто это измыслил. Такова судьба насилия, не подкрепляемого ничем, кроме злобы. Им, конечно, сейчас кажется, что они добились своего. Но когда эта страна лишится поддержки евреев, когда евреи сами

¹ Почетный член Израильского общества по изучению Азии, задерживаемый в Москве.

перестанут идти в вузы, тогда постепенно они поймут, что это не только убийство, но и самоубийство.

Конечно, важно единодушие — единодушный ответ может что-то дать, одиночные акты эффекта не дадут. Нет, это неверно. Одиночные акты мужества, благородства, самоотверженности могут сыграть огромную роль — роль примера. Поэтому на каждом из нас лежит огромная ответственность, потому что своим поведением мы сейчас можем показать другим, как вести себя в этой критической ситуации. Теперь нужно отказаться от мысли о собственной судьбе и думать только о судьбе своего народа. Примириться с любым поворотом судьбы и быть готовым ко всему.

20.8.1972 Я подумал о том, что если все мы пожизненно остаемся должны государству за образование, то после смерти следовало бы конфисковать имущество каждого окончившего вуз.

Вообще же ситуация ряда людей (в том числе и наша) настолько отчаянная, что невозможно поверить в ее окончательность.

6.9.1972 Сегодня — бурный день; даже не столько бурный, сколько тяжелый. Началось все с утра, когда я позвонил В. Мандельцвейгу и сообщил ему о том, что произошло сегодня ночью (убийство девяти израильских спортсменов). Я предложил ему дать телеграмму, и он попросил меня составить текст. Я думал над текстом, и в это же время позвонил Натан [Файнгольд]. Оказывается, решили поручить это ему. Я продиктовал ему то, что придумал, а он попросил меня заехать к нему около двенадцати. У него застал пожилую женщину и молодого парня из Киева, потом пришел Польский и сказал, что есть идея — пойти к голландскому посольству с тем, чтобы попытаться передать текст послу.

9.9.1972 Это надо прекратить. Надо взять себя в руки. Я в каком-то нервном состоянии после вчераш-

него. Это был display of antisemitism¹. Ради чего были пущены по переулку машины и поставлены молодчики, ради чего закрыты проходы? В конце концов приходит в голову мысль, что они хотят создать наиболее напряженную ситуацию для того, чтобы этим шантажировать Запад. Я ночью думал о том, что эти люди думают, что они еще чем-то управляют, в то время как история явно оставила их позади. Они могут только вредить, портить, ставить палки в колеса; управлять иначе они не могут. Их мелкие и жалкие попытки остановить жизнь, идущую мимо них, конечно, могут испортить существование многим людям. В конечном счете они не принесут плодов и обратятся против них.

Я вчера думал о том, как привести себя в порядок, закалить себя. Надо понять, что ты находишься в бою, на линии фронта, и приучить себя к этой мысли. Главное — подавить страх. Для этого надо привыкнуть к такой жизни, чувствовать себя в ней как рыба в воде. Пока мне это не удастся. Ина сегодня заметила мою нервозность. Тут со мной сыграла скверную шутку моя любовь к ясности во всем, прежде всего в собственной ситуации. Между тем, сейчас мне приходится (и придется в течение неопределенного времени) жить в неясной ситуации и в отношении работы, и в отношении всего остального. Правда, я вижу вокруг людей, которые живут в такой же ситуации, как я, без работы, без средств, в условиях постоянных преследований, живут и не теряют мужества. У них нужно учиться. Надо всегда на всякий случай иметь с собой паспорт. Забываю. И надо заставить себя успокоиться и заниматься.

Мне так трудно высказываться — тут мне должен помочь дневник. Помочь найти путь к глубинным слоям самого себя, к тем пластам, где можно найти спо-

¹ Открытая демонстрация антисемитизма (англ.).

койствие. Найти удовлетворение в мысли, что Маруся — там, и серьезно взяться за изучение языка. В этом смысле у Маруси тоже есть чему поучиться.

20.9.1972 Вчера был свидетелем того, как взяли Натана [Файнгольда]. Пришел участковый с двумя штатскими. Участковый был чрезвычайно нервозен, заявил, что есть сведения о паспортном нарушении (причем сначала спросил, все ли прописаны, но не проверял паспортов); когда Натан показал ему свой паспорт, он сказал, что нарушения все же есть и необходимо проехать в 74-е отделение милиции. Конечно, комедия. Речь шла просто о превентивном задержании. Мы с Юлей [Файнгольд] потом поехали в 74-е отделение, где нам, как и следовало ожидать, сказали, что он был и поехал дальше.

Я напрасно дал ему [участковому] свой читательский билет и отвечал мерзавцу на вопрос, где работаю и т.д. Не надо было. Но в общем все же у меня нет такого неприятного чувства, как прошлый раз: я не боялся. Надо помнить указание М.: всегда спрашивать, это допрос или беседа. Не давать им удовлетворения от сознания собственной власти.

22.9.1972 Вчера звонили Шифрин и Маруся. Шифрин говорил, что ряд синологов протестует, что это напечатано в газетах, что для меня есть место в Иерусалимском университете, чтобы я мог продолжать исследовательскую работу. Потом он сказал, что в его кабинете моя сестра и что она сейчас будет говорить со мной. Маруся сказала, что она не получила ни одного нашего письма, что она пробудет еще месяца три в ульпане и насчет работы ничего не известно. Я почувствовал, как что-то сжалось в горле, когда он сказал, что сейчас будет говорить Маруся, и мне нужно было потом выпить, чтобы успокоиться.

27.9.1972 Не поддаваться отчаянию! Чувствую, что с ивритом дело не пойдет. Для того, чтобы заниматься

им по-настоящему, нужно этому отдаться целиком. А быть последним учеником я не хочу. Между тем, мне еще нужно много перевести на английский, а времени мало, мало вообще. Как-никак уже пятидесятый год. И поэтому-то того, что могут позволить себе тридцатилетние, я себе позволить не могу.

Завтра иду к Шукаеву¹. Какой смысл в этом? Во-первых, терять совершенно нечего; во-вторых, интересно, что он будет говорить.

Что нужно сказать мне? Абсолютная нелепость ответа — "крупный специалист". Отношение ко мне показывает, что никто меня крупным специалистом не считает.

29.9.1972 Неожиданно поход к Шукаеву не оказался уж такой бессмыслицей. Он наложил резолюцию взять дело на пересмотр. Какая-то крупница надежды, хотя почти наверняка последует новый отказ. Разве что они всерьез решили торговать нами. Посмотрим. Скорее всего, наше дело решат в какой-то момент скопом, до тех пор будут отказы. Разговор не был для меня мучительным. Лицо у Шукаева не плохое, не злобное, скорее обычное, и я говорил с ним свободно, без страха и стеснения. В конце концов он предложил мне дать заявление и наложил на нем какую-то длинную резолюцию, а потом сказал, что в течение месяца они сообщат ответ.

Вчера Володя Чернявский спросил меня, сколько я могу заработать в месяц, и мне довольно больно было сознавать, что не более пятидесяти рублей.

15.10.1972 После плохого настроения, одиночества — сразу ряд хороших известий. Утром звонила Маруся, говорила, что напечатано мое письмо, просила фотографии.

¹ Один из заместителей министра внутренних дел.

Приятные новости и здесь. Уже две субботы, как не разгоняют у синагоги, и ряд людей в Москве получил разрешение. По-видимому, что-то изменилось сверху. Может, дошло все же до них, как они всем омерзели. Шифрин, оказывается, получил мое письмо, и начала получать письма Маруся.

16.10.1972 Сегодня получил три письма из Америки. Никого из них [авторов писем] лично не знаю. Нечто новое — чувствовать себя в центре международных симпатий.

19.10.1972 Начался ли вчера новый этап или это какой-то эпизод? Хотя в этом вопросе теперь настала какая-то окончательная неразбериха, но похоже, что принято новое решение. В ОВиРе вчера происходило следующее: тем, кому всего два дня назад заявили, что им дают разрешение, но они должны непременно внести всю сумму до шестого ноября, вчера сообщили, что они должны убраться до двадцать восьмого октября, но денег платить не должны. Про то, что это все "относится к Министерству финансов", просто забыли.

20.10.1972 Вчера опять много людей получили разрешение.

Надежда сменяется опасением — неужели нас снова оставят за бортом? Но надо проявлять терпение, надо надеяться и ждать с верой. То, что происходит, несомненный результат давления. Так как давление на этом не закончится, не могут закончиться и уступки. Не сегодня, не на этой неделе, так на следующей, в следующем месяце.

29.10.1972 Двадцать шестого октября был на приеме у Шумилина¹. Было поистине интересно: самообна-

¹ Один из заместителей министра внутренних дел.

жение невероятное. Но самое интересное, конечно, было то, что они вынуждены были нас принять. Со ста человеками сразу они говорить не любят. Замечательный был конец: когда Шумилин сказал, что у него остается не больше пяти минут, С. поднял руку и сказал: "Вы говорите об интересах государства, но я думаю, что МВД должно было бы думать о правах граждан. И я поражен, что вы столь весело и с такой насмешкой говорите с людьми, которые, как вам хорошо известно, находятся в отчаянной ситуации. Благодарю вас за полчаса, которые вы нам уделите. Всего хорошего". Он повернулся и двинулся к выходу, за ним — остальные.

Два дня назад все, чьи визы были задержаны, получили их. Посмотрим, что произойдет теперь.

3.11.1972 Все, по-видимому, движется так, как можно было бы предположить. Гориллы жалуются и скулят, что их взяли за горло. Хорошо! Это — главная наша надежда. Избрание Никсона тоже, пожалуй, к лучшему.

14.12.1972 Вчера — замечательная новость: Маруся устроилась на работу в Ветеринарный институт в Бет-Дагоне. Об этом она сказала мне по телефону. Я же все еще в депрессии. Но не надо поддаваться.

22.12.1972 Вчера замечательно пел Галич. Вчера же звонила Маруся — у нее уже есть квартира, правда, далеко от работы, в Бат-Яме.

23.12.1972 Галич вспоминается все время. Вчера прочитал замечательную статью Аверинцева о Библии и греческой культуре. Как он увлекательно и блестяще пишет!

Хотя темно и настроение плохое, но нет той саднящей душевной боли, с которой я вставал раньше.

24.12.1972 Сегодня провожал Яхота. Когда же, на-

конец, дойдет очередь до нас? И можно ли как-нибудь воздействовать на это?

30.12.1972 Не надо поддаваться апатии и угнетению. Имей силу встать над этим, ощутить внутреннюю легкость с верой в Бога. Вспомни своего отца, тот свет, который исходил от него. И потом надо помнить о той ответственности, которую ты несешь перед окружающими, прежде всего перед Иной. Да, трудно ждать освобождения, когда не знаешь, когда оно придет, и уже трудно верить, что оно придет вообще. Но верить в это нужно. А пока — не предаваться греху уныния. Кончается семьдесят второй год, и ты добился в этот год вещи невероятной — Маруся там! Может быть, именно это было послано тебе за гордыню, чтобы показать, что ее жизнь и счастье несколько не меньше значат, чем твоя жизнь и счастье. И еще для того, чтобы она, оказавшись одна, ощутила ту уверенность в своих силах, которой ей так не хватало. Так что, может быть, все это ко благу, ”и это к добру”, как говорили евреи в старину.

И эту передышку можно рассматривать как испытание — испытание на твердость. В конце концов тебе не раз удавалось превращать поражение в победу (Пастернак сказал: ”Но поражения от победы ты сам не должен отличать”). Я думаю, что это неверно: дело в том, чтобы уметь превращать поражение в победу; мне нужно это чувство, чувство победы; возможно, что Пастернаку оно было не нужно, он был и так переполнен жизнью). Это было тогда, когда удавалось дать удачный response на challenge¹ жизни. В конце концов все зависит от собственного отношения к жизни, от умения преодолеть препятствия, а если не преодолеть, то найти в каждой ситуации возможность новой жизни.

¹ Ответ; вызов (англ.).

5.1.1973 Вчера были у Павла [Литвинова]. Занятную историю он рассказал с письмами: с первого января по восьмое марта 1972 г. [в ссылке] он не получал никаких писем, кроме моих. Там я высказывался в отношении мотивов отъезда. Как будто и они хотели убедить его в этом.

Читаю с огромным интересом "Source"¹. Дочитываю. Думаю сделать об этой книге доклад. Пожалуй, семинар, который планируется, следует назвать "Проблемы истории и культуры евреев". Первые доклады можно уже наметить: Димы [Сегала] — о еврейском мистицизме, мой — о книге Миченера; можно подумать и о реферировании других книг (в частности, я мог бы на основании имеющихся книг подготовить цикл докладов по Буберу). Конечно, придется дико много работать, но это зато и интересно.

17.1.1973 Сегодня — день рождения мамы. Ей исполнился бы восемьдесят один год.

Настроение опять ухудшается. Под утро — сон о том, что мне звонят из ОВиРа и сообщают об отказе. Могу подавать еще через год, "но подумайте". Еще нечто кафкианское: овировский голос говорит, что из-за моего поведения переименована улица в Двинске. Откуда такие вещи попадают в сон? Таинственно.

19.1.1973 Вчера ушло заявление с просьбой о предоставлении израильского гражданства.

20.1.1973 Начинаем сегодня семинар "Проблемы истории, культуры и религии евреев". Думаю сказать вступительное слово, в котором коснусь следующего.

Мы являемся свидетелями и участниками пробуждения национального сознания евреев в России. Начался исторический процесс возвращения русских евреев на

¹ J.A. Michener, The Source, New York, 1965.

родину всех евреев — в Израиль. Этот процесс только начался; он продлится еще десятилетия, и те евреи, которые по тем или иным причинам вынуждены пока оставаться в России, не желая терять времени, стремятся еще в диаспоре усвоить язык и культуру своего народа. Уже сейчас можно говорить об определенных достижениях в этом направлении: в труднейших условиях отсутствия литературы, учебников, словарей удалось создать ряд групп по изучению иврита, причем здесь можно говорить уже о создании определенных традиций, ибо сейчас, после отъезда ряда преподавателей, их дело переняли морэ¹ второго или даже третьего поколения.

Одновременно с изучением иврита многие из нас стали ощущать острую потребность в том, чтобы узнать историю и культуру нашего народа. Осуществить это стремление оказалось не так просто: по целому ряду причин гуманитарных специалистов среди тех, кто хочет уехать, намного меньше, чем физиков и математиков; настоящих же гебраистов нет потому, что они уже уехали.

Как мы мыслим себе задачу семинара? Мы хотели бы на высоком гуманитарно-научном уровне обсудить проблемы истории, культуры и религии нашего народа. Я с удовлетворением узнал, что эта задача, которую можно назвать активно-исследовательской, по плечу некоторым из участников нашего семинара. Вторая задача — познакомить участников семинара с обширной литературой, касающейся упомянутого круга проблем. Мы с благодарностью будем принимать предложения выступить с докладами или сообщениями, посвященными каким-то книгам. Ясно, что та и другая задача в той или иной мере переплетаются друг с другом.

21.1.1973 Первое заседание прошло хорошо. Реши-

¹ Учитель (иврит).

ли собираться еженедельно. Доклад Димы [Сегала] был чрезвычайно интересен.

23.1.1973 Интересно было бы попробовать силы в сравнении еврейской и китайской философии. Можно сразу же наметить несколько черт сходства и различия:

Сходство.

1. Направленность на жизнь здесь и теперь (противопоставить Индии). 2. Фундаментальное жизнеутверждение. 3. Традиционный характер (впрочем, присущий всем культурам, кроме современной Европы). Выражается в комментаторской традиции. 4. Огромная роль семьи. 5. Огромная роль морали.

Различие.

1. Китайская мысль возникла как философия, еврейская — как религия. 2. У евреев философия как таковая появилась лишь с Филона (начало новой эры); у китайцев религия как таковая появилась примерно с этого же времени — с эпохи Хань. 3. У китайцев никогда не было идеи личного Бога. 4. У евреев никогда не было разработанного политического учения.

В общем, контраст более ярко выражен, чем сходство. Центр китайского духа — культура, центр еврейского — религия. Но они сходятся на высокой оценке морали и активности, направленной на улучшение жизни здесь и теперь. И то и другое учение высоко оценивают историю, хотя идеи, пронизывающие историю, у них существенно отличаются: еврейский подход к истории — чисто религиозный (страдания избранного народа являются избранным Богом путем его очищения; все измеряется Богом, Он — масштаб всего). У китайцев масштаб чисто моральный — ср. учение Чжу Си о дао как о чем-то постоянном, не зависимом от людей. Такое дао в определенной мере напоминает в чем-то еврейского Бога, но оно безлично и, несомненно, расшифровывается как сумма жэнь [гуманность], и [справедливость] и других чисто человеческих добродетелей. 5. Для китайцев характерна религиозная терпимость, для евреев — нетерпимость.

Такой доклад можно было бы назвать: "Некоторые мысли о сопоставлении китайского и еврейского Weltanschauung"¹.

24.1.1973 Прочитав "Миссию" [Ганса Габе], я еще раз понял, что такое Израиль, какое это благо, что существует государство, которое принимает всех евреев независимо от возраста, независимо ни от чего.

2.2.1973 Звонил Цви [Шифрин], просил прислать ему резюме моего доклада, а также документы для парижского конгресса [востоковедов]. Говорил, что Д. Кейтли организовал специальный комитет по этому вопросу. Посмотрим.

7.2.1973 Недавно прочитал замечательные "Тезисы о надежде и безнадежности" Л. Колаковского. Благородный мыслитель. Вот несколько отрывков из работы, где утверждается необходимость сопротивления системе, ибо, как он говорит, "те, кто может положить начало надежде в странах социалистического деспотизма, одновременно положат начало движению, которое сделает эту надежду реальной, — поскольку в знании общества о самом себе объект и субъект отчасти совпадают. Те, кто думает, что платит за свое спокойствие лишь мелкими уступками, убедятся, что цена этого спокойствия будет расти. Те, кто платит невинной угодливостью, завтра будут платить за тот же товар доносами. Те, кто свои ничтожные привилегии оплачивает всего лишь молчанием перед лицом свинства, на которое они должны реагировать, будут вынуждены за те же привилегии платить участием в свинстве. Моральная инфляция — естественный закон деспотизма, закон, по которому распределитель благ приказывает платить себе все дороже, если только нажим общест-

¹ Мировоззрение (нем.).

венности не принудит его к понижению цен.

Может быть, эта перспектива не наполняет весельем, но она не фантастична, в отличие от перспектив, которые ведут к надежде на чудо, на внешнюю помощь или же на автоматическое самоисправление скрежещущего механизма, предоставленного собственной инерции. Важно то, что средства нажима находятся под рукой, они в распоряжении почти каждого. Эти средства — просто извлечение практических выводов из простейших заповедей, запрещающих замалчивать свинство, кланяться до земли господам, вымаливать подачки за послушание и т.п.”

8.2.1973 Замечательная книга Amos Elon, *The Israelis: Founders and Sons*, New York, 1971¹.

”Израиль остается одной из наименее ’синхронизированных’ стран на земле. Его разные часы отбивают различное время. Израиль напоминает человека, бегущего вперед с глазами, обращенными назад и прикованными к ландшафту, постоянно пропадающему вдали. Воспоминание, главный источник вдохновения в сионизме, остается одним из основных эмоциональных ресурсов Израиля и поныне. Израиль ’обращен к будущему’ в большей мере, чем большинство других стран. Но он к тому же скверно оркестрован, и в этом отношении его можно сравнить с оркестром, одновременно играющим старую хасидскую мелодию, вагнеровский марш, ’Интернационал’ и атональную симфонию Шенберга”.

11.2.1973 Снилось, что получили разрешение, что я в радостной успокоенности думаю о том, что все было не напрасно, что теперь я увижу папу и маму. Именно о них думал. Проснувшись, вспомнил, что их уже не увижу.

¹ А. Элон, ”Израильтяне: отцы-основатели и сыновья”.

Надо постараться понять дух страны, куда мы собираемся ехать. Я, кстати, не думаю, что это означает пассивное принятие всех особенностей этой психологии, этого мышления, и, на мой взгляд, мы имеем полное право на свое мнение, на проблемы priorities¹ в израильском обществе, и то, что молодые израильтяне (во всяком случае, какая-то часть из них) могут считать своей первоочередной проблемой, мы это первоочередной проблемой признавать не обязаны.

Тут, я думаю, огромную роль играет непосредственное переживание, не сводимое ни к каким теориям, концепциям и идеологиям и перевешивающее их все. Я приведу в пример тех израильтян, которые видели плачевный исход арабов с женами, детьми, стариками и жалким скарбом из занимавшихся израильской армией районов. В книге [А. Элона] имеются красноречивые высказывания еврейских молодых солдат, которым зрелище этого исхода напомнило судьбу евреев во время их многочисленных скитаний и которые, почувствовав себя в роли гонителей, преследователей, ощутили острое чувство вины. Я допускаю, что для таких людей все фразы о бесперспективности и униженности существования евреев Советского Союза, о заключении в тюрьмы и лагеря абсолютно невинных людей просто за то, что они хотят уехать в Израиль (вроде, например, Кукуя), об абсурдности ситуации, в которой, с одной стороны, евреев никуда не пускают, с другой стороны, не выпускают из страны — все эти фразы говорят гораздо меньше, чем воспоминание, которое запечатлелось у них на всю жизнь. Но дело в том, что мы имеем свои воспоминания, которые ничем не хуже воспоминаний и непосредственных впечатлений израильтян. И это рассуждение усиливается тем, что Израиль — не обыкновенная страна, и мы — не эмигранты. Я имею в виду то, что Израиль — страна-убежище, страна, самый смысл которой

¹ Здесь: первоочередность (англ.).

в том, чтобы быть убежищем, выдвижение же на первый план арабской проблематики неизбежно приводит к тому, что именно эта историческая функция Израиля предается забвению. Интересно, что автор ни разу не приводит того элементарного рассуждения, что, в отличие от евреев, у арабов, как они громогласно провозглашают везде и всюду, есть своя родина, и даже не одна, а много, притом родины слабо заселенные, разместить в которых еще один миллион человек не составляло бы серьезной проблемы. Интересно, что с этим в настоящее время согласилось, по-видимому, даже советское руководство.

27.2.1973 В тот вечер [одиннадцатого февраля] я, возвращаясь от Ангелины Карловны [Рор]¹, упал на лестнице, сломал коленную чашечку (наколенник) и этой же ночью был оперирован. Потом пролежал два дня в тяжелой палате №8 и десять дней — в коридоре Института Склифосовского. Если бы все зависело от лентяя — лечащего врача, то я провалялся бы там еще субботу и воскресенье — до вчерашнего дня, — но благодаря неожиданному появлению [врача] В.А. Соколова, был выпущен в субботу двадцать четвертого и с тех пор наслаждаюсь домашней тишиной, свободой, privacy². Проблемы, волновавшие меня, благодаря этому неожиданно свалившемуся несчастью, отошли на время. Но, как это ни поразительно, я не ощущаю всего случившегося как несчастья и даже был несколько удивлен, когда вчера по телефону В. сказал о сваливающихся на меня одна за другой неприятностях. Здесь что-то подобное солженицынскому ощущению тюрьмы и лагеря: в крайней ситуации человек мобилизует (в

¹ А.К. Рор (1890–1985) — друг семьи Рубиных; немка. Приехала в СССР в 20-е годы. В 1941–1956 гг. была в заключении.

² Здесь: уединение (англ.).

значительной мере подсознательно, наверно) свои внутренние резервы и таким образом, подчас неожиданно для самого себя, оказывается сильнее, выносливее, достойнее, чем он сам мог бы ожидать. Лежа на своей раскладушке в коридоре, я несколько раз ощутил подлинное счастье, какой-то давно не испытывавшийся духовный подъем и радость. Самый высокий и ценный вид радости — радость без причины.

Чтобы сохранять душевное равновесие, я старался как можно больше читать. Сначала прочитал прекрасную книгу Барбары Такман "Августовские пушки", как говорят, изданную в спешном порядке с тайной мыслью противопоставить что-то Солженищину. Для меня самой поучительной стороной книги была история Бельгии и нарушения ее нейтралитета немцами. Такман настаивает — и я думаю, правильно, — что наглое нарушение немцами подписанного ими самими соглашения о бельгийском нейтралитете послужило основной причиной вступления в войну долго колебавшейся Англии, а это в свою очередь предопределило в конечном счете исход войны. Таким образом еще раз выяснилась глубокая связь политики с моралью, связь, которая сейчас так усердно отрицается. Откровением было глубокое сходство немецкой военной доктрины — главным образом Клаузевиц, но и Шлиффен — с фацзя [легистами]. Стремление добиться цели любой ценой, открытое пренебрежение нравственными нормами, перенесение центра тяжести в политике на точный и холодный расчет — вот что, в первом приближении, роднит их. Надо будет в свое время обязательно прочитать Клаузевица, и интересной темой могло бы быть их сравнительное исследование.

А потом прочитал Ken Ling, *The Revenge of Heaven*. Потрясающий человеческий документ — переведенный и обработанный двумя англичанами дневник одного из руководящих хунвэйбинов, впоследствии переплывшего из Амоя на тайваньскую территорию. Впечатление он оставляет такое, что более мерзкого свинства, чем культурная революция, в истории вообще не было. Эта

поразительная готовность чуть ли не каждого молодого китайца выполнять функции палача, чудовищная жестокость, причем не изолированная, а общераспространенная, соединенная с самой гнусной подлостью и трусостью (осуществив очередной "подвиг", хунвэйбины ждали несколько дней реакции начальства — если такой реакции не было, они это интерпретировали как знак одобрения и продолжали "работать"). Все это внушает невероятное отвращение к Китаю, так что я испытывал вчера что-то вроде облегчения, когда в ответ на мой рассказ Флора заметила, что и русские школьники, наверно, с огромной радостью принялись бы выполнять директиву о классовой борьбе с учителями. Специфической чертой современных молодых китайцев является, по-видимому, отсутствие чувства вины. Автор рассказывает о стольких гнусностях, в которых он участвовал, что, приближаясь к концу книги, я все с большим нетерпением ждал, когда же наступит revenge¹, и он пожнет плоды своих преступлений. Разумеется, revenge приходит (в виде смерти его возлюбленной), и он, наконец, понимает омерзительный смысл всего того, что происходит, и в чем он принимает самое активное участие, но — в отличие от того, что, как мне кажется, должно было бы произойти с русским, — он не испытывает ни малейшего раскаяния. Ему все становится безразлично и отвратительно, и он, под влиянием своего старшего брата, убежденного антикоммуниста, решает бежать.

1.3.1972 Сегодня впервые после одиннадцатого февраля шел по улице. В поликлинику для продления бюллетеня поехали на такси, но обратно шли по весенней оттепели и распутице пешком. Было приятно.

8.3.1973 Звонила Леа из Сент-Луиса, сказала, что хочет написать мне, и когда я предложил продиктовать

¹ Месть (англ.).

свой адрес, она ответила, что знает его — он напечатан в газете в Сент-Луисе. Не где-нибудь!

9.3.1973 Не отношусь ли я к типу людей, хорошо приспособленных к крайним ситуациям и впадающих в хандру и депрессию в спокойной, нормальной обстановке? Чувствую, как с установлением спокойной жизни ухудшается настроение.

20.3.1973 Последние дни — ощущение безнадежности. Открытка [из ОВиРа], как выяснилось, содержала запоздалый ответ на [мою] просьбу читать лекции в Колумбийском университете. [Инспектор] Сивец сказала Ине, что ОВиР занимается только вызовами от отдельных лиц к отдельным лицам.

23.3.1973 Конечно, М. прав, что не нужно впадать в уныние, но с другой стороны, нужно ясно понимать ситуацию. Вызов в ОВиР важен не сам по себе, а как симптом, что они держатся за меня мертвой хваткой. Поэтому нужно что-то делать. Мне ясно, что поездка Маруси в США повредить не может, но еще не ясно, в какой форме сообщить об этом. Думаю, что надо прямо, от себя — так это произведет больше впечатления. Стоило бы сказать о том, что я не марксист и поэтому все возможности настоящего творчества [здесь] для меня закрыты. Сказать о моей книжке и о том, какой отклик она получила.

25.3.1973 Сегодня утром говорил с Нью-Йорком. Мне сказали, что пятьсот молодых евреев хотят меня выслушать. Потом мне был задан ряд вопросов, на которые ответил по мере своих знаний, и в конце было предложено обратиться с message¹ к американскому народу. В конце женский голос сказал: "Ба шана ха баа б'Эрец Исраэль"².

¹ Послание (англ.).

² В будущем году в Израиле (иврит).

Message вышел неплохо, но надо иметь его в заготовленном виде. Что надо говорить: выразить благодарность. Сказать, что мы отлично понимаем, что без поддержки американских евреев бороться за освобождение, за репатриацию, за возвращение домой нам было бы бесконечно трудно. Мы видим в этом продолжение благороднейшей еврейской традиции взаимопомощи, взаимной сплоченности, традиции, без которой наш народ не дожил бы до XX века. Эта традиция оказалась чем-то намного сильнее и живее множества новомодных слов и понятий. Нам невольно приходит на ум сравнение нашей борьбы с Исходом евреев из Египта. Параллель поразительна: и фараон, то разрешающий евреям уйти, то берущий назад свое разрешение, и несчастья, обрушивающиеся на народ, желающий держать в рабстве евреев. Мы читаем книгу Исход как свою собственную историю, и мы чувствуем, как в нашей борьбе оживает история нашего народа. Мы видим близкую параллель своей борьбы и с борьбой Маккавеев, отказавшихся признать божественность Селевкидов. Мы считаем благородной традицией нашего народа не поклоняться власти, претендующей на всесилие и божественность. Наше чувство по отношению к Израилю может быть выражено следующим образом: "Мы хотим домой. Мы хотим быть свободными".

Бороться с апатией. Ей так легко поддаться, когда все усилия не приводят ни к чему, когда все делается бесцельно. Уверен, что в конечном счете злобные законы провести в жизнь не удастся — как и все здесь в последнее время. Гора родит мышь — но попадаться им под горячую руку совсем нет охоты.

Встретил Л., который рассказал, что среди востоковедов ходит версия, что меня не выпускают, чтобы "не укреплять враждебного китаеведения". Меня, следовательно, держат наравне с такими фигурами, как Воронель. Но объяснить они этого прямо не могут, и в этом их слабость.

31.3.1973 Найти интерес к жизни через работу. До сих пор, впрочем, "не вижу" статьи. Пока пришло в голову, что стоило бы попробовать поставить проблему легизма в кадр теории тоталитаризма, используя книгу Фридриха и Бжезинского¹.

Какая же общая мысль статьи? В Китае возникла теория тоталитаризма, тоталитарной диктатуры. Этот факт отмечен в западной синологии, но не сделано попытки доказать этот тезис, и мне не известно о том, чтобы кто-нибудь попытался поставить эту констатацию в связь с теорией тоталитарного господства. Можно сказать и о том, что я сам охарактеризовал эту теорию как тоталитаризм, но в публикации, вышедшей в СССР, по понятным причинам не мог углубиться в эту проблематику.

Маруся написала, что мне надо будет написать папину биографию. Это, конечно, хорошая мысль. Теперь, может быть, заняться этим? Материала достаточно.

13.4.1973 Утром было два телефонных звонка из США: первый откуда-то из-под Чикаго и второй от Лей из Сент-Луиса. Эстер из Чикаго знала как зовут Ину. Она предупредила меня, что мне будут звонить в семь часов утра двадцать второго апреля. Надо будет подготовиться.

14.4.1973 Надо, чтобы двадцать первого апреля был готов текст выступления. Может быть, затронуть такую тему: мы читаем в Торе, что не надо бояться мощных врагов, ибо Господь с Израилем. И это очень близко нам, этот мотив бесстрашия перед сильным врагом. Когда началось наше движение, казалось, что мощной тоталитарной империи раздавить нас ничего не стоит.

¹ C.J. Friedrich, Zb.K. Brzezinski, Totalitarian dictatorship and autonomy, New York, 1972.

Но произошло тройное чудо: были отпущены люди из страны, в основе которой стремление никого никуда не выпускать; люди были отпущены в страну, наиболее враждебную из всех; люди были отпущены, несмотря на то, что выставлявшиеся ими мотивы находятся в прямом противоречии с государственной идеологией тоталитарной империи.

17.4.1973 Вчера отпраздновали Песах впервые по-настоящему дома. М. вел всю церемонию, было действительно интересно и приятно.

Я нашел, наконец, тему. Сказать о том, что я, конечно, не могу претендовать на то, чтобы представлять всех евреев, но я могу говорить от имени определенной группы – московских интеллектуалов, которых не выпускают, как и меня, и держат годами в качестве заложников. Все мы были по советским масштабам очень хорошо устроены: мы занимали сравнительно видные места в науке, работали каждый в своей области (т.е. занимались своим делом) и получали от трехсот рублей и выше. Но все мы чувствовали, что это не только не наша, чужая нам страна; более того, мы видели и понимали, что нам приходится работать на страну, превратившуюся в цитадель мирового антисемитизма. По моему глубокому убеждению, еврей может надеяться на какое-то будущее в этой стране лишь в том случае, если он согласен платить высокую цену за свое благополучие. Он должен прежде всего забыть, что он еврей; он должен молча проглатывать оскорбления своему народу, ежедневно ушатами выливаемые советской печатью, радио и телевидением. Антисемитский характер так называемой антисионистской пропаганды ясен теперь каждому. Надо сказать, что если раньше так называемая антисионистская пропаганда была делом протитуированных журналистов, то теперь она зловонной волной заливает всю советскую гуманитарную науку.

Еврей должен делать вид, что он вовсе не еврей. Будучи тише воды и ниже травы в отношении всего,

что касается его национальности, он должен юлить, приспособливаться и лакействовать перед антисемитами. И при всем при том они в конечном счете не будут доверять ему, и он останется гражданином второго или третьего сорта.

Поскольку советский режим построен на том, что людям не дается никакого выбора, все складывалось в этой стране так, что казалось неизбежной не только ассимиляция, но и ассимиляция в наихудших возможных условиях. Но попытка тотального порабощения и подчинения еврейского народа в России окончилась провалом. История жестоко разочаровала антисемитов — сам факт существования и победоносной борьбы Государства Израиль со своими врагами оказался мощным моментом, способствовавшим пробуждению еврейского национального сознания в России. Трудно сказать, что было бы без Израиля с нами — я думаю, что и в этом случае среди евреев России нашлись бы люди, которые не захотели бы мириться с ассимиляцией, но им пришлось бы бороться в неизмеримо более трудных условиях, поскольку свобода для евреев в России возможна лишь при условии свободы в России, а ее не видно даже на самом далеком горизонте. Наличие же Государства Израиль позволило выдвинуть простое требование, звучавшее голосом тысячелетий: "Отпусти народ мой".

Когда человек решает, что будет требовать права на репатриацию в Израиль, ему сначала может быть очень страшно: он чувствует себя один на один с враждебным ему чудовищным тоталитарным государством. С другой стороны, если этот акт является плодом размышления, плодом стремления к правде, он чувствует от самого этого акта подъем и радость. Он чувствует, что он впервые в жизни открыто и бесстрашно сказал правду, и тем самым шаг, который формально является лишь первым шагом на пути к свободе, дает внутреннее освобождение.

Когда этот шаг был сделан, Рубикон перейден, мы как бы оказались в другом мире. Еще оставаясь в

стране рабства, мы духовно уже вышли из нее и покинули пределы мира, где все чуждо и враждебно и где работа, а вслед за ней и жизнь, утратила всякий смысл. Хоть наше тело остается в стране рабства, но мы живем в другом измерении — мы стали частью истории своего народа. Мы не принадлежим больше стране, которая нас держит на цепи, мы чувствуем глубокую связь с нашей историей, основные мотивы которой переплелись в нашей судьбе. Нашу Библию мы читаем так, как будто она рассказывает не о далекой древности, а о нас.

Свою борьбу за исход мы видим как продолжение того великого Исхода, который был ключевым моментом истории нашего народа, и мы с удивлением узнаем в библейской истории знакомые моменты нашей жизни: ненависть к евреям и нежелание расстаться с ними, тупость, злобу и вероломство фараона. Читая книгу Эзры, мы видим в ней так понятный нам пафос воссоздания духовных основ жизни нашего народа на своей земле. Читая книгу Эстер, мы видим, что наш отказ склонить голову перед чудовищем тоталитарного государства не случаен: наш народ не склоняется перед представителями власти и не молится на них, как не кланялся перед Аманом Мордехай. И мы углубляемся в Библию дальше, познавая историю народа и вместе с тем самих себя.

Никто не может сказать, что с нами будет, когда мы увидим страну, куда стремимся, и увидим ли ее вообще. Но само наше стремление обогатило нашу жизнь. Мы почувствовали себя активными участниками одного из решающих событий в истории нашего народа — я уверен, что будущие историки признают, что нынешняя алия из России по своему значению мало уступает той русской алии, которая в конце XIX — начале XX века заложила основы Государства Израиль. Мы почувствовали, что в таинственном ходе истории нашего народа жизнь приобрела смысл. А с таким сознанием не страшно и умереть.

22.4.1973 Утром произошла странная история. До

сих пор (сейчас около восьми) из Чикаго нет обещанного звонка. Но я готовился не зря: мне позвонили из Оттавы. Сначала говорила какая-то женщина по-русски, потом — рабби по-английски. Затем я прочитал заготовленный message, и после этого рабби сказал: "Слышите, как они вам аплодируют". Потом они пели песню, и это было необыкновенно трогательно. Потом снова говорила Женя [Интратор], спрашивала, что они могут сделать для меня — вопрос, который всегда несколько ставит меня в тупик — и потом мы сказали друг другу "шалом". В общем, налаживается постоянный контакт и с Канадой. Очень интересно.

23.4.1973 Мне сообщили, что [китаист] Занегин, вернувшийся из США, сказал, что пусть Рубин не надеется — американским китаеоведам на него наплевать, они думают только о развитии отношений с советскими китаеоведами. Сначала я огорчился, но потом понял, что сама эта злоба скорее говорит о том, что не очень-то хорошо все у прохвоста обстояло. Очевидно, пришлось выслушать всякое. Конечно, вопрос стоит именно об этом — Рубин против советского китаеведения. В принципе вряд ли идет речь вообще о моей судьбе; скорее о том, что мне не удастся расстроить советско-американских связей.

27.4.1973 Два дня живем на новом телефонном режиме. Началось все это уж совсем мрачно. Ина говорила по телефону и выдавала достаточно рискованный политический комментарий, в это время по телефону что-то шелкнуло и связь прервалась. Телефон выключился совсем. На следующий день утром (после девяти) Ина позвонила в бюро ремонта, телефонистка позвонила нам, и телефон включился. Точно то же повторилось сегодня ночью. За это время, как теперь выяснилось, из Чикаго позвонили Володе Чернявскому и сказали, что не могут дозвониться ко мне и поэтому звонят ему. Володя довольно остроумно сказал, что тем самым охраняют мой сон.

Думая над своей жизнью в последние месяцы, я вижу, что все меньше занимаюсь синологией и все больше — общественными делами и иудаикой.

8.5.1973 Д. со слов С. передал, что Титаренко¹ поклялся, что я уеду только через его труп. По-видимому, не надо быть Моцартом, чтобы иметь своих завистников и ненавистников. За что он может меня так ненавидеть? Странно. Ведь он меня и видел-то раз в жизни. Приходится предположить, что дело просто в зависти ничтожества — к кому? Во всяком случае, не к ничтожеству. Идя на гимнастику, я думал о том, чем я эту зависть и ненависть вызвал. Очевидно, кроме того, что писал не то, что ему нравится, еще и независимостью. Если бы я посылал ему отписки и иными средствами пытался расположить его к себе, этого, может быть, не было бы. Но подхалимство к власти имущим — из тех черт, которые наиболее мне омерзительны.

10.5.1973 Все становится сложнее и интереснее. Почему-то вдруг сегодня ночью меня вновь соединили с Канадой. На этот раз был Торонто. Выяснилось, что деньги в последний раз прислали они. Женщина, говорившая со мной, сказала что мой message был прочитан потом многократно, и люди слушали его со слезами на глазах. Я спросил, был ли он tape-recorded², и она ответила: "Конечно". Затем я попросил ее прислать книгу Нидхэма и "Journal of Asian studies"; она записала все это.

Что сие означает? Что прекратилась блокада? Что подействовала вчерашняя телеграмма? Что Васе в шесть утра было на все наплевать? Что он специально хотел разбудить нас? Поживем — увидим.

Девятого мая состоялась грандиозная маевка под Москвой с чтением стихов Бялика.

¹ Сотрудник аппарата ЦК КПСС, курирующий китаеведение.

² Записан на магнитофон (англ.).

15.5.1973 Несмотря ни на что, ни на какие отвлекающие моменты и тревоги, надо включаться в работу. Систематически. Составлю список материалов по папиной биографии. В каком жанре написать это? Лучше всего в жанре рассказа, где в центре будет папа — человек. Попробовать передать его человеческое очарование. Собственно, о том, чтобы написать что-то в этом роде, я давно думал. Надо использовать время для того, чтобы сделать это¹. Надо начать, пожалуй, с перечитывания папиного последнего дневника. Это может ввести в атмосферу его мысли.

20.5.1973 Вчера были друзья. Я с таким удовольствием смотрел на них и думал — какое счастье видеть у себя таких людей.

Надо начинать работу о папе; вчера я смотрел на его любимый улыбающийся портрет и думал о том, что нельзя терять больше времени. Надо взять себя в руки и сосредоточиться на этом. Предстоит огромный труд — чтение папиных дневников. Но надо это сделать, чтобы потом всю жизнь не жалеть, что не сделал.

31.5.1973 [Энгуре, Латвия.]

Проблема дневника: глупо его вести или нет? После обыска² об этом много было разговоров. А, вспомнил, что уже один раз (в 1942 году) дневник меня подвел³

¹ Статья Виталия об отце вошла в сборник: А.И. Рубин, Статьи о русских поэтах. — Из философского дневника, Иерусалим, 1985.

² 23-го мая на квартире Рубиных был произведен обыск по диссидентскому делу А. Болонкина и В. Балакирева.

³ О том, что он был в плену, Виталий сделал запись в своей записной книжке. Летом 1942 г., когда он находился в артиллерийском училище в Юрге (недалеко от Томска), эта записная книжка попала в руки комиссара, который передал ее в особый отдел училища. Виталия стали вызывать на допросы, а потом он был отправлен в лагерь. (Подробнее см. в части "Биография В. Рубина".)

Но кто знает, так ли это? А если бы у меня не отняли дневника тогда, и я через три-четыре месяца попал на фронт? Кто знает, дожил ли бы я до 1973 года? Были соображения и о том, что ничего нельзя писать. Но тут ситуация для меня такова, что нельзя писать и нельзя не писать. Я могу решить некоторые проблемы, только взяв в руки перо. Это мне помогает жить. Более того, это выход и самовыражение при моем в известном отношении замкнутом характере.

Итак, мы на море. Отдых? Бегство? И то и другое. Бегство от напряжения московской жизни, от страха перед телефоном. Отдых, отключение, перемена обстановки.

1.6.1973 Обыск... Под впечатлением его живу до сих пор. Что он означал? Действительно ли намерение найти что-то или запугивание? Вряд ли когда-нибудь удастся разрешить эту проблему.

Но хочется описать все, что произошло. Утром двадцать третьего проснулся в восемь сорок пять от того, что в комнату быстро входили какие-то незнакомые мужчины в штатском. Первый, довольно высокий молодой человек (как выяснилось впоследствии, следователь Носов) громко говорил на ходу: "Вставайте. Обыск".

Первая мысль: "Ты давно ожидал такого конца. Теперь главное — достоинство. Встретить конец достойно". Встаю, одеваюсь, в сопровождении кого-то иду в ванную, споласкиваю лицо. Прошу предъявить документы и ордер на обыск. Все это предъявляется. Причина обыска: ввиду необходимости изъятия материалов, относящихся к делу №380. Перед началом обыска Носов объявил о его порядке. Он заявил, что мы не должны общаться друг с другом (что, как потом выяснилось, было незаконно), и предложил выдать имеющиеся у нас оружие, боеприпасы, наркотики, сильнодействующие яды и антисоветскую литературу. Ина спросила, что такое антисоветская литература, на что Носов ответил, что это литература, содержащая клевету на со-

ветский общественный строй. Тогда Ина заявила, что такой литературы у нас нет. Обыск начался. Довольно скоро выяснилось, что они не берут таких материалов, как учебники иврита и словари.

2.6.1973 Нет, очевидно, не смогу сейчас писать так, как раньше. Мысль, что и это все попадет в их руки, не дает возможности писать свободно. Думал написать о диалектике нашей ситуации вообще. О том, что когда нам дают отказ, то нас ставят тем самым на путь, ведущий к аресту.

7.6.1973 Мне нужно решить проблему, одну из тех, ради которых я и веду дневник. Четыре тетради попало в руки КГБ¹. Я, конечно, нарушил "закон 1984 года"², согласно которому вести дневник было строго запрещено. Но я нарушил и другой закон, неписанный закон, которым руководствуется большинство моих сверстников: не вести дневник из осторожности, из-за того, что в него ничего нельзя писать.

Этот факт попадания дневника в их грязные руки — то, что больше всего меня огорчает, с двух точек зрения: 1. Не может быть абсолютной гарантии того, что я не написал за эти годы чего-то, что как-то, хотя бы косвенно, они не сумели бы использовать против кого-то из моих друзей; 2. Они теперь будут слишком хорошо знакомы с моими мыслями.

Разберем по пунктам. 1. Конечно, такой гарантии действительно нет, но вероятность такого несчастья незначительна. Все же не такое время, чтобы по записи в чужом дневнике можно было что-то сделать кому-то. Конечно, если бы что-то такое произошло, это было бы

¹ Эти тетради впоследствии были возвращены. В одной из них оказался листок с пометками работника КГБ, "анализировавшего" записи в дневнике.

² Намек на книгу Дж. Орвелла "1984".

страшно, но я не верю, что это будет. Чужих мнений там мало, но уж во всяком случае не занесено никаких "криминальных" действий. И особый вопрос: о моей ответственности. Даже в самом страшном случае она может быть охарактеризована как неосторожность. Но я не верю в возможность каких-то последствий и пока их не произошло, не надо себя мучить.

2. Их знакомство с моими мыслями, в общем, не должно уж меня особенно беспокоить. Пусть они даже знают мои настроения и мысли — я открыто их высказал в своей передаче на Канаду. За эти мысли я не могу никак быть привлечен к суду. А что они будут знать обо мне больше, чем мне бы хотелось — да на здоровье. Расправиться со мной — сие от них не зависит.

Все же стоит кое-что записать из моего допроса двадцать третьего мая. Лупоглазый Хвостов [следователь] сначала думал меня взять запросто. С улыбкой он сказал мне: "Вам, наверно, не нужно мое имя-отчество; будете называть меня 'товарищ следователь'". "Как бы не так", — подумал я. Потом он начал какую-то бодягу о моем психическом состоянии, чувствую ли я себя в настроении давать правдивые показания. Я прервал эту муру замечанием, что ни о каких психологических вопросах я с ним говорить не намерен и буду отвечать только на протокольные вопросы. Когда он спросил, почему, я думаю, я попал сюда, я ответил ему, что, согласно УПК, он мне должен сказать, почему я сюда вызван, а не я ему; он с большим недовольством подчинился и сообщил, что вызван я в связи с Балакиревым. Затем он предложил мне рассказать о встречах с Балакиревым, на что я снова заметил ему, что, согласно УПК, он должен мне сначала сообщить, по какой статье обвиняется Балакирев. Он снова, недовольно заметив что-то о моем слишком хорошем знакомстве с УПК, подчинился, ответив, что по ст. 70. Тут я ему сказал: "Пишите: 'Поскольку Балакирев обвиняется по статье 70, я отказываюсь давать показания, т.к. считаю эту статью неконституционной'". Это ему уже совсем

пришлось не по нутру. "И давно это вы занимаетесь определением конституционности советских законов?" — спросил он. "А вам-то какое дело, давно или недавно?" — ответил я. "И кто это дал вам право этим заниматься?" — "Это право, как я считаю, имеется у каждого человека".

Тогда он убежал к начальству и явился с прокурором. Я думал, что на меня начнут кричать — ничего подобного. Прокурор был очень спокоен и вежлив. Это был тип лет пятидесяти с лишним, с колючими глазами и отсохшей рукой. Он попытался прибегнуть к довольно жалкому шантажу, заявив, что меня привлекут к ответственности органы милиции за то, что я не работаю. Когда я ответил, что я работаю, он с надеждой в голосе спросил: "Но это ведь не идет в ваш стаж?" — "Почему не идет — идет", — ответил я. "Но я только спрашиваю", — сказал он. "Так вот я вам разъясню".

Хорошим моментом было, когда Хвостов пришел после того, как я пытался позвонить из кабинета, где сидел. "Вы звонили?" — спросил он. "Я не собираюсь разговаривать с вами", — ответил я. "Но почему же?" — спросил он. "А так, нет охоты". — "За что же вы меня так?.." Я ничего не ответил.

14.6.1973 Кончил сегодня "О, Jerusalem"¹. Масса интересного.

Поразившая меня новость — то, что мы услышали вечером одиннадцатого — о голодовке до разрешения или до смерти. Участники — семь ученых: Воронель, Азбель, Рогинский, Гитерман, Лунц и еще кто-то. Я сразу подумал о том, что хотел бы быть с ними — такого рода выступления в моем стиле. Сейчас единственной возможностью было бы позвонить кому-то в Москву и выяснить обстановку, а затем — лететь туда.

¹ L. Collins, D. Lapierre, O Jerusalem! New York, 1973. В сокращенном русском переводе книга вышла в 1979 г. в изд-ве "Библиотека-Алия".

Но я сразу понял, что речь идет об акции, вплотную подходящей к самоубийству, и принять в ней участие можно лишь в том случае, если я на самоубийство готов. Потом это было поддержано словами Рогинского, заявившего, что они будут голодать до тех пор, пока их не выпустят, ибо они готовы ценой жизни доказать, что не будут жить рабами. Но проблема такого рода уже касалась бы не одного меня, но и Ины. Я ни за что не мог бы в этой ситуации уехать, оставив ее здесь одну. Следовательно, мне надо было бы вырвать ее отсюда и потащить с собой в Москву с перспективой участия в акции, которая чревата смертью. На такое я почувствовал себя неспособным, хотя и понимаю, что это — единственный в своем роде шанс. Впрочем, может быть, и не единственный. Возможность самоубийства от тебя не уйдет.

26.6.1973 Позавчера вечером услышали по Би-Би-Си сообщение о том, что в Иерусалиме объявлено, что свыше тысячи двухсот востоковедов из восемнадцати стран обратились к советскому правительству с просьбой разрешить специалисту в области китаеведения д-ру Виталию Рубину выехать из СССР. Вчера дал телеграмму с благодарностью Шифрину.

1.7.1973 Думал о том, что долго уже не занимаюсь настоящей работой, отвык от нее; вспоминал рецензию на книгу о каких-то японцах, которые многие годы сидели в тюрьме — там говорилось, как они сами понимали, что их личность (несмотря на гуманные условия, возможность читать и т.п.) разлагается и беднеет от одного того, что они сидят в тюрьме. Пустота, которую я ощущаю в жизни, в значительной мере происходит от того, что у меня как бы не стало ничего своего.

Ты в последнее время как-то махнул на себя рукой. Логика: все бесполезно и бессмысленно, никакие усилия ни к чему не приводят, и самое лучшее было бы проспять мучительное время ожидания. Но здесь так

же, как с унижением: человек может унижить самого себя, никто другой его унижить не в состоянии; при нынешней ситуации ты сам, если так подходишь к этому, можешь сделать свою жизнь бессмысленной. Если нет, ты можешь делать много нужного и полезного. И даже в конце концов неважно, даст ли это результат: самое важное, что ты сам будешь чувствовать, что живешь не зря.

7.7.1973 По имеющимся сведениям, в феврале или марте в ИВАНе состоялся разговор Солнцева с какими-то сотрудниками института, в процессе которого встал вопрос обо мне. "Рубина никто не держит, — сказал Солнцев. — Просто имеется постановление, согласно которому после ухода из нашего института должно пройти три года прежде, чем кто-то может выехать за границу". Выходит, что Сивец, может быть, знала об этом, когда говорила в марте с Иной. Думаю, что такое постановление в самом деле было. По-видимому, Гафуров, воспользовавшись своими связями, добился внесения института в какой-то список.

Люди, слышавшие израильское радио, говорили, что в обращении востоковедов был поставлен и срок, что они требовали отпустить меня на Парижский конгресс¹, и писали, что если это требование не будет выполнено, они примут другие меры. Посмотрим, что там будет. Трудно было представить себе три года назад, что за мое право покинуть эту страну будет бороться целый международный конгресс востоковедов.

Но так или иначе, надо готовиться к полуторагодичному сидению. Скажем прямо, я мало что успеваю делать как ученый. Жизнь столь полна неожиданностей, риска и опасностей, столь нестабильна и лихорадочна, что спокойствия, необходимого для того, чтобы сосредоточиться на своей работе, нет.

¹ 29-й Международный конгресс востоковедов.

11.7.1973 Вчера был на могиле мамы. По пути туда и обратно читал мамины письма Марусе, оставшиеся у нас после ее отъезда. Какой источник любви, нежности, заботы! В казалось бы мелких и незначительных событиях повседневной жизни мне виделось что-то непреходящее, быть может, более значительное, чем все идеи и теории. Освященные светом любви, они становятся основой существования, тем, на чем держится мир. Я довольно долго сидел у могилы и разговаривал с мамой. Попрошавшись, я сказал ей: "Может быть, скоро увидимся".

Получилось так, что вокруг меня развернулась международная кампания. В какой-то мере это случайно, в какой-то мере — нет. Я оказался по ряду моментов подходящим лицом, за которое порядочные люди и ученые-востоковеды всего мира могут бороться. Во-первых, тот факт, что я — ученый, оспорить невозможно. По существу, тупицы и скоты сами это признали в своей мотивировке. Во-вторых, я ученый, занимающийся древней философией. Это лишает их любимой ссылки на секретность — при всем желании ее не притянешь даже за волосы. В-третьих, моя биография. Довольно-таки тяжело будет товарищам найти моменты, меня компрометирующие, в то время как моментов, привлекающих сочувствие, достаточно: тут и уход добровольно на фронт, и пребывание в лагере, и четырехлетняя болезнь. В-четвертых, мое творчество. Сейчас как раз должны выйти две моих статьи и в них обеих то, что может быть и будет поставлено в связь с моей нынешней ситуацией.

В общем, есть основания для того, чтобы принимать свою судьбу с радостью. Правда, слава никогда не была моей целью. Может быть, я и предпочел бы более тихую и спокойную участь ученого. Но я живу в стране, где простая честность и порядочность опасны, а открытое выражение своих взглядов — тем более. Но сейчас не удается обделывать подобных делишек шито-крыто. И вот ты оказываешься в ситуации, когда тебе приходится страдать за твою честную и

открытую позицию, и это страдание привлекает к тебе внимание и симпатию сотен твоих коллег; это не так плохо, это почетно. К тому же, если китаеведы займут решительную позицию, это будет очень важный и хороший прецедент. Посмотрим, удастся ли это.

15.7.1973 Перечитал то, что написал о папе. Пожалуй, нужны другие акценты.

Лейтмотив должен быть, вероятно, такой: мысли оригинального, загубленного сталинской эпохой мыслителя и замечательного человека.

Я, кажется, начинаю понимать, почему чтение папных дневников и других материалов так для меня тяжело и мучительно. Дело в том, что в папе воплощалась бушующая стихия мысли. Его мысль галопом мчится вперед, оставляя позади то, что пройдено, и почти не оглядываясь назад. Это безбрежный поток, ему чуждо и противопоказано всякое оформление, в котором есть ограничение. Конечно, надо принять во внимание и то, что это — дневники и другие материалы, в принципе не предназначенные для печати, писавшиеся для себя. И здесь тоже корень того тяжелого чувства, которое охватывает меня. Я как бы совершаю духовную контрабанду... я сужу то, что для моего суда не предназначалось, для чего мой суд не полномочен...

Ну что же, когда понимаешь, делается легче. Отсюда уже намечаются какие-то выводы в отношении дальнейших действий. Хорошо было бы завтра все это сформулировать, поставив в центр проблему материи и смерти. Может быть, отметить многогранность папиной мысли? И, может быть, отметить и то, что папа не мог рассчитывать на то, чтобы напечатать свои работы. Этот факт сам по себе в известной мере определил форму его работ как философских дневников. Они не прошли дальнейшей обработки.

16.7.1973 Сегодня начался Парижский конгресс [востоковедов]. Вчера ночью мне звонил Цви [Шиф-

рин], который сказал, что они собираются обсуждать мой вопрос девятнадцатого. Это будет специальное заседание китаеведов; будут ли "товарищи", неизвестно. Скорее всего, нет, конечно. Он сказал, что обо мне упоминалось в статьях в [газетах] "Крисчен сайенс монитор" и "Чикаго трибюн", что американские сенаторы писали в Госдепартамент.

Забавно, что особенно должны злобствовать на меня коллеги. Подобно Солженицыну, вызывающему особую злобу у писателей, вся мерзость которых при сравнении всплывает особенно ясно.

17.7.1973 Пришла телеграмма: получили гражданство 17 июня, номера 765, 766. Итак, мой номер 765.

20.7.1973 Звонил ночью Цви [Шифрин], рассказал, что на заседании синологов Конгресса была принята резолюция, выражающая сожаление по поводу того, что не разрешили приехать Рубину. Голосовало более сотни, что-то около десяти против. Цви говорил на эту тему со Сладковским¹, и тот выдвинул знакомые Цви аргументы; когда же он упомянул меня в разговоре с Гафуровым, то тот прекратил разговор. Он говорил кроме того, что по моему поводу сенатор Перси лично обратился к [послу в США] Добрынину. В субботу на заседании китайского сектора кто-то выступит и прочтет часть моей работы о Шэнь Дао. В субботу Цви будет звонить снова.

Никто из советской делегации, конечно, не явился на обсуждение моего вопроса. Это предвидел Шено, сказавший, что они не являются, когда у них weak point². Цви разговаривал еще и с Занегиным и спросил у него, верно ли, что в СССР востоковедение объявлено стратегической специальностью, и что после ухода

¹ Директор Института Дальнего Востока АН СССР.

² Здесь: слабая позиция (англ.).

из института три года не выпускают из страны. Тот ответил, что он об этом ничего не слышал. Обо мне он сказал, что мне повредило письмо (какое?), но что он думает, что, очевидно, меня выпустят. Что же касается письма, возможно, идет речь о письме в "Тайм". Если так, то меня задерживают из мести, и я плачу за свою смелость. Я, в таком случае, не в такой уж плохой компании, и можно сказать, что по сравнению с другими я расплачиваюсь не так дорого. Но, с другой стороны, вполне возможно, что это вранье, и такая версия во всяком случае имеет для них то преимущество, что она может помочь запугать других, и уж, конечно, в темноте и тишине обдeldывать свои делишки им было бы легче. К тому же это хоть как-то называемая причина. Когда Цви спрашивал, как объяснить, что одновременно провозглашают человека важным специалистом и в то же время изымают из печати все его работы, никто ничего ответить ему не мог.

23.7.1973 Сегодня был последний день [кино]фестиваля; смотрели фильм Крамера "Оклахомская нефть". Хорошая картина, где вновь показана эта замечательная американская черта: независимость и готовность сражаться одному против всех. Вот уж кто не сказал бы "один в поле не воин". Правда, Беллоу в "Sammler"е показывает, что эта черта тоже подверглась эрозии. Так это или нет, можно выяснить, только самому с ними встретившись на их земле. Здесь мы видим немногих, и, по-видимому, лучших из них.

В ночь на двадцать второе звонил Цви, рассказывал, что мой доклад прочитал какой-то австралиец. Председателем на этом заседании был Стах [Кучера]¹, и он не препятствовал, за что Цви поблагодарил его, а Стах сказал, что передаст мне привет. Интересно, не испу-

¹ Сотрудник Ин-та востоковедения АН СССР.

гается ли. От имени де Бари¹ Цви сказал, что советские делегаты хорошо говорили о моей книге, как это ни странно. Но самое важное произошло на заключительном заседании, когда решался вопрос о месте проведения следующего конгресса. Советская делегация предложила Москву, мексиканская — Мехико. Во время обсуждения вдруг выплыл мой вопрос, и советское предложение не было принято. Это, конечно, серьезная вещь.

30.7.1973 Рассказывали о том, что Чельшев² говорил о Конгрессе, что там они увидели воочию звериный лик сионизма. Во время обсуждения выступил целый ряд людей по моему поводу. Чельшев изображал дело так, что была коалиция трех сил: сионисты, американцы (!) и еще какой-то востоковед, организовавший востоковедение в Австралии, а потом в Мексике. Когда выступали сионисты, их речи транслировались по [радио]сети, когда же говорил Гафуров, сеть якобы выключили, на что Гафуров отреагировал: "Где же ваша хваленая демократия?". Забавно, что во время этого спича стукачка Логунова спросила: "А почему не выпускают Рубина?". Судя по всему этому, был действительно хороший скандал.

7.8.1973 Получил на днях "Abstracts of papers" [тезисы докладов] 29-го Конгресса [востоковедов], а также письмо из [газеты] "Монд". Ясно, что дело обстояло именно так, как я понял с самого начала: мой вопрос сыграл несомненную роль при решении вопроса о месте будущего конгресса. Это, конечно, весьма серьезный удар. Сегодня был разговор о том, что

¹ Известный американский китаист. В то время ректор Колумбийского университета.

² Заведующий отделом литератур Востока Ин-та востоковедения АН СССР.

это, может быть, скажется отрицательно на нашей судьбе. Никто заранее таких вещей знать не может, и я ответил то, что говорил не раз: мы не можем в своих действиях исходить из того, что помощь мешает. Мы уже фактически из этого не исходим, и на этом мы стоим. По сути дела не может быть сомнения в правильности этого, и всеми нашими успехами мы обязаны именно этой линии. Без этого не могло бы сложиться того единого фронта, который на деле существует сейчас.

Альтернативой могла бы быть только прежняя линия страха, "тише воды, ниже травы", та самая линия, которая давала возможность безнаказанно расправляться с нами десятилетиями. Этому пришел конец, и вернуться к этому нельзя.

И весь разговор может быть переведен в более высокую плоскость. Дело, в конечном счете, уже не в личной судьбе: борьба, которая ведется сейчас, требует жертв, и я внутренне давно готов к тому, чтобы встретить самое худшее. Когда они ворвались к нам двадцать третьего мая, первой мыслью было: "Ну что ж, это конец, которого ты давно ждал, теперь все дело в том, чтобы встретить этот конец достойно". (Интересно, что у Ины первая мысль была совершенно другой — "Как жаль, что к ним попадут хорошие книжки, принесенные только вчера". Оба мы оказались чрезмерными пессимистами.) Поэтому и мерить успехи и неудачи нужно уже не меркой личной судьбы, а тем, что сделано для нашего народа. Конечно, я в этой борьбе обречен на достаточно пассивную роль. Но именно в этой позиции достоинство, с которым играешь эту роль, имеет огромное значение. Оно создает базу для борьбы. То, что произошло на последнем заседании Конгресса, как мне кажется, беспрецедентно: в отличие от неоднократно демонстрирующегося позорного равнодушия ученых — это равнодушие особенно гнусно было продемонстрировано психиатрами в Осло — востоковеды показали высокий образец солидарности ученых, которая не даром привела в бешенство по-

донков. Рано или поздно они поймут, что каждый день промедления вреден прежде всего им. И ты поэтому можешь спокойно и с удовлетворением ждать. Рано или поздно мой казус станет прецедентом, стандартом поведения ученых. А вся эта жалкая игра и ложь о том, что я получил разрешение, а потом самодезавуирование, еще больше привлечет внимание к этой истории.

13.8.1973 Сегодня два официальных разговора. Первый у меня в КГБ с Хвостовым по поводу моего заявления с просьбой о том, чтобы вернули дневники. Хвостов вышел ко мне в бюро пропусков и сказал, что до суда мне ничего не вернут, что вопрос о том, имеют ли они отношение к делу Балакирева, решит суд. "Вы очень смело пишете, что ваши дневники не имеют отношения к делу Балакирева, но это решит суд. Что же касается книги, которую вы просите вернуть, то на первый взгляд она антисоветская, и окончательно это решит суд. Так что, придется подождать два-три месяца".

Но более интересный разговор был у Ины с Сивец по телефону. Сивец сказала, что от имени МВД она сообщает нам об отказе в визе на Конгресс ориенталистов в Париже. На это Ина ответила, что мы уже сами догадались, что на Конгресс, начинающийся шестнадцатого июля, мы не поедем. Тогда Сивец упавшим голосом ответила: "Но ведь я не от себя это вам говорю". Ина сказала: "Я понимаю, что вам надо поставить галочку. Ну и поставьте ее". Та ответила: "Хорошо".

Интересно, что я сегодня сделал мало, а такое чувство, как будто позади тяжелая работа. Это поход к ним. Я плохо к нему подготовился, не продумал всех вариантов; я думал, что если уж они вызывают, то для того, чтобы что-то вернуть. Ан нет, оказалось, для того, чтобы отказать. Если бы я об этом подумал, то сумел бы подготовить возражения на всю ту чушь, которую он молол. Еще одно доказательство того что *readiness is all*.

Интересная мысль папы, которую надо будет использовать при интерпретации Мо-цзы: классическое выражение пользы — удовлетворение элементарных потребностей. Именно в них, а не в высших потребностях, она сказывается в чистом виде. Если так, то Мо-цзы, очевидно, наиболее чистый утилитарист в истории философии.

17.8.1973 Интересная история заседания, где было решено, что следующий Конгресс будет в Мехико. После выступления Гафурова, который приложил много усилий, чтобы добиться разрешения на то, чтобы выдвинуть Москву, и который цитировал руководителей, выступил Б. Льюис и сказал: "Вы путаете науку с политикой. Нам незачем слушать тут политические заявления. Скажите лучше, почему вы не отпускаете Рубина". Когда Гафуров начал отвечать, ему устроили обструкцию и микрофон не работал. При голосовании пытались смухлевать (голосовали вместе с Гафуровым его мальчики — не члены комитета), но все было напрасно. Прошел Мехико. Теперь против Гафурова идет интрига и, возможно, это будет концом его восточной карьеры.

А твоя задача одна — не терять времени даром, учить иврит. У тебя еще четыре книжки, которые надо прочитать.

21.8.1973 Недавно подумал, что, когда тринадцать лет назад умер папа, одна из главных мыслей, меня ужасавших, была: теперь жизнь лишается всякого смысла, делается ничтожной и никому не интересной. И вот эти страхи оказались преувеличенными. Не только я сумел найти свою тему, что сделало возможным выступление за меня сотен моих коллег, но кроме того, своей стойкостью я привлек симпатии людей со всего мира. Свидетельство тому — десятки писем от незнакомых людей. И когда становится тяжело и все кажется беспросветным, надо помнить об этом.

14.9.1973 Исполняется полстолетия. Итоги? Некоторое имя в области китаеведения, всемирная известность в востоковедных кругах как жертвы преследований. Нерешенных проблем — вагон. Главная — сохранить интерес к жизни.

Теперь — заняться ивритом. Не пропускать ни одного дня.

16.9.1973 Утром, как часто бывало, я почувствовал невыносимость всего этого. И все же надо, сжав зубы, выносить, думая о том, что другие (Андрей [Амальрик]!) ждут своего часа в несравненно более жуткой обстановке. Продолжать учить иврит, возобновить занятия семинара.

21.9.1973 Для сволочи настало трудное время. Их теснят со всех сторон, все их привычные махинации и приемчики удушения одних и запугивания других — все это поставлено под вопрос, вынесено на свет. А свет для них губителен. Дело в том, что ложь, на которой все держится, может сохраняться лишь путем насилия. Геббельсовская теория большой лжи была, конечно, не так уж глупа. Но она была рассчитана на краткосрочное действие. Проходит какое-то время, и всем вокруг делается ясно, что их обманывают. Правда, все это относится к маленькой группе, а подавляющее большинство удается оболванить и низвести до животного уровня. Но надо отказаться и от этого марксистского предрассудка, что история творится массами, и прав Солженицын, когда говорит, что залог будущего — в стойкости и самоотверженности одиночек. Одиночки, оказывается, уж не столь одиноки.

7.10.1973 Вчера ходили к синагоге, была огромная толпа, много милиции и т.д. Днем узнал о начале военных действий¹. Скорее всего это еще одна, новая за-

¹ Начало Войны Судного дня.

держка для нас. Но поскольку это ни в какой мере не в нашей власти (а за исход боев я спокоен), я в общем ощущаю удивительную уверенность. Вопрос, сколько продлится война и сколько времени они будут нас держать после этого. Думаю, что там к двадцатому октября все закончится, что же касается того, что произойдет здесь, то может быть Боб [Кайзер]¹ прав – к концу года нас тут не будет?

14.10.1973 Одиннадцатого октября в половине первого был препровожден в милицию² капитаном Григорьевым и иже с ним (один из четырех был милиционер). Пробыл там в обществе двух стражей до одиннадцати часов вечера. Сначала меня спрашивали о моих сегодняшних планах, на что я ответил, что они заключались в том, чтобы заниматься ивритом.

Когда они пришли, я сразу понял, по какому поводу и поэтому даже не спросил их, почему. Правда, я потребовал документы у главного, оказалось, что это капитан милиции Григорьев. Жалею, что не узнал, кто все они, в особенности второй, который особенно много разговаривал со мной. В его манере не было злобы. Когда мы остались вдвоем, он сказал: "А вы не волнуйтесь". Хотя это мало что значило, но все же было знаком какого-то человеческого участия, в такой момент ценного. Уже в конце дня он вдруг сказал мне: "Ну как, устали, В.А.?" Не помню, что ответил ему, но когда явился другой, он вдруг сказал ему: "В.А. просит тебя позвонить его жене". Тот ушел, потом вернулся и сказал: "Не могу пробиться к И.М., все время занято"; потом позвонил еще раз и, вернувшись, сказал,

¹ Корреспондент газеты "Вашингтон пост".

² Превентивное задержание в связи с планируемой пресс-конференцией для иностранных журналистов, посвященной нападению Египта и Сирии на Израиль и положению отказников.

что дозвонился и сообщил, что я буду к концу дня. Мне же он добавил: "Наверху решают, что делать с вами, отпустить или отправить в следственный изолятор КГБ". Я сразу подумал о том, что если бы в самом деле об этом шла речь, то он заранее не сказал бы мне этого, и что, скорей всего, это запугивание. Однако, не зная объема акции, я не исключал и возможности того, что в связи с войной или под шумок войны они решили расправиться с активными евреями. Григорьев в какой-то момент сказал мне: "Играете с огнем". — "Каждый человек, борющийся за то, чтобы выехать из Советского Союза, должен еще до начала этой борьбы знать, что он играет с огнем". — "Нет, я не это имею в виду, — ответил он, — я имею в виду то, что вы передадите иностранным корреспондентам клеветнические заявления". — "Никакой клеветы я не передаю, а если говорю о том, что меня не выпускают из Советского Союза, то это абсолютная правда. Если за эту правду меня хотят судить, то пусть судят".

Когда было уже около восьми, и моя участь все еще не была ясна, я сказал Олегу (что помоложе): "Забыли про нас, что ли?". Он ответил на это: "Про нас еще могли забыть, про вас — ни в коем случае". Забавен был и разговор о гласности. Олег сказал: "Итак, значит, завтра все будет известно". — "Уже известно", — сказал я. "И что же, по 'Голосу Америки' передадут что вас задержал полковник Григорьев?" — "Но почему же полковник, когда он капитан?" — спросил я. "Ну как же, они ведь правды не передадут".

Как это ни удивительно, и "Немецкая волна", и "Свобода" в самом деле передали все неточно. Они передали, что было задержано три человека, на самом же деле два. Правда, "Свобода" передала известие очень быстро, уже в два часа ночи, немцы — на следующий день, а шведы — еще через день.

16.10.1973 Сегодня — хороший день. Американцы открыли воздушный мост. Сотни самолетов летят на восток, заправляются на Азорских островах (некто-

рые — в воздухе) и направляются в Израиль, где каждые несколько минут садятся на аэродромах. Это означает радикальное изменение всего хода войны, которое должно сказаться в течение суток-двух.

Ночью мне звонила Линда Гольдберг из Глазго, рассказала, что ее муж — доброволец в Израиле, что настроение народа бодрое, все уверены в победе, службы работают лучше, чем когда-либо. Спрашивала, что было со мной. Я думал написать об этом подробно, но все движется с такой быстротой, жизнь настолько заполнена, что не остается времени для этого. Но, может быть, стоит сделать это сейчас, пока я сижу в библиотеке и жду книги.

20.10.1973 Перелом произошел. Израильская армия идет на запад, сломив сопротивление египтян. На западном берегу уже триста танков и двенадцать тысяч человек.

21.10.1973 Вчера провожали Натана [Файнгольда]. Вчера же утром покончил с собой И. Габай¹. Таинственная история — с одной стороны, он, как будто, и сам под конец убедился, что другого пути, как отъезд, нет. С другой стороны, он внутренне был подавлен непрерывными допросами с требованием покаяться и угрозами. Говорят, И. Габай был удивительно добрый и светлый человек. Об этом говорил И.Я. — что у него была та еврейская доброта, которая в нашем поколении выветрилась. И конечно, спутник доброты — наивность, которая его и погубила.

9.11.1973 Будто бы кто-то сказал, что мне записали секретность на два года. Если так, то надо будет набраться терпения — до февраля уже не так долго. Постараться использовать время для интенсивного

¹ Активный участник правозащитного движения, друг П. Якира.

изучения языка. И не впадать в депрессию.

Иногда (часто) утром охватывает такое отчаяние — ведь мы не произносим тех слов, которые каждое утро произносили наши предки и которые помогали им жить.

12.11.1973 Сегодня, после мрачного настроения — приятная новость: Андрею [Амальрику] лагерь заменен ссылкой "по состоянию здоровья". Был у суда, видел Сахарова и его жену. Сахарову разрешили вместе с Гюзель [Амальрик] зайти в суд. Забавно, что в вестибюле встретил того самого кагебешника, что сидел со мной в 46 отделении милиции. Я увидел знакомое лицо и машинально подал руку. Тот спросил, какими судьбами, но я, уже вспомнив, кто он такой, не стал объяснять. Потом он увел Сахарова и Гюзель в зал, мы же пошли в приемную, где сидели и беседовали. Потом он вновь появился и попросил меня выйти и поговорить с ним. Я вышел. Он стал говорить о том, что мне не нужно сюда приходить, мое дело — уехать. Ни к чему это. На это я ответил, что пришел, чтобы узнать о судьбе своего друга, что мы не нарушаем общественный порядок и просто хотим дождаться конца суда. Вдруг он сделал мне неожиданное предложение, не хочу ли я пройти [в зал]. Я сказал, что был бы благодарен. Он ушел, долго не появлялся, потом вернулся, сказал, что суд начался и уже поздно, а Сахаров вернется в двенадцать часов. На самом деле Сахаров вернулся в одиннадцать сорок пять и рассказал все.

Сахаров и его жена произвели необыкновенно хорошее впечатление, Сахаров — необычайного спокойствия и доброты, жена — ума и честности.

18.11.1973 Возвращение к жизни... Так ли назвать то чувство, которое я несколько дней назад испытал в метро. Чувство таинственной связи с кем-то, чувство какого-то смысла всего происходящего, тайны этого смысла. Наверно, когда папа писал о том, что он постоянно чувствует присутствие вечности, он имел в

виду что-то вроде этого. Ночью я думал о том, что надо сделать воспоминание об этом чувстве чем-то живым, силой, освещающей твою жизнь. Именно эта сила связи с кем-то невидимым, таинственным и мощным давала внутреннюю стойкость и надежду папе, и она же должна помочь мне выдержать все испытания.

Что я почувствовал в метро? Какое-то удивление по поводу того, что со мной происходит, удивление, связанное с благоговением и предчувствием чего-то; странно это было и необычно, радостно-волнующе. Как будто кто-то меня посетил, совершенно неожиданно.

20.11.1973 Что они могут сделать? Что я могу сделать? Вся суть в том, что никаких радикальных путей действия нет. Есть только пути давать о себе знать. *Gab mir der Gott zu sagen, wie ich leide...*¹

28.11.1973 Ночью двадцать минут разговаривал с Андреем [Амальриком]. Голос у него был очень хороший, бодрый, почти радостный; говорил, что о тюрьме сейчас не помнит, но думает, что это придет потом — сны и прочее. Читал много, в последнее время — классиков марксизма-ленинизма, которых дают очень неохотно, потому что боятся, что вычитают что-нибудь не то. В одиночке почти не сидел (только на Урале, где к нему вообще относились очень хорошо, и даже нанес визит секретарь райкома). В Лефортово время вообще прошло очень весело; он там сидел, между прочим, с преподавателем английского, причем выяснилось, что у него больше слов, чем у преподавателя, но он не знает, как их произносить. Просил присылать какие-либо английские журналы: не знаю, удастся ли, думаю, что нет. Искусственное питание было пять раз в неделю, причем проводила его очень славная врач. В Магадане начальник тюрьмы — неплохой человек. Хуже все-

¹ Мне Бог дал возвестить, как я страдаю (нем.).

го было в лагере, где отношения с начальством в конце доходили чуть не до драки.

Подумал, не написать ли работу "Протест демократов и евреев". Когда начинаешь думать над всем этим, то поневоле заглядываешь в самые глубины истории, русской, а теперь уже и не только русской. Но опыт моей работы убедил в том, что для пытливого ума есть задача во всем. Огромная роль евреев в демократическом движении иллюстрируется их долей в знаменитой демонстрации на Красной площади двадцать пятого августа 1968 года: Литвинов, Богораз, Бабицкий, Файнберг, Горбаневская — евреи; Делоне, Дремлюга — русские.

30.11.1973 Приходил участковый милиционер и спрашивал, почему я не работаю. Я в каком-то встревоженном состоянии. Надо успокоиться, взять себя в руки. В конце концов все эти преследования создают тебе рекламу, и даже интересно было бы, что бы произошло, если бы они меня привлекли к суду.

Звонил Цви [Шифрин] и сказал, что меня хочет пригласить университет Канберры. Но я заперт в клетке.

7.12.1973 Вчера — страшное беспокойство за Ину; звонил домой, никто не отвечал, когда она должна была быть дома. Когда пришел домой (не зная, иду ли к радости или к отчаянию) и застал Ину в другой комнате, почувствовал огромную радость. Часто появляющееся ощущение "быть нельзя" отлегло. Чувство радости от присутствия любимого человека — не на этом ли держится мир?

18.12.1973 Прочитал удивительную книгу Э. Кузнецова. Какой человек: мужество, ум, присутствие духа, глубина понимания самых страшных проблем, честность, нежелание лгать ни в чем.

22.12.1973 Э. Кузнецов. Дневники. Париж, 1973.
О карателе, с которым он сидел:

”Он искал у меня сочувствия и оправдания, но даже перед лицом смерти я не находил в себе сил ни для того, ни для другого, ибо в каждом его слове и жесте проступал лично ненавистный мне облик ’маленького человека’ (O, sancta simplicitas! O, эта святая, умили-тельная простота, такая простая — с вечной вязанкой хвороста в руках!), истошно вопящего миллионами зловонных глоток на стадионах и косяками прущего в гитлеровско-сталинские партии (когда они уже у власти, разумеется). Этот человек с улицы — не столько жертва репрессивных режимов, сколько опора их”.

Поразительно! Те же слова, точно. Конфронтация цзюньцзы — сяожень проходит через всю историю. Интересно, что Кузнецов берет ”маленького человека” в кавычки; в самом деле, точного термина для этого нет. Я в своей книжке перевожу сяожень — ”мелкий человек”. ”Мелкий” мне казалось предпочтительнее, чем ”маленький”, потому что более ясно передает отрицательное отношение. Но, может быть, ”маленький” лучше именно потому, что не в лоб и что есть оттенок сочувствия?

В общем же ХХ век отвернулся от маленького человека. Почему? Не потому ли, что, поставленный в крайнюю ситуацию, маленький человек становится подлецом? Прекрасно сказал об этом опять же Кузнецов: ”Нищий духом избирает роль палача, ибо ампула жертвы ему не по плечу. В мировом спектакле три основных роли: палача, жертвы и зрителя. Он по натуре своей зритель, но вот страсти нагнетаются все более, и из числа зрителей начинают насильно рекрутировать палачей и жертв — и он, конечно, становится палачом. Зритель — чаще всего палач в потенции. При всем том он добродушен, безусловно честен — пожитейски — и сентиментален”. Сяожень делается палачом, цзюньцзы — жертвой. Вот в чем разница. Сколько мы видели в последнее время этих сяожень — притом в разных ролях. В том числе в роли революционера.

Какую роль тут играет образование? Традиционный подход — образование неважно, irrelevant. Думаю, не-

верно. Мысль банальнейшая, но забытая: образование поднимает над утилитаризмом, поднимает человека в иную плоскость. В минуту испытания это дает силу противостоять натиску. У человека появляется свое, то, что имеет смысл защищать.

26.12.1973 Вчера вечером сюда приходил милиционер, сегодня утром я был в милиции. Выяснилось — донос соседей: 1. Незаконно сдаем жилплощадь, 2. Одну комнату используем для уроков (тут милиционер сказал: "это ваше дело"), 3. Устраиваем сборища.

Милиционер — молодой, довольно интеллигентный парнишка — сразу мне сказал, в чем дело, и я позвонил Ине. После этого большая часть разговора свелась к моей работе, поскольку при заполнении документа "Объяснение" требовалось заполнить графу "работа". В отношении площади я сказал, что мы ничего вообще с наших друзей не берем и поселили их, чтобы иметь около себя близких людей. Уроки я отрицал вообще. У меня создалось впечатление, что милиционеру весь этот донос тоже был противен.

3.1.1974 Вот и 1974. Начало года не сулит надежд. Мы попали в группу заложников, которую держат и могут держать еще неопределенно долго. При каких-то случаях кого-то из нас могут выпускать, но никто не может сказать, когда и кого. Почему одни попадают в эту группу, другие нет — тайна КГБ.

В этом положении можно вести себя по-разному. Основой остается тактика, сформулированная "капитаном Григорьевым", — игра с огнем. Что это значит? Это тот же принцип, который привел к успеху сионистов с самого начала. Либо сажайте нас, либо выпускайте — перед этим выбором постоянно ставим их и мы. Иначе невозможно, этого требует наше достоинство; мы не можем сидеть молча, как рабы. Но пока именно в отношении нашей группы эта тактика не давала результатов: нас не выпускают и не сажают. Вернее, осенью выпустили человек двадцать, но для че-

го это было сделано, кто именно попал туда и почему — все это не поддается расшифровке. Так как это продолжается не дни и не месяцы, а годы, то наряду с борьбой надо найти возможность труда.

Да, все мы своей жизнью вписываем нити в от века созданную ткань, имя которой — "борьба добра со злом". Начиная со сказки, и до драмы абсурда.

9.1.1974 Разговор с [инспектором ОВиРа] Сивец по телефону: "Вам подтвержден отказ". — "Какие основания?" — "Что я могу вам сказать? Никаких оснований".

23.1.1974 Нужно сосредоточиться на статье; вчера снова прочитал ее и мне не понравилось. Не назвать ли ее: "Конфуций и Солженицын". Примерный план: в двух гигантах мы видим две идеологические кампании. Что касается Солженицына, то здесь свободным людям на Западе все ясно. Слегка изменив формулировку чехов, можно сказать, что речь идет о том, должно ли государство иметь человеческое лицо. Здесь, впрочем, можно даже ничего не менять; должен ли социализм иметь человеческое лицо? В 1968 году на этот вопрос был дан ясный ответ: "нет". Смысл кампании против Солженицына может быть резюмирован этим же междометием: "нет, нет, нет!" Набросившись с бешеной злобой на того, кто сказал правду о злодеяниях прошлого, нынешние идеологи недвусмысленно примыкают к традиции самого чудовищного и беспардонного деспотизма, и тут ничего не меняют их слова о том, что "была сказана правда". На западных коммунистов, правда, произвела потрясающее впечатление речь Хрущева [на XX Съезде КПСС]; те, кто сейчас прочитают книгу Солженицына, поймут, как мало сказал Хрущев.

Тут вопрос о социализме. Этот вопрос стоит так: если это социализм, то хватит говорить о социализме как о какой-то цели. Тогда ясно, что социализм — это самая мрачная деспотия. Но, если верить, что те, кто

произносил это слово, думали о чем-то хорошем, то советский режим никак не может быть назван социализмом. Поэтому мы имеем все основания спросить, должно ли государство иметь человеческое лицо.

Этот вопрос стоял и в центре проповеди Конфуция. Вопрос о Солженицыне достаточно ясен: он пишет о том, что произошло на протяжении жизни одного поколения и не может вызвать сомнения у того, у кого не закрыты глаза. В отношении Конфуция дело обстоит сложнее, и западная печать склонна принимать *at face value*¹ все то, что говорится на эту тему в КНР. Конечно, западные обозреватели высказывают различные предположения относительно того, кто подразумевается под Конфуцием и кого хотят скомпрометировать таким образом. Но до сих пор на Западе не отдают себе отчета в том, что и здесь речь идет о том же, о чем в кампании против Солженицына: должно ли государство иметь человеческое лицо. Дело в том, что Конфуцию противопоставляется не кто-нибудь, а Цинь Ши-хуан, и провозглашается прогрессивной идеология "легизма". У незнакомого с историей китайской мысли читателя может создаться впечатление, что речь идет о законах, о том, нужны ли они и какую роль играют в обществе. На самом деле такое понимание этого термина не имеет ничего общего со взглядами представителей этой школы политической мысли; оно является переводом китайского термина "фацзя", что действительно означает "школа закона", но смысл, который вкладывался сторонниками этой школы в термин "закон" (фа), радикально отличается от смысла, который вкладывается в него европейски воспитанным умом.

Таким образом, смысл кампании против Конфуция совершенно ясен. Это вовсе не борьба за власть. Это признание в качестве своей традиции самого чудо-

¹ За чистую монету (англ.).

вищного деспотизма и откровенного подавления народа. Некоторые западные обозреватели становятся в тупик перед внезапным появлением на идеологической арене древнего мыслителя. Так, [журналист] Сульцбергер писал о "Confucian confusion"¹. Я должен сказать, что дело обстоит наоборот: объявление своим предшественником Цинь Ши-хуана ставит все на свои места и показывает истинный характер режима.

29.1.1974 Сейчас звонил Цви [Шифрин]. С ним говорил Юра [Брегель], и Цви заверил меня, что я могу считать себя сотрудником Иерусалимского университета. Он спросил о перспективах; я ответил, что все зависит от международной ситуации. Он поделился со мной соображениями относительно counter-productiveness² политики в отношении меня. Работа моя, как он сказал, им интересна. На книжку должна появиться рецензия в [журнале] "Philosophy East and West".

Утром звонил кто-то из Феникса, штат Аризона. С другого конца земли.

31.1.1974 Вчера был на допросе у [следователя по делу Г. Суперфина³] Димитриева. Как я и ожидал, проблема возникла в связи с рукопожатием. Димитриев ждал меня сразу за часовым, и когда я прошел, двинулся ко мне с протянутой рукой. Я держал руки в карманах пальто. Мы вышли во двор, а он все шел около меня с протянутой рукой. Наконец, он понял и сказал: "Очевидно, плохо воспитаны". — "Наверно, не хуже вас", — ответил я. "Почему же не соблюдаете пра-

¹ Здесь: путаница с Конфуцием (англ.).

² Приводящая к обратным результатам (англ.).

³ Активный участник правозащитного движения, один из составителей "Хроники текущих событий". В 1974 г. был арестован и осужден на пять лет лагерей и два года ссылки. Эмигрировал в 1981 г.

вил общежития?” Я ничего не ответил.

В комнате, кроме Димитриева, было еще два клерка в темных костюмах, перелистывавших какие-то свои дела. Я снял пальто и сел. Он спросил, не в плохом ли я настроении, на что я ответил, что это не имеет отношения к делу. Он ответил, что нам необходимо понимать друг друга. Я сказал, что у меня настроение нормальное. Тогда он, представившись, сказал, что у него такое дело: он хочет узнать, есть ли у меня сестра "там". В этих стенах, по-видимому, уточнять было как-то неприлично. Но я бестактно сказал: "Да, моя сестра в Израиле". — "Была ли она знакома с Суперфином, есть ли у нее машинка и где эта машинка теперь?" Я ответил, что машинка есть, может быть, она давала ее Суперфину, теперь же машинка вместе с нею в Израиле. "Это все, что я хотел вас спросить", — сказал он. И добавил горестно: "Ведь больше вы мне все равно ничего не скажете". — "Не скажу", — подтвердил я.

Забавно было, что когда дошло в анкете до моего образования и выяснилось, что я кандидат наук, он сказал: "Так вот почему вы не здоруетесь. Я ведь не кандидат". — "Не поэтому, — ответил я. — Но объяснить я здесь этого не буду". — "Да, может быть, не мне и не вам это говорить", — сказал он робко. А когда дело дошло до того, что я — сотрудник Иерусалимского университета, он как-то горестно повторил: "Иерусалимского..." А потом спросил: "А отметочка в паспорте есть?" — "Отметочки нет", — ответил я.

7.2.1974 Вчера в середине дня выключили телефон. Связь затрудняется. Мы, таким образом, вошли в круг избранных сионистов. Ну, ничего, переживем и это.

26.2.1974 Итак, вернулся домой вчера вечером [после голодовки]. Начали голодовку пятнадцатого февраля. В общем, по-видимому, дело было сделано большое. Два раза передавали по Би-Би-Си, в самом начале и вчера (мы не слышали). Кроме того, вопрос рассмат-

ривался в Кнесете, нам были посланы телеграммы президентом Залманом Шазаром и очень многими другими. Один вечер (это было на пятый день) нам вдруг снова включили телефон, и это было замечательно. Лондон, Бирмингем, Ливерпуль, Лондон. Сара, с которой я говорил первый, сразу же сказала: "Вы не изолированы".

"Ричард Масс — Всеамериканский еврейский комитет в поддержку советских евреев.

Исраэль Миллс — председатель Комитета главных еврейских организаций.

Глен — директор Американского межрелигиозного комитета.

Мы срочно обращаемся к вам в связи с опасностью для вашего здоровья и просим вас прекратить голодную забастовку. Ваше отчаянное состояние привлекло внимание американского народа, и ваше обращение мы передали всем сенаторам.

Мы серьезно озабочены вашим положением. Люди доброй воли солидарны с вами. Многие американцы присоединились к этой кампании, объявив голодовки солидарности. Вы не забыты нами, хотя ваши телефоны отключены властями, чтобы прервать контакты. Будьте уверены, что евреи и неевреи солидарны с вами в эти отчаянные часы".

Это телеграмма, полученная нами к десятому дню. Путь ее был поистине извилистым. Она была передана в Израиль, а оттуда — в коммунальную квартиру кому-то из наших ребяташек. В коммунальной квартире соседи-антисемиты все время пытались прервать разговор.

На примере всей этой истории я понял, что наше действие — необходимое условие поддержки зарубежных евреев. Когда мы ничего не делаем, и им становится трудно нам помогать.

Отклик превысил то, на что я надеялся. А это — мой личный успех; может быть, он принесет что-нибудь, может быть — нет, сказать трудно. Во всяком случае, я приобрел достаточную популярность. Как говорил

М.А., если акция не даст нам известность на порядок выше, чем раньше, она не имела смысла. Здесь нет никакого сомнения в том, что это условие выполнено.

Особая история — помощь, оказывавшаяся нам и врачами и людьми, привозившими нам воду, и другими добрыми и самоотверженными людьми. Все это, конечно, наши.

Разговор с Д. о праве на эмиграцию. Он защищал равное право на нее всех, я же ему ответил, что больше имеет право на это тот народ, который борется, и ему будет оказана помощь и извне. Д. ответил, что есть русские, которые за это борются (Сахаров и другие). Но это борьба благородных одиночек, а не русских в целом, в то время как борьба евреев — это борьба различных слоев еврейского народа, объединившихся для этой цели; в этой борьбе участвуют все, от интеллектуалов до совсем простых людей.

3.3.1974 Сегодня впервые после голодовки чувствую себя нормально. Хочется работать.

Название [книги]¹: "Древнекитайская политическая мысль". Надо торопиться. Сейчас моя звезда довольно высоко, и надо попробовать добиться того, чтобы интерес ко мне поддерживал интерес к книге.

Я думаю, что прецедент выхода такой книги будет очень существенным. Надо будет подчеркнуть как важнейшее — появление тоталитарной мысли. Определить специфику китайского подхода как подхода нерелигиозного. В этом смысле он очень современен. Главное в нем — столкновение морального учения конфуцианства с аморализмом легизма.

Очень важна проблема сравнения. Нужно ли сравнивать? Думаю, что это будет интересно. Основным объектом сравнения должна быть Древняя Греция. Она по

¹ Виталий намеревался написать книгу для опубликования ее на Западе.

сути дела — кладезь политического опыта. Правда, можно подумать еще и о Библии.

Надо проработать концептуальную структуру книги. Пожалуй, в центре должен быть Мо-цзы. Не внести ли такую мысль: утопия началась с Мо-цзы, но в истории китайской мысли ее судьба была абсолютно другой, чем в Европе. Вернее, есть ряд параллелей, и эти параллели уже намечены мною. Но большая разница заключается в том, что в Китае очень рано появилась мысль фашистского типа.

Очень интересно подумать о следствиях, которые может иметь признание наличия в Древнем Китае тоталитарной идеологии.

1. Лучшее понимание политической теории, завоевание для нее новых просторов. Как это часто бывало, появление новых понятий, созданных на одном материале, помогает понять и совершенно другой материал. До сих пор понятия, имевшиеся в арсенале политической науки, были абсолютно неадекватны для Китая. Потребовался опыт фашизма и коммунизма, чтобы понять некоторые явления, появившиеся еще в Древнем Китае.

2. Понимание раннего появления тоталитаризма в Китае должно помочь разрешению ряда спорных проблем. В частности, это покажет истинное место конфуцианства в политической борьбе в имперском Китае.

9.3.1974 Поразительная история с Гариком [Суперфином]: отказался от своих показаний, заявив, что они были даны под давлением и под влиянием низких и шкурнических соображений. Он сначала не хотел давать показаний, но потом стал по просьбе адвоката их давать. Но все брал на себя. Замечательная победа человеческого духа; он таким образом не только не очеркивает свою жизнь, но становится в ряд с мучениками.

Их затей в последнее время заканчиваются провалами. Страх развеялся, осталось одно презрение к ним.

12.3.1974 Вчера по израильскому радио передавали, что мне послана телеграмма о том, что я принят в Еврейский университет. Надо послать ответ: "Разрешите мне выразить глубокую признательность за оказанную мне честь быть принятым в ваш университет. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы оказаться достойным этой чести".

15.3.1974 Вместо того, чтобы переживать, что не доставляют письма, надо использовать освободившееся время. Теперь все зависит от меня. Я вдруг подумал, как было бы замечательно, если бы сейчас или в ближайшее время вышла книга. Какую это вызвало бы бессильную злобу и зависть! Пока я здесь, пока я ничем особенно не занят, надо гнать книгу.

18.3.1974 Вернулись с аэродрома, проводив Павла [Литвинова]. Когда я его еще увижу? В нем столько мягкости, сердечности, благородства. Недаром его так любят. Его лицо на лестнице, за стеклом — это нельзя забыть. На лестнице к ним уже начали подтягиваться пограничники, но обошлось без всяких сцен. Когда какое-то кувшинное рыло положило ему руку на рукав, Павел спокойно повернулся к нему и тот исчез.

Хороша позиция Б.: он просил о гостевом разрешении, но в отъезде не заинтересован. Не воспитывать ли мне и себя в таком духе: зная, что я работаю, я могу спокойно ждать, думать, писать. Начало уже положено (в смысле писания), теперь нужно перевоспитать себя в смысле независимости от них. Да, я могу, подобно Войновичу, сказать им: "Да наплевать на вас, обойдусь без ваших милостей".

Выходит, что сейчас у меня может быть уникальная возможность закончить книгу. *This delay is welcome*¹. В умении превратить неудачу в удачу я и должен проявить себя.

¹ Эта задержка желательна (англ.).

22.3.1974 Днем в четыре часа получил обратно свои дневники. В 46 отделении милиции меня ждал бесцветный молодой человек, бывший со мной изысканно вежлив, даже мягок. Другие они стали. При этом, когда кто-то пытался войти, он резко отвечал: "Занято". В конце сказал: "Ну, а вот насчет литературы, я не знаю, она в самом деле очень нужна вам?" — "Очень нужна", — ответил я. "Тогда ваше право требовать ее возвращения".

3.4.1974 Звонил Цви [Шифрин]. Предложил перевести мою книжку на английский. Это, конечно, очень приятно. Ина предложила особенно ее не дополнять, и она, наверно, права.

4.4.1974 Новое интересное известие — посольство США собирается бороться за меня. Ну что же, это лестно, хотя вряд ли что-то даст.

Что я могу сделать со своей стороны? Написать еще одно письмо Щелокову¹? В обстановке абсурда и бессмыслицы как-то не хочется прикладывать усилия, но надо сказать, что есть примеры, когда казалось бы абсурдные шаги (например, Б. Цукермана) неожиданно приносили плоды.

Как хорошо сказал Женя: код [этой] культуры в первую очередь предусматривает причинение зла. На этом все построено; и тогда становится понятно многое. В частности то, что ради причинения зла Панову² можно отказаться от визитов двух театров в США и Англию.

Как-то меня ничто не радует. Что это: старость или результат заточения? Да, заточения. В этом заточении

¹ Министр внутренних дел СССР.

² Валерий Панов, балетмейстер, и его жена, балерина Галина Панова, после нескольких лет отказа получили разрешение на выезд лишь под давлением мировой общественности.

здесь все, но ощущает его более всего тот, кто безуспешно пытается отсюда вырваться.

10.4.1974 Прочитал вчера книгу Роберта Кайзера [“Cold winter, cold war”, New York, 1974]. Очень интересно, хотя много вопросов и жаль, что нет характеристик государственных деятелей. Вопрос о “rhetoric” — у нас всегда подразумевается “пустая”, если же не пустая, то и не риторика. Для американцев-скептиков характерна “detached manner”¹. Сам способ выражения у них склоняется к нейтральности, у нас — к вовлеченности. У нас сказать “риторика”, значит дать отрицательную оценку, у них — констатировать факт красноречивого изложения своей точки зрения. В общем мы склонны видеть мир черным и белым, без оттенков, американцы — видеть оттенки; конечно, странно было бы, если бы сторонник демократов заявил, что республиканцы — воплощение зла. Между тем, сказать то, что тоталитаризм — воплощение зла, не является exaggeration².

13.4.1974 Познай самого себя. Я до сих пор почти не пытался определить собственных способностей. А между тем это надо сделать, чтобы опираться на сильные стороны и преодолевать слабые.

Слабая сторона — инертность. К сожалению, ко мне не перешла по наследству папина бурная умственная активность, его находящийся в вечном движении интеллект. Мой ум обычно дремлет, для того чтобы заставить себя думать, мне нужны особые усилия; это мне дается с трудом. С другой стороны, есть известная инерция и тут: гораздо легче продолжать, чем начинать. В общем, я тяжкодум (хотя и не произвожу такого впечатления), все дается с трудом и идет медленно.

¹ Бесстрастная манера (англ.).

² Преувеличение (англ.).

Для того чтобы думать, мне нужны стимулы, и поэтому так мало я успел за эти два года.

Второй крупный недостаток: плохая память. Я плохо запоминаю и эпизоды собственной жизни, и подчас даже прочитанный материал. Именно это и побуждает меня к ведению дневника.

Третий недостаток — быстрая утомляемость. Проработать четыре часа — это теперь для меня почти что потолок.

Положительная сторона — требовательность к себе. Я не терплю халтуры, недобросовестности и поверхностности. В результате пишу я мало, но то, что пишу, на хорошем уровне.

15.4.1974 Вчера видел М. Азбея, а также объявление о сессии семинара¹. Среди спонсоров — восемь лауреатов Нобелевской премии. Это — иностранцы. А среди советских спонсоров увидел себя и решил, что я "делаю карьеру". В самом деле, в этом контексте я что-то вроде свадебного генерала.

Маруся прислала свои письма времен голодовки, очень интересные. Одно из них, самое яркое:

"Дорогие Ина и Виталий!

О голодовке сегодня большие статьи на первых страницах газет, в частности, в наиболее массовой —

¹ На 1–5 июля 1974 г. по инициативе М. Азбея, А. Вороня и В. Браиловского было запланировано расширенное заседание научного семинара, посвященного так называемым "коллективным явлениям" (collective phenomena) и применению физических методов в других областях наук. В это время должна была проходить юбилейная сессия Академии наук СССР, посвященная ее 250-летию, что позволяло привлечь внимание многих зарубежных ученых к положению ученых-отказников. Впоследствии с этим совпал визит президента США Р. Никсона в Москву. Большинство организаторов и участников семинара было арестовано и развезено по подмосковным тюрьмам, либо подвергнуто домашнему аресту (см. также записи от 19, 22–27 июня, 8 и 11 июля 1974).

'Маарив', по радио тоже говорят в каждой передаче. В мире тоже большой отклик — и таким образом, цель достигнута.

В пятницу и субботу я присоединилась к группе голодающих у Стены и таким образом имела возможность увидеть, как выглядит голодная забастовка 'по-израильски'. Раввинат предоставил бастующим комнаты для сна около Стены; мэр Иерусалима Тедди Коллек прислал сто (!) одеял; полиция их опекает. В частности, когда пожаловались, что дети (очевидно, арабские) стащили заготовленную для питья воду, то полицейский тут же пошел и купил ящик такой же воды. Все время подходят люди, количество их особенно увеличилось после того, как эту забастовку показали по телевидению (кроме нашего телевидения были из английского и американского и тоже снимали). Все спрашивают, интересуются, берут материалы (ваши письма, переведенные на иврит и напечатанные в тысячах экземплярах). Приходят много друзей, некоторые из которых остаются иногда на несколько часов посидеть и сменить бастующих при разговорах с публикой, особенно если человек может говорить на иврите, английском или идиш...”

20.4.1974 Завтра надо будет говорить с Л. [Лондоном]. Что сказать? Нужно что-то свое, соответствующее статусу. Впрочем, думать о статусе не надо — глупо. Я не чувствую себя "маститым", и это, очевидно, хорошо. Но придумать что-то надо. Не сказать ли о том, что само взаимодействие с евреями всех стран является для нас живым приобщением к истории нашего народа. Мы таким образом понимаем, что такое еврейский народ. Все те, кто твердо встал на путь борьбы за право жить со своим народом, почувствовал помощь евреев из-за рубежа. Эта помощь имеет самые разнообразные формы: и поддержка деньгами и посылками, и письма, и телеграммы, и книги. Но самое удивительное — приезд людей, которые где-то далеко, в США, знали обо мне и хотели мне помочь. Они находи-

ли меня здесь, в Москве, и говорили мне, что помогают мне потому, что считают всех евреев братьями.

И вот, читая книги по истории евреев, я встретился с тем, что мысль о том, что все мы — братья, была выдвинута раввинами после разгрома Иудеи в семидесятом году. Когда я узнал об этом, я был потрясен. Так вот откуда это, — думал я, — значит, это не случайно. Евреи, приезжающие сюда и помогающие нам, движимы той великой мыслью, которая вошла в плоть и кровь нашего народа. Именно братство, осознаваемое каждым представителем нашего народа, помогло ему сохраниться на протяжении двух тысяч лет.

Мне почему-то немного скучно писать все это. Известно. Думано и передумано. Не сделать ли упор на переориентирование всей нашей исторической перспективы, на то, что мы теперь уже не чувствуем себя частью русской истории. Собственно, история теперь для меня — история евреев.

21.4.1974 Мысли во время Песах:

Сходство — не пускают и не выгоняют. Это оттого, что и тут, и там — рабство. А рабство тут и там дало рабскую психологию. Поэтому и тут, и там — Исход как создание народа из рабов.

25.4.1974 Вчера вечером видел Э. Кеннеди. Это было, конечно, очень интересно. Его представитель рассказал, что они сообщили о желании сенатора встретиться с евреями только в самолете, когда возвращались в Москву из Ленинграда. Сказали они об этом Александрову, помощнику Брежнева, и "это не было лучшей новостью, которую он узнал в этот день". Что же касается точных данных, то о них КГБ узнало только в момент его отъезда.

Очень хорошо прореагировал Э. Кеннеди на меня. Он сказал: "А, это тот самый Рубин, который представляет наибольший security risk¹, ибо он знает, в чем сила

¹ Здесь: "угроза безопасности" (англ.).

Китай. Ведь всем известно, что его сила в древней философии". Мило было, когда Кеннеди, узнав, что все вокруг — профессора, сказал, обращаясь к Володе Козловскому: "Мы с вами только двое непрофессоров". Выяснилось, кстати, что встреча была по инициативе Кеннеди.

30.4.1974 Приехали в Коктебель два дня назад, двадцать восьмого апреля, в ужасную погоду, в дождь и холод. Комнатка, которую нам дала хозяйка, оказалась в каком-то неотапливаемом сарайчике. Первая ночь была ужасна — мы никак не могли согреться. Но на следующий день, вчера, было уже теплее, и мы к тому же взяли напрокат спальные мешки, а сегодня и совсем хорошо. Ходили на могилу Волошина. Любовались чудесным видом.

4.5.1974 Вчера вечером приехали в Керчь с группой Нины. У меня сохранились детские воспоминания о городе, и сейчас еще раз (после шестьдесят пятого года) я видел, как уничтожается облик старого милого южного города, как он заменяется стандартной провинцией со скучнейшими пятиэтажными жилыми домами и т.д. Греческого храма, стоявшего на Митридаде, конечно, давно нет, вместо него на горе какая-то пушка и мерзкий обелиск. Здесь ведь я услышал в ответ на вопрос, есть ли памятник на месте расстрела шести тысяч евреев: "А зачем памятник? История зарегистрировала, и хватит!" Мышление *homo sovieticus*¹. Вчера, когда [экскурсовод] Володя показывал Дом поэта, какая-то женщина спросила: "А почему после такого долгого перерыва Волошиным стали интересоваться и его стали издавать?" Володя, разумеется, ушел от ответа, что-то пробормотав о том, что это участь не одного Волошина.

¹ Советский человек (лат.).

Все же Коктебель — место исключительное. Микровеймар. Место, по существу, основанное поэтом и до сих пор сосредоточенное вокруг него. Вместо идиотского "Планерского" оно должно бы называться "Волошин". Конечно, масштабы не те, но зато Веймар не был основан Гете. И здесь, конечно, природа занимает место веймарской культуры: Кара-Даг, степи, еще до сих пор дикие и необжитые горы за могилой... В какой-то мере это — удивительный пример вечности плодов (усилий) одинокого поэта, отшельника, к которому пришла посмертная слава, к которому уже при жизни приходил мир (гости — до сотни враз — посещавшие Волошина). Собственно, его история — в самом деле история отшельника, современного отшельника, создавшего себе современный скит. Так же, как Сергей Радонежский ушел от мира в скит (где потом вознесся монастырь), так и вокруг дома Волошина (несмотря на все уродство исторических условий, в которых это осуществлялось) возник некий центр интеллигентности в Крыму. "Дом творчества" — сборище продажных шкур, конечно, и если есть там в центре что-то живое, то это именно Дом поэта. В своем роде храм современной религии — поэзии, искусства. Таких мест — сочетания природы и культуры не так-то много. Могли бы стать чем-то аналогичным пушкинские места, но не стали и, наверно, не случайно — для Пушкина Михайловское было местом ссылки, а не землей обетованной, куда он стремился. И не строил Пушкин свой дом, был бесконечно далек от этого. А остальные русские поэты жили почти всегда в городах. Конечно, можно назвать Ясную Поляну; Толстой тоже своего рода отшельник, но его жилище стало местом паломничества, но не местом жизни, не центром поселка, хотя бы небольшого. Конечно, сама природа тут помогла Волошину, но не только. Тут Дом, Дом с большой буквы — центр культуры и человечности, творение Человека, полюбившего эту землю.

Пожалуй, такие люди, как Волошин, были у аме-

риканцев — Торо¹. Но здесь, кажется, другое — природа и поэзия, ощущение космического, выраженное именно в поэзии. Пожалуй, такое же ощущение было у даосов; такая же любовь к природе, такое же стремление к слиянию с ней. Но у Волошина еще и любовь к европейской культуре, еще и простор европейского горизонта. Все своеобразно, единственно.

5.5.1974 Вчера были на Аджимушкайских каменоломнях², Жуткое место. Гигантское преступление, которое решили превратить в подвиг и всячески создают вокруг него миф, лакируют, окружают звуками патристических фанфар. В могилу загнали на самом деле десять-пятнадцать тысяч человек, из них много мирных жителей, спасавшихся от бомбежек. Наверно, Ина права: местных жителей не выпускали, чтобы они не рассказывали, где скрываются солдаты и сколько их. И только после газовых атак отпустили мирных жителей.

7.5.1974 Сегодня, попрощавшись со своими милыми попутчиками в Керчи, вернулись в Коктебель. Главное приобретение — Нина. Если бы другая политическая ситуация, она была бы Голдой Меир. Женщина, которая творит жизнь, вокруг которой оживает все в силу ее энергии; поразительных способностей, удивительного такта, доброго отношения к людям. Вспоминаю, как она после поспешной экскурсии в Керченском музее прошептала что-то девушке, отбарабанившей довольно-таки стандартный текст. Та вся покраснела. "Что вы сказали?" — спросил я. "Что она напоминает Деметру". И эта ее постоянная улыбка, готов-

¹ Н.Д. Thoreau (1817–1862) — американский писатель и общественный деятель, автор книги "Уолден, или Жизнь в лесу" (1854).

² В этих каменоломнях в 1942 г. в течение пяти с половиной месяцев скрывались регулярные части Красной Армии (до 10 тыс. чел.), а также большое число мирных жителей.

ность смеяться, умение организовать всех, остроумие.

12.5.1974 Сегодня поездка в Судак. В чем-то — путешествие в отрочество. Судак — не тот. Первое, что я увидел тут в 1939 — красавица-татарка с осликом. Сейчас — только русские лица; из города (и из Крыма) вынута душа. Раньше это был тихий, уютный южный городок, утопающий в зелени и увенчанный развалинами романтической старинной [Генуэзской] крепости. Теперь — второразрядный курорт, умеренно чистый и благоустроенный, но с налетом чего-то искусственного, невсамделишного, бутафорского, которое так отличает курорты. Крепость тоже не та. Ее восстанавливают. Это теперь музей, стены и башни подновлены и ведутся работы как раз в той башне, из окна которой я долго глядел на раскрывающееся передо мной зеленое море и думал о том, что должен был думать смотревший на то же море пятьсот лет назад генуэзец.

На обратном пути сели на такси, в водителе которого я сразу узнал еврея. Навел разговор на эту тему, он откликнулся, и мы сразу почувствовали себя близкими друг другу. Он рассказал, что был два раза в плену во время войны, потом работал в советском спецлагере, в шахтах — такое совпадение в судьбе! И оказался мой одноклассник. Я рассказал ему о некоторых деталях нашей истории, о встрече с Кеннеди. Когда довез до Коктебеля, он отказался взять мелочь. Сказал, что здесь никто в Израиль не подавал. Его национальное сознание — на уровне возмущения несправедливостями здесь. Но он еврей и чувствует себя евреем — это самое главное.

17.5.1974 Включение в московскую жизнь произошло еще быстрее, чем можно было ожидать. Вчера утром провожал [Давида] Азбеля, потом днем выяснилось, что к пяти часам собираются демонстрировать у Ливанского посольства¹. Приехали без двадцати пять.

¹ В связи с нападением террористов на детей в Маалот.

Из наших никого еще не было, но подходы к посольству были перекрыты цепями милиции, установленными довольно далеко. Цепи милиции окружали посольство и с другой стороны; их было не меньше трехсот, лестное для нас соотношение. Около пяти начали прибывать наши. В пять часов Лунц развернул, став лицом к цепи милиции, транспарант с надписью: "Позор убийцам!" Несколько минут тянулась напряженная тишина. Тем временем через цепь милиции на нашу сторону перешла группа корреспондентов (Боб Эванс из Рейтера, Кристофер Рен из "Нью-Йорк таймс", Фромсон из Си-Би-Эс).

Лунц видел, как кто-то из корреспондентов снял его. Через несколько минут подошел капитан милиции и потребовал отдать транспарант. В ответ раздались возгласы: "Значит, вы за убийц и вместе с убийцами". Он на это не отвечал и продолжал требовать выдачи транспаранта. Затем появились милиционеры, и после короткой схватки вырвали транспарант. Обстановка накалялась. Через некоторое время другой милиционер предложил нам разойтись, дав минуту на размышление, но мы этот призыв проигнорировали; мы подписывали письмо, переданное на глазах милиции корреспондентам. Тогда из-за цепи милиции выехал автобус, в который нас и погрузили. Это произошло без особых инцидентов, хотя Д. Рамм сопротивлялся.

Самое интересное — в вытрезвителе. Обстановка братства. Потом — допрос. Мужиковатый тип представился Аксеновым, работником центрального аппарата МВД. Взял паспорт, внимательно изучил его. Я сказал, что пришел выразить свой протест против гнуснейшего убийства. "Какого убийства?" — спросил он. "А вы не знаете?" — "Нет, не знаю". Когда я в двух словах объяснил ему, он сказал: "А откуда вы знаете? Из 'Голоса Америки'?" — "Конечно", — ответил я. Он ожидал, очевидно, что я буду отрицать, чем дам возможность загнать себя в угол.

После неудачной попытки узнать, откуда я узнал о демонстрации (я ответил: "Неужели вы думаете, что

я буду отвечать на этот вопрос?”), он стал заполнять “Объяснение”. Когда дошло дело до моей работы, он сначала ответил смешком на мое заявление, что я работаю профессором Иерусалимского университета. Но когда я трижды повторил это, заявив, что начал работать в феврале, он смеяться перестал. Закончилось все тем, что он сказал: “Писать объяснение и подписывать не будете?” – “Не буду”, – ответил я. Точно то же повторилось с Феликсом Канделем, который был здесь же, но за другим столом.

18.5.1974 Вечером звонил Пол Брайан¹, которому я рассказал все, что произошло. Конечно, производит впечатление соотношение: триста и двадцать шесть. Он сказал, что мы “heroes”, снова спросил, чем может помочь, и я просил его прислать одну книгу. В каком все же свободном, открытом обществе мы живем: два раза за последний год я слышу у себя дома сообщение иностранного радио о том, что меня арестовали.

20.5.1974 Вчера был разговор с Лондоном. Было большое заседание комитета², присутствовал Бернард Левин, который сразу выразил желание говорить со мной. Он спросил, как он может помочь нам, на что я ответил, что именно он может сделать это лучше, чем кто-либо. Тогда он сказал, что у него вопрос: “Как именно, когда все время одно и то же?” (я несколько огрубляю). Я ответил, что думаю, что это не совсем так, что у каждого своя судьба и своя жизнь, и все это достаточно разнообразно. Я упомянул и о том, что с восхищением читал его статьи. Я спросил, будет ли

¹ Один из английских активистов борьбы за права советских евреев.

² Группа “Conscience” (Англия), объединяющая евреев и неевреев, борющихся за освобождение узников совести в СССР. Б. Левин – известный английский журналист.

бойкот Большого театра [во время гастролей в Англии], на что он сказал, что вряд ли, но что движение протеста очень сильно и возглавляет его сам Лоуренс Оливье.

21.5.1974 Надо подумать над Introduction¹ [для книги]. Что взять для него как центр? Не проблему ли continuity of tradition², не проблему ли того, что именно человек, выросший и воспитавшийся здесь, может лучше понять некоторые особенности китайской политической культуры? В общем, раскрываются некоторые перспективы. Путь от утопизма в теории к тоталитарной практике можно наметить и во Франции, и в России. О том, что он имел место и в Китае, до сих пор никто не писал. Это и должен быть мой вклад.

Теперь очень интересно было бы написать в Introduction то, как я писал книгу. О том, что я решил поставить эксперимент и писать то, что я в самом деле думаю. Я решил при этом, что иначе — не стоит труда.

Почему в СССР многие достойные люди занимаются древностью? Потому что здесь есть известная мера свободы. Поэтому же и я постепенно решил заняться древностью.

22.5.1974 Попробую сформулировать основные свои мысли. Прежде всего можно будет сказать о том, что моя трудность состоит в том, что мне нужно объяснить западному читателю некоторые вещи, ясные для советского читателя.

Моя книга продиктована искренним желанием найти путь к древнекитайским источникам и древнекитайской философии как к чему-то живому. Меня давно уже перестал удовлетворять бесплодный редукционизм советской философии. Меня вовсе не интересо-

¹ Введение (англ.).

² Непрерывность традиции (англ.).

вало, какие классы представляет тот или иной мыслитель, тем более, что мой собственный опыт показывал мне, что все это — вздор, что мои мысли вовсе не определяются тем, к какому классу я принадлежу. Я на собственном опыте понимал значение свободного выбора. Я был в группе, преследуемой и уничтожаемой советским правительством, но я отлично понимал, что если бы я сам хотел избрать иной путь, делать карьеру, заслуживать их благосклонность и доверие, то и судьба моя была бы иной. Мои мысли зависели не от моего происхождения, не от социальной группы, к которой я принадлежал. Наоборот — я принадлежал к определенной группе именно потому, что я избрал определенный образ поведения.

Ну, а дальше? Я был потрясен, когда начал читать "Шань цзюнь шу". Это было точное изложение советской программы. Однако разговор об этом, открытый разговор стал возможен лишь после ухудшения советско-китайских отношений и некоторой эрозии идеологического монолита. Лишь в этих условиях, в обстановке растерянности можно было говорить о том, что конфуцианство было не так плохо, можно было поставить вопрос о переоценке привычной характеристики конфуцианства как чисто консервативного учения, не представляющего для нас никакого интереса.

23.5.1974 Годовщина обыска.

[В предисловии к английскому изданию книги] нужно отметить еще следующее: книга была написана в условиях советского режима, и хотя я отнюдь не ставил себе публицистических целей, в ней, конечно, сказались обстановка, подспудные течения того времени. Теперь книга должна быть издана на Западе, где совсем другие проблемы.

Тут надо отметить два момента:

1. То, что на Западе уже не ново и что можно охарактеризовать как некое "культуртрегерство" или, что точнее, "моральтрегерство". Это моя оценка конфу-

цианства. Признание приоритета морального импульса в конфуцианстве сейчас на Западе не является чем-то новым. Это, после упадка морального сознания, характерного для периода между войнами, стало достаточно признанной точкой зрения. Моя роль здесь была в том, что я первый (и пока единственный) решился сказать об этом в СССР, после десятилетий оплевывания конфуцианства. Моя защита конфуцианства была защитой личности и ее достоинства в условиях современного принудительного коллективизма. Кроме того, защита этого учения была посягательством на монополию "единственно правильного учения". Пожалуй, к этой же категории раскрытия живого смысла учения может быть отнесена моя интерпретация даосизма. Она отнюдь не нова для западной науки, но до сих пор ни разу не фигурировала в советском китаеведении, где даосизм превозносится чуть ли не как диалектический материализм.

2. Интерпретация моизма и легизма является тем новым, что я, на мой взгляд, внес в изучение древнекитайской мысли. Именно тут сказалось то понимание одной культурой другой, которое и является, на мой взгляд, тем, что делает историю живой наукой. Путь вырождения утопизма в тоталитаризм выяснен на примере русской и французской революции. На мой взгляд, однако, ярче всего он проявился именно в Древнем Китае. Здесь в наиболее грубой и неотесанной форме проявился и утопизм с его нетерпимостью, редуccionизмом, ненавистью к культуре и идолопоклонством. Очень интересная тема — примитивный культ науки в моизме, введение расчета, попытка найти всеобщий эквивалент всему. И в самой жуткой форме выступил и тоталитаризм.

25.5.1974 Нужно как можно скорее написать предисловие. Сейчас утро, у меня два часа, очевидно, свободных. Правильно ли я наметил тему? Не будет ли это некоторым самохвальством, саморекламой? Этого бояться не нужно, потому что на Западе занимаются са-

морекламой все, даже такие милые и скромные люди, как Кэрил.

Предисловие, конечно, абсолютно необходимо, потому что нужно, чтобы была понятна духовная атмосфера. На что я отвечаю?

Итак, характеристика духовной ситуации в советской гуманитарной науке. Удушающий все догматизм, идеологическая монополия. Но стоит ли рисовать все уж в таком мрачном свете? Не нужно ли ввести какие-то оттенки? Тут, пожалуй, главное — характеристика духовной атмосферы, где существует тоска по живому слову.

Когда я думаю о том, что книга, написанная в советских условиях, появится в переводе на Западе, я чувствую потребность объяснить западному читателю некоторые вещи, которые помогут ему понять значение этой книги, а также ее место в советской науке. Необходимо остановиться на том, что я не указываю, какие классы представлял тот или иной мыслитель. На Западе, где не существует идеологического принуждения, это может быть сочтено недостатком. В СССР, где стандартный упрек каждому, кто пытается разобраться в каком-то учении, заключается в том, что у него нет партийности и классового подхода, само по себе нежелание заниматься этим уже представляет собой акт мужества.

Тут можно сказать еще вот что: советский подход к любому течению формулируется прежде всего в терминах: "материализм — идеализм". История философии — борьба материализма с идеализмом. И хотя в философии появилось нечто новое, в китаеведение это почти не проникло. Те, кто ведает китаеведением, до сих пор питаются старой идеологической похлебкой. Кроме того, в советской идеологии происходит замалчивание и замазывание моральной проблематики.

Опасность — озлобление. Написать надо в спокойном тоне, с некоей высоты. Солженицын, правда, не придерживается этого, но он писатель.

27.5.1974 Подняться, подняться над тоской, над отчаянием. Вернуться к работе. Именно работой я спасался последние годы. Сейчас, когда я стал знаменит как жертва, я чувствую по временам жуткую пустоту — от этого образа жизни. Не могу сосредоточиться, ничего не строю. Время уходит — между пальцами и пропадает зря.

30.5.1974 Это мой "звездный час", нельзя терять его. Не написать ли о том, что для понимания книги нужно понять атмосферу, ее породившую? Тут, таким образом, получается весьма занятно: с одной стороны, я писал не в вакууме. Моя книга поднимает много важных вопросов, имеющих общее значение. И надо обязательно сказать, что в силу этого она имела успех не только у востоковедов, и даже не столько у них, сколько у интеллигентов, думающих над тем, что происходит с ними. Таким образом, книга наглядно продемонстрировала единство человеческого опыта. Она воскресила для советского читателя Древний Китай, она показала, что ничто не умирает. Сам интерес к ней показал это. Советский мыслящий читатель читал эту книгу так, как будто она написана о нем. Рассказать обо всем этом не так-то легко. Но надо попробовать. Стоит труда.

Были сегодня в Переделкине с Эллен, видели там Галича. Четырнадцать лет со дня смерти Пастернака.

Если Сахаров хочет участвовать в нашем семинаре, есть о чем стараться. Тогда надо подготовить скорее доклад по Розенцвейгу¹.

3.6.1974 Утром говорил с Аленом², он был взвол-

¹ Франц Розенцвейг (1886–1929) — немецко-еврейский религиозный философ. По его книге "Stern der Erlösung" Виталий сделал доклад на семинаре по еврейской культуре.

² Alan Howard — один из основателей группы "Conscience".

нован, говорил, что семьдесят человек меня слушали, что это произвело большое впечатление, что он знает, что скоро я буду с ними и сам их увижу. Я вышел тоже взволнованный. Действительно, сколько хороших людей работает для нас и о нас думает.

Вчера после разговора с Аленом мне пришло в голову, что нам навязали роль партии политической оппозиции. Это и есть наш статус и наша функция. Поразительно, как мы их цивилизовали.

4.6.1974 А что, если назвать [книгу] "Four Living thinkers"¹? Думаю о том, стоит ли уезжать на время приезда Никсона? Не хочется. Думаю, лучше остаться и посмотреть, что будет. Еще далеко не факт, что они будут приходить и брать нас дома. А если да — ну что же, тоже интересно.

5.6.1974 Никак не удается закончить предисловие. Прежде всего надо постараться дать понять западному читателю, что такое свободная книга в СССР. Тут важно, что я искал в древнекитайских источниках ответы на вопросы, встающие перед человеком, живущим в современном тоталитарном государстве. Именно духовная жажда заставила меня переменить мою специальность: сначала я занимался историей, но те находки и частичные обобщения, которые удавалось сделать, не удовлетворяли меня. Да, я выяснил, что в Древнем Китае были народные собрания. А дальше что? Что от этого мне? Моим друзьям? Моим близким?

Тут, может быть, сказать еще вот о чем: о том, что я занялся историей Древнего Китая именно потому, что понимал, что только в таких отдаленных от идеологического центра областях гуманитарной науки может быть какая-то свобода. Это было единственной возможностью сочетать еще с детства захватившую ме-

¹ Четыре живущих мыслителя (англ.).

ня страсть к истории с сохранением собственного достоинства. Но в начале 1960-х годов, когда, с одной стороны, наступила некоторая оттепель, с другой же стороны именно в отношении Китая наблюдалась растерянность, и одним из моментов советско-китайских разногласий стали советские возражения против китайского "догматизма", я почувствовал, что появилась возможность определенной свободы в изучении китайской философии. Я подошел к ней, как к чему-то живому. Это не значит, что я восхищался всем древнекитайским. Но я был уверен, что мысль, высказанная человеком, не умирает, и нужно только уметь добраться до ее вечно живого смысла.

Теперь о феноменологии свободной мысли в тоталитарном обществе. Надо сказать, что это общество живет в такой идейной скудости, что для него ценна любая живая мысль, в какой бы области она ни была высказана. Моя книга так и не была отрецензирована в советской печати, но я имел достаточно доказательств того, что она была нужна, что она сыграла свою роль.

8.6.1974 Вчера был милиционер по поводу трудоустройства. Симпатичный паренек. Просил прийти во вторник. Когда он заявил, что работать в Иерусалимском университете, будучи в Москве, невозможно, я возразил, что возможно писать книгу. На это ему нечего было возразить.

9.6.1974 Все больше нагнетается ситуация. Теперь ясно, что акция со мной не была единичной, но частью общей кампании. Посмотрим, как это все развернется.

Вчера говорил снова с Аленом, прочитал ему наши телеграммы, и он похвалил их. Он говорит в таком удивительно заботливом и дружеском тоне, что, когда разговор кончается, я ухожу со слезами на глазах.

10.6.1974 Сегодня к трем дня иду в милицию. [Начальник отделения] Сычиков, когда я в первый раз

сказал ему о Иерусалимском университете, чрезвычайно удивился и спросил, где такой город. Сегодня думаю по совету И. прочитать им сначала вслух свое объяснение.

В 46 отделение милиции Москвы
от Рубина В.А.

Объяснение

В январе 1972 г. я, моя жена Аксельрод И.М. и сестра Рубина М.А. приняли решение о переселении в Государство Израиль, которое мы считаем своей Родиной. В это время я был старшим научным сотрудником Института востоковедения Академии наук СССР, и я сообщил об этом решении своему непосредственному начальнику Вяткину Р.В. Вяткин заявил, что мое дальнейшее пребывание в отделе Китая института может скомпрометировать весь отдел, и потребовал моего немедленного ухода с работы. Не желая подводить своих коллег, я ушел из института 1 февраля 1972 г.

25 февраля 1972 г. мы подали заявление в ОВиР и 26 июля получили ответ: моей сестре (зоологу и, как и я, кандидату наук) выезд был разрешен, и с августа 1972 г. она живет в Израиле; мне и моей жене было отказано, поскольку я — "крупный специалист". Таким образом, сначала вынудив меня уйти с работы, мне потом не дали выехать из СССР. При этом мне достаточно ясно было показано, что как специалист я в СССР не нужен и нежелателен: из журналов и сборников, где должны были быть напечатаны мои работы, они были выкинуты, и все упоминания об уже вышедших из печати трудах (мною написана книга и свыше шестидесяти статей по истории и философии Древнего Китая) тщательно вычеркивались из готовившихся к печати работ моих коллег.

Мы с женой многократно опротестовывали бесчеловечный и ничем не оправданный отказ в разрешении на репатриацию в Израиль. На эти протесты нам либо не отвечали, либо отвечали немотивированным подтверждением отказа. В течение одиннадцати месяцев (с нояб-

ря 1972 г. по сентябрь 1973 г.) я был вынужден работать не по специальности — я был чтецом-секретарем у слепого профессора, затем получил предложение работать по специальности — профессором в Институте Азии и Африки Еврейского университета Иерусалима. Я принял это предложение и с марта 1974 г. получил должность профессора Иерусалимского университета. Поскольку пока, будучи в Москве, я не могу читать лекции, с руководством Университета была достигнута договоренность, что я буду писать книгу по истории политической мысли Древнего Китая. С июня 1973 г. я — гражданин Израиля (удостоверение личности №765).

В заключение я хотел бы указать, что в начале войны, в 1941 г. я пошел добровольцем на фронт, участвовал в боях с немцами, три дня был у них в плену, бежал из плена и после этого в течение полутора лет работал на шахтах за колючей проволокой в лагере спецпроверки. Там я тяжело заболел и, уже освободившись, четыре года пролежал в постели с туберкулезом позвоночника. До 1955 г. я был инвалидом Отечественной войны. К настоящему времени у меня имеется двадцатипятилетний стаж работы, достаточный для пенсии, и не может быть и речи о каких-либо моих моральных обязательствах перед советскими властями.

9 июня 1974 г.

11.6.1974 Хорошо ли, правильно ли я себя вел вчера в милиции? Пожалуй, единственное, что можно было еще сделать — спросить фамилию квакающего карлика. Но в общем это не так важно. Когда я сказал, что хотел бы посмотреть на суд над участником войны, потерявшим на ней здоровье и проработавшим с тех пор двадцать пять лет (не забыть, что в трудовой стаж для пенсии входит и время учебы в вузе после армии), он несколько смутился и сказал, что моих военных заслуг они не отрицают, но что я должен работать.

Суд, конечно, крайне маловероятен уже потому, что они не заинтересованы в публичном привлечении внимания к подобным ситуациям. Мы же заинтересованы,

и для нас в известной мере "чем хуже, тем лучше". Но это требует нервов, а их надо беречь. Я вчера в общем держал себя в руках, и когда я сказал скотине: "Перед вами ветеран войны и всемирно известный ученый, а вы тут распустили язык", он в удивлении уставился на меня, не зная, что ответить.

Небезынтересный обмен репликами произошел, пока я переписывал "Объяснение". Скотина остановилась передо мной и спросила: "Вы родились в Израиле?" — "В СССР", — ответил я. "Чего же вы говорите, что ваша родина Израиль?" — "Потому что оттуда произошел мой народ. Вы слышали когда-нибудь об армянах, которые возвращаются в Армению из всех стран?" Вдруг подал голос милицейский в штатском, сидевший тут же, ихний "интеллектуал": "Правильно, правильно. Пусть убираются, воздух чище будет". — "Мы отлично знаем, как вы относитесь к нам, — сказал я, — и тоже не хотим с вами жить".

14.6.1974 Своеобразно получается: над нами заносится дамоклов меч. Здравый смысл говорит, что его на нас не опустят, с другой стороны, есть примеры, что опускали, и в конечном счете мы не знаем, каковы намерения тех, кто его держит.

В ответ мы поднимаем тревогу и приводим в действие те силы добра, которые до сих пор нас окрыляли. Они вновь встают на нашу защиту. Мы же так и не знаем, было ли это необходимо, не зря ли мы подняли этих благородных и честных людей, не являемся ли все мы жертвой циничного маневра, ловко рассчитанного запугивания. Не лучше ли было просто игнорировать их угрозы? Но мы не можем этого себе позволить, поскольку зверские законы этой страны дают возможность расправы над нами. К тому же, много раз мы убеждались в том, что сама реакция меняет нашу ситуацию. Классический пример — Пановы¹, вчера прибыв-

¹ См. примечание на стр. 77.

шие в Вену. И самое важное — сам факт нашей связи, подтверждающейся каждый раз, когда возникает такая ситуация. Той связи, против которой путем исключения телефонов так ожесточенно сейчас борются.

Днем был на "Реквиеме" Верди в исполнении Ла Скала. Изумительная музыка, благозвучные, полные благородства голоса. Потом пошел к синагоге и там Наташа Федорова рассказала, что звонил Юра Глазов и просил передать, что тысячи людей работают для меня, и я не должен чувствовать себя одиноким.

19.6.1974 Положение похоже на безвыходное. Впрочем, в нашей ситуации — может быть, чем хуже, тем лучше. Вчера за мной заходил милиционер, меня отвезли на черной "Волге" в 46 отделение милиции, где со мной беседовал глупый лупоглазый представитель органов. Сначала он был весьма агрессивен и пытался заставить меня отказаться от участия в семинаре¹, угрожая преследованием по статье 64 Уголовного Кодекса (измена родине). Впрочем, потом, когда я сказал ему, что он угрожает мне уголовным преследованием, он отрицал это, заявив, что это "может рассматриваться" по статье 64, но будет учитываться степень участия. Кажется, возможен солженицынский вариант: арест с последующей высылкой. Посмотрим.

Снился странный сон: я говорю с каким-то животным, вроде обезьяны, необыкновенно славным, но с обрубленной ногой, которой оно все время двигает. Меня охватывает благородное чувство, умиление, что это животное разговаривает, и так хорошо и душевно, я зову Ину...

Говорил вчера с Диной Исааковной [Каминской]. Она сказала, что в принципе и при двадцати пяти годах стажа судить за тунеядство могут, но она про такого рода суды не слышала. Вообще же, чем человек известнее, тем труднее расправа с ним.

¹ См. примечание на стр. 79.

20.6.1974 Думаю написать сенатору Э. Кеннеди:

”24-го апреля Ваш представитель, присутствовавший на нашей встрече, шутя сказал мне, что он слышал обо мне и о том, что именно я являюсь самой опасной фигурой, поскольку я знаю секрет силы Китая: это древнекитайская философия. Самое удивительное и неожиданное в этом то, что один из чиновников высокого ранга Министерства внутренних дел, генерал Шукаев, три дня назад сказал моей жене то же самое — только при этом он был совершенно серьезен. Он объяснил ей, что я — выдающийся специалист, знающий о Конфуции, и что эти знания особенно актуальны теперь в связи с борьбой, ведущейся в Китае против Конфуция. Моя жена в удивлении ответила, что меня выгнали с работы, что меня никуда не принимают, что все мои статьи изъяты из печати и что синологам запрещено даже ссылаться на мои прежние работы. Она сказала, что теперь я скорее соглашусь умереть, чем предоставить мои знания в их распоряжение. Генерал заявил: ‘Главное — чтобы он не работал там’. Эту фразу Шукаев повторил несколько раз”.

21.6.1974 Вчера был прощальный концерт Галича. Он пел с вдохновением, изумительно, с какой-то отчаянной радостью. Этот концерт запомнится.

22.6.1974 Такая масса событий. Со вчерашнего дня — под надзором. Началось, когда мы вышли с Тamarой Гальпериной, за нами увязалась пара. С тех пор они нас не покидают; вернее, сегодня передали каким-то другим — двум молодым людям с рожами гангстеров. От синагоги за нами уже шли они, а потом провожали меня к [телефону] автомату. Мне было приятно, что я мог говорить с [агентством] ЮПИ перед носом этих скотов.

23.6.1974 Вчера несколько раз выходил; каждый раз за мной следовали по несколько шпииков. У синагоги они меня передали каким-то другим. Сегодня

сигу дома. Кончил читать интересный доклад Нидхэма "Human law and the law of nature". Нужно продумать план, за основу которого можно взять эту статью.

24.6.1974 Некоторые думают, что сегодня, в понедельник, будут предприняты решительные действия. Посмотрим. Идет четвертый день осады.

25.6.1974 Вчера был безумный день. Пришли Воронели из КГБ [после вызова туда] и рассказали все их разговоры. В конце Саше угрожали, что отдадут его на растерзание соседям. По выходе от нас, между четырьмя и пятью часами, Саша был арестован. Нелли вернулась и рассказала об этом. При выходе был арестован и Дима Рамм. После того, как он отказался отказаться от семинара, ему дали позвонить домой и сообщить, что он вернется через десять-пятнадцать дней.

Так-таки Илья был прав: были предприняты акции. Фактически я теперь под полноценным домашним арестом: выход из дома грозит немедленным настоящим арестом. Никогда не думал, что могу быть подвергнут такой почетной форме ареста, про которую в детстве еще читал и думал: "Как приятно, наверно, находиться под таким арестом".

26.6.1974 Пока у себя дома. По всем правилам, должны взять сегодня, накануне приезда Никсона.

27.6.1974 Как это ни удивительно, вчера не взяли. Мелика [Агурского] вызывали в ОВиР, где с ним вели беседу начальники из КГБ (Сазонов и Кузьмич); уговаривали отказаться от семинара. Мелик в свою очередь предложил им арестовать его, но они вместо этого предложили ему послать его в командировку. Однако, когда он вернулся домой, к нему пришли трое и взяли его снова. Ночью он домой не вернулся. Про меня они сказали, что я заблокирован; кроме того, оказывается, я с балкона (какого?) всенародно объявил, что участвовать в семинаре не буду. Когда Мелик

спросил, почему меня держат, Сазонов ответил: "Бывают и ошибки". В середине разговора Сазонова вызвали к телефону, и он, вернувшись, сказал: "В Америке передали какое-то телеинтервью, в котором вы участвовали. Это вылилось в крупную антисоветскую акцию".

Выключен телефон. Приходил Володя Сафонов. Рассказал, что американцы говорили обо мне два дня назад в "Программе для полуночников". Наконец они обыграли всю историю с Конфуцием в юмористическом плане. Описали сцену осады, потом сообщили заявление Шукаева о Конфуции и потом сказали, что, по словам Рубина, в США имеется по крайней мере еще двадцать человек, знающих Конфуция не хуже него. Их тоже, следовательно, нужно посадить под усиленный надзор. Успел вчера вечером последний раз поговорить с Цви [Шифриным] и рассказать ему все. Он сказал: "I am still optimistic"¹. Кажется, понял все.

Володя, пройдя через всю массу шпииков, сказал: "Дорого вас ценят".

8.7.1974 Двадцать восьмого июня в одиннадцать тридцать был арестован и привезен впоследствии, в этот же день, в Можайскую тюрьму, где был помещен в одну камеру с Агурским и Розенштейном². Это было приятно — встретиться с ними.

11.7.1974 Вчера получил открытку из райисполкома с предложением явиться по поводу трудоустройства. Обстоятельства были подозрительны: принес ее тип кагебешного вида, и она была только что написана и рассчитана на сегодня, девять тридцать. Мы решили, чтобы они не помешали поездке на юг, пока скрыться.

¹ Я все еще настроен оптимистически (англ.).

² Биофизик, специалист в области математической психологии; с 1972 г. добивается разрешения на репатриацию.

Так и сделали, хотя, вообще говоря, скрываться противно. Вчера вечером были у Мелика, и он рассказал, что сейчас происходит массовый вызов евреев в райкомы. Был в райкоме и он с Верой, ругался там с ними в течение часа.

Смысл всей акции не ясен. Во всяком случае, сам я никуда не пойду. Интересно, что, по некоторым сведениям, вся акция имела смысл устрашения. Устрашения кого? Американцев, очевидно. Нас этим безусловно не устроишь. Может быть, это попытка вынудить у американцев уступки угрозой расправы с нами? Да, нужно приготовиться ко всему; пока мы здесь, с нами может быть все что угодно. Readiness is all.

Краткая фактография.

18 июня ко мне домой пришел милиционер и предложил проследовать с ним в 46 отделение милиции, где со мной встретился молодой человек наглого вида, заявивший, что он представитель "государственных органов". Он спросил, собираюсь ли я участвовать в семинаре. Затем, услышав мой положительный ответ, он, сославшись на статью в "Труде" от 17 мая, заявил, что семинар рассматривается как провокационный и антисоветский и участники его могут быть привлечены к уголовной ответственности по статье 64 Уголовного Кодекса — измена родине. Я ответил, что не вижу в семинаре ничего провокационного и антисоветского, что это научная встреча. На том и разошлись.

22 июня была установлена слежка за мной. Около дома постоянно дежурила машина с представителями КГБ, когда я выходил, вплотную за мной шли шпики.

С 23 июня дом был обложен со всех сторон агентами КГБ и я перестал выходить из дома.

27 июня моя жена Инесса Аксельрод схвачена на улице и доставлена в КГБ, к некоему Николаю Ивановичу, который говорил с ней о том, что мне необходимо отказаться от семинара и тогда, может быть, они пересмотрят мое дело. В этот же вечер прямо у входа в нашу квартиру, на лестничной площадке был установлен пост — сотрудник КГБ и милиционер. В середине

дня был выключен квартирный телефон, которым я мог пользоваться (мой личный телефон был выключен еще в феврале).

28 июня в десять утра ко мне явился представитель КГБ, дежуривший на лестнице, и предложил мне добровольно пойти с ним в милицию, заявив, что дело идет всего о нескольких днях и мне же самому будет лучше не подвергаться такому нервному напряжению. Я ответил, что добровольно в тюрьму не пойду.

В одиннадцать тридцать ко мне снова пришел представитель КГБ в сопровождении милиционера, и они отвели меня в 46 отделение милиции. После получасового ожидания туда же явился еще один представитель КГБ, предложивший мне отказаться от участия в семинаре и заявивший, что, если я этого не сделаю, они вынуждены будут принять административные меры. "Принимайте", — ответил я. Тогда мне предложено было выйти и сесть в черную "Волгу", которая через полтора часа доставила меня в тюрьму города Можайска. Здесь меня обыскали и отвели в камеру, где находились Агурский и Розенштейн.

4 июля в камере, где мы находились, было устроено заседание семинара. Каждый из нас по памяти сделал свой доклад, который был подробно обсужден остальными. Обсуждение было очень плодотворным.

6 июля в четырнадцать часов мы были приведены в кабинет начальника тюрьмы, где нам вернули наши вещи и документы. После этого нас посадили в "черный ворон" и отвезли в Москву. В 10 отделении милиции с нами провел короткую "беседу" представитель КГБ, после чего мы были отпущены домой.

Будучи в тюрьме, я переживал, что Ина одна блокирована в квартире без телефона, без друзей, видя только пару подонков. Произошло чудо — наши ребяташки¹ сумели проникнуть к ней и остались у нее. Это бы-

¹ Молодая чета, друзья Рубиных.

ло поразительно. Папа был прав: чему бы жизнь нас ни учила, сердце должно верить, верить, что случится нечто такое, что предвидеть невозможно, и что спасет нас.

Только состояние у меня плохое. Затравленное.

12.7.1974 Вчера у нас были милиционеры. Не зря мы, значит, уехали. Но вообще надо готовиться к их визиту и вести себя с ними спокойно. В их присутствии включить магнитофон.

13.7.1974 Вчера, в гостях, меня вдруг осенило: в конце концов все это носит опереточный характер. С нами хотели бы расправиться, но явно не могут, и это теперь и не входит в их планы. Пример с прогнозированием мной даты освобождения не оставляет сомнения в том, что мой анализ правилен. Из этого вывод — относиться ко всему с юмором, не волноваться, когда придет участковый, вести с ним себя совершенно спокойно, спросить, знаком ли он с моими объяснениями, если нет, дать прочитать, спросить, считает ли он сам справедливым такое обращение, и когда он будет доведен до кондиции, согласиться пройти с ним в милицию.

Чалидзе об идеологической цензуре:

”В Советском Союзе не увидит свет книга по истории (хотя бы и очень древней), в которой отсутствует марксистский анализ описываемых событий или в анализе этих событий допущены какие-либо ошибки по сравнению с политикой партии в этом вопросе в данный момент”. [В. Чалидзе. ”Права человека и Советский Союз”, Нью-Йорк, 1974.]

Получили удостоверение об израильском гражданстве.

15.7.1974 Вчера видел в [газете] ”Интернейшнл геральд трибюн” от 10 июля статью о себе. В ”Вашингтон пост” был репортаж о драке [корреспондентов] Джона [Шоу] и Боба [Кайзера] с гебешниками у нашей двери ночью двадцать восьмого. Помещен репор-

таж, очевидно, двадцать девятого июля. В нем острота ситуации сильно смазана, о грубости гебешников — ни слова; якобы они ограничились тем, что заявили, что исполняют свой долг. Точно так же и в статье все выглядит преувеличенно цивилизовано, но это в общем соответствует действительности. Мой образ выглядит там весьма mondain¹, что, очевидно, в западном вкусе. [Корреспондент "Нью-Йорк таймс"] Питер Оснос несколько дистанцируется от меня, заявляя, что вся эта группа раздражает советское руководство тем, что поднимает слишком много шума по поводу страданий слишком малого количества людей; но тут же он добавляет, что мы были задержаны не за то, что нарушали закон, а из-за приезда Никсона.

Паблицити, конечно, максимальная. Теперь уже точно, что обо мне знают миллионы. Хорошо это или нет? Хорошо в основном потому, что делает абсолютно невозможной тихую расправу надо мной. Но надо помнить, что "быть знаменитым некрасиво", и не почитать на лаврах, а стараться работать.

М. предлагает создать что-то вроде общества русско-еврейской дружбы. Его идея пока достаточно неопределенна, потому что он даже говорил о каком-то комитете дружбы между евреями и другими народами СССР, но тут я возразил, что этот вопрос мы не можем решать в Москве; если есть украинцы, которые хотели бы войти в подобный комитет, то он должен быть создан на Украине.

Встает вообще вопрос о направлении и смысле нашей деятельности. Сионизм означал стремление евреев не заниматься делами других народов, а сосредоточить усилия на спасении собственного народа, который находился на краю гибели. Уверенность в том, что мы — избранный народ, который должен существовать именно как отдельный народ, лежала в основе этого дви-

¹ Светский (франц.).

жения. Это прежде всего национальное течение, противопоставившее себя тенденции к ассимиляции и национальному уничтожению нашего народа на рубеже веков. Но сама ценность нашего народа, наложившего свой отпечаток на всю европейскую, а следовательно и всемирную историю, определяется универсальностью тех идей, которые он нес человечеству. И когда сионисты боролись за сохранение нашего народа, они стремились не дать уничтожить ценнейший сосуд, источник будущего творческого порыва.

Теперь настало ли время, чтобы вновь думать о других народах и посвящать им свои усилия? Вопрос как будто имеет однозначный ответ. Однако, дело не так просто. Аргументация М. заключается в том, что мы пользуемся поддержкой других, и поэтому должны оказывать поддержку им. Я думаю, что если внимательно разобраться, то выяснится, что добились возможности вырваться из рабства мы не в силу поддержки других, а в основном собственными усилиями, а также благодаря поддержке с Запада, исходящей от еврейских организаций, сумевших мобилизовать и более широкую общественность. Конечно, такие люди, как Сахаров, нас поддерживают. Но стоит ли ради их поддержки создавать специальный комитет или что-то в этом роде? Мы ведь можем выразить свое отношение к нему (и оказать ему тем самым помощь, поскольку это в наших силах) и как отдельной личности. По сути дела и их поддержка нас не представляет собой помощи со стороны какого-то класса людей (русской интеллигенции или чего-то подобного), но их личную помощь. Пример Орлова показывает, что для призыва о помощи благородному русскому ученому не требуется никаких комитетов.

Все это приводит меня к заключению, что от предложения М. нужно отказаться. В этой идее выражается его неумная активность; но в избытке активности есть своя опасность. Нужно остерегаться излишней организационной суеты.

13.8.1974 Сегодня были в посольстве США с приключениями. Когда мы подошли, молодой милиционер отослал нас к старшему, а тот — цербер, стоявший на углу переулочка, — захватив наши паспорта, пригласил нас зайти в милицейское помещение около посольства. Там он стал звонить участковому, от которого узнал, что я встречаюсь с журналистами и что у меня "там целый список [преступлений]". Потом он пригласил нас в другую комнату, и тут я спросил его, почему они нарушают обещание, данное МИДом. Он ответил, что эти приглашения ничего не стоят ("знаете, сколько я их видел"), — несомненно, он не видал их вообще — и что он тоже мог бы получить такое приглашение. "Нет, вы приглашения не получите", — сказал я. Затем он с видом знатока спросил, знаем ли мы международное право, а когда мы ответили, что да, знаем, заявил: "Тогда вы должны знать, что контакты с посольством осуществляются только официальными лицами. Советские органы решают, кому ходить в посольство". — "Не городите вздор", — ответил я. Затем он заявил, что они "проверят". "И сколько же времени будет продолжаться проверка, часа два?" — спросил я. "Меньше", — ответил он. Минут через пятнадцать он отдал нам паспорта и приглашение и сказал: "Можете идти". У входа нас уже никто не задерживал.

Консула Джеймса Хаффа пришлось некоторое время подождать, а потом, когда он пригласил нас к себе, и спросил, кто я, он вдруг радостно воскликнул: "Виталий!" Оказывается, из Госдепартамента была бумага о том, что американцы требуют поднять вопрос обо мне, и он, не дозвонившись мне, даже заезжал к нам домой, но не застал нас. Разумеется, я не возражал против того, чтобы по моему поводу говорили в МИДе.

Цербер, конечно, был крайне поражен исходом. Он уже думал, что поймал крупных преступников — он говорил: "Тут двое пытались проникнуть в американское посольство".

17.8.1974 Вчера узнал, что милиция справлялась о

том, нахожусь ли я на учете в тубдиспансере, и те ответили отрицательно. Копают. Неудивительно: то, что я сделал¹ — прямой вызов, и трудно было ожидать, что они примут это безропотно. Фактически я добиваюсь для себя экстерриториального статуса, подобного статусу академика Сахарова. Естественно, что на такой статус они соглашаются без особого удовольствия. Мое заявление сделает их положение еще трудней. Но, конечно, не нужно заблуждаться, что мне будет легко. "Стоп" им не сказали и неизвестно, когда скажут.

Тем временем идут в Вашингтоне поиски компромисса. Договариваются ли о нас тоже? Трудно себе представить, чтобы американцы могли нас предать.

Заявление Виталия Рубина

За мной идет охота, как за преступником. Ко мне приходят милиционеры, мне угрожают судом.

В чем же мое преступление? Оно в том, что два с половиной года назад, когда я сообщил, что намереваюсь переселиться в Израиль, меня немедленно вынудили уйти с работы в Институте востоковедения. В том, что, выкинув все мои работы из журналов и сборников, где они должны были быть напечатаны, и показав мне тем самым, что в СССР я не нужен, мне затем отказали в разрешении на выезд в Израиль, ссылаясь на то, что я "крупный специалист".

Оказавшись в СССР в невозможном положении, я вынужден был около года работать не по специальности — я был чтецом у слепого. За это время я получил предложение преподавать древнекитайскую философию в Колумбийском университете в Нью-Йорке, но в ответ на просьбу о предоставлении мне возможности работать там по специальности, я получил отказ. Естественно, что когда Еврейский Университет Иерусалима предложил мне пост ученого, находящегося за ру-

¹ Речь идет о приводимом ниже "Заявлении для прессы".

бежом, я принял это предложение и в настоящее время работаю над книгой по истории древней философии Китая.

Однако советские власти такое положение не устраивает. Они настаивают на том, чтобы я нашел себе работу в СССР. Им отлично известно, что по специальности я работать в СССР не могу, но они хотят, чтобы я нашел любую работу. Землекопа, рабочего, кого угодно.

Их не волнует при этом то, что я ветеран войны, добровольцем пошедший на фронт в 1941 году.

Не беспокоит их и то, что я четыре года пролежал с туберкулезом позвоночника, полученным на каторжных работах, куда был послан вслед за бегством из немецкого плена.

Они предпочитают не замечать и того, что у меня уже есть двадцатипятилетний стаж работы, достаточный для получения пенсии.

Они, по-видимому, добиваются того, чтобы унижить меня как еврейского ученого, заставив заниматься физическим трудом. В этом они не оригинальны: задолго до них нацисты с этой же целью заставляли еврейских профессоров подметать улицы.

16 августа 1974 г.

19.8.1974 Опять был милиционер, опять не застал. Долго говорил с Иной, извинялся, говорил, что это не его инициатива и даже не начальника милиции, что на него давят сверху. В конце концов уговорились, что я приду к нему завтра.

21.8.1974 В ночь на двадцатое августа – приступ стенокардии.

Начал читать "Голос из хора" [Синявского]. Писать бы так!

Назвать мою работу надо будет "Four silhouettes of Ancient China"¹.

¹ "Четыре лика Древнего Китая" (англ.).

15.9.1974 Четвертого сентября они пошли ва-банк и просчитались¹. Дело кончилось не комиссией исполкома, а больницей, что сразу поставило их в достаточно невыгодное положение.

[Запись в больнице 11.9]:

Звонок из Нью-Йорка! Как они узнали телефон? Поразительно! Говорил какой-то Кеннет, студент. Сказал, что была демонстрация по моему поводу в Нью-Йорке, в Колумбии, что сегодня будет демонстрация перед советским представительством в Нью-Йорке и что она будет транслироваться национальным телевидением. То, чего я давно ждал. Наконец-то! Оказалось, что де Бари получил мое письмо всего два дня назад. Он сам собирается звонить мне, я сказал, чтобы он сделал это до пятницы, потому что в пятницу я выписываюсь. Когда он спросил, вернусь ли я домой, я ответил, что нет, что буду пока жить у друзей, что не могу сказать, у кого, потому что жить дома сейчас было бы для меня слишком опасно. Сказал, что Киссинджер знает о моем случае; когда я спросил, собирается ли он что-нибудь сделать, он ответил: "We shall try"²

16.9.1974 Отправил сегодня целую партию бумаг от имени Ины (Подгорному, в МВД, генеральному прокурору, в Комитет народного контроля): заявления о незаконности всей травли и с требованием сообщить о принятых мерах.

19.9.1974 Уже неделю как не дома³, в состоянии

¹ 4 сентября 1974 г., в семь часов утра, в квартиру Рубиных явилось несколько милиционеров с тем, чтобы доставить Виталия на комиссию райисполкома для принудительного трудоустройства. Виталий в это время лежал в постели после сердечного приступа. Начальник милиции был вынужден вызвать "Скорую помощь", которая отвезла Виталия в больницу.

² Мы попытаемся (англ.).

³ Чтобы избежать преследований, Рубины некоторое время жили у друзей.

некоторой затравленности. Вчера выяснилось, что слепой, который хотел меня взять [секретарем на работу], отказался. Очевидно, испугался. Но вечером со мной произошел случай, который, пожалуй, в пору считать чудесным спасением. У остановки автобуса я взял такси, сел рядом с шофером и на повороте к Матвеевскому у Аминьева вылетел из машины на шоссе, несколько раз перевернулся, встал и пошел обратно к такси. Потом оказались на руках ссадины, больше ничего. Первый момент, когда я выпадал из машины, это было страшно, и, между прочим, ехавшая сзади машина тоже остановилась. Но я сразу же понял, что не произошло ничего страшного, когда спокойно встал. Гибель или ранение были совсем рядом.

Дай Бог, и сейчас так же все минует. Позавчера передали, что такое же предостережение, как я, получил Воронель. Это навело на мысль о каком-то едином плане. В самом деле, зачем предпринимаются действия против людей, хорошо известных, и почему оставляют в покое тех, кто известен мало? Не может быть, чтобы это было случайно, чтобы они не принимали в расчет резонанса, чтобы он был для них полностью неожиданным. Гораздо легче представить, наоборот, что это акции, специально предназначенные, чтобы вызвать резонанс, запугать ведущих сейчас переговоры американцев и таким образом сделать их более уступчивыми. Мы таким образом выступаем в классической функции заложников, которые могут быть мучимы и убиты с целью воздействия на кого-то. На правильность этой концепции указывает несколько моментов. Во-первых, то, что [милиционер] Ксенов, узнав о нашем отъезде летом, очень испугался. Это говорит об усиленном интересе ко мне кого-то сверху, дирижировавшего всей этой акцией. Во-вторых, сам Ксенов говорил, что инициатива исходит не от них, а от кого-то еще. Я думал, что вопрос в том, что я вызвал их особую злобу, но, может быть, дело не в этом или не только в этом. Злоба плюс расчет. В этой ситуации особенно важно не по-

казываться им, пока переговоры [с американцами]¹ не будут закончены.

23.9.1974 С двадцатого сентября в Калуге. Погода чудесная, мягкая и теплая осень.

Живем в номере "люкс", необыкновенно удобном, с прекрасной ванной комнатой, в которой я каждое утро принимаю горячий душ. Вчера ездили в Козельск и Оптину Пустынь — из книжки, здесь купленной, узнали, что она тоже на "Калужской земле". В Козельск приехали на такси (таксист сказал, когда услышал, как я выпадал из машины: "Вы или таксист — кто-то из вас родился в рубашке"). Поскольку таксисту такая опасность не грозила, считаю, что родился в рубашке я. И очень уж это совпадает со всем остальным, с тем, в частности, как я избавился от милицейского рейда). Поразились убожеству жизни в этом городке. В ресторане — грязь, убожество, официантки кричат пьющей пиво и не нарушающей ничем порядка компании молодежи: "Чего рассиживаетесь? Выкатывайтесь отсюда".

Но самое сильное впечатление — сама Оптина. Там сейчас "СПТУ" — "Сельскохозяйственное производственно-техническое училище". Мерзость, грязь, разгром, уродство и всеобщее равнодушие. Когда подходили, встретили у стен прилепившиеся убогие домишки. От стен остались остатки, у входа все разбито, как-то выломано и загажено. Внутри — несколько ступеней, ведущих никуда. Потом по фотографии мы поняли, что это все, что осталось от великолепной парадной лестницы, которая вела к изящной колокольне — мы с трудом отыскивали ее основание; потом, немного выше, валялся неизвестно как тут оказавшийся гранит-

¹ Имеются в виду ведшиеся в то время переговоры о предоставлении СССР статуса "наибольшего благоприятствования" в торговых отношениях с США. Одним из условий должна была стать свободная эмиграция из СССР.

ный надгробный памятник некоего Гартунга, умершего в 1879 г. Слева — какое-то уродливое строение, около которого большая куча каменного угля. Центральный собор — без лукович, их основания как бы поднимают к небу обрубленные руки. Рядом — развалины домов (тоже, очевидно, церквей), многоэтажные, поросшие бурьяном, и несколько бывших церквей превращено во что-то вроде спортзалов, причем купола заменены уродливыми коническими крышами, увенчанными красной звездой. Мы узнали потом, что весь этот вандализм — дело рук стоявшей тут много лет после войны воинской части; дело было довершено местными жителями, растаскавшими церкви на кирпичи.

Пройдя еще с полкилометра через прекрасный лес, мы вышли к скиту, где жил и умер Зосима, то есть, его прообраз — Амвросий. Уже подходя к нему, мы были удивлены, увидя свежеевыкрашенную в зеленый цвет крышу, — уж очень не гармонировало с мерзостью запустения, царившей вокруг. Прошли через маленькую надвратную церковку, покрытую лесами, и оказались на поляне перед свежееотремонтированным зданием деревянной церкви Иоанна Предтечи; дверь была открыта. У двери — вывеска: "Филиал Калужского музея".

Встретившая нас женщина лет тридцати пяти в спортивном костюме весьма любезно провела нас в зал, где были выставлены какие-то картины местных художников, но когда я сказал ей, что хотел бы видеть что-то связанное с творчеством Достоевского, она тут же провела нас в другую комнату, где была детски-наивная композиция, ему посвященная.

Потом разговорились с хранительницей. Выяснилось, что не одни мы хотим видеть не доморощенное мариане местных художников, а то, что связано с Достоевским, с Толстым (он был здесь за несколько дней до смерти, уже во время бегства). Оптина стала в последнее время местом паломничества, приезжают автобусы из Москвы, из Загорска (!). Оттуда, в част-

ности, приезжал какой-то престарелый архиерей, предрекший, что здесь будет действующая церковь. Но есть и силы, этому противодействующие: некий старый большевик из Козельска непрерывно пишет письма в газеты, протестуя против "восстановления религии". Я предложил ей посоветовать ему, чтобы он потребовал сожжения "Братьев Карамазовых".

24.9.1974 Как много значит голос друга! Вчера ночью удалось соединиться с Генри Гольдстейном¹. Генри получил мое письмо из больницы и сказал, что хочет опубликовать его, он говорил быстро, волнуясь, сказал, что неважно, кто послал мне [денежный] перевод, что это от еврейского народа, который думает обо мне и взволнован моей судьбой. Он все время жалуется почте, что не доходят его письма (датская почта стала мишуге² от его жалоб). Дома он бывает каждую пятницу вечером, и хотя вообще он в это время никаких дел не делает, но для меня его линия открыта. Вижу перед собой его серьезные глаза за толстыми стеклами очков.

Вчера днем ездили в деревню, расположенную напротив Калуги, в Ромодановские Дворики. Отсюда видна очень красивая белая церковь, там находящаяся. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что церковь покрашена в белый цвет ровно настолько, чтобы она казалась белой из Калуги. Ниже — непокрашенная кирпичная стена.

25.9.1974 Сегодня уезжаем. Отдохнули душой от ожидания нового "визита", сумели соединиться с рядом друзей (вчера говорил с Эллен, которая рассказала, что была в Канаде на конгрессе славистов), посмотрели милый город, Козельск и Оптину. Вчера посетили

¹ Один из датских активистов борьбы за права советских евреев.

² Здесь: обезумела (идиш).

местный бор и сидели у красного куста, почти как неопалимая купина. Вечером слушали ободряющую передачу "Немецкой волны" о наших перспективах. [Президент] Форд, как выясняется, много раз участвовал в митингах в поддержку советских евреев и намерен бороться не только за право на эмиграцию, но и за права евреев здесь.

26.9.1974 Итак, милиция приходила, и неоднократно. Не знаю, почему это известие меня так взволновало: ведь на это я и рассчитывал; значит не зря я здесь. Сейчас важно выждать еще какие-нибудь две-три недели. А там посмотрим. Что-то должно решиться.

Ощущение травимого зверя все еще непривычно. Удивительно противно скрываться. В особенности, когда Ина ходит и подвергает себя опасности. Но сейчас, как будто, это самая разумная линия.

Сейчас Ина звонила снова и говорила, что получена телеграмма Цви [Шифрина] с поздравлением по случаю назначения в Колумбийский университет. Даже и не радуется, тем более, что это сделано, чтобы мне помочь, но помочь не может.

Сегодня кончил перечитывать "Братья Карамазовы". Вещь поразительная. Нашел кое-что интересное в примечаниях. Так, заняты параллели с конфуцианством в характеристике Достоевского Н. Михайловским. Михайловский пишет, что "он до такой степени верил в силу личной нравственной проповеди, ...что всякие иные пути устранения унижений и оскорблений казались ему самым дерзким восстанием и против истории, и против народных идеалов, и против Бога". Сходство с Конфуцием несомненное, но вообще говоря, у конфуцианцев нет этого максимализма. В особенности у Мэн-цзы. Есть признание того, что народ должен быть обеспечен питанием, и лишь после этого можно требовать от него нравственности.

Безусловно, противостояние Конфуция Мо-цзы имеет самую непосредственную связь с проблематикой "великого инквизитора". По-видимому, Мо-цзы — са-

мый ранний социалист (интересно было бы его сравнить с Платоном). Дело идет об оценке человека, о роли в нем тела и духа. Опять цитирую из примечаний (просто чтобы напомнить себе о постановке некоторых вопросов). [Из автокомментариев Достоевского]: "Камни и хлебы — это современный социальный вопрос: социализм 'хлопочет прежде всего о хлебе...' На это Христос отвечал: 'Не одним хлебом бывает жив человек'. 'Лучше вселить в души идеал красоты', 'возвестить один идеал духовный'. Отсюда отрицание материализма, новейшей науки...

Иван... развертывает критику христианства, заявляя, что его высокие моральные требования не под силу людям и что основатель учения переоценил их слабую природу и малодушный характер, потребовав от них героизма невыполнимого. Нужно же было прежде всего накормить голодных. 'Накорми, тогда и спрашивай добродетели!'"

Чем же отличается Мэн-цзы от великого инквизитора? Тем, что последний хочет при помощи кормежки поработить людей, а Мэн-цзы, напротив, поднять их. Пафос инквизитора — тоталитарный, пафос Мэн-цзы — анти тоталитарный. Кстати, я часто думал, что тут многое говорит современный опыт. Если сентенция "прежде всего накормить" имела за собой определенный моральный смысл, то опыт последних десятилетий не оставляет сомнений, что такое стремление ни к чему, кроме всеобщей нищеты и вырождения, не приводит.

28.9.1974 Сегодня решил не идти к синагоге, чтобы случайно не быть схваченным. В общем, так скрываться мучительно, но сейчас они уж очень хотят до меня добраться, и не надо давать им этой возможности.

Конечно, все это строится на предположении, что дело идет о нескольких неделях¹. А если все сорвется?

¹ См. примечания на стр. 112.

Маленький эпизод для характеристики теперешнего моего состояния: неожиданно раздался звонок в дверь; скорее всего, почтальон. Я не отворил и уже около часа не могу прийти в себя.

30.9.1974 Вчера был прекрасный день, и мы ходили часа три-четыре по лесу у Мичуринца. Когда ехали туда, были свидетелями потрясающего случая. Мы стояли в очереди, и приближалась электричка к Москве. В публичке вдруг началось какое-то движение: кто-то махал руками, пытаясь остановить поезд, и я услышал слова: "Ребенок на рельсах". Электричка приближалась, и вдруг прямо метрах в двух перед ней мелькнула фигура женщины, быстро поднявшей ребенка около двух лет. Со скрежетом поезд остановился у середины платформы, потом снова двинулся вперед и остановился уже нормально. Это был типичный случай спонтанного благородного порыва (как оказалось, это не была мать, ребенок был неизвестно чей, он, очевидно, забрел сюда из соседней деревни); именно такие случаи приводились Мэн-цзы в доказательство того, что человек по природе добр.

А сегодня — весьма рискованное свидание с [корреспондентом] М.Л. Мы ждали его в саду бывшего театра "Аквариум". Они ждали тоже — мы ведь договорились по телефону. За несколько минут до его появления в саду возник молодой человек, весьма мерзкого вида, с портфелем, и я сразу подумал, что он ждет М.Л. И в самом деле; но за ним, кроме того, чуть не вплотную шел маленький тип с седым ежиком. Мы поздоровались и пошли пешком в направлении Кудринской; они крутились где-то вокруг нас. Потом, когда мы попрощались с М.Л., они как будто исчезли вовсе. Мы шли по пустой Никитской. И вдруг у Никитских ворот мерзкий тип появился снова; его, следовательно, интересовали мы. Мне стало как-то тоскливо; ясно было, что в теперешней ситуации избавиться от них необходимо, но как? Он нырнул между тем в подъезд около почтового ящика, куда мы опустили

письма (вероятно, потом содержимое этого ящика подвергалось детальному изучению); больше он не появлялся, но Ина уверяла, что они передали нас кому-то еще, и что этот второй, когда мы сели в троллейбус, сел в машину, которая поехала за нами. Вышли мы у угла Манежной и двинулись в сторону Охотного ряда, уверенные, что нас преследуют. И вдруг недалеко от двора, где в комплексе старого университета вход к геологоразведочному Институту, мы встретили [подругу Ины] Нору. Каким-то образом она сразу по нашему виду догадалась: "За вами идут? Так поворачивайте во двор университета, из него четыре выхода в разные стороны, идеальное место, чтобы скрыться от шпиков". Тем временем тот, кто за нами шел, поровнялся с нами и прошел вперед, очевидно, решив подождать нас там. И во дворе университета нам удалось от него уйти! Возможностей затеряться там достаточно, и он, может быть, и искал нас, но не нашел. Мы с Норой пообедали вместе в профессорской столовой. Потом на метро доехали до Киевской и расстались. Мы с Иной отправились на кладбище, на могилу матери Ины — ведь сегодня ее именины.

Почему на протяжении этого пути они не подошли к милиционеру и не попросили проверить наши документы? Очевидно, сейчас по отношению к друзьям американцев такие меры не *comme il faut*. Это бы, конечно, сильно облегчило их задачу, но нет такой инструкции, и приходится действовать интеллигентно. Эта интеллигентность на этот раз дорого им обошлась. Но другого выхода у них не было.

2.10.1974 Сегодня весь день был потрачен на то, чтобы познакомить Л.Б. с корреспондентами. Я подумал сейчас, что это — делание истории. Не в том смысле, что вопрос о демонстрации Л.Б. — нечто решающее. Конечно нет. Но если бы она состоялась (а в конце концов Питер Оснос убедил нас, что это сейчас бес-

смысленно), и сведения были бы переданы worldwide¹, то это стало бы частью истории, тканью, из которой она соткана. Эта ткань — страдание. В самом деле, почему я стал знаменит? Только потому, что я получил отказ. Если бы у меня все сложилось спокойно и нормально, никто бы обо мне не знал, кроме узкого круга специалистов. Так ведь и было написано в одной из статей: два года назад Рубин был никому не известным специалистом по Древнему Китаю, сейчас стал cause celebre², известной всем востоковедам.

Следующим этапом моей известности было задержание двенадцатого октября 1973 года, затем — голодовка, затем — участие в семинаре и арест при Никсоне, и, наконец, история четвертого сентября. Все этапы без исключения связаны со страданием.

Но, с другой стороны, прав был и Андрей [Амальрик] — "боевое крещение" этих лет состоит в том, что я уже не только жертва, но и борец. В этом второй существенный компонент истории: страдание, принимаемое на себя добровольно, страдание как часть борьбы.

7.10.1974 Измучен ожиданием. Ина уехала утром, в час должна была встретиться с М.Л. и передать письмо и предисловие [к книге]. Я ждал ее звонка и рисовал себе всякие ужасы. Опыт говорит, что мы напрасно себя мучаем. Очень важно ориентироваться и представлять себе точно, что может и что не может быть. В частности, они нас, очевидно, не могут (при всем желании) по-настоящему арестовать. Вспоминаю разговор в милицейском доме при посольстве: "Встречаются с иностранными корреспондентами и еще целый послужной список [преступлений]". Значит, у меня целый послужной список, и, тем не менее, я гуляю на свободе.

¹ По всему миру (англ.).

² Знаменитый случай (франц.).

Но они хотели бы эту свободу ограничить, посадив меня на какую-то "работу" с девяти до шести. Тут ситуация своеобразная: строго говоря, нет закона, по которому они могли бы меня заставить работать, но имеется практика милиции и ее (не известные нам) инструкции. Это-то и причина молчания прокуратуры¹: то, что, на мой взгляд, является грубейшим нарушением закона, для людей, знающих практику и инструкции, является абсолютно нормальной деятельностью. И, естественно, в первую очередь прокуроры выясняют, кто я, и, выяснив, начинают тянуть и стараются замять дело.

Вчера — весьма неприятное сообщение "Голоса Америки" относительно того, что переговоры о "статусе" [наибольшего благоприятствования в торговле] зашли в тупик. Они сказали, что дело в том, что советское правительство не взяло на себя обязательства выполнить квоту [эмиграции]. Если это так, советских скотов в данном случае можно даже пожалеть: они действительно не знают, сумеют ли они выполнить квоту в шестьдесят тысяч [отъезжающих]. Если дело уперлось в квоту, это в самом деле обидно; кстати, мы всегда были против всяких квот.

9.10.1974 Интересную деталь психологии продавшихся [режиму] евреев сообщил Белопольский: его папаша² считает, что чем больше будет антисемитизм, тем для него лично будет лучше: сам факт его существования будет еще более ценен для оболванивания.

10.10.1974 Вчера, наконец, хорошие новости: по "Голосу Америки" передано, что восьмого на совещании Киссинджера с сенаторами выработана формула,

¹ В ответ на жалобу на незаконные действия милиции 4 сентября 1974 г.

² Главный архитектор одного из районов Москвы.

дающая возможность компромисса.

Внутри — тоже признаки облегчения. Впервые с 1971 года не только не разгоняли евреев на Симхат Тора, но даже, когда собралась толпа, закрыли движение по переулку. У Сусловых восстановили телефон — может быть первый результат соглашения о восстановлении коммуникаций. Может, будет и наш телефон восстановлен.

Вчера было так хорошо оказаться снова среди своих, в гостеприимном доме Сусловых. Обрато от Сусловых подхватили на улице машину, явно кагебешную, мчавшуюся с невероятной скоростью и на красный свет. На всякий случай не доехали до дома.

12.10.1974 Вчера встретились у Лунца с тридцатью американскими адвокатами. Напротив сидела молодая еврейка с удивительно выразительным лицом; в линиях ее лба сразу же отражалось все, что говорилось. Она пристально смотрела на меня своими большими серыми глазами. Что в них было? Интерес? Сочувствие? Ее лицо было как душа нашего народа. "Unbelievable"¹ — основное впечатление, которое, по-видимому, было у этих американцев.

Завтра идем к прокурору. Может быть это ловушка? Посмотрим.

Получил вчера текст перевода своей книжки.

15.10.1974 Вчера были у помощницы Бауманского прокурора Исаевой. Разговор шел по заранее предвиденному нами пути: не о том, что произошло четвертого сентября, а о том, что я не работаю, что я прямо, будто бы, заявил, что не хочу приносить пользу советскому государству и заниматься общественно полезным трудом. Это же она сказала и Ине, на что Ина ответила, что она занимается общественно полезным тру-

¹ Невероятно (англ.).

дом, то есть домашним хозяйством (комментарий к УК пригодился), а живет не на иждивении мужа, а на сбережения.

Самый забавный момент был, когда в конце приема Ина вынула бумажку, чтобы записать то, что она говорит. Эффект был потрясающим: Исаева в удивлении и страхе (да, страхе!) спросила: "Как, вы записываете то, что я говорю?" – "Конечно", – сказала Ина. Я добавил: "Мы запишем все, что вы говорили". – "Вы не имеете права", – сказала она как-то неуверенно. "Почему, я имею право", – ответила Ина. "Вы можете быть свободны", – поспешно заявила Исаева. "Я допишу, и мы пойдем". Вышли, не прощаясь.

19.10.1974 Вчера был у комнаты, где происходил суд [над Виктором Польским]¹. Обстановка была спокойная. Что было удивительно, в зал внесли несколько скамеек, и на них сидели евреи. Соотношение евреев и КГБ было пятьдесят на пятьдесят. Для Люси Сахаровой внесли специальную скамейку.

Сегодня утром передали, что достигнуто компромиссное соглашение между Фордом и Джексоном о предоставлении "статуса" [наибольшего благоприятствования в торговых отношениях] СССР. Дождались. В ближайшие дни можно будет вернуться домой: теперя преследования делаются уже совсем маловероятными. Вчера мне было предложено стать натурщиком, но это все же потребует очень много времени.

21.10.1974 Все изменилось два дня назад, когда было сообщено о достигнутом компромиссе. В субботу у синагоги не было ни шпигов, ни милиционеров, настроение у всех было отличное, особенно после этих из-

¹ Видный деятель еврейского движения в СССР. В Израиле с 1974 г. Судился по поводу дорожного происшествия.

вестий и суда над Польским, окончившимся штрафом в сто рублей.

Переехали домой.

1.11.1974 Утром говорил с Цви [Шифриным]; после долгого перерыва вновь слышал его низкий американский голос. Он сказал, что недели две назад в Нью-Йорке организован международный комитет в мою защиту, а сегодня пришло письмо от английских евреев, где написано, что обо мне было письмо в "Таймс". Я подумал сегодня, что я в такой ситуации, когда делается осмысленной и жизнь, и смерть.

И еще мне пришло в голову, что может быть важным мотивом преследования за "тунеядство" было то, что они убедились, что мы стали независимы от них. Этого они вытерпеть были не в состоянии.

8.11.1974 Позавчера и вчера были в поездке Венев — Куликово Поле. Погода в конце была ужасная; но все же Куликово Поле посмотреть было интересно. Церковь теперь в хорошем состоянии (очевидно, недавно реставрировали); не такая, как описана в [рассказе А. Солженицына] "Захар Калита".

Очень понравился мне ответ Бори на вопрос какой-то тетки: "Неужели тебе не нравится здесь ничего?" — "Нет, папа и мама мне нравятся".

Два дня назад был на встрече с сенатором Бакли. Вчера по этому поводу был хороший обзор Би-Би-Си, где говорилось, что то, что происходит сейчас, когда американский сенатор встречается неофициально с Сахаровым и с евреями, несколько лет назад было бы расценено с советской стороны как грубое вмешательство во внутренние дела.

14.11.1974 В разговоре с [американским консулом] Джеймсом [Хаффом] несколько дней назад — тема папы. Я упомянул о том, что изучил китайский язык потому, что хотел в чем-то превзойти папу. Тогда Джеймс сказал: "Значит, прав Фрейд с его комплек-

сом Эдипа”. Потом я подумал, что этот случай показывает всю односторонность подобных построений. Ведь этому восходящему к античности построению может быть противопоставлена иудейско-христианская идея высшей любви, связывающей отца и сына. Я думал о том, что быть сыном великого человека — всегда большое испытание; это известно на многих примерах, в частности, на сыне Гете. Но, если говорить обо мне, то меня связывала с папой любовь, превосходившая любое другое чувство к любому человеку на земле. Наиболее близкое описание того, что я чувствовал после смерти папы, я нашел в словах Лары у гроба Живаго. Я долго не знал, найду ли я в себе силы жить дальше после смерти папы. Хочется сказать все это Джеймсу.

Тексты из второго тома ”Архипелага Гулага”, интересные с точки зрения феноменологии тоталитаризма.

Борьба с бескорыстием: ”В другой книге я рассказал о судьбе доктора Зубова и его жены: за укрытие старухой в их доме приبلудного дезертира, потом на них донесшего, супруги Зубовы получили оба по десятке по 58-й статье. Суд увидел их вину не столько в укрытии дезертира, сколько в бескорыстии этого укрытия: он не был их родственником, и значит, здесь имел место антисоветский умысел!”

Боязнь бескорыстия и бесстрашия: говоря о восхождении, Солженицын говорит о том, что для благородного человека в лагере нет другого пути, как перестать бояться общих работ. ”Если важна суть, — то пора примириться с общими. С лохмотьями. С изодранной кожей рук. С меньшим и худшим куском. И может быть — умереть. Но пока жив — с гордостью потягиваться ломящею спиной. Вот когда — перестав бояться угроз и не гонясь за наградами — стал ты самым опасным типом на свиный взгляд хозяев. Ибо — чем тебя взять?”

Тут весьма характерная ненависть к независимости. Думаю, что здесь — основа гравли нас как ”тунеядцев”. Вдруг те, кто наверху, обнаружили ужаснувшее их яв-

ление: евреи, уволенные с работы, доведенные, казалось, до самого ничтожного и жалкого состояния, в результате помощи из-за рубежа, вполне могут обойтись и без них. Они могут быть независимы! Нет, это надо пресечь!

15.11.1974 Вчера получил разрешение Польский. Начало? Цви [Шифрин] во время разговора сказал, что опять появился Виктор Луи¹. Он написал, что советские власти на меня очень разгневаны (*very angry*), но что он все же настроен *optimistic*. Этот прохвост появляется, как черт из коробочки на загадочной картинке. А картинка поистине загадочная. Что все это значит? Первая приходящая в голову гипотеза: что ему сейчас это нужно для восстановления контактов. Если он знает о разрешении для меня, то имеет смысл использовать этот факт (ему, то есть). Пока он не получил такого известия, он ничего и не отвечал.

Что же касается их недовольства мной — было бы интересно, если бы они мною были довольны. Но, может быть, в самом деле после неудачи в Париже [на конгрессе востоковедов]² они решили на мне выместить злобу?

17.11.1974 Вчера — длинный и содержательный день. Днем у синагоги — две интересные встречи: с англичанкой Джун Джекобс³, которая сказала, что [журналист] Майкл Кусто написал обо мне что-то в [газете] "Гардиан" (как она сказала, очень хорошо); кроме того, с американкой Айрин Манекофски⁴ из Вашингтона, воз-

¹ Советский журналист; по общей оценке доверенное лицо КГБ для выполнения полуофициальных поручений.

² См. записи от 23.7., 30.7. и 7.8.1973.

³ В то время возглавляла организацию *National Council of Soviet Jewry*.

⁴ Глава организации *Union of Councils for Soviet Jews*.

главляющей там комитет помощи советским евреям. Удивительная женщина. Энергия неисчерпаемая. Муж шутил сказал, что он каждый день заводит ее. Уже около часа ночи она занялась делами, причем усталости не было заметно ни на грош. Еще у синагоги она встретила меня, как это умеют делать только американцы, как старого знакомого.

20.11.1974 Вчера отправил телеграмму Стивену Левину с просьбой приступить к печатанию [книги].

29.11.1974 Просмотрел "Менору" №2. Лучше, чем думал. Очень интересно замечание Короленко, что Московская синагога служит политическим барометром свободы в нашей стране. После того, как Мазе¹ упомянул об этом, тогда, в начале двадцатых годов, синагогу закрыть не решились.

Был Женя Р. Как он много успевает! Как много знает! Женя сказал одну интересную вещь: в этой [советской] культуре основной ценностью всегда была власть, и всю жизнь их учили, как укреплять власть. Легко ли им учиться сейчас, как власть ограничивать?

"Неисповедимы дороги зла" – современная версия "неисповедимы пути Господни".

Ю. Анненков. Дневник моих встреч, Нью-Йорк, 1966, т. 2. В этой книге имеется несколько весьма ценных высказываний В.И. Ленина, сделанных им во время сеансов портретирования:

"Вообще к интеллигенции, как вы, наверно, знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг 'ликвидировать безграмотность' отнюдь не следует толковать как стремление к порождению новой интеллигенции. 'Ликвидировать безграмотность' следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог са-

¹ Яков Мазе (1859–1924) – раввин города Москвы; сионистский деятель; писатель; публицист.

мостоятельно, без чужой помощи, читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель — вполне практическая. Только и всего”.

Поразительное совпадение! Ведь и Шан Ян настаивал, что население должно знать приказы. Следовательно, и он был за ”ликвидацию неграмотности”.

”Лозунг ’догнать и перегнать Америку’ тоже не следует понимать буквально: всякий оптимизм должен быть разумен и иметь свои границы. Догнать и перегнать Америку — это означает, кроме всего, необходимость возможно скорее и всяческими мерами подгнуть, разложить, разрушить ее экономическое и политическое равновесие, подточить его и таким образом раздробить ее силу и волю к сопротивлению. Только после этого мы сможем надеяться практически ’догнать и перегнать’ Соединенные Штаты и их цивилизацию. Революционер прежде всего должен быть реалистом”.

Замечательные слова. Дело только в том, что В.И. Ленин был Дон Кихотом, тем самым Дон Кихотом, о котором его гениальный ученик вещал, что он потому и называется Дон Кихотом, что лишен чутья реальности. Отлично понимая реальность злобы и обмана, он не понимал великой реальности Правды и Добра. Мы живем в то счастливое время, когда царство злобы и лжи разваливается, пожирая само себя.

9.12.1974 Вчера по Би-Би-Си передали хорошее интервью с Голдой [Меир]. Она сказала, что евреи не могут позволить себе роскошь быть пессимистами.

11.12.1974 Воронель получил разрешение! Что называется ”тепло”.

13.12.1974 Сегодня вновь пытался позвонить Цви [Шифрину] — безрезультатно. Очевидно, его номер уже засечен. Теперь надо написать ему письмо. Также нужно будет написать Марусе — я вдруг подумал сегодня, как ей должно быть одиноко возвращаться домой у себя в Ришоне.

14.12.1974 Надпись на подарке Лу Розенблюма¹ :

Photo: Cosmic graffiti from hand of God

Significance: Unknown

To Vitali for showing me a small part of his world and creation – Lou² .

16.12.1974 Утром четырнадцатого было сообщено о том, что Сенат принял закон о торговле. Ночью "Голос Америки" передавал речь [сенатора] Джексона, где среди нескольких человек, незаконно задерживаемых, упомянут и я. Из евреев сюда попали еще М. Азбель и Полтинников, остальные – неевреи (литовцы и др.), дела которых носят уже абсолютно скандальный характер (у кого-то жена, у кого-то муж в США, кто-то был увезен из США в трехлетнем возрасте) .

Вчера получил великолепное издание Пятикнижия en regard³ , привезенное сюда сенатором Бакли. Какое глубокое значение в таком даре! Новейшее движение, насчитывающее каких-нибудь три года, связывается со священнейшим документом древнейшего народа, документом, которому не меньше двух с половиной тысячелетий. Эта укорененность в традиции, это слияние нового со старым, когда новое – возродившаяся с неожиданной силой воля к жизни древнего народа – наша великая сила. Она делает нас непобедимыми.

17.12.1974 Большинство считает, что нас отпустят скоро. Но я чувствую пустоту от такой жизни. Когда я

¹ Один из основателей американской организации Union of Councils for Soviet Jews; сотрудник НАСА.

² Надпись на фотографии Земного шара из космоса: "Фото: космический набросок, сделанный рукой Бога. Значение: неизвестно. Виталию за то, что он показал мне маленькую частицу своего мира и своего творчества. Лу".

³ С параллельным текстом на двух языках (франц.).

сам ничего не строю. Дела и заботы до сих пор не дали мне окончить даже [книгу] Розенцвейга¹.

Интересная моя собственная запись о Мо-цзы, которую нужно сохранить: "Моизм — примитивное стремление удовлетворить примитивные потребности страдающего человечества путем всеобъемлющего регулирования и железной организации, обеспечивающей неукоснительное единомыслие и повиновение указаниям".

Утопист Мо-цзы первый сформулировал, пусть грубо и неуклюже, утилитарные тенденции этого направления человеческой мысли, его готовность пожертвовать всем разнообразием и богатством человеческой культуры ради наполнения желудков голодающих. Это — учение о том, что человек жив единым хлебом. Выродившийся и уродливый антропоцентризм.

В одной из сохранившихся философских записей моего отца Арона Рубина имеется замечание, что, хотя пользу можно понимать достаточно широко, основой пользы является самая примитивная и самая интенсивная потребность — потребность своего тела и своей жизни, т.е. голод и жажда. Поэтому Мо-цзы на самом деле является наиболее последовательным утилитаристом в истории философии. Утилитаризм тяготеет к примитивности, и его классической формулировкой является не бентамовское "наибольшее счастье наибольшего числа людей", а "удовлетворение примитивных потребностей наибольшего числа людей". Такой утилитаризм свойствен революционной психологии и идеологии.

19.12.1974 Вчера вечером вполне в духе анекдота "Какой лев?" советское правительство заявило, что никаких заверений об эмиграции оно не давало! Несмотря на это, сегодня в конгрессе должен пройти закон о торговле. Американцы правильно расценили это как

¹ F. Rosenzweig, Der Stern der Erlösung, Heidelberg, 1954.

face-saving propaganda¹, предназначенная прежде всего для успокоения арабов. Американцы уверены, что им придется сотрудничать, если они хотят что-то получить.

Все же наглость поразительная! Дав заверения, заявить, что никаких заверений не давали.

21.12.1974 Очень интересный разговор с Юрой А. Он возражал против того, что говорят о евреях, сотрудниках органов, но не упоминают о евреях-жертвах. В связи со всем этим комплексом я набрел на хорошую формулировку: русские должны принять ответственность за свою историю и не пытаться сложить с себя ответственность на кого-то еще: на евреев, на латышей, на мадьяр.

Это один вопрос. Другой — о евреях-палачах. Юра пытался тут провести тонкую дефиницию: мол, палачи — исполнители, а организаторы и вдохновители — преступники, но не палачи. Не думаю, что это оправдано; Эйхманы и Берии — тоже палачи. Может быть, еще нечто худшее, чему даже слов нет, — палач возбуждает предельное отвращение.

Но вопрос о евреях-преступниках достаточно сложен. Я выдвинул тут такое возражение: то, что евреи были жертвами репрессивного режима — не ново и является достаточно нормальной ситуацией еврейской истории. Проблемой является для нас то, что евреи пополнили ряды палачей. Должны ли мы в той или иной мере нести ответственность за них? Я сказал, что мы не можем снять с себя ответственности за них, поскольку мы — избранный народ. Каждый еврей является представителем своего народа и должен ощущать ответственность в качестве такового. Однако сами они себя евреями не считали (ср. историю с евреями, пришедшими [за помощью] к Троцкому, который им ответил: "Я вовсе не еврей"). Но дело в том, что эти лю-

¹ Пропаганда с целью "спасти лицо" (англ.).

ди вышли из нас, и поскольку мы считаем себя особым народом, их ответственность выше, и соответственно строже мы их судим. Не зря мы относимся к ним не так, как к русским палачам; эти люди осквернили то, что должно было быть для них свято: честь и достоинство еврея.

Вообще, в связи со всем вопросом я подумал о параллели русского еврейства и марранов. Может быть единственное, что в истории сравнимо с ассимиляцией русских евреев, — крещение испанских евреев. Но что-то есть в еврейской традиции такое, что сопротивляется исчезновению; и так же, как тысячи марранов тайно продолжали исповедовать иудейство, так тысячи советских евреев продолжают собираться на Рош-ха-Шана к московской синагоге. Тогда это заметил Эли Визель, признавший этих евреев евреями, несмотря на то, что в них как будто ничего еврейского не оставалось.

24.12.1974 Вчера — большой день. К десяти мы пошли в Президиум Верховного Совета, не взяв с собой ничего, кроме паспортов и книг, и таким образом подготовившись к посадке. Пришли мы минут за десять; у здания было лишь три-четыре милиционера и шпика, все выглядело тихо и спокойно. Мы решили, что еще рано, и прошли мимо здания в сторону университета; встретили Илью Эссаса и еще нескольких человек и вместе пошли к зданию. Беспрепятственно зашли внутрь, и там в большом приемном зале на стульях у стены сидело уже человек пятнадцать наших. Потом пришли Лунц, Слепак, затем и Лернер. Через некоторое время пришел и Патрик из Рейтера. В общем было человек пятьдесят ("Голос Америки" передал — сорок пять). Деятельность милиции и распорядителей выразилась лишь в том, что по временам они просили освободить проход. В остальном совершенно не вмешивались. В десять сорок, передав бумагу, мы вышли из здания и разошлись по домам.

Товарищи "не поддались на провокацию". Раньше они таким умом не отличались, а теперь дозрели. Тут

и художники помогли¹, конечно. Но главное, все-таки, очевидно — соглашение. Оно, надо думать, работает. Вчера было нечто вроде пробы. Результат положительный. Если бы они хотели показать свою силу и непримиримость, события разворачивались бы иначе.

Это подтверждается и недавним выступлением Капицы (из МИДа). Еще до девятнадцатого декабря, дней за десять, он сказал все то, что было в заявлении ТАСС, но в конце вдруг добавил: "А в общем весь вопрос решить очень легко. Эти люди нам абсолютно не нужны, в течение года мы их выкинем; они и там никому не нужны" (забавно, что впервые услышав это, я огорчился — такова магическая сила слова).

Вечером были на "Гамлете". Высоцкий играл великолепно. В общем, образ, который он дает — образ человека сильного. Но он здесь не переигрывает, и образ создается необычайно обаятельный. Оригинальный прием — странная коричневая занавеска, все время делящая зал на две части и передвигающаяся туда и сюда. Для чего это? Что они хотели сказать? Может быть, роль этой сценической выдумки в том, чтобы показать, что все происходящее на глазах — лишь часть действительности, не вся она. За занавесой за всем этим следят чьи-то уши, там кто-то есть, враждебный, подслушивающий, подстерегающий. Вместе с тем это постоянное движение, колебание, перемещение, подчас полупрозрачность (когда свет идет в зал откуда-то сзади) — все это создает чувство некоей призрачности и таинственности происходящего. Весь эпизод с Фортинбрасом в конце они выкинули, и сделали очень правильно. Эта тенденция сейчас выглядела бы фальшиво. Она переместила бы акценты совсем не туда, привлек-

¹ Имеется в виду так называемая "бульдозерная выставка". 15 сентября 1974 г. группа художников-нонконформистов пыталась устроить выставку своих произведений на пустыре на Юго-Западе Москвы. Выставка была разогнана КГБ с помощью бульдозеров и поливальных машин.

ла бы вдруг внимание не к трагедии Гамлета, а к историческим судьбам Датского королевства, зрителей вовсе не интересующим.

28.12.1974 Из [самиздатской работы] Е.Р.:

”Открытость Слова в истории. Слово шире истории. Вошедшее, вплавившееся в историю, оно не может быть всецело захвачено и ассимилировано ею. Продолжающееся Творение”.

* * *

”Преемственность нечистой совести — один из самых страшных ядов истории”.

* * *

”Массированная обработка молодых людей идеями релятивизма и нигилизма может привести к тому, что способна сложиться (если уже не сложилась необратимо) ’культура’, абсолютно невосприимчивая ни к каким договорным сторонам личного и общественного жизнеустройства, — ’культура’, способная воспроизводить себя из рода в род. Умерщвление личной этики человека — предпосылка отмирания общезначимого права, предпосылка бесправия в межличностных, социальных и глобальных отношениях. Бесправие же — пусть даже в виде гипертрофированного, сверхорганизованного ’порядка’, переживается мной как одна из ипостасей хаоса...”

* * *

”Древняя космология ушла. Физический космос давным-давно перестал быть трехслойным тортом (небо, земля, преисподняя). Но духовный аспект этой космологии — идея срединного положения мира между бездною света и бездною тьмы — остается в полной силе”.

* * *

”Мы склонны мерить всемогущество Божие подчас инфантильно-магическими, подчас рационально-’научными’ мерками. И поэтому не усматриваем, не ощущаем. Но одно в другом и — поминутно — рядом с нами. Это — вечно торжествующая духовно-нравственная сила, прорывающая все тупики наших потребностей и свобод. Это различимо (слабо, с трудом, с недоверием, — но все же различимо) даже в нашей эмпирической жизни”.

* * *

”Бог не наказывает, как мне верится. Он оставляет нас Своею благодатью на произвол злобных инерций мира и самих себя. Это и есть то, что называется ’наказанием”.

* * *

”Покуда не выбита из души до конца надежда, прижизненный ад невозможен. Возделывать в себе надежду”

7.1.1975 Сегодня — четырнадцать лет со дня смерти папы. Придет несколько родственников и друзей, и я готовлюсь к вечеру, читаю его письма. Эти кусочки давно ушедшей жизни с ее радостью и заботами — они волнуют до слез. Неужели все это погибнет? И как это спасти? Надежды на это не так-то много.

15.1.1975 Итак, после длившегося менее трех месяцев периода надежд и ожиданий начинается новый тяжелый период. Папа говорил, что периоды оттепели в России бывают короткие, периодам заморозков обычно не видно конца. Метеорология последние годы этому не следует, но политика — вполне.

Объявлено, что СССР отказался от торгового дого-

вора с США в связи с тем, что он связан с "вмешательством во внутренние дела". Наши перспективы зависят прежде всего от планов новых правителей. Может быть все, — начиная от еврейского процесса и кончая тихим выпуском отказников. Последнее, впрочем, кажется маловероятным; это будет лишь в том случае, если они под шумок готовят новое примирение и хотят, чтобы одним препятствием было меньше. Исключить этого нельзя, но признаков этого не видно.

Итак, нужно быть готовым ко всему, и прежде всего помнить о том, что смерть сейчас будет не бессмысленной. Это вполне реально: если меня арестуют и я получу срок, вряд ли выйду оттуда. Нужно сегодня же написать общую доверенность на Ину.

20.1.1975 С прошлого четверга простужен. Общая апатия, безразличие. Мне кажется, что сама болезнь этим вызвана: крушение надежды как чего-то изнутри поддерживавшего, исчезновение внутренней опоры. Вся структура действия рушилась, и прежде всего предпосылка, что они в американцах так заинтересованы, что не смогут, не решатся с ними порвать. Порвали. Заштопывание этого разрыва ничего нам не сулит.

В субботу девятнадцатого мы выработали свою реакцию — надежду на то, что теперь, когда никто на них не давит, они нас выпустят. Каждому понятно, что это игра, что мы предлагаем им выход, которым они не воспользуются. Что же дальше? Готовиться к неопределенно долгому сидению, работать?

Да, конечно. Но надо преодолеть инерцию, чувство ненужности, бессмысленности всего. При отсутствии научного общения оказываешься в вакууме, когда совершенно не видно, нужна ли вообще кому-либо твоя работа.

Интересная ситуация складывается с Мо-цзы. Он, может быть, незаметно для себя стал зачинателем утопической традиции, по-видимому, самым первым утопистом в истории человечества. В истории европейской мысли тоталитаризм вырастал из утопизма; так было

и в истории китайской философии. Но здесь произошла странная вещь — при этом были утрачены цели. Получается, как будто абсолютная власть и завоевание Поднебесной являются само собой разумеющимися целями. Для этого, по-видимому, должна была существовать традиция оправдания, вернее, даже не оправдания, а превознесения абсолютизма. Теперь для сравнения прочитаю "Политику" Платона. Работать необходимо — это единственная настоящая опора.

23.1.1975 Что такое полная жизнь? Не является ли одним из наиболее ярких символов полной жизни старый еврей, погруженный в книгу? Но такая полная жизнь доступна мне и сейчас. Не упускай же ее возможностей.

24.1.1975 Надо заставлять себя работать. Вопреки изоляции, вопреки унынию и отчаянию. В ходе самой работы встают новые вопросы. Так, новый вопрос, как будто: а так ли уж вообще связана мораль с политикой? Один из вечных вопросов, на который многие отвечают: политика — мерзость, всегда ею была и всегда будет. Однако, если аутсайдер может так считать, то сам деятель, как будто, должен иметь какие-то принципы, осмысляющие его деятельность в собственных глазах. В конце концов, если бы действительно политика была сплошной мерзостью, то мир выглядел бы иначе.

Если тебе удастся написать хорошую работу на тему, которую ты задумал, это будет настоящее достижение. За дело!

25.1.1975 Найти путь к себе в дневнике — тоже кое-что. В последнее время меня мучает проблема осмысленности. Вернее, общая осмысленность всего происходящего ясна, но осмысленность именно твоей жизни, твоего времени? Тут, конечно, необходима работа. В известном смысле может быть названо работой и то, что приходится участвовать в каких-то сове-

шаниях, заседаниях, решениях — в понимании многих, не "изучение", но "делание" истории. Но нет ощущения, что я действительно вкладываю в это что-то существенно свое, что я что-то строю. Вот это-то ощущение строительства, постепенного, преодолевающего сопротивление возведения какого-то здания, оказывается, так важно.

Вечер. Скоро соберутся люди, помнящие папу. Какие же итоги? Папины статьи о русской поэзии переданы и большая их часть будет печататься. Это — больше, чем можно было ожидать при папиной жизни.

26.1.1975 Я подумал, что на том, что я пишу и как я пишу, не может не сказываться дурное настроение. Сегодня проснулся с мыслью: "Уже три года! Надо же что-то делать!" А что? И в конце концов пришел к выводу, что единственное, что я могу делать — культивировать свой сад — заниматься своим делом. Другой выход, который бы драматизировал ситуацию, — коллективное самоубийство. Но кто может взять на себя ответственность за то, чтобы повести людей по этому пути, пока остается какая-то надежда?

1.2.1975 Вечером были какие-то тревожные признаки: машина у подъезда и т.д. Потом вдруг потух свет, и сидели при свечах. Сегодня утром электричество поправили. Нам обоим с Иной пришли в голову слова Иосифа Бегуна о том, что, начав с выключения телефонов, можно потом лишить евреев и других коммунальных услуг.

4.2.1975 Сегодня рассказываю о книге "О, Jerusalem!". Материал готов, надо решить, как лучше его распределить.

В субботу смотрели фильм "Зеркало" Тарковского. Безрадостное, озлобленное неустройство.

15.2.1975 Вся неделя прошла в лихорадочном состоянии. С утра до вечера — совещания, встречи, пере-

вод, председательствование и т.д. В общем, за последнюю неделю мой статус в [движении] резко повысился. Теперь вскоре встанет дилемма – что я предпочитаю. Конечно, для того, чтобы поддерживать такое положение, потребуются усилия, и я вряд ли смогу тогда заниматься научной темой, на которую я набрел. Тут надо хорошо подумать о себе.

Есть одно качество, которое у меня начисто отсутствует, – властолюбие. Кроме того, я совершенно не организатор. Конечно, как я теперь понял, в процессе policy-making¹ большое значение имеет и размышление. Но все же я по сути ученый, и если они не будут меня усиленно привлекать, сам я проявлять усиленной активности не буду. Гораздо больше тянет к исследовательской работе.

19.2.1975 Получил вчера от Стивена Левина телеграмму: Book at Columbia press likely publication end of this year best wishes².

21.2.1975 Ночью кончил "Tinker, Tailor, Soldier, Spy" Y. Le Carré. Подчас нудно при чтении, но и эта нудность, matter-of-factness³ – тоже свидетельство, свидетельство английского духа, shy⁴, скупого на выражение чувств и вместе с тем тонко чувствующего. Тут несколько интересных моментов. Во-первых, что такая тема может стать большой литературой. Это знамение времени; в XIX веке такого рода литература могла стать лишь простой detective-story⁵. Второе – чувство

¹ Здесь: выработка политической линии (англ.).

² "Книга передана в 'Колумбия-пресс' [издательство Колумбийского университета]. Возможно, выйдет в конце года" (англ.).

³ Здесь: сухость стиля (англ.).

⁴ Застенчивый (англ.).

⁵ Детективный роман (англ.).

глубокой чуждости, отделяющей меня от англичан. К американцам мы гораздо ближе. Потому ли, что американцы-интеллигенты сформированы в той или иной мере русско-еврейской традицией?

26.2.1975 Еще вопрос – о происхождении морали. О том, что Конрад оказался неправ, заявив, что у всех народов есть понятие добра и зла: эти понятия до сих пор ничего не значат для большинства населения этой страны. У примитивных народов есть понятие счастья и несчастья, выгоды и невыгоды. Этика, мораль начинается с того, что приобретает самостоятельное значение, абсолютное значение приобретает бескорыстное неэгоистическое действие, а это такая высота, которая достигается отнюдь не сразу.

27.2.1975 Сегодня в двенадцать пришел в прокуратуру СССР. Было двенадцать человек во главе с Лунцем. При нем был его личный шпик, не оставлявший его ни на шаг. Когда мы вышли поговорить, то он немедленно последовал за нами, и Лунц сказал мне, указывая на него: "Этот со мной". Потом кто-то рассказал, что с этим самым типом, старым, с противной мордой, произошел разговор у Крижака, который, увидев его перед собой в троллейбусе, плюнул и сказал: "Опять эта противная морда". Интересно, что я не почувствовал ни страха, ни смущения от его присутствия – к этому можно привыкнуть, оказывается.

Когда подошла наша очередь, милиционер сказал: "Подождите, пожалуйста, сейчас к вам придет ваш прокурор". – "Еврейский прокурор", – пошутил Слепак. Пришел пожилой, морщинистый прокурор с тремя звездочками: пригласил нас всех в особую комнату. После того, как ему изложили наше дело, он, весьма спокойно выслушав это, попросил нас выйти, заявив, что ему нужно посоветоваться "с руководством".

Когда мы вошли снова, прочий народ, сидевший в приемной, был в необыкновенном волнении: очевид-

но, они уже успели понять, кто мы. "Что им, они живут при коммунизме", — кричала какая-то баба. Прокурор сообщил нам, что начальство согласно принять нас завтра в пятнадцать ноль-ноль, но только двоих. Лунц ответил, что нас это не устраивает, что мы настаиваем, чтобы приняли всех, иначе мы отсюда не уйдем. Однако потом все же решили прийти завтра в три, но с тем, чтобы настаивать, чтобы приняли пятерых. Посмотрим, что будет.

2.3.1975 Надо коротко рассказать о нашей встрече с [генералом] Николаем Васильевичем Цыбульником двадцать восьмого февраля. Когда я подходил, встретил Лунца, за которым, как всегда, следовал старый шпик с мерзкой мордой. Во дворе стояли другие шпики. Всего собралось тринадцать человек. Через полчаса тот прокурор, который говорил с нами двадцать седьмого февраля, вызвал Лунца и предложил назвать второго человека, который пойдет беседовать с генералом. Лунц вернулся к нам и решили, что будем просить, чтобы генерал принял пятерых. К нашему удивлению, генерал согласился, и я вошел в состав пятерых (Лунц, Слепак, Престин, Давыдов).

Генерал Цыбульник оказался маленького роста человеком, лет сорока, юрким и вежливым. Рядом с ним сидела довольно тупого вида женщина, его секретарь, наверно. На всякий случай, как бы мы не напали на него и не задушили. Цыбульник сказал, что имеется два вопроса: первый — о нашем письме от двадцать третьего декабря, другой — о недавних арестах. На письмо от двадцать третьего ответа не будет, поскольку эта жалоба демонстративная; нужно же писать о каждом отдельном случае в подробностях. "Вы подрубаете сук, на котором сидите", — сказал он Лунцу, на что тот ответил, что ему не ясно, о каком суке идет речь. Лунц говорил очень хорошо, корректно и твердо. Он сказал, что пути, на которые нам указывают, нами давно пройдены, что у нас не остается иного выхода,

как протестовать способами, "которые не всем нравятся".

Когда Цыбульника ткнули носом в факт существования закона, не проводящего никаких различий между демонстративными и недемонстративными жалобами, он довольно неуклюже попытался вывернуться из этого так, что государственным учреждениям предоставляется возможность самим решать этот вопрос.

Что касается второго вопроса [об арестованных М. Нашпице и Б. Цитленке], то он сказал, что мы должны [обращаться] к районным органам МВД, которые их задержали. Когда Слепак сказал, что их задержало не МВД, а КГБ, Цыбульник игнорировал это, как будто КГБ у нас не существует. Когда же Слепак сказал ему, что люди, проводившие обыск у Цитленка, предъявили документы Прокуратуры СССР, Цыбульник, скривившись, сказал: "Я не знаю, откуда у вас такая информация, у нас ее нет". В общем, разговор был абсолютно негативен по своим результатам. Вернувшись, мы рассказали о разговоре своим, и Лунц предложил в виде протеста остаться, не уходить. Но мне это казалось совершенно неоправданным и неадекватным, и я сказал, что на мой взгляд, мы показали бы тем самым, что видим во всем этом лишь игру. В самом деле, такой шаг был бы оправдан, если бы с нами просто отказались разговаривать или вообще вели бы себя вызывающе (скажем, пытались бы выгнать). На самом деле нам даже в чем-то пошли навстречу, и такой шаг был бы неоправданным вызовом, предназначенным лишь для того, чтобы в "Нью-Йорк таймс" появилась маленькая заметка. Аргумент А. Гольдфарба, что сейчас подходящий момент, поскольку в Москве ничего не происходит, никто всерьез обсуждать не стал. Лунц заметил, что поскольку нет единогласия, оставаться не имеет смысла. Мы вышли; шпики не было, они исчезли. Я думал, что, увидя нас, они откуда-нибудь появятся, но когда я попрощался с остальными у книжного магазина, так никто и не появился.

Сейчас читаю в четвертый раз лекцию об осаде Иеру-

салима. Я думал как-то на днях, что, конечно, не взялся бы сформулировать политическую линию для всего движения: что правильно и что нет, в этой неясной обстановке сказать невозможно. Но именно учитывая эту неясность, я бы старался прежде всего вести войну "малой кровью". Невозможно препятствовать садиться в тюрьму тем, кто этого хочет, но не следует создавать ситуацию, при которой попадут в тюрьму те, кто этого не хочет.

5.3.1975 Начал "Вторую книгу" Н. Мандельштам. Интересно, но зло и неблагородно написано.

6.3.1975 Н. Мандельштам об опыте нигилистической эпохи. ("Вторая книга", Париж, 1972.)

"Опыт нигилистической эпохи особенно важен, и его необходимо осознать, потому что нигилизм ведет к разрушению жизни. Он проявляется в каждой отдельной судьбе и в жизни народов и человечества в целом. Мы уничтожили институты, которые создавались веками и скрепляли общность людей, и ничего не дали взамен. Единственное, в чем наша заслуга, это в опытном доказательстве того, что все наши выдумки и изобретения — мусор и тлен, если угасла память и забыт светоч, 'завещанный от предков'".

10.3.1975 Были в Александрове, откуда ездили в Киржач. Убожество, пьянство, грязь, грязно-серый цвет тающего снега, морось.

11.3.1975 Перечитал написанное. Слабо, распадается на части. И не решен ряд вопросов. В общем, надо все переписывать, только начало удачное. Сказывается то, что я давно в своей области ничего не писал: утрачена хватка, надо ее восстанавливать. Тут надо преодолеть психическую лень, отвычку от концентрации. Это и есть то, что называется деквалификацией. Сейчас очень важно создать своего рода инерцию работы, войти в рабочий ритм. Не так-то это просто, и до сих

пор каждая попытка прерывалась каким-то вторжением.

Так и есть — пришел Мелик [Агурский].

12.3.1975 Видели вчера Надежду Марковну [Улановскую]¹. Послезавтра она уезжает [в Израиль]. Она из благороднейших женщин, которых я встречал, и еще не раз мы будем жалеть, что ее нет с нами.

Теперь подумать, что направить этому митингу тридцать первого марта². Что это должно быть? В каком стиле?

Если бы я был участником такого митинга, что я хотел бы услышать? Пожалуй, чисто человеческую ноту; что-то совершенно неожиданное. В этом и трудность — найти неожиданный ход.

Обращение к участникам митинга

”Мне хочется поблагодарить всех, кто принял участие в этом митинге. Я вижу в нем не только выражение солидарности со мной, но и проявление морального сознания американских ученых, больше не желающих равнодушно проходить мимо того, как попираются человеческие права ученых в СССР.

Каждое утро я просыпаюсь с мыслью: ’Прошло уже три года, как я заперт здесь; надо что-то предпринять, нельзя больше сидеть сложа руки’. В тысячный раз я перебираю в уме все возможности действия и в тысячный раз прихожу к выводу, что каждый путь испробован, и в конце каждого пути — стена. Я ничем не могу помочь себе. Мне остается только по мере возможности помогать другим выбраться из страны, где господ-

¹ Н.М. Улановская (1903–1986) — друг Рубиных. С 1948 по 1956 гг. была в заключении (см. книгу ”История одной семьи”, Chalidze publications, 1982). Репатриировалась в Израиль в 1975 году.

² В Нью-Йорке, в Колумбийском университете.

ствуется насилие и ложь; говорить правду; пытаться работать в своей специальности.

Но если я не могу помочь себе, то вы мне помочь можете. Я знаю, что до сих пор все ваши попытки в этом направлении не дали результатов. И тем не менее, ваша помощь остается нашей единственной надеждой. В последние годы мир убедился на многих примерах в том, что советские власти теперь вынуждены считаться с общественным мнением Запада. Генерал из Министерства внутренних дел, говоривший с моей женой летом 1974 года, сказал: 'Нам невыгодно сейчас отпускать Рубина'. Вы свободные люди, и у вас есть много возможностей показать советским властям, что еще более невыгодно им будет держать Рубина и дальше взаперти".

20.3.1975 Готовлюсь к выступлению [на седере] у Лернера. Думаю, надо будет подчеркнуть особое значение Исхода в истории евреев и для нас. В Исходе был создан наш народ. Это должно быть главной темой.

21.3.1975 Ты должен понять, что это твое выступление — одна из жизненных кульминаций. Тема Исхода — центральная тема советского еврейства.

Как следует построить выступление?

События Исхода.

а) Личность Моисея. Первый разговор с Богом (Исход III).

б) Возвращение Моисея. Для чего Бог устраивает все так сложно? Я думаю, для того, чтобы подчеркнуть провиденциальную значительность этого Исхода. С этих пор история евреев становится историей Исходов, и еврейский народ, как сказал замечательный немецко-еврейский философ Розенцвейг, творится в пути. Это — как бы предвидение всей истории народа, к тому времени еще не создавшегося.

в) Десять заповедей (Исход 20). Я бы хотел остановиться на смысле этих Заповедей.

1. Я — Бог твой, да не будет у тебя других богов.

2. Не сотвори себе кумира. Что это значит? Что, кроме Бога, наш народ не должен подчиняться никаким кумирам, будь то государство, будь то отдельные люди. Особенно замечательно, что наш народ никогда не делал себе кумиров из земных властителей и не поклонялся им. Люди моего поколения отлично помнят, каким кумиром в этой стране был Сталин. И сейчас, когда я читаю и слышу о Владимире Ильиче или вижу его многочисленные изображения, я вспоминаю Вторую Заповедь.

Я хочу еще раз подчеркнуть, что Бог нашего народа — Бог свободного народа. Бог называет Себя — Я Господь Бог, Который вывел тебя из земли Египетской, из рабства.

3. Не произноси имени Моего всуе. Эта Заповедь относится, с одной стороны, к отношению человека и Бога; с другой стороны, она обращает [внимание] на важнейшую особенность духовной жизни человека: на глубокую связь того, что говорится, с тем, что думает и что делает человек. Может быть, кому-нибудь эта мысль может показаться банальной. Но я уверен, что и эта Заповедь имеет актуальнейшее значение и для нас. Дело в том, что в советском обществе широко распространено убеждение, что официальная ложь, которая произносится и пишется человеком, как бы не ложь и его не компрометирует. Каждый из нас может назвать не одного своего знакомого, который считает себя порядочным человеком, легко сбрасывая со счетов ложь, произнесенную в карьерных целях. Между тем, ничто из того, что произносится человеком, не проходит бесследно и, обманывая других, человек в конечном счете обманывает и самого себя и поверит, что "ложь — это правда".

4. Помни день субботний, чтобы святить его.

Тоже пример казалось бы устаревшего, на самом же деле абсолютно актуального положения. Здесь идет речь о примате духовной жизни над трудом. Это в конечном счете тоже говорит о свободе, о том, что чело-

век не должен быть поработан трудом, и нет добродетели в поработанном труде.

22.3.1975 Вчера вечером очень было грустно. Маруся написала, что если отпускают Л., неужели не отпустят нас. Но дело тут и в том, как вел себя Л. и как вел себя я.

Ну, да что там. Не надо уж так переживать. Надо стараться делать свое дело. А сейчас мое дело — подготовить выступление на Песах.

Итак, к вопросу о четвертой заповеди. В ней впервые провозглашен замечательный принцип, что дух выше результата, дух выше пользы. Это первое выступление против идеологии "для пользы дела", первое выступление против утилитаризма, против культа результатов. По сути дела об этом же пишет Солженицын во втором томе "Архипелага":

"Вот мы годы горбим на всесоюзной каторге. Вот мы медленными годовыми кругами восходим в понимании жизни — и с высоты этой так ясно видно: не результат важен! не результат, а ДУХ! Не что сделано, а как. Не что достигнуто, — а какой ценой".

У нас — судьба русских евреев. Ассимиляция, утрата традиционных ценностей. Русские евреи сделали жертвой оболванивающей тоталитарной индоктринации. К сожалению, евреи, более того, были и активными участниками карательных органов. Таким образом, в отличие от Египта, евреи в России были и жертвами, и палачами. Но в последнее время в силу развития антисемитизма среди палачей евреев больше не осталось. Оболваненных людей, однако, осталось достаточно. "Замордованная воля" — черты психологии советского человека:

постоянный страх;

скрытность и недоверчивость;

ложь и предательство;

стукачество и всеобщая дезинформированность.

Жестокость, на мой взгляд, не свойственна евреям.

22.3.1975 Все утро ушло на неожиданные консультации. Итак, тема истории. Каждый мыслящий человек, если он только не озабочен исключительно собственным благополучием, так или иначе соотносит свою жизнь с историей. Конечно, есть достаточно людей, которые не хотят задавать себе этот вопрос, которые стараются уйти от него, делая вид, что этого вопроса не существует.

Еще две темы:

1. Свобода дороже жизни.
2. Кому и чему ты служишь?

Природа человеческой деятельности такова, что даже если сам деятель ставит чисто эгоистические цели, его деятельность так или иначе служит чему-то большему, какому-то целому, в которое он включен. Часто мы не хотим думать об этом, ограничиваясь своим узким кругом, своей семьей, своей лабораторией, своим институтом. Но приходит такой момент, когда этот вопрос встает перед каждым во всей своей беспощадности. Этот вопрос может возникнуть как результат чтения одной из многочисленных антисемитских статей; он может встать и после случайной уличной встречи, когда вы были свидетелем антисемитской сцены. Недавно ко мне пришла посоветоваться женщина, которая пришла к осознанию своего еврейства совсем интересным путем — она, будучи редактором в детиздате, пыталась издать книжку, содержащую пересказ некоторых библейских сюжетов. Конечно, книжка издана не была (редактор считает, что это потому, что она выбрала для нее название, которое заранее предвещало, что она не будет окончена, — "Вавилонская башня"). Редактор же как бы проснулась: она задумалась над тем, что она — еврейка, и теперь решила, что поедет в Израиль.

Итак, в какой-то момент каждому советскому еврею приходится или придется ответить на вопрос: "Кому ты служишь?" И ему придется признать себе, что служит он стране, ставшей оплотом мирового антисемитизма, и его труд идет на пользу врагам его народа.

То, что будет с этим человеком дальше, будет определяться множеством обстоятельств: и силой его привязанности к собственному народу, и его решимостью идти на риск, и множеством других факторов. Но одно ясно: человек, у которого раскрылись глаза на правду, поймет, что если его деятельность не приносит прямой вред его народу, то она в лучшем случае под вопросом. Для того, чтобы восстановить смысл и достоинство своей деятельности (а вместе с ней — и жизни), ему следует выйти из этой дьявольской системы.

Все мы здесь давно решились на этот шаг и вступили на путь Исхода. Наша судьба сложилась так, что нас на долгие годы остановили на этом пути. И эта остановка достаточно тяжела и горька, тем более, что многие из нас при этом разлучены со своими ближайшими родственниками, и эта разлука взаимна и усугубляется сознанием того, что и наши близкие страдают без нас.

Мне кажется, нашу судьбу можно сравнить с судьбой человека, который хотел переправиться на другой берег реки, но ему не дали этого сделать. И, будучи уверен, что эта переправа нужна для его народа, а не только для него, что это — единственный путь к спасению его духовной самобытности, достоинства, чести, этот человек не возвращается к себе домой, а остается у переправы. Это трудная переправа, и тут нужна помощь.

Религия нашего народа — религия благодарности. Еврей каждое утро благодарит Бога за все, что Он дал ему. И я думаю, несмотря ни на что, и у нас есть причина благодарить Бога. У нас есть не только цель, но в нашей жизни есть смысл. А когда есть сознание, что жизнь осмысленна, не страшно и умереть.

25.3.1975 Сегодня были минские полковники [Е. Давидович, Л. Овсищер], Слепак и Луниц. Когда разговариваешь с такими людьми, как Давидович и Овсищер, веселее делается на душе. Овсищер шутил, что теперь, после разжалования, он чувствует, как хорошо быть солдатом. Зато Давидович, которого так и не раз-

жаловали, может поставить его по стойке "смирно". Давидович рассказывал, как он выступал на бюро Белорусского ЦК. Они прервали его после пяти минут, но потом были весьма интересные ответы на вопросы. В частности, когда его обвинили в троцкизме, он сказал, что он не троцкист и не антитроцкист, так же, как и прочие присутствующие. Это заявление удивило. Он объяснил: "Что мы знаем о Троцком и троцкизме? Только ту клевету, что мы слышали в советских вузах. Читал ли кто-нибудь из нас его труды? А значит, мы ничего и не можем сказать о Троцком". Присутствующие взревели от ярости. После этого против Давидовича было заведено дело об антисоветской агитации. Его арестовали, но продержали только одну ночь, а дело через шесть месяцев было прекращено благодаря международному вмешательству.

27.3.1975 Вчера выступал на седере у Лернера. Кажется, успешно. Сегодня будет седер у нас, и надо подготовиться. Сегодня Би-Би-Си передала, что у синагоги вчера была разогнана толпа евреев, причем седер был прерван через двадцать минут. Би-Би-Си сделала вывод, что хотят продемонстрировать, что положение евреев ухудшилось после заступничества сенатора Джексона.

Теперь я начинаю думать, что то, что говорилось на партсобрании [в Институте востоковедения АН СССР] о том, что евреи сами возбуждают антисемитизм, не случайно и отражает поворот их политики. Уже не "нет проблемы"; проблема есть, и она заключается в том, что евреи сами возбуждают антисемитизм. Он у нас существует, да, но по вине самих евреев. На практике это означает поощрение антисемитизма. В современной обстановке это приведет прежде всего к росту алии.

Я подумал, не заняться ли мне ивритом, читая Тору en regard. Каждый день, ну хоть по два часа. Какой-то фундамент для этого уже заложен, и теперь я могу заниматься сам.

31.3.1975 Двадцать девятого марта настроение было страшное, кажется, уже нельзя было жить. Но последние дни предназначены были как будто для того, чтобы меня утешить. Сегодня – заседание в Колумбийском университете, посвященное мне, и разговор с Брайаном был очень хороший – он сказал, что отправил Марусе ряд адресов и что скоро сюда приедет его знакомая. Потом мы поехали к синагоге, где были свидетелями "нового порядка". Выяснилось, что милиция в этот день вошла прямо в помещение синагоги, и милиционеры стаскивали людей со ступеней. Однако встретиться со своими все же удалось, и особенно приятно было увидеть Сашу Лунца и убедиться, что он не арестован.

1.4.1975 Сегодня в семь двадцать утра говорили с Марусей. Голос у нее был веселый: ее на аэродроме встретил Павел [Литвинов]. Выяснилось, что заседание в Колумбийском университете, посвященное мне, будет девятого.

Вчера прочитал ряд статей Гершона Шолома. Замечательный ученый: кругозор, глубина, ясность мысли. Особенно значительна суммирующая статья о Каббале и статья "Евреи и немцы". Трагичность ситуации немецких евреев описана замечательно.

6.4.1975 Вчера у синагоги – тишь да гладь. Не видно ни милиции, ни шпиков. Оказывается, по "Голосу Америки" передавали интервью московского раввина, заявившего, что милицию вызвал он для соблюдения порядка. Замечательное зрелище: раввин, чтобы справиться с евреями, вызывает полицию! Однако сам факт появления такого интервью показывает их sensitivity¹ к этому вопросу.

Звонил Брайану, пытался продиктовать ему пись-

¹ Чувствительность (англ.).

мо¹. Большею частью продиктовал, и самое важное уже есть. У меня было уже впечатление, что удастся дойти до конца, но когда я произнес слово "КГБ", в трубке раздался шум. Телефонистка спросила меня, кончил ли я, выяснила, что нет, попробовала соединить, сказала, что линия испорчена и что я могу получить обратно [деньги] за три минуты. Интересно, что произошло: такое впечатление, что у них машина, реагирующая именно на это слово. До этого текст тоже далек был от допустимого с советской точки зрения. Ушел с чувством, что кое-что сумел.

14.4.1975 Десятого или одиннадцатого была передача по "Голосу Америки" относительно заседания в Колумбийском университете, но мы ее так и не слышали. Там выступали Стивен Левин, проф. де Бари и глава американской "Amnesty International". Лейтмотив, как говорят, был: "Мы о вас не забыли". Названо это было "Форум".

Вчера прочитал [на семинаре по еврейской культуре] доклад "Проблема закона природы в Китае и в Европе". Присутствовало человек двадцать пять, было довольно много вопросов. Нужно подумать над перспективой. Очевидно, пора подготовить доклад о Розенцвейге. Теперь для этого есть достаточно материалов.

Начал вчера читать en regard [Книгу] пророка Исайи. Ощущение необыкновенной мощи, подъема и величия. Теперь надо читать систематически, каждый день, хотя бы понемногу.

18.4.1975 В восемь часов утра телефонный разговор с Нью-Йорком. Оказывается, меня вызвал тот же студент, что звонил мне в больницу одиннадцатого сентября 1974 года. Он спрашивал мое мнение о тактике борьбы, и я прямо сказал, что считаю самым эффектив-

¹ Обращение к митингу в Колумбийском университете.

ным методом борьбы не слово, а действие, ибо они имеют дело с "brutal and cynical men"¹, для которых слова ничего не значат. Когда он спросил меня о [моих] советах вообще, я сказал, что важно продолжать давление, ибо во время недавних вызовов основным мотивом было то, что мы сейчас никому не нужны и неинтересны. Он ответил на это: "We are 100% behind you"². Кроме того, он сказал, что были демонстрации в мою защиту в Колумбийском университете.

20.4.1975 Два дня назад арестовали А. Твердохлебова³.

Сегодня кончил книгу Leonard Schroeter, *The Last Exodus*, New York, 1974. Прекрасная книга, всеобъемлющая по объему, гуманная и тонкая. Хочу написать ему [автору]. Впервые встречаю у него систематическое описание нашего движения. Многие формы (открытый дом, семинар), которые я считал впервые у нас появившимися, на самом деле, оказывается, давно были найдены в Риге.

22.4.1975 Пора приступить к подготовке давно задуманного доклада о Розенцвейге. Цель доклада — показать, что иудаизм — живая религия, что он, с одной стороны, отнюдь не являлся принадлежностью только заскорузлых и оторванных от mainstream⁴ мировой культуры хасидов; с другой, что он не превзойден христианством. В этом смысле Розенцвейг особенно интересен. С этим надо торопиться. Скорее всего, там мне не придется заниматься этим.

¹ Жестокими и циничными людьми (англ.).

² Мы поддерживаем вас на сто процентов (англ.).

³ Участник правозащитного движения; в 1976 году был приговорен к пяти годам ссылки. Эмигрировал в 1980 г.

⁴ Основное направление (англ.).

23.4.1975 Надо учиться у Розенцвейга радости. Это — победа над несчастьем, над неопределенностью, над судьбой. Радость — торжество духа. До такой радости надо подняться. Она легко дается одаренным натурам, но тяжело — мне. Здесь путь — работа, размышление. Сегодня надо будет продолжить работу над проблемой человека у Розенцвейга.

25.4.1975 Сегодня — чрезвычайно важное для нас сообщение: Колумбийский университет заявил, что разрывает связи с советскими университетами и научными работниками и не будет никого принимать до тех пор, пока не выпустят меня. Первый раз об этом сообщили вчера ночью, а мне рассказал Марк Новиков, когда мы были в вестибюле Верховного суда РСФСР. Сегодня "Голос Америки" повторил эту информацию. Кроме того, Колумбия обратилась ко всем университетам с призывом последовать их примеру.

Я это расценил как определенное выполнение моего совета, данного восемнадцатого апреля. Оказывается, в этом же смысле высказался на днях и Саша Воронель, выступавший в Нью-Йорке. Он сказал, что единственное средство вырвать ученых — бойкот.

27.4.1975 Вчера дал Мак-Гиллу и де Бари следующую телеграмму: "I am deeply touched by your decision. You show that human rights of your colleagues in other countries are not indifferent to you and defending them you are ready to sacrifices. Your step creates an important precedent in the struggle for human dignity and freedom. It is a beautiful page in the history of your University"¹.

¹ Глубоко тронут вашим решением. Вы показали, что вам не безразлично, соблюдаются ли гуманитарные права ваших коллег в других странах. Защищая их, вы готовы идти на жертвы. Ваш поступок создает важный прецедент в борьбе за человеческое достоинство и свободу. Это прекрасная страница в истории вашего университета (англ.).

В общем, мне здорово повезло в жизни: быть человеком, вокруг которого разворачивается новая страница борьбы за свободу, — большая честь. Ради этого стоило провести здесь три года в ожидании.

8.5.1975 Вчера говорил о Розенцвейге. Было человек сорок-пятьдесят, и как будто доклад возбудил интерес. Сегодня об этом говорили на аэродроме, где я провожал Алика Гольдфарба.

10.5.1975 Я думаю, что стоит отметить весьма противоречивую позицию Розенцвейга, который, с одной стороны, признает еврейство как *Gemeinschaft aus Fleisch und Blut*¹, а с другой стороны, толкует его как чисто духовную субстанцию. Концепция еврейского народа у Розенцвейга просто поразительна по своей полной несообразности, по забвению истории. Евреи, по Розенцвейгу, пассивны, как дерево, и стоят вне истории. Но в истории — весь пафос евреев, и мессианское ожидание наполняло собой духовную жизнь гетто.

13.5.1975 Мне сейчас только пришло в голову, что мое предпочтение слышать людей, а не видеть что-то, будь то города, природа или слайды, — может быть, еврейская черта. Ведь мы издревле были против изображений, и Бог для нас был Тем, Кого можно и должно было слышать, но Кого нельзя было видеть. Так из вещи Он превратился в личность, в собеседника.

16.5.1975 Четырнадцатого мая я сделал второй доклад о Розенцвейге. Начал с того, что рассказал снова его биографию и основные положения его теории. Потом остановился на теории еврейского народа и христианства. Кажется, сошло хорошо.

Итак, теперь я могу считать, что выполнил невыска-

¹ Кровная общность (нем.).

занный папин завет: я не только проработал Розенцвейга, но и рассказал о нем другим. Я, пожалуй, редко испытывал такое удовлетворение, как после выступления по поводу Розенцвейга.

17.5.1975 Вчера прочитал Книгу пророка Ионы. Удивительное произведение. Теперь, когда я кончил заниматься Розенцвейгом, надо будет ежедневно читать Тору.

Все же знакомство с Розенцвейгом дало очень много. Я подумал, что мой разговор с кагебешником Олегом относительно дружбы (он: "Дружба — понятие относительное"; я: "Для вас относительное, для меня — нет") был в духе теории Розенцвейга о том, что истины одной нет, а у каждого человека — своя истина.

Говорил сегодня с Брайаном. Почему после разговора с этими людьми остается такое приятное чувство?

20.5.1975 Жду разговора с Цви [Шифриным]. Идя на телеграф, подумал, что наше изречение — "Там, где нет людей, будь человеком", — противоречит русскому: "С волками жить — по-волчьи выть". У меня никогда не было желания выть по-волчьи. Недавно, когда кто-то рассказывал о своей "комсомольской юности", я подумал об этом и вспомнил, что еще в первом классе меня обвиняли в индивидуализме. Я никогда не испытывал желания смешаться с советским коллективом и раствориться в нем.

29.5.1975 Прочитал "Наперегонки со временем" Арье (Левы) Элиава [Иерусалим, Библиотека-Алия, 1973].

Сегодня утром виделись с губернатором Мэриленда [Мервином Манделем]. Чрезвычайно приятный седой джентльмен с трубкой. Рассказал о весьма бурных дискуссиях; Юрий Жуков однажды даже ушел из зала во время одной из таких дискуссий; когда им [американцам] сказали о вмешательстве во внутренние дела, они ответили, что это такое же внутреннее дело, как

апартеид. Однажды, когда им кто-то сказал, что не выпускают лиц, знающих секреты, губернаторы назвали меня. Никакого ответа на это не было. Как выяснилось, упоминали обо мне и конгрессмены в МВД. Им ответили: "Это в другом отделе".

Интересный разговор был у Манделя с Подгорным. Когда Мандель и другие губернаторы процитировали какой-то отрывок из антисемитской литературы, Подгорный ответил: "Ну, знаете, мы не можем контролировать журналистов". Ответом был веселый смех. Думаю, улыбался и Подгорный. Характерная ситуация: почтенный глава мировой державы бесстыдно врет, причем ясно понимает, что факт лжи ясен всем. "Ложь молодцу не в укор". Вот что значит — срастись слождю, уже не мыслить и не представлять себе, что ложь позорна.

30.5.1975 О Давидовиче. Так много чувства по отношению к нему, но как-то не удается сформулировать.

Давидович лишен звания полковника... Девятого мая, в день тридцатилетия победы над Германией, Давидович выступил на митинге в Минске у могилы павших. Когда Давидовича спросили, от чьего имени он собирается говорить, он ответил: "От имени шестнадцати моих замученных родственников и сотен тысяч евреев Минска — жертв нацистского геноцида". Этого оказалось достаточно, чтобы в глазах советских властей были перечеркнуты и забыты все военные заслуги Давидовича.

В годы нацистской власти в Германии в советской печати не раз указывалось на то, что жертвами нацистских преследований делались евреи — герои Первой мировой войны, проливавшие свою кровь за Германию. Судьба Давидовича еще раз показывает, что по этому же пути идет и советская власть. Судьба Давидовича еще раз подчеркивает правоту дела, за которое он борется.

4.6.1975 Вчерашний разговор с агитаторами, при-

шедшими, по-видимому, специально, чтобы оказать на нас давление.

Он (тип кагебешно-партийного вида): — Почему вы не отметились?

Я: — Мы граждане Израиля и голосовать не будем.

Он: — Где вы работаете?

Я: — Даю частные уроки.

Он: — А жена?

Я: — Работает по договору с издательством.

Он: — С каким?

Я: — Этого я вам не скажу.

Он: — Как это не скажете?

Я: — Не скажу потому, что такие, как вы, спрашивают, а потом люди лишаются работы.

В ответ он показал свою книжечку. Она была красная, но там было написано что-то о каком-то производственном объединении. Я ему вернул без комментариев. Ушли не солоно хлебавши.

15.6.1975 Почти закончил "The Settlers"¹. Прекрасный роман. Одна из проблем, в нем интересно затронутых, — проблема еврейского подхода к политике. Иначе говоря, нужно ли нам вмешиваться в политику, ведущуюся другими, или нет.

Здесь можно наметить два крайних подхода:

1. Традиционный подход гетто: "Mögen sie alle brennen!"² Это — стремление оставаться вне истории; теоретиком такого подхода является Розенцвейг: еврейская жизнь ничего не имеет общего с историей, в ней уже воплощены лучшие человеческие ценности, а история — удел несовершенных и грубых гоев. Этот упор на духовные ценности, сосредоточенность в себе дали возможность пережить два тысячелетия диаспоры. В

¹ Роман американского писателя Меира Левина о первых поселенцах из России в Палестине.

² "Гори они все ярким пламенем!" (идиш).

то же время эта узость и ограниченность были бесперспективны и никогда не дали бы возможности вырваться из ада гетто.

2. Универсалистское стремление принять максимальное участие в судьбе других народов, практически слившись, ассимилировавшись с ними. Это — то, что произошло здесь, в России. Вообще, благодаря универсалистской струе Библия стала Книгой Книг, Книгой для всех народов. Отсюда и христианство. Но в конечном счете стремление к максимальному участию в жизни других народов, невозможное без ассимиляции, вырождалось в самое унижительное стремление не быть самими собой. Оно привело евреев на грань национального самоубийства, и в настоящее время именно с этой тенденцией мы ведем самую решительную борьбу.

Если с этой точки зрения проанализировать сионистскую политику, то можно сказать, что в противоположность русским социалистам-ассимиляторам сионисты боролись за сохранение своего народа, за то, чтобы он не растворился в чуждой среде. В отличие же от традиций гетто сионисты понимали, что для спасения своего народа недостаточно запереться в стенах гетто — нужно ринуться в гущу истории. Это и наша линия. Мы ни в малейшей мере не безучастны к тому, что происходит вокруг, но мы всегда имеем в виду интересы своего народа.

Наконец поучил сегодня "Philosophy East and West", 1974, №4, где имеется статья Б. Шварца о моей книжке. Отзыв, конечно, положительный. В конце он пишет: "Независимо от того, как расценивать то или иное высказывание автора, основное достоинство книги в том, что она показывает значимость древнекитайской философии не только для всей последующей истории самого Китая, но и для вечных и универсальных идей, касающихся всего человечества".

16.6.1975 Подумал, что надо подготовить доклад для Конгресса [востоковедов] 1976 г. в Мексике. Цви мне сказал, что мне послано приглашение. Мне кажет-

ся подходящим название: "Роль космологических представлений в истории китайской политической мысли".

20.6.1975 Вчера — знакомство с Р. Пайпсом¹. Впечатление необыкновенно умного, быстрого, блестящего и хорошего человека. Были у Э. Неизвестного², который очень интересно рассказывал о своих разговорах с Хрущевым. Когда Эрнст сказал, что он не диссидент, Пайпс ему прекрасно возразил: "Но они вас считают диссидентом все равно, независимо от вашей воли". Что-то во всем облике Неизвестного, в его динамизме, в его силе напоминает великих скульпторов. И масштабы его, как хорошо сказал тот же Пайпс, космические.

29.6.1975 Вчера — бурный день. Чем я сегодня открываю заседание [с американскими сенаторами]?

Я думаю так:

Я выражаю вам от имени всех присутствующих здесь глубокую благодарность. Благодарность за ту огромную поддержку, которую вы оказываете нам. Эта поддержка — не только условие и часть нашей борьбы. Это условие нашей жизни. У нас нет ни малейшего сомнения в том, что как только советские власти увидят, что эта поддержка прекратилась, они немедленно устроят нам процессы и так или иначе попытаются ликвидировать нас. Наши судьбы тесно связаны теперь с вами. И в том, что вы нас поддерживаете, я вижу глубокий смысл. Я вижу в этом знак того, что вы не забыли лучших традиций великой американской демократии. Сейчас, когда приближается двухсотая годовщина США, уместно, мне кажется, вспомнить слова одного из основателей США — Томаса Джефферсона — о том,

¹ R. Pipes — видный американский историк, автор книг по истории России и СССР.

² Скульптор, автор памятника на могиле Н.С. Хрущева. Эмигрировал в США в 1976 г.

что каждый человек имеет право уехать из страны, где он оказался в силу случая, а не по собственному выбору. Я вижу сегодняшнюю встречу как историческое событие. Вы, сенаторы, избранные представители американского народа, встречаетесь с лидерами советских евреев, стремящихся вернуться в Страну Библии.

Тут мне кажется необходимым остановиться на двух вопросах:

1. Отношение евреев-сионистов к остальным евреям. Дело в том, что сейчас невозможно быть в СССР евреем; все, кто хотят оставаться евреями, думают о выезде в Израиль. Поэтому I daresay¹, что мы представляем национальное еврейское сознание в этой стране.

2. Каким образом у нас имеются лидеры, если нет организации и нет демократической процедуры выборов. Тут ситуация складывается неформально: в конечном счете выделяются люди, которые проявляют наибольшую активность и наибольшую преданность делу своего народа.

Мне не нужно говорить о роли еврейского народа в мировой истории; вы знаете это без меня. Я хочу сказать о роли русских евреев; последнее столетие показало, что то, что происходит в этой стране, имеет всемирно-историческое значение. Если бы не заселение русскими евреями Палестины в конце XIX — начале XX века, не было бы Государства Израиль и иной была бы картина мира. Иными были бы и США.

30.6.1975 Вчера — встреча с сенаторами [в гостинице "Россия"]. Когда мы вышли из дома, все казалось спокойно, но стоило нам повернуть за угол, как нас (мы были с Толей Щаранским) на бешеной скорости обогнала кагебешная машина; потом за нами все время шло человека три. Когда мы пришли к "России", наши во главе с Лернером уже там сидели; их машина

¹ Я осмелюсь сказать (англ.).

тоже шла в сопровождении. Около восьми часов пришла другая группа, и вместе мы поднялись на девятый этаж. Нас ждал помощник Джавица; представителей прессы он не пустил и отказался сказать, кто будет участвовать во встрече. Мы вошли в маленький номер, нас встретили Джавиц, Рибиков и Скотт. Потом вошел Хамфри, а еще позже — Перси и некоторые другие сенаторы. Больше всех впечатление произвел Рибиков: благородное, утонченное и печальное лицо еврейского интеллектуала. Джавиц производит впечатление простого и доброго человека. Собственно у этих двоих чувствовалась даже не забота, а боль о нашей судьбе.

Разговор сосредоточился вокруг поправки Джексона (как ее исправить). После, в конце, я говорил с Перси, и он спросил меня, сколько у меня членов семьи и каковы мои планы. Я сказал, что собираюсь заниматься своим делом. Это, как он сказал, облегчает его задачу. С ним вместе был его помощник — парень мексиканского вида, сказавший: "За вас борется целое международное движение".

2.7.1975 По радио передали о том, что в переговорах советские лидеры заняли жесткую позицию и никаких смягчений в области эмиграции не обещали.

Пайпс сказал вчера очень хорошо: "Не остается один тот, кто готов остаться один". Это относилось к Израилю, но, конечно, могло быть отнесено и к нам. Шагах в тридцати сзади нас шли наши шпики. Когда мы спустились в метро, Толя Шаранский громко сказал: "Привезите завтра сенаторов". Я чуть было не ответил: "Откуда я их вам возьму?", но вовремя понял, что это — на шпики. Ина поняла сразу, а когда Толя узнал об этом, он сказал: "Может быть, Ина вам и диссертацию писала?"

6.7.1975 Вчера от американского еврея, стоявшего у синагоги, узнал, что только что напечатана моя статья "Перспективы русских евреев" в [журнале] "Презент тенс". Ей предпослана статья обо мне. Когда я спросил,

понравилась ли ему моя статья, он ответил, что очень, что она хороша тем, что в ней есть чувство, но она не over-emotional¹

8.7.1975 К вечеру зашел [корреспондент "Ньюс-уик"] Альфред Френдли, сообщил, что Э. Неизвестный получил отказ. Он смотрит на нашу ситуацию мрачно, и это изрядно испортило нам настроение. Я вдруг почувствовал, что значит отсутствие надежды: как будто здание души лишили основания. Вынули какой-то важный камень, на котором все держалось. Все потускнело, поблекло, посерело.

Почему так? Разве раньше была у меня особая надежда? Ведь кажется — нет. Не с чего. И все же, наверно, была. Трудно жить героическим экзистенциализмом, без всякой надежды, без мысли о чем-то хорошем, что нас ожидает, и в этом глубокая правота религии, глубокое понимание ею человека.

9.7.1975 В интенсивном поиске новой опоры, идущем где-то в глубине, я вдруг наткнулся на мысль: "Что тебе беспокоиться? Ты прожил такую прекрасную жизнь". Я оглянулся на свою жизнь и нашел, что она действительно прекрасна.

Вчера слушали рассказ Володи Альбрехта² о допросах. Это нечто поразительное: из допроса делается новый жанр. Как удачно сказала Ина, допрос карнавализуется. Володя чувствует себя на допросе как рыба в воде, он в своей стихии. Конечно, он говорил о том, ка-

¹ Чрезмерно эмоциональна (англ.).

² Математик; известный правозащитник, член московской организации Международная Амнистия. В 1983 г. был осужден на три года за антисоветскую деятельность. Отбывал срок в одном из лагерей Казахстана, где подвергался избиениям, и насилию со стороны уголовников. Освобожден в феврале 1987 г.

ких это ему стоило усилий, но я не верю, что он не испытывал от этого наслаждения. Фактически хозяином допроса был, конечно, не следователь, а он (что он и высказал в словах, что он — следователь по делу о незаконном аресте Твердохлебова). Он часто ловил следователя, расставляя ему красивые ловушки.

Основной тезис, который с успехом проводил Володя, состоял в том, что, поскольку его свидетельские показания могут быть использованы против него, если его превратят из свидетеля в обвиняемого, а обвиняемый давать против себя показаний не обязан, то он отказывается говорить о себе. Это замечательное нововведение: ведь раньше дело обстояло наоборот. Следователи запугивали свидетелей, что если они не будут давать показаний, они станут обвиняемыми. С уменьшением страха и с ростом юридических знаний двусмысленное положение свидетеля стало оружием в руках бесстрашных людей, которые, именно исходя из того, что они могут быть превращены в обвиняемых, отказываются давать показания. Это выражено в классической формуле Альбрехта: "Так как вы считаете этот вопрос заданным по существу дела, то это освобождает меня от обязанности на него отвечать".

Блестяще он ответил и на вопрос об авторстве какого-то документа: "Ни от каких своих произведений я не отказываюсь, но если вам нужно установить что-то, чтобы потом меня же противоправно преследовать, то в этом деле я с вами сотрудничать не намерен".

Столь же удачным надо признать его ответ на какие-то попытки запугать его привлечением к ответственности за уклонение от дачи показаний: "Я понимаю ваше намерение запугать меня, и как хорошо, что это намерение незаконно! Я полагаю все-таки, что обвинение в уклонении от дачи показаний мне не будет предъявлено вообще, так как мелкие ошибки следствия не всегда переходят в крупные".

Кто-то заметил, что теперь, после теоретического занятия, у нас скоро будет возможность заняться практикой. Но после вечера, проведенного с Володей, на-

строение изменилось. Всем стало легче.

Читая Пайпса¹, я думаю: столкновение евреев с Россией сейчас обострилось, поскольку Россия евреев не выпускает. Но вообще это столкновение было неизбежно, оно должно было произойти, потому что внутри цитадели рабства оказался самый свободолюбивый народ.

21.7.1975 Второй день в Энгуре [Латвия]. Вчера были вечером у Юры и Иры, ели местную копченую рыбу лучу, запивая пивом.

Когда, накануне отъезда, я уходил из дома Володи [Слепака], оставив там пятерых американцев и двух самых дорогих мне наших, мне было грустно: я чувствовал, что именно здесь, среди этих людей, мое место, здесь я дома. Я чувствовал себя среди этих людей счастливым.

22.7.1975 Тянутся ленивые дни: утром, от завтрака до обеда — море, обед и изначально пустой вечер.

Кончил необыкновенно интересную вещь: А.И. Нещел "The Sabbath". Замечательно он пишет о проблеме времени. Так, у него есть такая интересная мысль: "Историк Ранке утверждал, что любая эпоха одинаково близка к Богу. Однако еврейская традиция считает, что существует иерархия отдельных моментов внутри определенного отрезка времени, что не все эпохи одинаковы... Например, в определенный период пророческий дух покинул Израиль".

Я всегда считал это изречение Ранке очень глубоким. Я понимал его так, что каждая эпоха интересна, каждая имеет свой нерв, свою проблему, приближающую ее к нам, делающую нам понятной. Но все же, пожалуй, Гешель прав в том смысле, что есть разные эпохи и разные моменты. Так, каждый, наверно, может выделить безблагодатные эпохи и моменты и в своей

¹ R. Pipes, *Russia under the old regime*, London, 1974.

жизни, и в истории. Такими эпохами русской истории мне кажутся, в первую очередь, двадцатые годы. О тридцатых годах это сказать уже труднее (перед кончиной перед многими и многими тысячами [людей] должен был забрезжить свет понимания), но о двадцатых годах — наверняка можно. Столь же бесплодной, поверхностной эпохой кажется позитивизм конца XIX века. Можно ли сказать, что эти эпохи равноценны, например, таким, как замечательные 1910 годы в России или начало XIX века в Европе? Вряд ли.

25.7.1975 Книга А. J. Heschel, *The Earth is the Lord's* полна глубоких мыслей и тонких наблюдений. Так, очень хорошо о том, как непредвидима жизнь: "Кто знает, в чем цель жизненного пути человека? Может случиться, что человек отправляется в путь, чтобы совершить деловую сделку, а истинная цель этого путешествия состоит в том, чтобы помолиться на постоялом дворе, где имя Бога еще никогда не сотрясало воздух, или оказать помощь утомленному путнику, повстречавшемуся по дороге. Так человек незаметно может исполнить то, для чего он предназначен"¹.

Я подумал, что, может быть, моя судьба была не в том, чтобы быть специалистом по Древнему Китаю, а в том, чтобы принять участие в Исходе русских евреев. Это могло быть только в результате отказа; если бы они разрешили мне уехать в семьдесят втором году, я был бы одним из сотни тысяч. Только став отказником, я мог стать одним из десяти. В этом смысле, как Солженицын благодарен тем, кто посадил его, я могу быть благодарен тем, кто меня не пустил. И тут еще одно: опять же навеянное Гешелем соображение о том, что вся эпопея сняла с меня чувство, что я эпитон. Имея перед своими глазами папу с его всеобъем-

¹ Цитата дается по русскому переводу: А.И. Гешель, *Земля Господня*, "Библиотека-Алия", 1974. Виталий читал книгу по-английски.

лющим умом, необъятными знаниями, необычайной творческой активностью и легкостью, с которой он решал любой вопрос, над которым я ломал себе голову; много слыша об удивительном уме, обаянии и красноречии дяди Исаака, я рос в сознании того, что я именно эпигон замечательной семьи. Этим и объяснялось в известной мере занятие Китаем: я хотел найти что-то свое, что-то такое, что было неизвестно папе и в чем я не чувствовал бы себя черепахой по сравнению с ним — Ахиллом.

Я всегда считал себя человеком средних способностей. Я думаю, что я был прав. Но я не учитывал одного — того, кстати, чего я и не знал, пока не начал писать, — что я умею думать, что у меня есть способность, прорвавшись сквозь затверженные схемы, найти новый, живой смысл в старом документе. Сейчас, когда я прочитал об интерпретациях Талмуда, я подумал, что может быть — это наследие предков. Но кажущееся более существенным соображение — что я с детства был воспитан в глубоком отвращении во всему советскому, и любая работа приобретала для меня смысл лишь в том случае, если я мог выразить это свое глубокое чувство. Помню, когда я писал свою книжку, я не раз думал о том, что все это не лезет ни в какие марксистские ворота. Но каждый раз я решал в пользу риска: слишком мерзко было обычное советское приспособленчество и выхолащивание собственных мыслей. Вложенное в меня папой мироощущение сгустилось и сконцентрировалось в волю: не лгать! Вот эта-то нравственная воля и есть самая сильная моя сторона. Воля, нашедшая себе выражение в мысли и в действии. Подводя итоги трем с половиной годам, я вижу, как они меня преобразили. Совершенно неожиданно и непредвиденно: мне казалось, что я достиг времени, когда меняться я уже не могу, печального времени застывания; зрелости, стоящей на пороге старости. Когда я принял решение, одним из существенных мотивов было: "Мне нечего терять". И вдруг оказалось, что что-то можно приобрести. Опять же хочется процитировать Гешеля:

”Life at its best is lived on a spiritual battlefield”¹.

И еще прекрасное место — цитата из Rabbi Israel Salanter: ”If I thought that I should always remain what I am, I would lay hands on myself. But if I did not hope to be like the Gaon of Vilna, I would not be even what I am”².

26.7.1975 Вчера ездили в Тукумс. Я был поглощен мыслями о прочитанном у Гешеля о неожиданном совпадении истории моей собственной жизни с историей моего народа и не мог поэтому делить некоторого ажиотажа Ины в связи с ожидавшимися покутками. Ина сказала потом, что я ее терроризировал.

Вечером, после возвращения, читал книгу Самуила. Читал как историю собственной жизни. Попробовать прочитать здесь всю хроникальную часть Библии, до сих пор мной не читанную. Вот уже неделя, как мы здесь. С трудом выдерживаю разлуку со своими друзьями, отрыв от захватывающе-интересной жизни. Не знаю, как дотяну здесь.

Забавную вещь сегодня слышал: специалист по русской литературе Лихачев ездил в Париж в сопровождении кагебешника. Через некоторое время кагебешник исчез; выяснилось: сбежал.

27.7.1975 Еще раз хочется подумать о том, как изменили меня эти годы. Изменение произошло абсолютно незаметно и без сознательной цели. Оно, может быть, было следствием того, что в моей жизни появилось ”мы”. Конечно, и раньше семья была тем ”мы”, без которого уж очень обкорнана была бы жизнь. Но

¹ Лучшее время жизни — это жизнь, проведенная в духовной борьбе (англ.).

² ”Если бы я знал, что навсегда останусь таким, каков я сейчас, я бы наложил на себя руки. Но не надейся я стать похожим на Виленского Гаона, я не был бы даже таким, каков я сейчас”.

не было никакой группы, к которой я мог бы от всего сердца себя причислить. Я, конечно, никогда не отрицал, что я еврей (мне не пришлось отрицать этого даже в немецком плену), но я не мог активно проявить себя как таковой. Можно сказать, что еврейство было фактом моего сознания, мало проявлявшимся в жизни. Еврейство проявлялось лишь как момент, препятствовавший моей карьере (в советских условиях [это] слово звучит отвратительно) и ограничивавший ее. Это было качество наряду с беспартийностью. Я думал тогда, что еврейство для меня и для таких, как я, означает, что мы знаем, что мы евреи. *We don't deny*¹, и это больше, чем с первого взгляда кажется. Но это не проявлялось ни в образе жизни, ни в каких-либо активных действиях.

С другой стороны, не был я и русским демократом. При всем моем уважении и даже восхищении этими людьми я никогда не чувствовал в себе желания прикнуть к ним, потому что с детства видел в этой стране страну рабства, понимал, насколько вся она сверху донизу пронизана антисемитизмом, и не испытывал никакого стремления жертвовать собой ради врагов моего народа.

Только сейчас я, наконец, увидел, что я не один, что есть "мы", частью которого я себя чувствую и ради которого я готов на все. Это "мы" воплощается для меня в таких людях, как Давидович, Овсицер, Володя Слепак, Саша Лунц. Я не только знаю, что я еврей, — в своей жизни, в своих словах я выражаю это знание и открыто борюсь за свой народ. Это счастье жить так, и это возможно только благодаря тому, что я — еврей. На днях я подумал, что было бы со мной, если бы я, так относясь ко всему советскому, не был бы евреем. Мне пришлось бы делать так, как многие русские — просить кого-то о вызове из Израиля, примазываться к евреям. Для человека с моим чувством собственного

¹ Мы этого не отрицаем (англ.).

достоинства это было бы мучительно. Слава Богу, я — еврей!

31.7.1975 Вернулись из Кулдиги [Латвия], где были двадцать девятого — тридцатого июля. Городок приятный, но в этом году никто не хочет говорить там по-русски. Несколько раз нарывались на явное хамство (как в ресторане, где нас отказались обслужить и по-русски так ничего и не объяснили, пробормотав что-то по-латышски). В других обстоятельствах можно было бы поднять скандал; но не становиться же было в позу разъяренного оккупанта. После этого никакого желания оставаться в городе не было, и мы вернулись за день раньше срока, подарив латышам два сорок за номер.

4.8.1975 Как-то, идя домой, я думал о том, что не было бы ничего более естественного, чем арест всех нас. Тем не менее, мы живем на свободе (той свободе, которая возможна здесь). Мы живем в силу продолжающегося чуда.

7.8.1975 Маруся ответила [по телефону из Израиля], что папины дневники у нее.

Последние дни — много бесед с Людой Алексеевой. Люда упомянула об идее создать анкету о заключенных. Я тогда подумал, что очень интересно было бы создать подобную же анкету и нам. При помощи ее можно было бы выяснить общие перспективы алии (разумеется, относительно), мотивы людей, чувствуют ли они официальный или народный антисемитизм, думают ли они, что положение может улучшиться и т.д. При этом встают совершенно новые перспективы. Надо будет поговорить об этом по возвращении¹.

¹ Эта идея была осуществлена в процессе подготовки симпозиума "Еврейская культура в Советском Союзе. Состояние. Перспективы", который должен был состояться в Москве 21—23 декабря 1976, но был сорван советскими властями (см. "Еврейский самиздат", т. 15, Иерусалим, 1978).

8.8.1975 Люда рассказала вчера чудный эпизод: во время обыска у Ю. Телесина, когда тот писал бесконечные протесты, Чалидзе, рыцарски наклонившись к [следователю] Гневковской, галантно сказал ей: "Приходите с обыском ко мне, у меня лапидарный стиль". Ошалевшая от всего происходящего Гневковская ничего не ответила.

22.8.1975 Вчера, придя домой, обнаружили открытку из ОВиРа с просьбой позвонить Сивец. Утром позвонил ей. "От имени МВД мне поручено подтвердить ваш отказ". Надо сказать, что вчера я сначала, получив открытку, обрадовался, но потом решил, что здесь возможно любое хамство, потому что меня просят не зайти, а позвонить.

Итак, надо готовиться к тому, чтобы зимовать. Важно найти дело, крайне важно. Чтобы, как сказал Пайпс, ждать только половину времени. Тут возможно два пути: китаеведение и социология, касающаяся современного положения евреев. Последняя мысль меня привлекает.

Что мы попытаемся выяснить [в анкете]?

1. Процент людей, не считающих, что в СССР есть антисемитизм;
2. Процент людей, желающих уехать в Израиль;
3. Разница в отношении к этому вопросу в возрастных группах.

Меня тревожит, что я разлюбил дневник. Не говорит ли это об уплощении личности, о затруднении в беседе с самим собой, об отсутствии интереса к жизни? Хорошо пишет Гешель: "Мы полагаем, что есть много неизвестного в мире, но уж наше-то 'я' во всяком случае известно. Но оно-то и есть самое загадочное и неизвестное. И очень важно уметь держать открытым путь в собственные глубины. И для этого могут быть разные возможности, вплоть до возможности понять другого, его состояние и стремления".

Теперешнюю ситуацию можно назвать борьбой за духовное выживание. Осмысленная деятельность в

бессмысленной ситуации. И надежда только на себя.

25.8.1975 Двадцать третьего был у Л. на встрече с израильскими учеными (Дворецким, президентом АН, и ректором Хайфского университета¹). Они говорили на иврите, и я, к собственному удивлению, понимал примерно половину, однако не мог сказать ничего.

26.8.1975 Был сегодня у суда над Малкиным²; его проводили; у него было хорошее лицо.

Услышал вчера от Аркадия Мая, что он чувствует то же, что и я, — тоску и беспокойство от отсутствия общения со своими братьями по судьбе. Он, оказывается, вернулся из-за этого раньше с Фороса.

2.9.1975 Вчера были американцы — Майлс Лерман и его семья. Он — человек, в котором чувствуется ум и сила нашего народа. Было замечательное ощущение близости, взаимопонимания, братства. Он во время войны бежал в Польше из еврейского рабского лагеря и всю войну провоевал в партизанском отряде; отсюда знает русский. Жена, Крис, прошла в свое время через Освенцим, потом, уже после войны, ее собирались убить поляки, и она чудом спаслась. С такими людьми, как они, я чувствую себя теперь в своей семье.

Майлс говорил, что факт нежелания многих евреев [ехать в Израиль] подрывает моральную основу поддержки нашему делу, и эту тенденцию нужно во что бы то ни стало преодолеть. Он даже подозревает советские власти в том, что они специально отпускают тех людей, кто собирается ехать в США, с тем, чтобы скомпрометировать все дело, и некоторые из наших с этим

¹ Проф. Габриэль Варбург.

² Анатолий (Натан) Малкин был осужден на три года за отказ от военной службы. В настоящее время живет в Израиле.

согласились. Майлс считает, что дальнейшее движение в том же направлении может стать suicidal¹.

5.9.1975 Вчера получил статью Стивена Левина обо мне². Читал с глубоким волнением. Но о папе он написал не так, и это естественно — откуда ему знать меру необыкновенности папы?

9.9.1975 Надо высказать такую мысль: сейчас алия стоит перед такой же угрозой, как в 1972 году, когда был введен налог на образование. Мы стоим перед угрозой задержать на долгие годы все мужское еврейское население страны. Если тогда справиться с угрозой нам помогла решительная позиция Запада (в основном США), то до сих пор мы встречаемся с непониманием в отношении той угрозы, которую представляет собой для алии военная служба при том понимании "военной подготовки", которое превосходит все границы порядочности и разума.

Суть этой проблемы тесно связана с проблемой гражданства. При рабовладельческом понимании гражданства, при отсутствии закона, дающего возможность выйти из гражданства, закон о всеобщей воинской повинности дает в руки советским властям мощное средство борьбы с алией. Дело Малкина является прекрасной иллюстрацией этого. (Иллюстрация рабовладельческого характера советского подхода к гражданству: прием в гражданство разрешается и Президиумом Верховного совета СССР, и Президиумами союзных республик, а выход — только Президиумом Верховного совета СССР.)

Надо делать ударение на том, что при тех отношениях, которые существуют между СССР и Израилем, совершенно естественно и понятно, что человек, являю-

¹ Самоубийственно (англ.).

² Предисловие к американскому изданию книги Виталия.

щийся гражданином Израиля, не может и не должен служить в советской армии. Вспомним, как часто тем молодым людям, которые хотят репатрироваться в Израиль, предъявляется обвинение в том, что они готовы стрелять в советских людей. По сути дела лица, подавшие заявление на выезд в Израиль и получившие отказ, являются здесь не чем иным, как заложниками, положение которых по сути дела ближе всего к положению интернированных. Отношение СССР к Израилю столь враждебное, что большей степенью враждебности может считаться только война. Гражданство Израиля дается лишь тем, кто доказал свою преданность этой стране.

Учитывая все это, нельзя не прийти к выводу, что вынуждение к службе в советской армии израильского гражданина мало отличается от вынуждения к участию в войне со своей страной интернированного гражданина враждебного государства.

Тут надо сказать еще вот о чем. Международное право в тех частях, которые касаются личности, исходит из концепции того, что эта личность свободна. Если бы признавался принцип рабовладельческого господства государства над личностью, то по сути дела этой части международного права вообще не существовало бы. Тогда признавался бы принцип грубой силы.

Вообще же в настоящий момент крайне важно ясно себе представить, что военная служба стала в руках советского руководства основным оружием в борьбе с анией. Дело в том, что, по заявлению ТАСС, СССР не выпускает в Израиль лиц с "военной подготовкой". Малкин никакой военной подготовки не имел, но ему решили эту подготовку дать, чтобы иметь затем предлог его не выпустить.

10.9.1975 Хорошая мысль — написать обращение к мировой общественности с тем, чтобы его подписывали миллионы. Оно должно быть приурочено к пятой годовщине ленинградского суда¹.

14.9.1975 Сегодня мне пятьдесят два. Конечно, в последний год моя популярность сильно увеличилась за счет грубости советской милиции, а в последнее время — за счет статьи в "Презент тенс". Но самому что-то скучно и тоскливо стало жить.

16.9.1975 Вчера были Овсищер и друзья. Потом, вечером, узнал обстоятельства отъезда Светланы Дектор. Когда на следующий день после обыска она пошла в [голландское] посольство и милиционер пытался проверить ее визу, она со словами: "Нечего тут проверять" вырвала у него визу и вошла в посольство. Там, устроив скандал гебешникам, она добилась разговора с консулом и отдала ему свой личный архив.

Одно из важнейших изменений, произошедших со мной за последние годы: я гораздо больше стал думать о других людях. Намного возросло ощущение "мы", ощущение человеческой общности. Когда я ехал вчера на такси к Феликсу [Канделю], меня охватило чувство "Es brennt"². Я думал о трагических перспективах его семьи, если их не отпустят до окончания школы Женей, о других семьях со своими трагедиями. Пример твердости дают Слепаки: та же несокрушимая бодрость и спокойствие, когда один сын — Саня — в тюрьме, другой — Леня — в больнице.

¹ Имеется в виду процесс по так называемому "самолетному делу". Приговор "самолетчикам" был вынесен 25 декабря 1970 г.

² "Горит" (идиш). По названию песни польского поэта М. Гебиртига. В песне "С'брент, бридерлих, с'брент" ("Горит, братцы, горит"), написанной в 1938 г., поэт писал о приближении Катастрофы.

23.9.1975 Два дня назад, двадцать первого [на праздновании Суккот], — стычка с милицией в лесу. Самый поразительный момент — когда крутилась "хора" перед носом у милиции, мрачно наблюдавшей за зрелищем. Мы показали, что можем радоваться и веселиться, несмотря на всю их злобу. Это было замечательно. На этой поляне мы были среди своего народа, среди евреев. Не сравнимое ни с чем чувство.

21 сентября 1975 года

Дорогая Маруся!

Сегодня был исключительно богатый событиями день. Утром мы отправились на станцию метро "Калужская", где намечено было встретиться, чтобы оттуда ехать на автобусе за город по Старо-Калужскому шоссе, где обычно проводятся загородные мероприятия, связанные со всякими еврейскими праздниками. Праздновался Суккот. Еще вчера у синагоги мы узнали, что вместе с нами поедут канадские туристы-евреи и израильские спортсмены, сейчас находящиеся в Москве на первенстве мира по тяжелой атлетике.

Погода стоит замечательная: теплые, но не жаркие осенние дни. На станции метро мы встретили Слепаков. Затем подошли канадцы, а израильтян мы так и не дождались и поехали на автобусе туда. Когда мы пришли на поляну в березовом лесу, там было уже довольно много народу (в общей сложности было человек около ста), и все стали раскладывать принесенное с собой для пикника. Через некоторое время появились израильские спортсмены в синих куртках. Оказалось, они опоздали в связи с тем, что парня, который должен был их встретить, задержали в гостинице, проверили его документы, а потомпустили. Приятно было видеть этих израильских ребят, из которых трое оказались из России, а один приехал всего три месяца назад из Баку. Встретили их аплодисментами.

После закуски начался концерт: несколько моло-

дых ребят, которых я впервые видел, под аккомпанемент гитары, флейты и скрипки стали петь песни на иврите. Пели они великолепно, абсолютно профессионально, а остальные им подтягивали. Все пока было спокойно, хотя в некотором отдалении мы видели кагебешные машины. Над нами взвился израильский флаг, и тут-то все и началось: из лесу стали появляться группами кагебешники, потом на дороге появился милицейский джип, а за ним еще два. Из них вылезло штук пять милиционеров и направились к нам. Мы, тем временем, образовали круг и под музыку стали танцевать хору. В центре стояли израильский спортсмен и наш парень и держали флаг. Серая кучка мильтонов остановилась в каком-нибудь метре от хоровода в явной нерешительности. Тут перед ними возникла еще одна цепь хоровода, крутившегося в противоположную сторону. Вскоре они, однако, нас оттеснили, и израильский спортсмен оказался среди них и объяснил им на иврите и по-русски, что он израильтянин, это его национальный флаг и он имеет право его держать.

Я оказался в группе, столпившейся около спортсмена, и с удивлением заметил, что среди милиционеров стоит какой-то тип в черном костюме с омерзительной рожей. Он был там не случайно: они специально привели его, чтобы спровоцировать драку. Она вскоре и началась. Подонок рванулся к флагу и попытался отнять его. Но безуспешно. Завязалась свалка, в которой наши ребята проявили себя прекрасно: милиции стали кричать: "Уберите вашего убийцу!", а несколько старых евреев, бывших тут же, стали ожесточенно ругать милицию, произнося такие слова, как "В какой стране мы живем?", "У нас есть конституция" и т.д. В свалке милицейскому майору раскровянили нос (никто не знает точно, кто и когда), и вся банда бесславно удалилась, преследуемая израильскими спортсменами, которые могли бы их избить, если бы их не сдерживали наши.

Мы после этого еще спели несколько песен, затем "Хатикву" (ее пели с особым чувством) и стали со-

бираться обратно. Канадцы были потрясены тем, что они увидели; две женщины от волнения рыдали, а муж одной из них сказал, что в жизни ничего подобного не испытывал. Ну, всего хорошего.

Обнимаю. Виталий.

28.9.1975 Были вчера в синагоге на Симхат Тора. Глубоко волнующей была сцена, когда огромные свитки Торы, вынутые из-за занавески и бережно взятые в руки стариками, отправились по переполненной синагоге. Казалось, процессия не сможет пройти вообще — так все было набито. Но народ расступился; десятки рук прикасались с обожанием к свиткам, и тут можно было воочию увидеть любовь народа к своей Книге, к источнику своей жизни. Откуда это? Как это сохранилось после почти шестидесятилетнего оболванивания?

Между тем, весь переулочек был запружен народом танцевавшим, певшим, радовавшимся. Когда Ина шла к синагоге, она видела цепь молодежи, выстроившуюся, очевидно, чтобы закрыть дорогу транспорту.

14.10.1975 Утром провожал Юру Т. На проводах были Андрей Дмитриевич Сахаров, и мы все вместе ехали обратно в его машине (академической). Я впервые в течение долгого времени видел его так вблизи и спокойно с ним разговаривал. Он несколько флегматичного замедленного темперамента, и у него хорошие, мягкие и добрые глаза. Э. правильно сказал, что это современный святой.

24.10.1975 Разговаривал утром с Кеннетом Страсманом¹. Он сказал, что имеется бумага от нас с осуждением резолюции в ООН относительно сионизма. Я сказал ему, что благодаря им я не ожидаю теперь уви-

¹ Активист из организации Student Struggle for Soviet Jewry (студенческая организация в помощь советским евреям).

дочь полисмена у своих дверей, и ему было приятно это слышать.

После такого разговора я пришел домой окрыленным. Я чувствовал себя частью большого движения, охватывающего континенты.

26.10.1975 Сижу и жду в Арбатском узле разговора с Лондоном. Дело. Я подумал, что это своеобразное дело: не связанное ни с какой выгодой, но лишь с моральным эффектом, с борьбой — казалось бы, безнадежной, — небольшой группы людей с огромной империей. Каждый шаг в такой борьбе — маленькое чудо. А большое чудо — то, что мы можем жить и дышать. Дело, business — интересно узнать, как сказать по-английски business — в этом смысле. Доброе дело требует в первую очередь доброго сердца. Это тоже дело, и оно требует деловитости.

27.10.1975 Ура! Передал обращение Полу Брайану. На все это уходит масса времени (почти полный день на то, чтобы придумать и перевести, затем — долгие часы ожидания в телефонных узлах). Но когда наконец цель достигнута, есть чувство победы.

5.11.1975 Вчера — трудный день. К двум приехали к Люде Алексеевой, где была Лариса Богораз. Она сильно постарела, но все те же лучистые глаза, спокойная, мягкая манера, необычайного благородства лицо. Показывала недавно полученное из США письмо, адресованное "секретному осведомителю иностранных разведок Л. Богораз". Лариса сказала: "Почему секретному?", и я вспомнил, как А.И. Неусыхин хотел закричать, когда говорили о том, что если он может тридцать лет стоять и на весь Советский Союз заявлять о превосходстве немецкой юридической науки, то следовательно он — агент американского империализма; ему хотелось с места крикнуть: "Немецкого, немецкого!"¹

¹ Во время кампании "борьбы с космополитизмом".

Письмо Ларисе написано маразматиком, злобным идиотом. Более разумный русский антисемит написал Родионову (наследнику Осипова по "Вече"). Он дал ему ряд советов (в том числе "не иметь дела с 'ичами' — Вы понимаете, надеюсь?"). Здесь говорится о "тихом возмущении" среди русских, ибо, если прослышешь антисемитом, нигде не получишь работу. Бедные! Подонок даже не решился дать своего обратного адреса.

Вчера второй раз за последние две недели получил [по почте журнал] "Тайм". Странные дела! Вчера же утром был знакомый из Минска, взявший книги для Овсищера. У него вновь выключили телефон и недавно вызывали в КГБ, где его "старый знакомый" Перцов набросился на него, что он ведет агитацию за отъезд. Лев ответил, что агитации он не ведет, но когда к нему приходят люди уже принявшие решение, он им дает практические советы, о которых они просят. "Если вы решите уехать в Израиль и обратитесь ко мне за советом, я вам тоже не откажу", — сказал Лев. "Кто же меня туда пустит!" — вырвалось у Перцова.

8.11.1975 Вчера вечером вернулись из двухдневной поездки в Старицу. Город приятный, красиво расположенный, но во всем запустение, как и во всех других русских провинциальных городах. Подъехали, уже ближе к вечеру, к деревне Пески, от которой решили дойти до деревянной церкви. Церковь, угрюмая, особенно мрачно выглядывшая в темный осенний вечер среди деревьев и могил, висилась довольно далеко. Мы пошли к ней по скошенному полю, оставив машину в деревне. Довольно скоро нас перегнал неистово гремевший тяжелый гусеничный трактор. Высунувшись, тракторист, по-видимому, пьяный, победно смотрел на нас: "Вот ваша машина не прошла, а мой трактор пройдет, еще как пройдет!" На полной скорости он въехал в большую лужу посреди болота, и я еще подумал: "Очевидно, это для него пустяки". Но в середине лужи он застрял; пустив, очевидно, все возможности в ход, он встряхнулся, проехал еще полмет-

ра и окончательно завяз. Он дико фырчал, весь закрылся ядовитым белым дымом, и Ина думала, что сейчас он взорвется. Мы осторожно обошли его по гатям и пошли дальше. Ина сказала: "Не похоже ли это на СССР?"

15.11.1975 Вечер. Как и думал, сегодняшний день тоже пропал для занятий. Зато я написал заявление, подписанное у синагоги десятками людей¹.

3.12.1975 По утрам, в темноте и серости, все кажется так безнадежно и беспросветно, охватывает такой страх перед жизнью. И ничего не успеваю. Последние дни так мотался, что не успел даже продумать письма в честь пятилетия Ленинградского процесса.

11.12.1975 Перечитываю дневник Э. Кузнецова. Какое нужно мужество, какая сила духа, чтобы в тех условиях вести дневник, и как он должен был ценить каждое мгновение, когда мог сосредоточиться и писать. Ты же в таком унынии, хотя твоя жизнь далеко не так страшна. На днях получил от Нидхэма целую пачку отписок; на одном было написано: For Vitaly Rubin with sympathy and admiration². Об этом не стоит забывать: такие люди, как Нидхэм, гигант и патриарх китаеведения, восхищаются тобой. Ты должен быть достоин их восхищения.

14.12.1975 Посмотрел вчера свои записи от конца декабря 1970 – ничего. Осторожность? Увлеченность другим? Я помню, что то, что произошло в Ленинграде, произвело на меня достаточно сильное впечатление, но я все еще не соотносил этого с собственной судьбой.

¹ По поводу принятия в ООН резолюции, приравнивающей сионизм к расизму.

² Виталию Рубину в знак симпатии и восхищения (англ.).

Как все изменилось теперь! Готовлю доклад о Ленинградском процессе и думаю об этом.

25.12.1975 Вчера – молчаливая демонстрация¹. Стоило ли? Одновременно были проведены обыски у четырех человек, ряд людей задержан. Би-Би-Си передала довольно противную информацию, заканчивающуюся словами: "Прохожие почти не обратили внимания на демонстрацию". Традиция молчаливых демонстраций без лозунгов заимствована у демократов (5 декабря), и последний раз об этом было передано достаточно хорошо, что, по-видимому, объясняется присутствием Сахарова. У нас Сахарова нет; соответственно и внимание не то. Поэтому встает вопрос: не является ли демонстрация, не связанная с риском, всего лишь демонстрацией и нашего нежелания рисковать? Но если так, есть целый ряд других видов деятельности, более конструктивных, чем демонстрация (изучение иврита, занятия в семинарах). Если уж демонстрировать, то решимость и смелость.

2.1.1976 Читал вчера Дубнова о русских евреях, и пришел к мысли, что русская революция была вполне заслуженным возмездием за то, что делали русские с евреями. Папа часто говорил, что русских революция уравнила в правах с евреями, и эта шутовская фраза содержит глубокую истину. Русские на себе испытали то, что они причиняли евреям, и они расплачиваются за это до сих пор. Конечно, такая интерпретация не имеет ничего общего с субъективными мотивами действующих лиц исторической драмы: как раз те евреи, что делали революцию, не считали себя евреями. Однако то, что получилось из революции, вообще не имеет ничего общего с пожеланиями и стремлениями ее участников. Евреи оказались втянутыми в фатальный

¹ По случаю 5-й годовщины Ленинградского процесса.

водоворот русской истории. Теперь их задача — выбраться из него.

6.1.1976 Два дня назад вечером, когда у нас были гости, как всегда неожиданно явилась Кэрил с тремя студентами¹. Вчера были у Аси, куда она привела целых 17 (!!!). Вот сила обаяния! Кэрил берет на себя ежегодно огромное бремя — тащить на своих плечах всю ораву. Делает она это ради своих студентов и ради себя, видя в своей работе педагога глубокий смысл, любя своих учеников и обладая огромным запасом энергии и оптимизма. Поистине американское предприятие. И эта ее вера, вместе с непобедимым очарованием, втягивает и нас. Мы идем на все, выбиваемся из сил, чтобы принять ее студентов и постараться не дать им скучать. Что нами движет? Любовь к Кэрил, желание помочь ей, желание просветить американцев и узнать об их жизни.

7.1.1976 Пятнадцать лет со дня смерти папы. Тогда казалось, что жизнь кончилась, а сегодня еще раз оказалось, что нет: разве доставлять радость — не лучшее проявление жизни, не высшая радость?

8.1.1976 Сегодня был на кладбище у папы, и вновь поразился правдивости надписи — "Чему бы жизнь нас ни учила, но сердце верит в чудеса". Был холодный день, на кладбище, заваленном снегом, спящем под глубоким снегом, почти никого не было. Я прошел к могиле, утопая в снегу, раскопал дверцу, открыл, вошел и долго говорил с папой. После этого я всегда чувствую такую радость, такое облегчение — это моя молитва. Как же счастливы, наверно, люди, молящиеся ежедневно. У меня была уверенность, что я что-то

¹ Caryl Emerson — американка, специалистка по русской литературе и культуре, почти ежегодно приезжавшая с группой студентов в СССР.

сделал, что-то исполнил. С утилитаристской точки зрения — абсурд, но я антиутилитарист, я уверен, что величие и благородство человека проявляются именно тогда, когда он делает что-то бесполезное, с обычной, неизменной, точки зрения — ненужное.

27.1.1976 Читаю Бубера, замечательные работы о Моисее, о декалоге, о еврейской истории и судьбе. Много глубоких мыслей и тончайших замечаний. Одна из лучших статей — о типах еврейских лидеров, где он совпадает кое в чем с [раввином] Лукстейном и с его теорией антигероя.

Я не раз думал о том, что именно мое нежелание лгать является еврейской чертой. По своим интеллектуальным качествам я не похож на еврея, но я чувствую в себе еврейскую нравственную традицию. Именно ту серьезность, о которой говорит Бубер, именно ту готовность испытать свои принципы на себе, на своей жизни.

Утром читал из сборника некоторых эмигрантских поэтов. Наверно, прав был Александр Иосифович Нусыхин, когда говорил, что уход от поэзии иссушает душу. Прекрасное стихотворение Ходасевича о том, как он поднимается над собой, когда пишет стихи.

5.2.1976 Хорошую шутку вчера услышал: "Суд независим и подчиняется только райкому".

15.2.1976 Как каждый раз перед испытаниями¹, молю Бога о силе. Это было и перед четвертым сентября 1974, когда я как-то проснулся с явным сознанием того, что предстоит что-то страшное, и молился именно об этом. Записи об этом не нашел — почему? Неужели не показалось достаточно значительным? Или не хотел культивировать в себе элементов страха? Последнее время часто вспоминаю об этой молитве. То был дей-

¹ В связи с походом в ЦК КПСС перед XXV съездом.

ствительно решающий момент: после этого они оставили меня в покое (в ноябре был единственный визит участкового). Я как бы перешел в иную категорию — в своего рода "номенклатуру". До тех пор пока не было кризиса, не могло быть и этого. Мой образ действий был, как ясно уже сейчас, совершенно правильным.

Теперь все кажется не таким уж страшным. Прежде всего, я не один, и это уже радикально меняет ситуацию. Скорей всего, нас посадят до вечера под надзор, но не исключены, конечно, и пятнадцать суток. Как-нибудь, дай Бог, переживу.

17.2.1976 Они сыграли в другую игру, и нас принял Альберт Иванов¹, цветущий улыбками. По-видимому, решили, что наше задержание было бы им еще менее выгодно, чем разговор с нами. В конце беседы я поблагодарил Иванова за то, что он уделил нам около двух часов, но сказал, что, к сожалению, мы убедились, что права человека при всем рассмотрении эмиграционных дел полностью игнорируются. Иванов как-то заскучал и промямлил: "Ну зачем вы так...".

В процессе разговора я спросил Иванова: "Альберт Иванович, вам кажется нормальным, что тысячи человек живут так, без всяких прав, понятия не имея о том, что произойдет с ними завтра?" Он что-то залопотал о том, что это, мол, не тысячи (об этом говорит их же статистика) и что права сохраняются (хотя сам он только что говорил, что не место таким студентам в вузах). Иванов заявил, что никаких изменений в советской эмиграционной политике не намечается и законодательного регулирования вопросов эмиграции не предвидится. Советские власти, по словам Иванова, при решении проблем эмиграции исходили и будут исходить только из интересов государства. Отсюда следует, что ни о какой защите прав личности в этом вопросе не может быть и речи.

¹ Заведующий "Еврейским отделом" ЦК КПСС.

На квартире Рубиных в Телеграфном переулке. Сидят: Н.М. Улановская и Кэрил Эмерсон. Январь 1974 г.

Выступление проф. Мак-Гилла, президента Колумбийского университета. Нью-Йорк, 24 апреля 1975 г.

Встреча с депутатами голландского парламента на квартире В. Слепака. Слева направо, в первом ряду: В. Слепак; депутат голландского парламента; М. Слепак; Ганс Штернберг и Джун Дэниэлс (США); В. Рубин и А. Щаранский; во втором ряду: И. Рубина, Л. и А. Лунц и два депутата парламента. Москва, июль 1975 г.

На квартире у В. Слепака; разговор при помощи карандаша и бумаги. Июль 1975 г.

Члены американской студенческой организации солидарности с советскими евреями пикетируют советскую выставку в Сан-Франциско. Лето 1975 г.

Празднование Суккот в подмосковном лесу. 1975 г.

Виталий Рубин с Андреем Амальриком на квартире Рубиных. Январь 1976 г.

Рубины с судьей Дамоном Кейтом около Московской синагоги на ул. Архипова. Май 1976 г.

В центре абсорбции Мевассерет Цион. Слева направо: Виталий, Ина и Мария Рубины; Люся Брегель. Иерусалим, 19 июня 1976 г.

Рубины с группой коллег Виталия из Еврейского университета в Иерусалиме. Слева направо: проф. Михаэль Занд, проф. Эли Июффе, проф. Цви Шифрин, д-р Ицхак Шихор, д-р Рафи Израэли. Июнь 1976 г.

To Marie Rubin
at Long Saw! From
your admirer and friend always
Chuck Bailey

Рубины с сенатором Чарлзом Перси, Вашингтон, август 1976 г.

На пресс-конференции [американский корреспондент] Боб Тодт очень точно резюмировал результат: "Adverse publicity"¹. Они [корреспонденты] спрашивали о том, чем же объясняется то, что власти на это пошли; Азбель правильно ответил, что наш арест означал бы для них еще худшее паблисити.

25 февраля 1976 года

Дорогая Маруся!

...Последние дни были полны событий. Ты, конечно, слышала, что я был в делегации, говорившей с Альбертом Ивановичем Ивановым. Иванов сначала цвел улыбками, но потом, после того, как своими вопросами мы неоднократно сажали его в галошу, он совсем скис и погрузтел.

Самый лучший момент был, когда Иванов сказал, что если подача в Израиль избавляла бы от военной службы, то все бы подали на выезд. Азбель возразил ему: "Ну, неужели только ради того, чтобы не служить в армии, все бы с такой легкостью отказались от родины?" Ради подобных саморазоблачений и стоило вести разговор. Мы к нему хорошо подготовились, распределив между собой вопросы. При этом мы решили не вступать с ним в полемику, а стараться давать говорить ему. Сначала с его стороны была попытка свести разговор на наши личные проблемы, но от этого мы отказались, сказав, что хотим говорить об общих проблемах. Мой случай все же всплыл, поскольку Иванов сначала пытался утверждать, что не отпускают только тех, с кем не могут расстаться родственники, а также тех, кто был связан с секретами. Кстати, о родственных проблемах он сказал, что бывают случаи, что родственники не дают разрешения из чистой пакостности (его термин), "и с этим мы тоже не можем не считаться"!

¹ Здесь: плохая реклама (англ.).

Трудно сказать, что здесь более важно: то ли, что они нас приняли, или то, что нам было сказано. Мы были возмущены, что по радио о твердой линии Иванова, сводившейся к тому, что у подающих совершенно справедливо отнимаются их права, но полностью сохраняются обязанности (традиционная линия русского антисемитизма) не говорилось ни слова, но упоминалось о том, что после бесплодных попыток добиться приема в ЦК в течение почти трех лет, евреев, наконец, приняли. Но надо сказать, что если даже они решили делать какие-то уступки (что совсем не исключено), то нам бы об этом они ни в коем случае не сообщили, и в этом смысле в сказанном Ивановым не было элемента нового, а то, что они нас приняли, было действительно ново. Когда мы шли туда, то, учитывая прежний опыт, каждый взял с собой теплые вещи в расчете на вытрезвитель или КПЗ.

Внизу, в приемной, нас ожидало около семидесяти человек, и мы сразу двинулись к бульвару у памятника Плевне и там все рассказали [корреспондентам]. Потом участники встречи пошли к нам, сообщая мы вспомнили весь разговор и на основе наговоренной пленки я составил сообщение для печати, подытоживающее разговор. Еще при подготовке мы обсуждали, стоит ли брать с собой магнитофон, но решили отрицательно, чтобы случайно не испортить атмосферы разговора. Кстати, когда нас проводили в комнату, где восседали Иванов и Обидин (начальник всесоюзного ОВиРа, благоговевший перед Ивановым и с ужасом наблюдавший нашу непочтительность), какая-то тетка из obsługi пыталась заставить нас не брать с собой портфелей, но старший лейтенант госбезопасности сказал: "Ничего, путь берут".

Вечером этого же дня на квартире у Ф. Дектора, в этот же день получившего разрешение, была устроена наша пресс-конференция, где мы подробно рассказывали обо всем корреспондентам,

Всего хорошего. Виталий.

Дорогая Маруся!

Решила тоже немного приписать, хотя Виталий все прекрасно изложил. Когда после приема в ЦК мы пришли к нам домой, за нами приехало две машины со шпиками и, по-видимому, с подслушивающей аппаратурой. Одна машина стояла недалеко от церкви, а другая — в школьном дворе. Когда Толя Шаранский вышел от нас около двух часов и пошел в ОВиР, около машины, стоявшей на школьном дворе, началось необыкновенное оживление (как ты, может быть, помнишь, все это хорошо просматривается из окна кухни). В это время, как я тебе уже писала, у нас была моя двоюродная сестра из Саратова, и мы все вместе наблюдали все это из окна — прямо, как в кино. Надо сказать, что на мою двоюродную сестру все это произвело сильное впечатление, даже слишком. На следующий день утром она пошла на почту, а когда вернулась, мрачно сказала: "Посмотри в окно". Я выглянула в окно и увидела, что весь наш переулок забит черными "Волгами" по случаю съезда (в переулке гараж ЦК). А она, бедная, решила, что все они за нами! Так все время комическое сочетается в нашей жизни, слава Богу, не с трагическим, но все же с драматическим.

Будь здорова, Ина.

26.2.1976 Вчера получили Марусино письмо о том, что статья о Тютчеве [А.И. Рубина] вышла¹. Значит, не зря мы подавали. Без этого никогда бы мы этого не добились. Это известие пришло как раз в четвертую годовщину нашей подачи. И в этот же день получилось очень хорошее письмо от Стивена с новым названием [моей] книжки. Вечером был доклад Арона [Долгопольского] о семитских языках и народах, как всегда,

¹ Статья А.И. Рубина "Поэзия Тютчева как созвучное слияние с природой" была напечатана в №97 журнала "Грани" за 1975 г.

блестящий. По типу ума, по живости, по энциклопедическому богатству памяти Арон очень напоминает мне папу.

Мне пришла в голову мысль, что можно было бы изобразить всю историю древнекитайской мысли как борьбу космологии с историей. Получается интересная дихотомия — с одной стороны космология, где в центре природа, с другой — история, где в центре человек.

1.3.1976 Прочитал Нидхэма об "И-цзине". Очень много и очень умно. Теперь надо подумать, как все это использовать. В конце концов point¹ здесь такой — связь космологии с деспотизмом. В этом смысле очень важно подчеркнуть, что они видели в этом науку. Пожалуй, пункт в тезисах относительно прямых связей нужно изменить и говорить не о них, а об общем духе наукообразности. И здесь, по-видимому, интересно отметить, что в области метафизики и мировоззрения вообще легисты стремились к чему-то научному, точному. Им нужна была идеология, основанная на науке. А претензия на точность в то время была только у традиции И-цзин.

Итак, при додумывании все складывается в очень интересную картину: роль псевдонауки как идеологии деспотизма.

2.3.1976 Разбирая бумаги, набрел на свои записи. Книжки тридцатилетней давности (1940—1948). Читаю с удивлением, подчас не узнавая себя, подчас вспоминая что-то. Но помню, в общем, мало. Иногда (правда, в 1940) наталкиваюсь на "чужие" записи, показывающие, что и у меня голова была порядком задурена. Много записей, свидетельствующих о том, что я всегда был склонен к депрессии, но настоящих политических записей нет — боялся, наверно. И, конечно, не зря — до-

¹ Здесь: главное, суть (англ.).

статочно вспомнить всю историю в Юрге летом 1942¹ и ужас, который я испытал, когда они начали спрашивать о папе.

Очень много выписок — почти только из них состоит книжка 1944. Читаю, как о другом человеке — в особенности отчаянные записи времени болезни. С тех пор прожита целая жизнь, и во всяком случае нет мучительного сознания полной неудачи и краха, тьмы и крушения. Конечно, далеко от удачливости, но, в общем, такая участь меня устраивает более, чем рабское процветание. И кое в чем мне повезло: если бы не все, что произошло, никогда бы не обратили внимания американцы на мою книжку, никогда бы не была она переведена, никогда бы не было у меня столько друзей, никогда бы я не был так известен.

6.3.1976 Вернувшись из библиотеки, узнал о пятом инфаркте у Е. Давидовича. На следующий день отправили телеграмму Брежневу, а сегодня я опять должен написать что-то для того, чтобы подписать у синагоги. Теперь, когда я думаю о том, как выразить свое отношение к нему, какими словами, я чувствую, как мало осталось слов, не запачканных, не изгаженных и не опошленных советчиной. Тем не менее я должен найти что-то свое.

Вечером был Андрей [Амальрик], за которым следили две машины; мы вместе с Толей [Щаранским] доехали вместе с ним на такси до [дома] А.Д. [Сахарова], потом я отправился к И.С., где были Володя и Эмма. У нас с Иной было одинаковое впечатление все растущего отчуждения. Хорошим людям здесь надеяться не на что; обречь себя на то, чтобы остаться здесь — значит обречь себя на безнадежность, на ощущение старости, на сознание, что все позади.

14.3.1976 Опять эта проклятая неизвестность! Сижу

¹ См. примечание на стр. 45.

в арбатском телефонном узле, хочу передать арреал¹ по поводу Давидовича. Около меня садится тип с удивительно кагебешной, мерзейшей рожей. Смотрит на меня. Я читаю "Jews and American politics"². Ведет он себя вроде нормально: в руках квитанция, когда вызывают, он в нее смотрит. Потом встает, прохаживается; около меня садится другой, с рожей чуть-чуть получше. Наконец, меня вызывают, и только я начинаю читать арреал, как все выключается; говорит что-то английская телефонистка, потом русская говорит, что скоро меня включит. Я сижу в кабине, жду, выхожу — вижу, выходит и он и идет к выходу. Я прошу деньги обратно и после некоторых пререканий их получаю. Полностью. Сейчас мне думается, что это — игра воображения: уж очень непохоже, чтобы он знал английский, совсем непохоже.

19.3.1976 Я, может быть, видел Ефима [Давидовича] at his best³. Это мое счастье. Страх, о котором упоминает американская газета, гнет и ужас охватывают его, возможно, в Минске. В Москве он об этом забывает в подъеме и радости борьбы.

Я никак не могу отделаться от впечатления, возникшего во время чтения моих дневников времени болезни. Тогда казалось, что жизнь не удалась, что жизни вообще не будет. А теперь позади — богатство, и не страшно умереть. И последние годы — явившиеся как подарок братство, и сочувствие, и дружба с замечательными людьми, такими, как Ефим. Я тогда никак не мог подумать о том, что произошло теперь, о том, как мы стали известны во всем мире, как мы чувствуем помощь, как просят (вот странно!) нашей помощи. В нашем отношении друг к другу больше все-

¹ Обращение (англ.).

² St. Isaacs, Jews and American politics, New York, 1974.

³ Здесь: в хорошей форме (англ.).

го от солдатской дружбы, как ни опошлено это понятие. Наша маленькая группа годами выдерживает осаду тоталитарной громады, и чем нас меньше становится, тем труднее бороться с отчаянием. Я вчера думал об этом, глядя, как В. говорит по телефону. Его лицо было прекрасно в своем напряжении и в то же время спокойствии. Я иногда вижу в нем какой-то примитивизм, но в то же время мне кажется, что это компонент удивительной силы этого человека, его стойкости, мужества, доброжелательности.

20.3.1976 Вчера были в Минске. На обратном пути долго не мог заснуть от впечатлений этого дня. Ефим был хорош, как всегда, как будто и не болен. Голос твердый и убежденный, как всегда, воля, и ум, и благородство. После обеда мы хотели уйти и дать ему отдохнуть, но он не пустил нас, сказав, что это для него праздник.

25.3.1976 Были вечером у Н. дома. Что-то во всем стиле дома и его хозяев мне было чуждо и неприятно. В чем тут дело? Почему в голых стенах Ратнера в Минске мне было много уютнее? Причина только ли в том, что мы давно оторвались от этой благополучной полуприспособленческой публики? В том, что тщательно избегались все сколько-нибудь интересные темы и разговор вертелся вокруг жратвенно-питетной тематики, обсуждения изящества посуды и вещей? Душевный настрой человека, тщательно собирающего безделушки и показывающего их гостям, мне был всегда как-то неприятен. Но не зря я написал вчера, что за людьми и их судьбами научился видеть историю. В этом неприятии "вещности" сказывается черта нашего народа, о которой мы много говорили и думали. Она выражена в простом факте: нет архитектуры синагоги. Архитектура нашего народа — построение человека; вещи всегда нам были чужды, и любовь к вещам, очевидно, ощущалась как один из видов идолопоклонства.

Эту же черту Марк Азбель определил как устремлен-

ность к основному, к важнейшему, нежелание тратить силы на второстепенное. Поэтому наш народ давал самозабвенных фанатиков в первые годы революции, — этот зловещий тип, способный на все, — но он, в общем, не годится на роли чиновников, озабоченных собственным благополучием, зарплатой, привилегиями, но глубоко равнодушных ко всему остальному. Тип фанатика, одержимого утопическими мечтами, — еврейский тип; беспринципный карьерист — тип нееврейский.

История и личность... Я понимаю теперь, вспоминая подчас вспыхивавшие между мамой и папой перепалки на тему о том, что папа слишком выставляет свое еврейство, что они принадлежали к по-разному духовно ориентированным частям нашего народа. Мама вышла из ассимилированной буржуазной среды, утратившей связь с еврейской традицией и пытавшейся если не скрыть, то всячески затушевать свое еврейство. Папа же был настоящим евреем, никогда не отказывавшимся от своего еврейства и всегда ощущавшим себя носителем этой удивительной традиции.

26.3.1976 Вчера смотрели пьесу Рождина "Старый Новый год". Ушли, не досмотрев, торопились на телефонный разговор, и поэтому осталось лучшее впечатление. Теперь советские писатели усвоили это: говорить сначала правду, потом, для цензуры, — спасительную ложь.

31.3.1976 Интересно: для меня все в истории оживает с момента, когда я вижу continuity¹. Когда я сформулировал тему о лженауке, мне стало интересно заниматься китайской псевдонаукой.

Теперь — к докладу [для международного конгресса востоковедов]. Вчера мне как будто удалось сформулировать мой подход к проблеме: весь вопрос в точности. А так как эта точность иллюзорна, то по-

¹ Преемственность (англ.).

этому в Китае можно говорить не о науке, а о псевдо-науке.

Занимаюсь этим уже больше года, но никак не удастся создать окончательный текст. По сути дела все космологические соображения служат материалом для разработки различных прагматических приемов и играют для них поэтому подсобную роль. Вин-цит Чжань¹ в одном месте очень хорошо сказал, что это была эпоха, когда гадание было единственной формой умственной активности.

Признание самооценности теории пришло в Китай очень поздно и возможно было только в рамках даосизма. Что же касается космопрагматики, то ее главной фигурой был, несомненно, Цзоу Янь, и на его примере очень хорошо проследить привлекательность этого рода футорологии для правителей. В противоположность утверждению Сыма Цяня, на самом деле все сводилось к тому, чтобы при помощи разработанной точной нумерологической процедуры давать точный анализ ситуации и определенный ответ на заданный вопрос. Объяснение Нидхэма не годится потому, что он все время исходит из модели науки. Но эта модель восходит к Древней Греции и не применима для Китая потому, что роль теории в ней слишком велика.

8.4.1976 Отчаянно стараюсь все же закончить статью. Когда сажусь с такими перерывами, это не легко. И самое главное, не легко держать в голове, какую общую линию нужно вести.

16.4.1976 Сегодня ехали с Людой [Алексеевой]² на такси в аэропорт и она рассказывала, как разгоняли

¹ Современный американский китаист.

² Участница правозащитного движения, представительница Московской Хельсинкской группы на Западе. Эмигрировала в США в 1977 г.

диссидентов, стоявших у здания суда над Твердохлебовым. Это было достаточно жуткое зрелище, по ее рассказу, и накал ожесточения возрос почти до предела.

17.4.1976 Вчера снова, когда ехал обратно с Людой, думал о том, какой она удивительный человек. На обратном пути мы вышли на улице Горького, чтобы зайти в магазин, и Люда громко упомянула в толпе о "милиейских мордах". Какая-то тетка вмешалась: "Извините, но вы так не выражайтесь. Это касается государства". Мы ей дали! Люда ответила: "А вы не слушайте". Я: "Вы не встревайте в чужой разговор; к вам тут никто не обращается". Тетка удалилась, не солоно хлебавши.

23.4.1976 Вчера был у В. в связи с планируемым симпозиумом по культуре евреев в СССР. А что, если говорить не о культуре, а говорить о существовании?

27.4.1976 Вчера хоронили Ефима. В воскресенье я узнал о его смерти от Толи Шаранского.

Я тотчас поехал к А.Я. [Лернеру] с Толей, и там мы вместе отредактировали заявление. Потом поехали на семинар к [Марку] Азбелю, где застали уже расходившихся участников. Они вернулись, я им прочел наше заявление, и я, к моему удивлению, мог констатировать, что они отказались от письма, написанного Марком, и передали нам свои подписи. Потом поехали назад, и я вспомнил, что ничего не знает Феликс Кандель, и поехал к нему. По дороге позвонил и застал Ину, и она тоже захотела поехать в Минск. В общем поехало пятнадцать человек, и это было очень хорошо. Прежде всего — для минчан: это показало им, что они не одни, это дало им силы выше держать головы.

28 апреля 1976 года

Дорогая Маруся!

...Сегодня утром слышали передачу "Голоса Америки" о том, что в Нью-Йорке было богослужение в па-

мать Давидовича. Мы сами вернулись с его похорон только вчера утром.

В вагоне, где мы ехали, нас сопровождало шесть человек, но их миссия заключалась, очевидно, только в наблюдении. В Минске все они вышли и передали нас под надзор местной милиции. Я не исключал какой-то попытки помешать похоронам (которые, как мы понимали, должны были вылиться во что-то вроде демонстрации), но правы оказались те оптимисты, которые считали, что мешать они нам не будут. До пяти часов вечера двадцать шестого апреля, когда начались похороны, их вообще не было видно, а на кладбище какие-то типы в штатском наблюдали издали за всем и делали снимки. Они же сопровождали нас на пути обратно.

...Ефим Давидович был человеком какого-то особого обаяния, и в его присутствии я всегда чувствовал необычную радость и внутренний подъем. Одно из последних его посещений нашего дома было двадцатого января (это был, в самом деле, последний раз). Тогда ТАСС посвятило его приезду в Москву специальное заявление, где было сказано, что Давидович собирается на квартире у Сахарова публично отказаться от своей родины. Это было основано на плохой работе подслушивающей аппаратуры, вернее, на том, что они не поняли и не сумели поставить в правильный контекст то, что записали их аппараты, — отлично зная, что у нас все прослушивается, мы самое важное всегда пишем. Им не помогли специальные машины, стоявшие день и ночь у дома Лернера, где Ефим остановился, и следовавшие за ним повсюду. Самым позорным образом они сели в галошу со всей своей техникой. Когда мы услышали по радио об этом заявлении, Ина решила, что Ефим, возможно, задержан. Мне это с самого начала казалось невероятным — в последнее время они вынуждены действовать более "интеллигентно". В самом деле, часов около двенадцати Ефим явился со своим молодым другом, теперь уже уехавшим. В прекрасном настроении он сообщил нам, что внизу стоит шпик, попытавшийся было сесть с ними в лифт, но не сумев-

ший, поскольку какая-то жиличка, случайно тут оказавшаяся, заявила, что больше двух человек лифт не тянет. Он прочитал нам остроумнейшее заявление, составленное в ответ на заявление ТАСС. Оно начиналось с того, что Ефим выражал свое удовлетворение тем, что ТАСС обратило на его приезд в Москву больше внимания, чем на визит Киссинджера, который в это время тоже был в Москве. Потом Ефим говорил, что от своей Родины — Израиля, он отказываться не собирался и никогда не откажется, а другая родина давно сама от него отказалась. Через некоторое время мы вышли к телефону-автомату, и я соединил его с несколькими журналистами, которым он зачитал свое заявление.

Те, кто встречал его в Москве, с трудом могли поверить, что он так тяжело болен. Его могучий дух преодолевал болезнь, от него исходили бодрость, надежда, уверенность, передававшиеся всем вокруг. Теперь, оглядываясь на все, я прихожу к выводу, что он прожил прекрасную жизнь. В самом деле, уже тогда, когда все, казалось бы, было позади, когда после выхода в отставку по причине второго инфаркта в 1969 году, его ожидала благополучная и тусклая жизнь отставного полковника, он сумел подняться на такую высоту и стать отцом своего народа — так называли его минчане. Похороны были проявлением любви к нему минских евреев.

К пяти часам вечера к его квартире, к дому, где живут полковники и генералы (он расположен в квартале, который называют военным городком, так как там вокруг дома для военных), собралось человек триста. Это были большей частью пожилые евреи — молодежь была на работе, — но было и несколько десятков прекрасных молодых лиц. Автобусы стояли поодаль, и вся процессия медленно под звуки похоронного марша обошла двор. Впереди шли женщины, у которых в руках были красные подушечки с его орденами (среди них была и Ина), за ними — женщины с траурными венками (их было около пятнадцати),

потом несли крышку гроба (я был один из четверых). Гроб был голубой с белой бахромой (наши цвета), а на крышке был прикреплен израильский флаг. Кроме того, у всех участников торжественной процессии были нарукавные ленты — на белом фоне голубая шелковая полоса. Когда из двери дома, вслед за крышкой, вынесли открытый гроб (Ефим был в мундире полковника и в кипе, рядом лежала Тора), по толпе пронеслось рыдание. Сотни людей с балконов, из окон, со двора, молча и враждебно наблюдали за всем, кто-то сверху бросил яйцо в крышку гроба, но, к счастью, не попал. Четыре автобуса не вместили всех, кто желал попасть на кладбище, и человек пятьдесят осталось.

У гроба выступали Овсицер, Лернер и я. Говорили о его героической жизни и о том, как его довели до преждевременной гибели (через месяц ему было бы пятьдесят два года). Я сказал о том, что ему выпала честь стать одним из вождей последнего Исхода, и в будущей истории Исхода имя героя и мученика Давидовича будет упомянуто первым. Неожиданно для всех сказала несколько слов его жена Мария Карповна. "Не проходите мимо несправедливости и не пропускайте ни одного случая лжи, — сказала эта русская женщина, — гордитесь тем, что вы принадлежите к этому народу и держите голову выше". Потом был прочитан Каддиш.

На обратном пути мы остановились в минской синагоге. Старая большая синагога уже до войны была превращена в русский театр, после войны разрушили вторую синагогу, поменьше. Сейчас минская синагога, которую с горькой иронией называют хоральной, расположена в простой избе на окраине Минска. Она была куплена на деньги евреев и уже дважды обкрадывалась. Теперь ей угрожает снос. Но когда попадаешь вовнутрь, забываешь обо всем этом — там все полно простой и наивной верой.

Я думаю, что все, что произошло двадцать шестого апреля, будет иметь большое значение для евреев Минска, они, в самом деле, будут теперь держать голо-

ву выше. Я думаю, что нужно добиваться того, чтобы именем Давидовича было названо новое поселение или, по крайней мере, улица и чтобы имя его было увековечено какими-либо другими способами (может быть, стипендией), — он этого заслужил всей своей жизнью.

Всего хорошего.

Виталий.

4.5.1976 Теперь надо кончить статью [о древнеки-тайской космологии]. Космологические спекуляции издревле были связаны с гаданием, и то значение, которое ему придавалось, подтверждается тем, что "И-цзин" не был сожжен и запрещен. Они представляли собой теорию, лишенную каких-либо нравственных ценностей, и вместе с тем после той разработки, которая была придана им Цзоу Янем, приобретающую вид особой наукообразности.

Мне пришло в голову существенное соображение: умонастроение, приводящее к гаданию, утилитарно по существу. Человек, руководствующийся моральными мотивами, к гаданию прибегать не будет. Это надо будет высказать при анализе всей проблематики. Кончить статью надо указанием на то, что для последующей философии и неоконфуцианства характерно было соединение космологии с моралью раннего конфуцианства. В этом смысле космология заняла место греческой науки (если говорить о европейском синтезе христианства и греческой науки).

Можно сказать, что после Конфуция хотя человек и вернулся в космическое лоно, но его значение было уже другое. Он уже никогда больше не рассматривался по-прежнему.

13.5.1976 Почти через год после доклада о Розенцвейге вчера прочитал у себя на семинаре доклад о Бубере, а до этого — некролог Давидовичу. Кажется, все сошло хорошо. Мне удалось найти хорошие текс-

ты Бубера, и Ина находит, что было интересно, и ей многое стало яснее.

Занятно! [Радиостанция] "Немецкая волна" назвала нас "противники существующего строя".

15.5.1976 Юру Орлова задержали и предъявили ему предупреждение в связи с тем, что он создал группу, "сомневающуюся в миролюбивых намерениях советского правительства"¹.

20.5.1976 Вчера Юра Орлов правильно говорил о том, что образование группы – подъем диссидентского движения на новую ступень. Пока официальная реакция показывает крайнее раздражение, в конечном счете создающее рекламу группе.

Теперь попробовать (уже с двухмесячным опозданием) закончить статью. Складывается такая концепция: не может быть морально нейтральной идеологии. Всякая идейная структура, обладающая широким охватом и в той или иной мере универсальными претензиями, вступая в сферу политики, должна как-то морально определиться. Если она не делает выбор в пользу морали, то она рано или поздно будет использована антиморальными силами, поставившими себя на службу деспотии.

¹ Имеется в виду создание Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в Советском Союзе, их так называемой "третьей корзины", т.е. части, касающейся прав человека. (Хельсинкские соглашения – Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный в августе 1975 г. в Хельсинки тридцатью тремя европейскими странами, а также США и Канадой). Ю.Ф. Орлов (род. 1924 г.) – физик, член-корреспондент Академии наук Армянской ССР. В 1977 г. был арестован и осужден на семь лет лагерей и пять лет ссылки. В октябре 1986 г. освобожден и выслан из СССР вместе с американским корреспондентом Н. Даниловым в обмен на советского шпиона Г. Захарова.

24.5.1976 Вчера у меня сформировалась интересная мысль — показать, что Цинь Ши-хуань избрал усин [”учение о пяти элементах”] потому, что считал это наукой. Тоталитарной власти нужна какая-то наука, пусть она даже будет псевдонаукой. В этом смысле надо будет подчеркнуть гадание и его мировоззренческую и политическую роль.

Интересно, как постепенно сбывается в жизни то, что было когда-то задумано. Помню, что еще когда я впервые прочитал о том, что Цинь Ши-хуань принял усин в качестве идеологии, я подумал о том, как это похоже на марксизм: та же закономерность, та же неизбежность, та же ”научность”. Только сейчас (через много лет) я пишу об этом сходстве.

28.5.1976 Вчера получилось большое собрание. До этого — пресс-конференция, когда полчаса не появлялся Юра Орлов, и [корреспондент] Джордж К. сказал: ”Если арестован Орлов, это сенсация номер один”. Вскоре он появился, и Толя [Щаранский] сказал: ”Сенсация не состоялась”.

29.5.1976 Вечером получил открытку — срочно позвонить [в ОВиР инспектору] Сивец. Что сие означает? Если бы не ”срочно”, сомнения не было бы — очередной отказ. В понедельник выяснится.

Тем временем узнал, что мое письмо ”Почему именно в Израиль?” было опубликовано в ”Нью-Йорк Таймс” две или три недели назад. Что еще более важно, пошел наш арреал¹. Наверно, этого сумел добиться Саша Лунц. В США начинается, наконец, кампания сбора подписей, и я уже видел форму, специально для этого напечатанную. Там упомянуто, по чьей инициативе это делается. Начать сбор подписей намечено на пятнадца-

¹ Обращение к Брежневу с просьбой отпустить узников Сиона и отказников.

тое июня, кончить — к августу, к годовщине Хельсинки. И, наконец, "Congress vigil" — нечто до сих пор неслыханное. Три раза в неделю весь Конгресс США будет слушать дела советских евреев! Иначе говоря, в это вовлекается весь американский народ.

Сегодня вечером сидел с очень славным негром — судьей Damon I. Keith, все время называвшим меня "профессор". Я в ответ именовал его "your Honour"¹, как это и полагается в США. Он сказал, что жена называет его "my honour".

1.6.1976 Открытка была не зря. Кажется приближается Великий день: они попросили у меня привести документы и фотографии. Судя по всему, это разрешение, хотя они этого и не сказали. Начинается, очевидно, новая жизнь, но я этого еще не чувствую. И все же пора оглянуться. Я помню, каким ударом было для меня получение отказа: я все-таки думал тогда, что при полном отсутствии секретности они мне не откажут. После этого я часто вспоминал поразившее меня место из [романа] "The Wall"², где человека, идущего на собственный день рождения, хватают немцы и заставляют участвовать в каком-то совещании муниципалитета гетто. Он пытается доказать, что это несправедливо, и тогда другой говорит ему: "Но почему вы думаете, что речь вообще здесь может идти о справедливости?" Так и у меня. Сначала было чувство, что со мной происходит что-то чудовищное, какая-то совершенно исключительная и вопиющая несправедливость. Потом я убедился (даже я должен был в этом убеждаться!), что о справедливости здесь нет речи. И тогда я успокоился, принял свою участь и постарался использовать время

¹ Ваша честь (англ.).

² J.R. Hersey, *The Wall*, New York, 1950, — роман о Варшавском гетто, написанный на основе документов, найденных после освобождения Варшавы в разрушенном гетто.

как можно лучше. Наверно, мне это не удалось; так или иначе, я уже понимал, что от меня тут не зависит ничего, и старался планировать свою жизнь здесь, не думая об отъезде.

29.7.1976 Та запись предшествовала совершенно новому этапу жизни¹, такой интенсивной и занятой, что у меня не было времени сесть и записать что-либо. Теперь пишу на борту самолета KLM² — летим из Тель-Авива в Амстердам, там — пересадка в Мексику. Фантастика.

Теперь предстоит более трудная задача: не разочаровать мировую прессу, не разочаровать мексиканскую прессу. Нужно сказать что-то свое, нестандартное. Я думаю, в Мексике нужно сосредоточиться на роли ученых в борьбе за своих коллег. Слишком долго ученые играли в недостойную игру, делая вид, что общение с советскими коллегами является нормальным научным сотрудничеством. На самом деле такого рода общение мало имеет общего с нормальным научным сотрудничеством.

Надо подчеркнуть огромную роль, сыгранную моими коллегами, и сказать о том, что, по-моему, этот казус показал им, что такое отношение СССР к правам человека и к вопросам эмиграции. Как из всякого прошлого, так и из этого случая, ставшего прошлым, надо извлечь выводы. Всего два месяца назад это было продолжавшейся жизненной ситуацией, теперь — это — прошлое.

История началась четыре года назад: я получил отказ. Всю историю этих четырех лет можно рассматривать с разных точек зрения. Я хотел бы остановиться

¹ Первая запись, сделанная после выезда из СССР. 4 июня 1976 г. Рубины получили разрешение на выезд, 18 июня они прибыли в Израиль.

² Датская авиакомпания.

на одном ее аспекте: борьбе моих коллег за мое освобождение.

Я думаю, что эта история делает честь моим коллегам. И это очень необычная история в том смысле, что научный мир, что вполне естественно, состоит из людей, занимающихся своим делом. И их не так-то легко сдвинуть с этого места и заставить заняться делом, им совершенно несвойственным и непривычным: освобождением своего коллеги, живущего в другой стране, человека, которого они ни разу не видели и обстоятельства жизни которого им неизвестны. Я представляю себе, что вся моя история должна была вызвать на Западе недоверие. Она настолько странна, что естественной реакцией западного человека, услышавшего о ней, должно быть: "Что-то здесь не так".

Я думаю, что пример этой кампании очень важен и для самоуважения ученых. Тоталитарные правители привыкли пренебрегать учеными, и, к сожалению, слишком часто они оказываются правы. Корыстные мотивы, желание пользоваться гостеприимством советских властей или боязнь восстановить их против себя — все это слишком часто сводит на нет усилия благородных людей. В результате brutальный цинизм советских властей часто оказывается оправданным: ученые либо вовсе не желают заступаться за своих преследуемых коллег, либо ограничиваются половинчатыми заявлениями, отказываясь от решительных действий.

30.7.1976 Прилетели утром в Мехико. Вечером гуляли по городу поблизости от нашей гостиницы. Страшно оживленный город, машин раз в десять больше, чем в Москве, яркая толпа, хорошо одетая. Реакция людей, когда они узнавали, что мы — израильтяне, как правило, была очень дружественной. Нет ни следа амстердамского растреления и бесцельности: народ как бы поднимается к лучшей жизни. Когда мы вечером говорили с Л., она подтвердила, что антисемитизма здесь нет.

1.8.1976 [Мехико]. Завтра буду выступать перед молодежью.

Каковы перспективы [нашего движения]? Я смотрю на них оптимистически – последние годы показали, что советские власти, несмотря на все усилия, не могут закрыть эмиграцию. В настоящее время, пытаюсь сделать из нужды добродетель, говорят о существовании в СССР свободной эмиграции. Между тем, какие-нибудь пять лет назад само слово "эмиграция" не существовало в советском лексиконе. И тут нужно сказать, что в отношении некоторых социальных явлений несравненно важнее сам факт их существования, чем масштаб. Колоссальной важности факт – то, что в СССР существует Сахаров. Как это ни странно, но сам факт его существования что-то меняет во всей советской обстановке. И это же можно сказать и об эмиграции. Советские власти поставили огромные препятствия на пути эмиграции, но теперь эмиграция существует. Препятствия делают шаг к эмиграции очень рискованным, но эти препятствия не будут существовать вечно.

И кончить параллелью между еврейской эмиграцией в восьмидесятых годах XIX века и современной эмиграцией. Как значение той эмиграции было оценено лишь через много десятков лет и полностью мы в состоянии оценить ее только сейчас, так у меня нет ни малейшего сомнения в том, что эмиграция евреев из СССР – одно из важнейших явлений современной истории.

14.8.1976 [Бостон]. Сегодня вернулись от Герштейнов¹ из Вермонта. Вчера утром читал свой доклад на workshop [в Гарвардском ун-те]². Реакция была смешанная, но во всяком случае доклад вызвал живую

¹ Американские друзья Рубиных, с которыми они познакомились в Москве.

² Синологический симпозиум.

дискуссию. В общем, если подытожить все (в том числе и мое выступление в среду одиннадцатого, когда я подробно рассказал о советской синологии и отвечал на вопросы), мне кажется, что можно говорить об успехе. Вин-цит Чжань сказал мне в среду что-то вроде того, что я — открытый и искренний человек, что в устах китайца большой комплимент, и Хмелевский отметил, что я говорил без преувеличенной эмоциональности, которая всегда у них (у американцев) вызывает подозрение и недоверие.

Изумительное впечатление осталось от американской провинции. Эти безлюдные дороги, где водители проезжающих машин улыбаются тебе и машут в знак приветствия рукой, эти чистенькие домики, такие разнообразные и такие очаровательные, эта американская приветливость. С Линдой и Юрой [Герштейн] было очень приятно и легко. Вечером они играли дуэтом на фортепиано и скрипке, и под эти звуки мы заснули на втором этаже их удивительного дома.

1.9.1976 Думаю над тем, что скажу в Колумбии¹ девятого. Наверно, надо сделать упор на следующем: вы, не живя в тоталитарном государстве, не в состоянии почувствовать безнадежности и бессмысленности существования в тоталитарном обществе. Вы не в состоянии понять того, что для sensitive man² утрата смысла жизни может быть гораздо страшнее утраты самой жизни. Я отлично понимал также, что никакие слова, убеждения, доказательства никогда никого ни в чем не убедят, если эти слова не будут воплощены в жизни. Я понимал, что, возбуждая сочувствие к себе, я в то же время втягиваю людей в борьбу за некоторые принципы,

¹ На приеме в Колумбийском ун-те (Нью-Йорк). Руководство, профессура и студенты ун-та сыграли большую роль в организации борьбы за предоставление Рубиным права выезда.

² Здесь: тонко чувствующий человек (англ.).

являющие значение, далеко выходящее за пределы моей личной судьбы.

2.9.1976 Последние дни — много встреч. Вчера были у рабби Чарлза Шира¹. Замечательный человек, мягкий, человечный, тонкий. Он рассказал мне о контактах с де Бари, о том, как де Бари сам предложил мою кандидатуру. Де Бари узнал обо мне, очевидно, от [Цви] Шифрина. Так вокруг меня сложился союз разных людей, очень разных: Шифрин — идеалист, сионист, благороднейшая личность; де Бари — католик, религиозный человек, антикоммунист.

10.9.1976 Сегодня возвращаемся [в Израиль]. Вчера — замечательный день. Все говорили очень хорошо. Де Бари был, конечно, прав, когда он настаивал на необходимости митинга. В конце он сказал, что это было хорошо и для Университета, и я был рад услышать это. По-видимому, это помогло администрации найти путь к студентам и завоевать у них авторитет. Но особенно хорошо он ответил, когда ночью вез нас к гостинице, и я сказал, что чувствую себя несколько неудобно, что столько усилий было потрачено на меня: "Если бы Виталия Рубина не было, его надо было бы выдумать".

Теперь, когда я был у него дома и видел его семью, я понимаю его, может быть, лучше, чем многие. И дело тут, очевидно, в том, что он человек сильных и ярко выраженных религиозных убеждений, и он почувствовал в моих работах этот же дух.

22.9.1976 Послезавтра утром выступаю на похоронах Давидовича². Надо продумать, что сказать.

¹ Раввин Колумбийского ун-та.

² Гроб с телом Е. Давидовича был перевезен из Минска в Израиль. Е. Давидович похоронен на Масличной горе в Иерусалиме.

Полковник Давидович вернулся, наконец, на землю, к которой он стремился всю свою жизнь. Он не увидел этой земли. Но его стремление было сильнее жизни и выходило за пределы жизни. Он не только хотел увидеть эту страну и ступить на ее священную землю. Он хотел после смерти лежать в этой земле, и это его желание исполнилось.

Жизнь таких людей, как Давидович, выходит за пределы их земной судьбы. В чем, в самом деле, был смысл деятельности Давидовича в последние годы его жизни, в те самые годы, что принесли ему бессмертие? В том, чтобы защищать честь и достоинство нашего народа. Отлично понимая, что ему грозит за его мужество и отвагу, Давидович повел эту борьбу и вел ее до конца. В конечном счете такие люди, как Давидович, отдают себя и жертвуют собой. Но эта жертва личного здоровья, личного благополучия и даже жизни — эта жертва в то же время означает духовный рост и такое возвышение над собой, при котором судьба других людей, судьба народа уже делается важнее собственной судьбы. А если так, то и смерть уже не смерть. Полковник Давидович, и лежа в этой земле, живет: он живет в своих близких, в своих друзьях, в своем народе.

Я второй раз присутствую на похоронах своего друга. И я испытываю горе и счастье. В этот удивительный и глубоко символический момент, когда эта земля принимает своего сына, останки которого проделали путь через границу, державшую его в тисках, пока он был жив, когда я вспоминаю о том, что мой друг этого не видит, не видит этой земли и этого народа, не видит его замечательных солдат, при виде которых наполняется гордостью и радостью сердце каждого еврея, — когда я думаю об этом, меня обнимает скорбь. Но когда я вспоминаю те первые похороны в Минске, на которых я присутствовал, меня охватывает другое чувство. Это было не так уж давно — двадцать шестого апреля, пять месяцев назад. Сотни минских евреев тогда пришли на похороны; и если учесть, что для каждого участника это был риск, это была удивительная демон-

страция скорби по тому, кого минские евреи считали своим отцом. Но эти евреи понимали и чувствовали, что они на чужой земле, среди чужого и враждебного народа и что место могилы Давидовича не в Минске, а в Иерусалиме. И я радуюсь, что это твое желание, Ефим, исполнено, что, как это ни кажется странно и неправдоподобно, ты будешь лежать не в той чужой земле, а в земле, недавно вновь ставшей нашей, но обещанной нам давно.

23.9.1976 Значение смерти героя — не менее, чем значение его жизни.

27.10.1976 Теперь начинается самый трудный путь — работа и учеба.

Визиты в США и Англию дали уверенность в себе, окончательно приучили к публичным выступлениям по-английски. Теперь начинается новый этап; в известной мере возвращение к старому — к профессиональной жизни, от которой я за почти пять лет успел в значительной мере отвыкнуть. Причем это возвращение — на ином уровне: не исследовательская работа, а чтение лекций не по-русски, а сначала на языке, который я знаю далеко не так хорошо, а потом на языке, который пока я знаю плохо.

До сих пор после отъезда все шло блестяще. Но теперь настает самая ответственная пора. Работа профессора требует большой организованности, а это мое слабое звено. Нужно будет продумать, во-первых, составлять ли достаточно подробный план каждой лекции. Затем надо будет озаботиться тем, чтобы дать студентам список литературы. Во время встречи надо будет узнать, кто они и каковы их интересы, как их зовут и когда им удобно заниматься. Обязательно узнать у Цви [Шифрина], как обычно обращаются к студентам (по именам или фамилиям) и как они обращаются к профессору.

29.10.1976 Итак, настало время снятия урожая. Я

В Сэдбери, Массачузетс, США. Август 1976 г.

Вашингтон, август 1976 г.

Прием в Колумбийском университете. Слева направо: ректор университета проф. де Бари, В. Рубин, президент университета Мак-Гилл. Нью-Йорк, 9 сентября 1976 г.

Рубины с Сильвией Беккер и Дорин Гейнсворт, активистками из "Группы 35". Лондон, ноябрь 1976 г.

Рубины в Масаде. Январь 1977 г.

Рубины с Мюриэл и Майклом Шерборн. Кампус Еврейского университета в Иерусалиме. 1977 г.

В. Рубин с проф. М. Гельцером. Иерусалим, 1977 г.

Бейлины в гостях у Рубиных. Иерусалим, 1977 г.

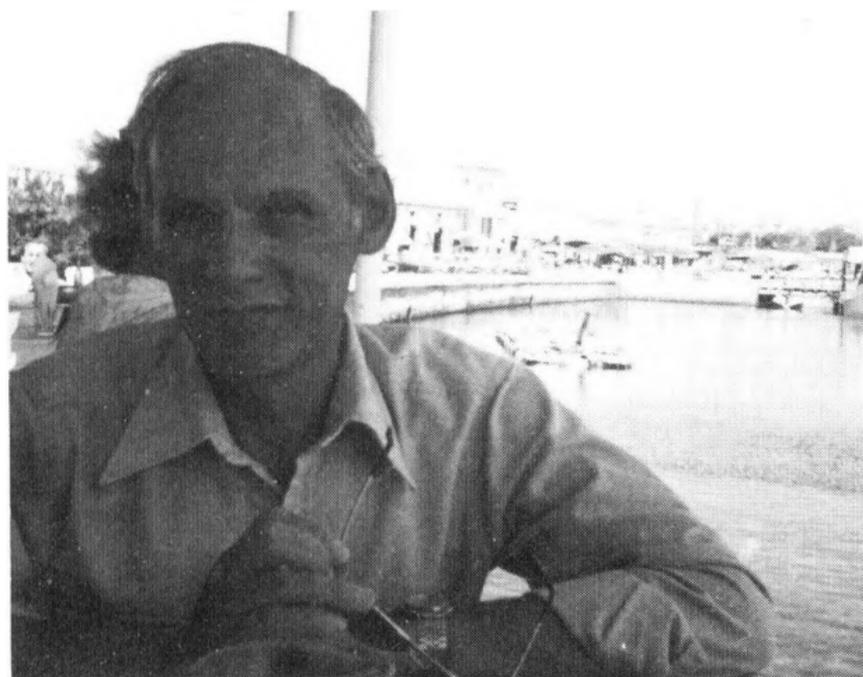
Слушание "дела Ю. Орлова". Сидят: К. Миллер, Л. Алексеева, А. Амальрик. Стоят: Ю. Миллер, А. Штромас, Е. Бресенден, А. Краснов-Левитин, В. Рубин. Лондон, июнь 1977 г.

В "Бет-Шалом".
Киото, Япония.
Август 1980 г.

Иерусалим, Гило. Февраль 1981 г.

На набережной в Пафосе, Кипр. Октябрь 1981 г.

достиг того, о чем только мог мечтать: я на свободе, моя книга опубликована по-английски, я занимаюсь любимым делом. И в то же время это лишь начало пути, начало долгого пути вхождения в жизнь Израиля, освоения языка и новой для меня специальности педагога. Сегодня я впервые подумал о том, какая это должна быть радость — иметь настоящего ученика. Радость, которая, как будто, может быть сравнена с радостью отцовства, которой я лишен.

31.10.1976 Сегодня первый раз увидел своих студентов. Одна — из Сингапура, другая — сабра¹. Я познакомился с ними, и мы установили время занятий. Думаю, что Вадим Меникер прав — не нужно придерживаться формально лекционного тона. Лучше вести с ними диалог.

В общем, проблем хоть отбавляй. Самая, конечно, серьезная — фактически не двуязычие, в трехязычие.

Какая задача важнее — изучение иврита или подготовка курса? Вторая все же важнее, ибо если я не буду делать больших успехов в иврите, это плохо для меня и больше ни для кого, но если я буду читать плохие лекции, это плохо для студентов. Это уж абсолютно недопустимо.

2.11.1976 Завтра — первая лекция. Жду ее с некоторым волнением.

3.11.1976 Первая лекция прошла хорошо. Такое чувство у меня и, кажется, у них тоже. Сначала, когда около шести никто не появился еще, мне стало слегка не по себе. А если не придут вообще, даже те две студентки, которые были? Но около шести появился

¹ Так называют уроженцев Израиля; сабра (араб.; иврит. произношение: цабар) — один из видов местного кактуса; его колючий плод содержит сладкую мякоть.

японец, затем пошли один за другим, и в конечном счете меня слушали восемь человек. Невиданный успех.

Слушали хорошо. Я сказал им, что прошу прерывать меня, когда им что-то непонятно, и они подчас это делали. Шири задала вопрос, почему я считаю, что китайская философия нерелигиозна, и я попытался объяснить ей. В остальном они большей частью записывали и вообще были внимательны. У меня было впечатление, что японцу не нравилось, когда я ругал коммунистов, но еврейские ребята были довольны.

Теперь как-то все гораздо легче, когда представляю себе лица своих студентов. Парни, кажется, собираются писать у меня работы. Если так, это будет приятно. Да, это поистине праздник в конце жизни. У папы было все наоборот: в начале жизни, несмотря на тяжелые времена, ему все улыбалось. Вернее, он был просто в это время оценен по заслугам. Потом наступила жестокая зима, такая, что уже не о радостях педагогического труда думали. К тому же в советских условиях никакой радости такой труд приносить не мог. А папа был прирожденный педагог сократического темперамента.

Что было хорошо, как будто, во время лекции — то, что я не был привязан к тексту. Большой частью я говорил, вообще не смотря в записи, и это давало мне психологическое право смотреть в текст тогда, когда это было нужно. Все же это огромное удовольствие — быть педагогом. Вспоминаю, в каком великолепном настроении Ина была после уроков.

Итак, сделан еще один важный шаг в новой жизни. Теперь в будущем году постараюсь перейти на иврит.

10.11.1976 Прошла вторая лекция. Пожалуй, она была еще оживленней первой, благодаря тому, что пришли два парня из специалистов по философии: один японец, один еврей. Японец был особенно активен и как-то на все очень хорошо реагировал. По временам он вступал в спор с другим философом.

Недостатки прошлой лекции исправил. Материала хватало и еще много осталось. Фактически у меня

подготовлена следующая лекция. Приятно было то, что я совсем не волновался, говорил свободно и часто неожиданно для себя отвлекался в сторону, что явно доставляло им удовольствие. Конечно, здесь есть другая опасность — не дать им всего материала, который я хочу дать. Но, как я понимаю, времени у меня вполне хватает, а это создает хорошую обстановку и контакт со студентами.

11.11.1976 Сегодня встретил нашу китайку [преподавателя кафедры Д. Шикман], и она сказала, что студенты очень довольны моими лекциями. Это крайне важно. Я чувствую, что начал хорошо, успешно. Теперь нужно и дальше держаться на этом уровне и учить иврит. Я испытываю большое удовлетворение, думая об этих лекциях, потому что мой сюжет — центральный и имеет выход в очень глубокие и широкие человеческие сферы.

18.11.1976 После третьей лекции. Что приятно — это то, что я уже начинаю чувствовать складывание определенной системы, преемственности. Уже они знают некоторые основные понятия, и я могу опираться на это знание. Когда я ехал на лекцию, я думал о том, что качество лекций — мой вклад в строительство нашего дома: и чем лучше и интереснее я буду читать, тем привлекательнее будет наша страна.

19.11.1976 Был на первом заседании кафедры. Все было на иврите, а потом пошли в библиотеку, в кафе. В общем, была очень приятная атмосфера.

29.11.1976 Вчера — одна из встреч, делающих столь интересной жизнь в этой стране. На остановке на обратном пути от Айрин ко мне присоседился молодой человек, заговоривший по-английски; оказалось, голландский еврей, приехавший посмотреть, удастся ли ему устроиться. Потом подошла простая женщина — сабра, начавшая ругать Израиль за грубость, отсутствие куль-

жил ей взять совместно такси, но она отказалась), и она стала ругать русских. Про меня она не хотела поверить, что я из России, настаивая на том, что я похож на англичанина. Мой иврит она оценила высоко, узнав, что я пять месяцев в стране.

12.12.1976 Третий день на новой квартире¹. Вчера бродили вокруг. Погода стояла чудесная, тепло, но не жарко, и мы обошли весь университетский комплекс.

Последняя лекция (о Шан Яне) была самая успешная. Реагировали студенты необыкновенно живо, и замечания были очень умные. Пока все идет хорошо, и мои опасения относительно того, как пойдут лекции, не подтвердились.

21.12.1976 Пишу новый вариант статьи о космологии для Мексики², но идет очень туго. Конечно, можно было бы оставить по-старому, но самому неприятно было бы читать. Тем более, что появился новый материал. Конечно, такую статью вообще могут прочитать пять-шесть человек.

Мне пришло в голову, что писание, подобное этому, почти никому не нужно. Вернее, оно нужно, но очень ограниченному кругу лиц. В этом замечательное свойство педагогической работы — чувствуешь, что ты нужен.

24.12.1976 Последняя лекция (о Лао-Цзы) была удачной. Было, правда, всего три девушки, но Шири была очень активна и задавала очень хорошие вопро-

¹ После шестимесячного пребывания в центре для новых иммигрантов "Мевассерет Цион" Рубины получили от Иерусалимского ун-та временную квартиру.

² Для сборника докладов, зачитанных на XXX Международном конгрессе востоковедов в Мехико.

сы. У меня было приятное чувство контакта. Вообще, я вновь чувствую, как появляется, наряду с сознанием необходимости работать хорошо, радость от того, что "я им это расскажу", радость от возможности поделиться со студентами. Это одна из лучших черт моей работы.

28.12.1976 В начале второго за мной заехала Н. и мы поехали в Иерихо. Поездка была замечательная. Видели изумительный монастырь, расположенный в оазисе, в ущелье. Там живут несколько монахов, и туда идет только пеший путь. Потом были в нескольких местах раскопок в Иерихо, видели в том числе башню древнего города – на ее вершину (!) нужно спускаться по лестнице, а уровень земли метров на тридцать-сорок под современной поверхностью земли.

Я буду делать доклад о своей концепции китайской истории тридцать первого декабря в Институте Трумэна. Я назвал его достаточно неопределенно, и могу говорить по существу, о чем хочу. Подумать, что сказать о примитивизме. Пожалуй, надо отметить, что он играл на руку тоталитаризму. Тут, может быть, отметить следующее: легисты, как и большевики, в принципе не хотели говорить о будущем. Привести М. Ласки¹ относительно того, что отсутствие планов на будущее оставляет опасный вакуум.

Говорил ли я когда-нибудь об этом? Конечно, говорил в 1964, когда я впервые сделал на эту тему доклад. Но, естественно, я не мог тогда говорить откровенно и, не называя слова "тоталитаризм", говорил о деспотической идеологии. Потом я не раз упоминал об этом в разных выступлениях в США и в Англии (и в ответах на вопросы). А потом сказал об этом подробно уже по-английски в Иерусалимском универ-

¹ М. J. Lasky – современный американский историк и социолог; издатель и редактор журнала "Энкаунтер".

ситете в декабре 1976 года! В той или иной мере то, что я сказал тогда в МГУ, повлияло на все последующее. Но крайне странно было бы мне услышать, что я через двенадцать лет буду профессором Иерусалимского университета.

31.12.1976 Доклад прошел с успехом. Было около двадцати человек, задавали вопросы. Неплохое, как будто, начало для установления определенного научного реноме. Назвал доклад "Культура и антикультура в китайском политическом мышлении" и построил его на противопоставлении вэнь [культура] – у [милитаризм].

9.1.1977 Вчера – замечательная экскурсия в Масаду. На обратном пути – знакомство с очень милыми людьми, большей частью немецкими евреями. Одна из них рассказала очаровательную историю о своей племяннице, которая занималась здесь Китаем, а потом уехала в США получать там магистерскую степень. Родители, которые не хотели, чтобы она уезжала, пытались уговорить ее остаться, ссылаясь на то, что скоро сюда приедет проф. Рубин. Однако девочке казалось странным, что профессор, которого давно пригласили, все не едет, и она в конце концов пришла к выводу, что это вообще миф и что этого профессора не существует. К прочим мифам теперь прибавится и этот – миф о моем несуществовании.

24.1.1977 Паршивое настроение; но было бы странно, если бы моя депрессивность прошла тут без следа. Что-то взяло сомнение, сумею ли я и написать что-то, и справиться с языком. Но все же попробую, еще рано отказываться.

Вчера были вечером у Мордехая Каплана, основателя реконструкционизма¹. Ему девяносто пять лет, но

¹ Направление в иудаизме, основанное М. Капланом (1881–1983) в 1934 г. Основной труд: *Judaism as a Civilization* (1934).

двигается он сравнительно хорошо (не очень, конечно), у него добрая, милая улыбка. Прекрасное впечатление произвела его жена Ривка – лучшая представительница еврейских женщин. Ей, наверно, тоже лет семьдесят (у нее восемнадцатилетний внук), но она абсолютно молодода духом – быстро движется, быстро говорит, и весь дом завешан ее прекрасными картинами.

25.1.1977 Вчера – изумительная передача о Голде [Меир]¹. Было приятно, что многое уже было понятно.

26.1.1977 Сегодня [преподаватель Иерусалимского университета] Зеев Кац излагал нам свой подход к израильской политической жизни. Он говорил о том, что Шинуй², на его взгляд, может оказать очень серьезное влияние в том смысле, что она может стать второй израильской партией центра. В следующих выборах, которые уже могут происходить на основе не пропорционального представительства, а голосования за людей, эта партия может стать серьезной силой. Кац старался доказать, что очень важно стать политической силой советским евреям, что только в этом случае они могут рассчитывать на то, что станут частью системы. Все это абсолютно верно, но перспективы организации русских олим тем не менее невелики: нет знания языка, нет популярных лидеров, которые могли бы объединить всех.

29.1.1977 Может быть, делать так – конец каждой лекции посвящать итогам и размышлениям. Важная

¹ В популярной программе израильского телевидения "Такая жизнь".

² Шинуй (букв.: изменение, перемена; иврит) – политическая партия, основанная проф. А. Рубинштейном в 1974 г. Одно из главных требований партии Шинуй – изменение системы выборов в Израиле.

задача: стараться в каждом случае находить что-то свое, новое, новый аспект.

Вопрос о стратегическом направлении. Я пока живу на гребне достигнутого успеха, не задумываясь над целью. Правда, пока передо мной стоит гигантская задача овладения ивритом, говорить об общей цели трудно. Но все же думать об этом надо. Это должно быть написание книги. Я думал о написании книги по философии истории. Не знаю, потяну ли.

12.2.1977 Были сегодня в Бет-Лехеме. Интересный город, красиво расположенный на холмах, подобно Иерусалиму. На центральной площади, примыкающей к церкви, — наши солдаты, как обычно, в непринужденных и живописных позах. Один все время дежурил с рацией. Церковь — широкая, с четырьмя рядами колонн, но вход низкий и темный — как бы влезает в пещеру. Спускались и в грот под алтарем. Все это, впрочем, теперь на меня особого впечатления не производит. Ехали туда и обратно на четырех арабских автобусах. День был прекрасный, утром прохладно, а днем уже жарко, но не слишком. Как-никак середина февраля.

13.2.1977 Вечером приходил чудесный мальчик — сын Гершома Трейстера Рафаэль. Как хорошо так начинать жизнь, и насколько труднее нам. Но и мы постарались сделать из своей жизни то, что можно было, придать ей смысл.

4.3.1977 Предпоследняя лекция (начало буддизма, основные школы) была неудачна: я не ощущал, что владею материалом, много читал по тетради, и студенты должны были чувствовать, что я здесь не очень силен. Я в самом деле не чувствую буддизма. Но последняя лекция (чань-буддизм) неожиданно удалась. Я хорошо подготовился, хорошо подобрал отрывки, и мне

удалось вызвать студентов на response¹. Каждая хорошо проведенная лекция доставляет такое удовлетворение!

5.3.1977 Сегодня – двадцать четвертая годовщина смерти Питоньча². Утром – ужасное сообщение о том, что в "Известиях" опубликовано письмо Липавского о том, что ему известно, что ряд людей занимается шпионской деятельностью при посредстве сотрудников американского посольства. Возможно, что там упомянуто и мое имя.

Если бы мы были там, я несомненно был бы арестован. Теперь интересно, что они собираются сделать из этого: возможно, что они готовят big show-process³ со многими людьми, так или иначе связанными с Липавским. Однако это не даст им никаких лавров, прежде всего потому, что им никто не поверит, даже если кто-то признается. Это может сыграть роль второго Ленинградского процесса, потому что вероятным результатом будет резкий рост антисемитизма (с возможными эксцессами или даже погромами) и массовая подача заявлений на выезд. Сейчас каждое такое обострение будет еще одним ударом по злобным тупицам. Они, очевидно, решили пойти во все тяжкие, объявив, что Картер "встретился с уголовным преступником Буковским"⁴

10.3.1977 Сегодня была пресс-конференция по поводу последних событий. Это хорошо, что мы быстро

¹ Здесь: отклик (англ.).

² Так в семье Рубиных называли Сталина.

³ Большой показательный процесс (англ.).

⁴ В.К. Буковский (род. 1942) – известный правозащитник, много лет провел в тюрьмах, лагерях и психиатрических больницах. В 1977 г. был обмен на секретаря чилийской компартии Луиса Корвалана.

откликаемся. Вчера думал обо всей этой истории и пришел к выводу, что Саня Липавский не мог написать такого письма. Моя гипотеза была — что он сидит в тюрьме и даже не знает обо всем этом. Я исходил при этом из того, что он ненавидел предательство (это стало ясно из истории с его отцом), что он человек исключительной доброты (истории о том, как он помогал людям, как он терпел преследования своего начальства, ничего не предпринимая, и когда я сказал ему, что он может кому-то пожаловаться, он ответил: "Я и мухи не могу обидеть"). Я вспомнил также, что он, вообще говоря, всегда вел себя с большим достоинством. В таком случае мне представлялось возможным, что он вообще не знает о письме и находится в тюрьме. Однако вечером Лунц сказал, что, по сведениям из Москвы, Липавский не арестован.

Вечер. В одиннадцать часов была пресс-конференция. Я зачитал перед собравшимися (всего было человек тридцать, в том числе ЮПИ, Ассошиэйтед пресс, интернациональное телевидение и т.д.) свое заявление. Лунц объяснил ситуацию в общем. Миша Штиглиц¹ представил меня как "известного агента Си-Ай-Эй". Но самое интересное было потом: нас совместно с еще несколькими молодыми людьми принял главный раввин Шломо Горен. Он сразу все понял и поставил вопрос: "Что мы можем сделать?" Немедленно были составлены телеграммы Картеру с просьбой о помощи, Подгорному (в связи с Наташей Щаранской — просьба отпустить ее мужа из гуманитарных соображений), а также указание всем синагогам молиться за жертв навета. Интересно, что когда Миша Штиглиц сказал, что для молитв он не знает отчеств (очевидно, это требуется по синагогальным правилам), Горен сказал: "Обойдется. На Небе их знают".

Меня он спросил, чем я занимаюсь, и очень удивил-

¹ Брат Наташи (Авиталь) Щаранской.

ся, когда узнал, что в Иерусалиме есть синологи. В конце приема он спросил, есть ли у меня какой-то заработок — очевидно, он не принял мою синологию всерьез. В середине приема произошла забавная вещь: нам еще до приема, пока мы ждали, принесли по нашей просьбе по чашке кофе (это сделал величавый старый восточный еврей). Перед Гореном во время приема поставили стакан чая с каким-то печеньем. Он спросил, хотим ли мы пить тоже. Когда кто-то выразил желание, он попросил своего помощника обеспечить это. Тот вошел и заметил, что мы уже пили кофе, на что Горен сказал, что можно принести и по второй чашке. Однако кофе нам не принесли.

Меня поразили динамизм и живость Горена. Молитвами в синагогах он закончил; а начал с вопросов о реальной помощи. При этом выяснилось, что последние известия он уже слышал и полностью в курсе событий. Это человек удивительно быстрого ума и стремления к немедленным действиям.

13.3.1977 Сегодня говорил [по телефону] с Толей [Щаранским] и Александром Яковлевичем [Лернером]. Они сказали, что ничего нового не происходит. За Толей по-прежнему ходит восемь человек. Настроение у них хорошее — какие молодцы! Я рассказал Толе о Наташе, о том, что она в ближайшие дни уезжает с Мишей в США, что за них борются мощные силы и что развивается кампания в США. Когда я сказал Толе, что думаю, что с каждым днем опасность, что их арестуют, уменьшается, он ответил: "Я тоже так думаю. Даже обидно, — так хорошо подготовились". — "Вы еще не утратили чувства юмора", — сказал я. "Ну, что вы, мы все время смеемся", — ответил он. "Еврейский смех", — заметил я. А.Я. сказал, что в кризисные моменты он чувствует себя лучше, и что все его болячки прошли.

Моя рабочая гипотеза пока такова: они чувствуют себя вынужденными в конце концов выпустить этих людей. Но прежде они, воспользовавшись Липавским,

хотят извлечь из них весь возможный и невозможный политический капитал и заодно отомстить им. Через месяц или что-то около того они выпустят их, написав (возможно, даже объявив через ТАСС), что советское правительство решило проявить гуманность (может быть, "отпустить их к их хозяевам").

15.3.1977 Сейчас совершенно ясно, что мы избегли чудом страшнейшей участи. Если бы Липавского раскрыли на полгода раньше, он выдал бы и меня как своего сообщника, и я наверняка получил бы минимум десять лет. Вряд ли я вышел бы оттуда живым.

16.3.1977 Итак, Толю вчера арестовали. Он в Лефортове.

Сегодня говорил с раввинами, которые едут в США, постарался объяснить. Потом давал длинное интервью военному радио.

17.3.1977 Почему так жутко устаешь тут к концу дня? Потому ли, что все время — на чужих языках?

19.3.1977 Вчера вечером был на встрече в Хилтоне с группой женщин из United Jewish Appeal¹. Днем давал интервью [по делу Шаранского] английской службе израильского радио. Думал о Толе, о себе. Толя сейчас в Лефортове, и пока у нас нет сведений о пытках; я думаю, что этого нет. И можно надеяться, что он в каком-то плане отдыхает. В том, что он не будет сломлен, сомнений у меня никаких нет.

28.3.1977 Вечером двадцать четвертого марта мы были на приеме у Кацира². По пути я думал о том, по-

¹ Еврейская организация, созданная в США в 1939 г. для координирования кампаний по сбору средств для заселения Палестины.

² Четвертый президент Израиля.

чему, когда я сталкиваюсь с оптимизмом, с уверенностью в близком хорошем конце, это у меня вызывает особую реакцию. Я вижу в этом что-то детское и бесконечно трогательное, может быть, потому, что такого рода оптимизм у меня связывается с образом папы. Трезвый и печальный реализм не позволяет мне предаваться таким мечтам, и я понимаю, что так, как они мечтают, не бывает. С другой стороны, я вижу в этом цельном, трогательном оптимизме величайшую творческую силу. Хорошо сказано Соловьевым: "Творят жизнь люди веры".

Вчера вечером были у Иланы Коэн¹. Весь вечер разговор шел о советских евреях. По интенсивности, по интеллектуальному уровню это мне напомнило вечера у нас дома в Москве. Интересно, что когда я сказал, что концерт Баршая накануне навел меня на мысль о недостаточном качестве интеллектуального общения здесь, Стив Коэн сразу же понял и сформулировал это так: "Вы услышали, как великолепно он выражает себя, и вы подумали о том, что вы лишены этого". Действительно, когда я слушал Баршая, я все время думал о том, что такое совершенство.

Вчерашняя встреча убедила в том, что здесь есть настоящая интеллигенция — американцы, с которыми очень интересно было бы быть в контакте. Я думаю, что в силу ряда причин американская среда здесь интереснее русской. Потому ли, что они не так подавлены всякими бытовыми проблемами, устройством на работу, квартирой и т.д.?

Вчера днем были на митинге у Котеля². Присутвовали тысячи четыре. Мы стояли на лестнице сверху и хорошо видели все. Говорили [раввин] Горен, Игал Аллон, несколько слов сказал Лунц.

¹ Американка; училась в одной группе с Рубиным в университетском ульпане.

² Букв.: стена (иврит); западная часть стены, служившей опорой Храмовой горы (другое название: Стена Плача).

31.3.1977 Как хорошо сказано у Зиновьева¹ [в "Зияющих высотах"]:

"Нормальная человеческая жизнь – это когда ты продолжаешь жизнь и дело других, они смотрят на твою жизнь и на твое дело как на свои, кто-то продолжает твою жизнь и твое дело. И вы все – одно. При этом создается состояние причастности к вечности, и страха смерти нет".

Я думал как-то, почему я нисколько не завидую людям, которые (как Андрей [Амальрик]) находятся в центре внимания мировой прессы. Во-первых, позиция борьбы за улучшение ситуации в СССР только в самое последнее время лишилась элемента лжи, который в ней содержался раньше (для еврея). До тех пор, пока не создалось отдельное еврейское движение, участие в русском движении означало молчаливое забвение того, что мы – другие. В самом деле, демократы (типа Литвинова), говоря о немыслимом положении мыслящего человека в СССР, не считали нужным упоминать об отдельных еврейских проблемах. В той или иной мере это связано с самоощущением человека, с тем, чувствует ли он свою связь с еврейским народом. Но для меня интересы нашего народа не были безразличны, и мне во всем этом было чуждо то, что, идя вместе с ними, я невольно соглашался бы с тем, что в этом новом контексте "еврейская проблема не существует". Но для меня она существовала, и только она была моим делом, делом, за которое я готов был страдать и за которое готов был в случае последнего выбора отдать жизнь.

Теперь вопрос о Щаранском ставит во весь рост проблему взаимоотношения еврейского и демократического движений в середине семидесятых годов. Ка-

¹ А.А. Зиновьев (род. 1922) – философ, логик; публицист и писатель; автор сатирических произведений "Зияющие высоты", "Светлое будущее" и др. С 1977 г. живет на Западе.

кой же основной тезис? Что в настоящее время невозможно отделить еврейский вопрос от диссидентского движения вообще. Что эти вопросы переплетены не только в советском их восприятии, но и в действительности. Смысл статьи об этом должен быть в разоблачении идиотской позиции, согласно которой участие в демократическом движении подрывает позиции евреев. На самом деле надо ясно отдать себе отчет в том, что в настоящее время существует единый фронт еврейского движения и демократического движения, поскольку у них имеется определенная общность целей.

Теперь чем объяснить наше полное принятие демократической программы и ее полную поддержку? Тут, может быть, прибегнуть к историческому аргументу.

Сначала, когда возникло демократическое движение, мы, сионисты, чувствовали, что это — не наша борьба. Дело в том, что демократы, боровшиеся за права человека, за исполнение советских законов (тут добавить, что наше противостояние было глубже), не считали необходимым отдельно останавливаться на положении евреев. Я никогда не думал примыкать к ним, потому что я инстинктивно чувствовал, что здесь, в этой стране, никакого действительно достойного человека существования быть не может. Я мог примкнуть только к такой борьбе, которая была направлена к тому, чтобы изменить самые основы жизни, чтобы покинуть эту проклятую страну. Тут я почувствовал, что это мое дело.

И теперь — от собственного опыта к опыту движения. В 1974–75 годах движение существенно укрепилось. Мы получали больше поддержки и пользовались большим международным авторитетом, чем какая-либо другая диссидентская группа в СССР. В Нью-Йорке демонстрации в защиту советских евреев в день солидарности собирали более ста тысяч человек, и Конгресс США в конце 1974 года провел поправку Джексона, которая, будучи сформулирована в общих выражениях и говоря о проблеме эмиграции, на самом деле имела в виду эмиграцию советских евреев. Сила еврейского

движения заключалась в его массовом характере и массовой поддержке из-за рубежа. Никакое другое движение ни того, ни другого не имело.

Вместе с тем надо отметить, что благодаря поддержке широких кругов США, причем не только еврейских (достаточно вспомнить сенатора Бакли), движение все больше приобретало гуманитарный характер. Можно сформулировать движение лозунгов так: сначала — "Отпусти народ мой", потом, подхваченный в США, этот лозунг приобрел смысл: "Отпусти каждого, кто не хочет у тебя оставаться".

Когда советское руководство вынуждено было подписать Хельсинкскую декларацию, в первый раз создавалась ситуация, когда оно взяло на себя международные обязательства, касающиеся судьбы каждого отдельного человека. Несомненно, само подписание этого документа было победой диссидентского движения — трудно себе представить, чтобы западные правительства так боролись бы за включение "третьей корзины", если бы они не думали о конкретных людях в СССР, в предательстве которых их могли бы обвинить. Хельсинкская декларация послужила основой новой волны активности со стороны диссидентов, и здесь диссидентам оказали помощь евреи. К этому времени стало уже ясно, что отдельного, сепаратного решения еврейского вопроса в СССР быть не может. Годы, прошедшие со времени начала массовой эмиграции (то есть с начала марта 1971 года), показали, что без самой решительной борьбы за свободу эмиграции та уступка, на которую вынуждены были пойти в 1971 году, будет взята назад. "Эмиграция по-советски" будет превращена в такую эмиграцию, при которой будет по-прежнему царить полный произвол, и, выпуская одних, советские руководители будут годами держать в невыносимом положении других. Иными словами, для того, чтобы добиться своих еврейских целей, нам необходимо вынудить советское руководство на уступки, которые не будут относиться к одним евреям. Можно сказать, что борьба за права человека для еврейских

активистов была средством, а не целью. Ни один еврейский активист никогда не скрывал, что, получив разрешение на выезд, он немедленно покинет пределы СССР. Точно так же, если бы можно было представить себе ситуацию, при которой все евреи получали бы разрешение на выезд из СССР, не было бы основы для участия активистов в борьбе за права человека в СССР.

Теперь еще вопрос: может ли это повредить им? Нет, не может. Потому что факт участия в Хельсинкской группе Толя [Щаранский], конечно, отрицать не будет. Идет речь о том, чтобы объяснить его образ действия друзьям. Из чего, в самом деле, исходят те, кто считает, что нечего было связываться с демократами? Из того, что с советскими властями можно было прийти к *modus vivendi*. Это иллюзия, основанная на полном непонимании того, что происходит в СССР.

Сложилась ситуация, при которой мы оказались заинтересованными в том, чтобы заставить советских руководителей пойти на уступки в области прав человека. При этом мы отчетливо видели всю иллюзорность ожиданий сепаратной сделки с советским руководством. С другой стороны, мы, понимая, какую опасность представляет такая деятельность для нас лично, не считали, что это ставит под удар евреев вообще. Дело в том, что, как представляется мне, положение евреев в СССР настолько унижительно, причем тенденция к тому, чтобы сделать СССР *judenfrei*¹, настолько ясна (я знаю, что многие евреи хотят, чтобы их выгнали, избавив их тем самым от мучительных сомнений), что я считал желательным скорейшее завершение этой ситуации. При этом я считал, что всем евреям опасность ареста не угрожает.

В чем разница с ситуацией до революции? В том еще, что тогда не только русское правительство пыталось внушить населению, что революционеры — евреи, но и

¹ Свободный от евреев (нем.).

сами евреи (во всяком случае значительная их часть) считали, что их путь — революция. Сейчас — время отрезвления. Сами евреи знают, что ожидать им в России нечего. Поэтому ухудшение ситуации евреев лишь заставит их быстрее принять нужное решение.

10.4.1977 Сегодня пришло в голову, что наш Иерусалим — одновременно и центр мира, и граница свободы. Отсюда можно понять многие особенности нашей жизни.

15.4.1977 Интересно, как соблюдался тринадцатого День Памяти¹ — мы ехали в автобусе, и в 8.00 раздался сигнал сирены. Автобус остановился, и стало все движение. Две минуты автобус стоял, и все молчали. Когда сигнал кончился, шофер открыл дверь и выпустил тех, которым нужно было выйти.

18.4.1977 Сегодня был замечательный урок [иврита] у Доры [Вортман]. Она говорила с таким чувством о Дне Независимости, о павших солдатах. Оказывается, ее сын погиб на Голанах как раз два года назад, накануне Дня Независимости.

23.4.1977 Двадцать первого апреля были на приеме, устроенном [мэром Иерусалима] Коллеком в цитадели у Яффских ворот. Было очень приятно: видели Переса, ходившего под охраной троих из битахона².

Можно подвести некоторые итоги: конец учебного года не за горами. Я создал курс, так сказать, в первом приближении. И по-английски. И хотя передо мной неизмеримые задачи (прежде всего начать чтение лекций на иврите), я все же сейчас смотрю на будущее более

¹ День памяти павших в войнах за независимость Израиля.

² Служба безопасности (иврит).

спокойно: я убедился, что могу преподавать, и я уже чувствую, что двинулся мой иврит. После окончания следующего года я уже смогу считать себя дома в Израиле.

26.4.1977 Читаю Тойнби¹. Конечно, это замечательная книга, и основной пафос исторического возмездия мне очень близок. Это, по существу, тот же конфуцианский подход, утверждающий единство морали и политики. Описание возмездия, постигшего Ассирию, великолепно; эта деталь — что через двести лет никто уже не мог вспомнить их имени! Уроки Немезиды!

5.5.1977 Чувствую по временам какую-то странную агрессивную злость. Значит, что-то есть во всех этих психиатрических разговорах о специальной "эмигрантской болезни". Что это — следствие перенапряжения от работы, где-то внутри поднимающегося сознания бессилия и беспомощности в стране, которая остается для тебя незнакомой и непонятной? Неясно.

10.5.1977 Теперь выяснилось, что С. Липавский выступил на пресс-конференции (почему-то в "Известиях" было сказано, что она неофициальная). Там он показал свое шпионское оборудование. Он остается загадкой. Может быть, его доброта в самом деле была продуктом чувства вины? У меня есть интуитивный протест против этого, и эта концепция также оставляет необъясненными целый ряд его поступков. Может быть, правда, он так прекрасно играл роль. Вообще, остается без ответа основной вопрос: можно ли быть одновременно агентом КГБ и быть добрым и хорошим человеком? Я всегда исходил из предположения, что нет, и поэтому был уверен, что всегда почувствую агента. Это пишет и Солженицын, и это подтверждает весь мой прежний опыт. Теперь оказывается, что человек, кото-

¹ A.J. Toynbee, A study of history, in 2 vol., New York, 1965.

рому я абсолютно доверял, стал предателем. Был ли он им всегда, или пошел на это из трусости в последний момент? В последние месяцы 1976? В конце концов встает вопрос, может ли быть случай, когда человек совершенно искренне относится к тебе хорошо и хочет тебя видеть просто потому, что испытывает в этом внутреннюю потребность? Я продолжаю положительно отвечать на этот вопрос, и у меня есть мои личные, ни для кого не доказательные, свидетельства: его взгляд, когда он передавал трубку Слепаку во время нашего разговора по телефону из его кабинета. Это был взгляд, полный большой доброты и радости; я не могу представить сейчас его лица; это, должно быть, какой-то совсем другой Липавский.

18.5.1977 Вчера впервые участвовали в настоящих выборах, окончившихся полным поражением Маараха¹. Начинается новая глава в истории нашей страны. Сегодня Бегин сделал заявление, в котором призвал к формированию правительства национального единства, а также заявил, что он обратится к Садату, Асаду и Хусейну с предложением начать мирные переговоры. Интересно!

Ура! Поставили, наконец, телефон. Итак, мы прожили без телефона без малого три года — квартирный телефон был выключен в июне 1974 года, а мой личный телефон — в начале февраля 1974 года. Это — не только удобство, но и символ возвращения к цивилизованной жизни. И возможность немедленной связи со всем миром.

22.5.1977 Позавчера и вчера ездили в чудесную поездку. Через Беер-Шеву — в [киббуц] Машабэй-Садэ, где переночевали, потом — в Эль-Ариш через Ревивим; в Эль-Арише пообедали, потом поехали в Ямит, оттуда

¹ "Трудовая коалиция": коалиция социалистических партий "Авода" и "Мапам".

в Беер-Шеву, и обратно. Особое впечатление произвел Ревивим – крепость пионеров Негева. Когда видишь ее, легче представить себе ту невероятную самоотверженность, которую должны были иметь строители этой земли, те, кто снова вернул ее к жизни. Эль-Ариш – забытый Богом городишко, сонный, живущий как бы в прошлом веке. На берегу моря – пустые роскошные виллы, владельцы которых после Шестидневной войны бежали в Египет.

24.5.1977 Почему нас так интересует предатель, которому мы верили? Как будто сам факт доверия передал ему какую-то часть нас самих, и мы не можем быть равнодушными к судьбе этой части. Зря ли я доверял Липавскому? Я не могу припомнить ни одного эпизода, который возбудил бы мое подозрение. Сейчас я начинаю думать, что некоторые из них могли бы возбудить мое подозрение; но всегда остается вопрос, не искажено ли мое сегодняшнее восприятие этого эпизода моим сегодняшним знанием. Вот, например, эпизод, когда он рассказал мне о предательстве отца своей первой жены. Когда я высказал свое мнение о его поведении, он сказал: "Люди совсем потеряли совесть" (шла речь о том, что этот человек считал, что право на предательство ему дает угроза смертной казни).

Теперь я вспоминаю о том, что в это время Липавский на меня не смотрел.

25.5.1977 Ура! Заговорил телефон. Его гудок пока для меня – лучшая музыка. Теперь – научиться работать быстро.

Особое удовольствие – что жизнь движется, а не стоит на месте. Телефон – знак возвращения к прежнему статусу; если мы купим машину, – это будет резкое повышение статуса. Конечно, и сейчас у меня по всем показателям положение лучше, чем в Москве; 1) профессор; 2) отдельная квартира.

26.5.1977 Позвонил Миша Штиглиц [брат Наташи

Щаранской]), только что вернувшийся из-за границы. Рассказывал потрясающие вещи: несколько раз Вэнс встретился с Добрыниным специально по этому поводу; во Франции создана специальная организация социалистов в защиту Толи, которая ходила в советское посольство и угрожала советским последствиями, которые их ожидают в случае суда над Толей. В общем, их подлость дорого им обходится.

28.5.1977 Конечно, одним из моих слабых пунктов является то, что я очень медленно читаю. Поэтому так много времени отнимает подготовка к лекциям. Что делать? Неоконфуцианцы правильно говорили, что настоящий человек не должен жаловаться на свою судьбу: он должен принимать то, что выпадает на его долю, спокойно и с достоинством. То, что я для себя называю "здоровым фатализмом". К тому же, не мне жаловаться: мне выпала в жизни счастливая карта. Четыре с половиной года были не легкими, но не сравнить с тем, что происходит в Москве сейчас.

Сегодня Ланкастеры возили нас в древний Гивон (арабская деревня Джиб) и в Эммаус. Сколько здесь замечательных мест! В Эммаусе католический монастырь около остатков римской дороги и чудесный вид на окрестности. Гивон — заброшенная арабская деревня, где был этот древнейший город; изумительный огромный колодец, который мы приняли сначала за бывший бассейн, но который оказался открытым лестничным спуском (с продолжением в пещере) к подземному источнику.

1.6.1977 Можно подвести некоторые итоги. Что мне удалось и что не удалось? Можно сказать, что я просуществовал на *subsistence minimum*¹. Иначе говоря, на вопрос "Потяну ли?" можно дать ответ "Потянул".

¹ Здесь: на пределе (лат.).

Удалось создать курс, который заинтересовал студентов. Удалось узнать самому очень много нового, многому научиться и в сфере древнекитайской философии, и в отношении чтения лекций. Я всегда понимал, что это особое искусство, но только сейчас я начинаю чувствовать, что это такое. Кроме того, я умеренно продвинулся в иврите, что, вкупе с усилием летом, должно дать мне возможность начать с осени чтение лекций на иврите.

Конечно, курс, который я создал, далек от идеала. Он далек и от моего представления о настоящем творческом курсе в том смысле, что я был на данном этапе не в состоянии дать творческой интерпретации тех мыслителей, о которых я рассказывал.

Занимаясь неоконфуцианством, я понял простую вещь: для того, чтобы хорошо сказать немного, нужно прочитать и продумать очень много.

18.6.1977 Вчера, как раз в годовщину нашего освобождения, вернулся в Иерусалим из Лондона и Парижа. "Суд" над Орловым¹ был организован прекрасно.

В Париже видел Наташу Щаранскую, и она рассказала, что Картер выступил отдельно о Толе Щаранском. Я подумал, что ее ситуация является тем вмешательством Божиим, когда из несчастья близкого человека, в борьбе за него, вырастает новая личность, открываются неожиданные родники силы и решимости, при других обстоятельствах никогда бы не проявившиеся. Я помню, как я был поражен, когда сенатор Перси сказал, что Маруся [сестра Виталия] — замечательная женщина — я никогда ее такой не воспринимал. Потом, когда я узнал, как она писала сотни писем, ни разу не ходила в кино за четыре года, как она не ложилась спать до трех часов ночи (Лилит рассказала, что когда она была у

¹ Слушание дела Ю.Ф. Орлова, организованное адвокатом Дж. Мак-Дональдом:

них в гостях, она все время писала письма), я понял, что Перси сказал не зря. С Наташей происходит то же самое, но в еще больших масштабах. Разговаривая с ней и слушая ее выступление, я понял, что она захвачена этой своей новой ролью, что она чувствует (и совершенно справедливо), что выступает не только за себя, но и за весь Израиль. Из доброй и кроткой женщины вырос борец.

28.6.1977 Сейчас нужно подготовиться к завтрашнему выступлению [об истоках тоталитаризма]. Думаю построить все на сравнении с Макиавелли.

Надо избрать какой-то подход. Может быть подход с точки зрения истории идей (Конфуций—Мо-цзы—Шан Ян). Тогда нужно подчеркивать историю идей, связь с концепцией человека. Можно исходить из идеи науки. Тогда нужно подчеркивать ограниченность научных возможностей в человеческой сфере, бесперспективность попытки создать модель человеческого общества и человеческого поведения, измеряя человеческие чувства, как мешки с зерном. Этот подход кажется очень интересным. Он, может быть, заинтересует больше других, потому что он касается очень острой проблемы науки и нравственности.

Наконец, может быть подход с точки зрения мира и войны. По сути дела всякий тоталитаризм связан с войной. Он, с одной стороны, войной питается, с другой — войну порождает. Он переносит модель войны вовнутрь, концентрируя внимание на борьбе с внутренними врагами.

Пожалуй, самый интересный подход — с точки зрения науки. Тут получается интересная вещь — наука в основе не свободы, а деспотизма.

Теперь — конкретный план.

I. Актуальность проблемы. Для советского человека проблема тоталитаризма связана самым непосредственным образом с историей его жизни. Но и люди, сами не жившие при тоталитарном режиме, теперь не мо-

гут не понимать, что проблемы тоталитарного режима связаны теперь с судьбами человечества. Значение тоталитарной проблематики в СССР и в Китае не нуждается в пояснениях.

II. Современное определение тоталитаризма:

1. Официальная идеология, которой должен придерживаться каждый и которая сфокусирована на будущем совершенном состоянии человечества.

2. Одна партия, массовая партия, ведомая вождем.

3. Полная монополия партии и подчиненной ей бюрократии над всеми видами оружия.

4. Полная монополия над всеми средствами массовой коммуникации.

5. Физический и психологический террор.

III. Китай — классическая страна тоталитаризма. Я думаю отметить как основную черту именно китайского тоталитаризма вражду к культуре. Объясняется она прежде всего тем, что в Китае история сложилась так, что против тоталитаризма выступила школа, которая представляла культуру, в которой нравственные и культурные ценности соединились. Это — интересное дополнение к теории тоталитаризма. Тут можно будет начать с Макиавелли, потом отметить, что первые изобрели макиавеллизм китайцы. Черта сходства — претензия на научность.

Первое употребление слова "тоталитарный": Муссолини, речь от двадцать второго июня 1925. Нападая на остатки оппозиции в итальянском парламенте, Муссолини говорил о "нашей свирепой тоталитарной воле".

1.7.1977 Вчера были у Айрин Ибер¹, и весь вечер американцы ругали израильтян.

Я подумал, что, по-видимому, чтобы чувствовать себя здесь хорошо, нужно приехать из СССР. Именно в отношении русских евреев Израиль продолжает выпол-

¹ Коллега Виталия; профессор Иерусалимского ун-та.

нять ту роль *ingathering of exiles*¹, для которой он был замыслен с самого начала. Таким образом, судьба русских евреев представляет крайне важный узел современной истории, важный и для судьбы Израиля.

2.7.1977 Интересно, что тема самосохранения, являющаяся, естественно, одним из главных мотивов истории (как и жизни вообще) *conspicuously absent*² в жизни людей той группы, в которой мы вращались в России. Чем это объясняется? Это, несомненно, очень интересное явление – выход на арену светских [нерелигиозных] мучеников. Это отметил Schroeter в своей книге³. Он просто удивился, а если постараться найти историческое объяснение – это ответ на эпохальный страх. Оказывается, можно и устать бояться.

10.7.1977 Дочитал после четырехлетнего перерыва "Москва–Петушки" [В. Ерофеева]. Отсюда все это читается иначе. Помню, я читал это тогда с восторгом; сейчас тоже я вижу, что талантливо написано, но читаю отстраненно. Конечно, интересный феномен: обратное развитие – не писатель, ставший алкоголиком (что нормально в России), а алкоголик, ставший писателем. С одной стороны, хорошо, интересно (хотя сейчас я вижу много заимствований), с другой – противно. В деградации пьяницы есть и чисто физически отвратительная сторона, и он здесь себя не щадит.

16.7.1977 Итак, восемнадцатого июля лечу в Париж. На этот раз думаю пробыть там еще несколько дней и посмотреть город. Будет слишком нелепо, если два раза побывав в Париже, я так ничего и не увижу, кроме аэропорта.

¹ Здесь: убежище для изгнанников (англ.).

² Явно отсутствует (англ.).

³ L. Schroeter, *The last exodus, Jerusalem, 1974* – книга об истории борьбы советских евреев за репатриацию.

Сейчас думаю подготовить подробный ответ на обвинения Липавского. Это будет важным документом для того, что готовится в Париже¹.

21.7.1977 [Париж.]

Сегодня утром был в Лувре, который настолько переполнен туристами, что наслаждаться памятниками искусства, по существу, невозможно. Самое большое впечатление — от Самофракийской Ники. Она стоит на чем-то вроде каменного корабля, полная полета и вдохновения. Венера Милосская поразила своей неинтеллигентностью: простое лицо, которое даже и красивым-то, пожалуй, не назовешь. Джоконда особенного впечатления не произвела.

Еще до этого был в Нотр-Дам (внутри). Темное, огромное помещение, непонятно, как видели все эти шедевры, если и сейчас, при электрическом освещении, они наполовину не видны. Везде надписи: "Это не музей, а церковь, не мешайте верующим". По бокам, в приделах, нечто вроде офисов, собирающих средства на бедных, больных и т.д. На одном из них написано: "Священник такой-то — в вашем распоряжении".

После Лувра устал и пошел на угол поесть. Пока я сидел там, я заметил, что напротив, у самого Pont Neuve пристань туристских катеров. Поев, я отправился туда и за десять франков час провел на пароходике. Сколько же в Париже мостов! Казалось бы, и так вполне достаточно, а все строили новые и новые, считая, что стоит затрачивать средства и усилия для удобства людей.

Потом пошел в Conciergerie, где прослушал экскурсию по этой старой тюрьме. Экскурсовод — молодая

¹ 19 июля 1977 г. три французских адвоката, занимавшихся делом А. Шаранского, провели опрос четырех свидетелей по его делу: В. Файна, М. Азбеля, Д. Азбеля и В. Рубина. Этот материал они намеревались передать в советское посольство в Париже.

девица — весьма иронически рассказывала про Марию Антуанетту, впрочем, не проявляя никакой почтительности и по отношению к революции. Интересно, что на "Площади революции" стояла гильотина, а потом эта площадь была переименована в "Place de la Concorde" ["Площадь Согласия"]. В конце экскурсии девица вдруг сказала: "Я вам рассказала о людях, которые тут сидели, о тюрьме, о Марии Антуанетте и т.д.; но самое важное — что это замечательное здание, один из лучших памятников нашей французской архитектуры". Замечательный пример полнейшей бесчувственности — следствие полного отрыва от этой истории и появления совершенно других проблем. Это тоже проблема — проблемы. Здесь их огромное количество и на каждом шагу. "Решения, решения, решения!" А ведь право было советское руководство — в СССР нет проблем. У меня, во всяком случае, их давно уже не было — это Толя [Щаранский] хорошо выразил: как велосипедист на канате — ни остановиться, ни повернуть обратно уже невозможно (конечно, если не хотеть быть Липавским). В последние годы это уже была борьба не на жизнь, а на смерть, и я отлично понимал, что этому должен прийти конец. Я был готов ко всему, один раз и навсегда приняв решение. В этом смысле не было проблем. Была одна огромная проблема — что я не мог там жить, и ее решение фактически предопределяло поведение.

В конце дня отправился на Монмартр. Такого количества секс-шопов и порнографических кино еще нигде не видел (правда, зато этого нет в центре Парижа, в отличие от Нью-Йорка и Лондона). Решил ради интереса посмотреть порнофильм. Полноценная порнография, оставляющая все же осадок гадливости. В зале было совсем мало народа, да и те то и дело выходили. Представляю, что было бы, если бы в России объявили порнофильм.

Надписи на стенах: "Israel vaincra"; "Armenie libre";

"Espoir de l'homme – contrevolution catholique"¹. А в нашем районе, в Клиши, на стенах другие надписи: "Мао mort, vive le Maoism"²; много серпов и молотов. Зато на Монмартре видел надпись, в начале и в конце которой был нарисован Маген-Давид: "Fachistes et anti-semites – tremblez!"³

17.8.1977 Вчера смотрели картину Вуди Аллена (режиссер и артист) "Annie Hall". Новый жанр интеллектуального фильма: до сих пор они были занудные и тягучие (например, Антониони) или безнадежно тоскливые (например, Тарковский). Нужен был еврейский темперамент и живой ум, чтобы создать нечто подобное "Annie Hall".

20.8.1977 На днях узнали, что Левичу показали Толю [Щаранского]. Он был бледен и с кругами под глазами; очень хорошо одет. Зачем они это сделали? Очевидно, чтобы знали, что он жив.

С Толей они попали впросак. Попытка доказать, что он шпион, нелепа, и я думаю, что они этого обвинения не выдвинут. Если да, это будет слишком напоминать дело Дрейфуса. Это создаст идеальный казус для его защиты за рубежом, для широкой кампании и для того, чтобы требовать его обмена. Это будет чистой воды антисемитский процесс, от которых они отказались уже с середины 1971 года. Суд над Толей будет судом над еврейским движением, то есть чем-то напоминающим Ленинградский процесс. Ответом на Ленинградский процесс был взрыв еврейского движения и начало эмиграции как массового движения. Очень многое будет зависеть, конечно, от ответа евреев на этот процесс.

¹ "Израиль победит"; "Свободу Армении"; "Надежда человечества – католическая контрреволюция" (франц.).

² Мао умер, да здравствует маоизм! (франц.).

³ Фашисты и антисемиты – трепещите! (франц.).

Каков он будет? Не слишком ли утомлены старые лидеры, чтобы возглавить что-то серьезное, и где молодые лидеры? Есть ли кто-нибудь, хотя бы отдаленно приближающийся к масштабу Толи?

Ответы на эти вопросы звучат неутешительно. Остается надеяться на какую-то неожиданность, на появление новых лидеров, молодых и бесстрашных. Некоторые события уже после нашего отъезда показали, что наши способны действовать и сейчас достаточно решительно (вся история в октябре, еврейская культура¹). Во всяком случае ясно, что никакого положительного капитала для себя из процесса Толи Советы не извлекут. Прошло то время, когда таким путем можно было осуществить тотальное запугивание.

27.8.1977 Интересно было бы написать статью: легизм и фашизм. Интересный пункт общности: обращение к иррационализму фашизма и легизма. Очень занятно было бы проследить, почему. Несомненно и очень многозначительно совпадение двух политических философий, создавшихся в разных концах света и отделенных друг от друга расстоянием более, чем в две тысячи лет. Надо обязательно подчеркнуть, что нельзя рассматривать эту теорию [легизм] отдельно от практики. По сути дела это теория даже не руководящая практикой, а оправдывающая эту практику. Как правило, пафос этой теории — пафос власти, и driving force² — стремление покончить с неэффективностью. Стремление вывести страну из кризиса. Особенно надо остановиться на интересном феномене принятия легизма [китайскими] коммунистами.

¹ Имеются в виду демонстрации протеста отказников в октябре 1976 г. (подробнее см. книгу: "Анатолий Щаранский", сост. Ф. Розинер, Иерусалим, 1985) и семинар по еврейской культуре ("Еврейский самиздат", т. 15, Иерусалим, 1978).

² Движущая сила (англ.).

29.8.1977 Вчера, всю вторую половину дня встречали Марусю в аэропорту. Нашли место наверху, где видно, как садятся самолеты, так что три часа ожидания прошли сравнительно незаметно. Потом стояли в веселой и возбужденной толпе встречающих, отгороженной барьером от прибывающих, — явление чисто израильское, нигде больше, очевидно, не существующее.

30.8.1977 Кто знает, в конце концов, стоит ли это таких гигантских усилий — выучить язык и читать на нем. Усилия, напрочь исключают всякую надежду на творческую работу в течение, по крайней мере, еще года. Конечно, если бы я был где-либо в США, то наверняка нашел бы уже время для того, чтобы писать. Но жизнь здесь больше соответствует моему представлению о достоинстве.

31.8.1977 И вот такой день, как сегодня, примиряющий со многим и внушающий надежду. Был на лекции по философии и все понял!

5.9.1977 От меня хотят statement¹ по поводу Толи.

Значение дела Щаранского двояко. С одной стороны, идет речь о расправе над одним из самых благородных и самоотверженных борцов за право евреев на то, чтобы вернуться в свою страну. Выступая за Щаранского, мы боремся за право евреев на возвращение в свою страну.

С другой стороны, сведения, доходящие из Москвы, показывают, что суд, готовящийся над Щаранским, будет фактически судом над еврейским движением. Это беспрецедентное в Советском Союзе движение добилось освобождения от нового египетского рабства более ста тридцати тысяч евреев; все попытки советских властей прекратить еврейскую эмиграцию окончились

¹ Заявление (англ.).

провалом. Особенно существенной победой еврейского движения был прорыв той полной изоляции от мирового еврейства, в которую было поставлено советское еврейство в течение последних десятилетий. Блестящей демонстрацией была позиция американского конгресса, принявшего поправку Джексона.

Заслуга установления непосредственных связей с мировым еврейством и с общественным мнением свободного мира принадлежит еврейским активистам, отбросившим годами культивировавшийся страх перед встречами с иностранными корреспондентами, перед общением с иностранцами. Игнорируя непрерывные угрозы со стороны КГБ, идя на опасность преследований за "тунеядство", идя на ежедневную опасность ареста и отлично зная об этой опасности, еврейские активисты добились того, что еврейское движение получило свое лицо и свой голос и стало весомым фактором международных отношений. Лучший пример — встреча летом 1975 года американских сенаторов с евреями еще до того, как они увиделись с советскими представителями.

Советские власти в настоящее время пытаются повернуть колесо истории вспять и задавить еврейское движение. По тем сведениям, которые доходят из СССР, ясно, что Щаранскому предъявляются обвинения, относящиеся ко всему еврейскому движению в целом, вплоть до того, что его пытаются обвинить в организации поправки Джексона. Таким образом, суд над Щаранским — суд над всеми участниками движения за освобождение советских евреев и внутри СССР, и вне его. Подобно тому, как еврейское движение началось с Ленинградского процесса, оно может кончиться московским процессом Щаранского. В настоящий момент борьба советского еврейства — самое важное, что происходит в истории нашего народа за пределами Израиля.

7.9.1977 Пожалуй, сейчас интересно выделить следующую мысль: многие интерпретаторы китайской

мысли отрицают наличие в ней проблематики личности. Китайская философия понимается как некий феномен коллективности, что связывается подчас с некоторыми особенностями китайского языка. Однако не может быть высокой культуры без концепции человека, причем не человека как безличного коллектива, а человеческой личности. Интуиция человеческой личности свойственна китайской философии не в меньшей мере, чем философиям других культур.

21.9.1977 Итак, переписал текст, подготовленный для лекции [на иврите], записал его на магнитофоне. Оказалось семь минут!

Дальше — следующее: тезис о связи китайской философии с моралью и с политикой. Отсюда роль китайской философии может быть скорее сравнима с ролью идеологии, религии, не с ролью науки. Таким образом, не только существенна роль китайской философии, но она играет центральную роль для понимания китайской истории вообще. Не только место философии другое, но и все общество, и вся история Китая другие.

Мы можем говорить о том, что философия в Китае играла роль религии в Европе. При этом складывается очень интересная ситуация. Философия в Китае неотделима от политической мысли. Каждая философская школа одновременно является и школой политической мысли.

Эта позиция китайской философии может быть сравнена со знаменитой идеей Платона о царях-философах. Но если эта идея Платона осталась изолированной идеей в истории европейской философии, то в Китае дело обстояло иначе. В силу огромного влияния, которое оказало конфуцианство, в Китае намного раньше, чем в Европе и Америке, сложилась меритократия [власть "достоинных"].

22.9.1977 Сегодня — Иом-Киппур. Вчера были у Стены Плача, где собрались тысячи людей. У барьера стояли три католические монахини с молитвенниками,

а среди евреев прогуливался пожилой францисканец.

23.9.1977 Вчера были снова у Котеля. Были тысячи народа, настроение веселое (у тех, кто был на площади). Мы сидели на склоне справа, на камнях, и смотрели на толпу, на молящихся у Стены. Часов в шесть вечера на площадь вошла колонна ребят из иешивы; они шли по шесть в ряд, положив руки на плечи друг друга, с пением какого-то псалма, слегка приплясывая. Это было зрелище! Все они были в белом. Колонной они вошли в огороженное пространство и стали молиться тогда, когда уже зазвучали шофары¹. А сверху, со стен, празднество охранялось солдатами, часть которых тоже молилась. Поразительная страна.

24.9.1977 Конечно, работа по полному переводу всей лекции – огромная, но надо ее сделать, чтобы чувствовать себя уверенно.

Интересное наблюдение: начало великой культуры типично для ее дальнейшего развития. Так, первые древнегреческие философы задавали вопрос, что лежит в основе всех вещей. Фалес утверждал, что вода, Анаксимен – воздух, Гераклит – огонь. Они отвечали на вопрос: "Что это?" Этот вопрос остался в той или иной мере характерным для всей западной философии. В китайской мысли главный вопрос был: "Что мне следует делать?". Один из современных китайских мыслителей довольно остроумно заметил, что, может быть, имеет смысл говорить о порядке вопросов. В самом деле, мы не можем говорить об абсолютном отсутствии другого момента; разумеется, в китайской философии тоже присутствует теоретический импульс, а в европейской – практический. Но их значение различно.

¹ Ритуальный рог, в который трубят во время утренней молитвы на Рош-ха-Шана (первый день еврейского Нового года), а также после молитвы на исходе Иом-Кипур (Судного дня).

28.9.1977 Познай самого себя: я как-то продумал свой путь за последние годы, и что увидел?

Увидел свою силу и свою слабость. Слабость в том, что у меня мало сил, я чувствую это, и все усилия направляю на то, чтобы сделать хорошо то, что я сделать в силах (знаменитая дилемма: делать хорошо то, что можешь, или делать как-нибудь, но как можно больше).

Есть классическая формула Ландау: делают то, что нужно, как могут. Делают то, что могут, как нужно. Поэтому я не выдвигал новых идей и новых инициатив: они требовали бы слишком много сил для осуществления, сил, которых, как я знал, у меня нет. Поэтому же я вообще относился ко всяким идеям и инициативам с изрядной долей скепсиса, исходя из того, что идея стоит не так много: вопрос в том, чтобы эту идею осуществить.

Теперь, как объяснить удивительный факт моего "продвижения"? Я стал одним из лидеров, главным образом, в силу своего морального авторитета. Именно в этом признают мой "формат" те, кто со мною сталкивается. А теперь мне нужно утвердить себя в плане профессиональном. Конечно, это мое обаяние и моральный авторитет играют большую роль и сейчас, но, с другой стороны, мужество, смелость и честность имели решающее значение тогда, и они не в такой мере нужны для карьеры профессора. Тут как раз моя незначительная трудоспособность — серьезнейшее препятствие, с которым мне предстоит справиться. И теперь очень важно почувствовать, что что-то удастся, что что-то движется (я часто вспоминаю свой московский кошмар: меня держат до шестидесяти лет и выпускают развалиной, человеком никому не нужным и ни на что не способным; я понимаю, что жизнь не удалась, окончилась крушением, и доживаю в убожестве).

29.9.1977 Утром сообщили об аресте Володи Слепака; потом выяснилось, что его задержали вместе с

еще пятью при посадке на самолет в Киев. Думаю, что сегодня его выпустят. Как живо вспомнился советский кошмар!

11.10.1977 Получается интересная картина: по утверждению всех комментаторов, в китайской мысли имеется идея о глубокой связи, гармонии человека и космоса. Однако невыделенность человека из космоса, из природы была характерна для мифопоэтического периода. Китайская цивилизация не была бы великой цивилизацией, если бы все дело этим ограничивалось. Вывел китайскую культуру на новый путь Конфуций, сосредоточившийся на человеке.

В этом-то, по-видимому, и есть причина того, что не удастся создать современную китайскую философию: в изначальном утверждении гармонии в дисгармонический век. Надо сказать, что и в Китае *experience*¹ не менее трагический, чем в России, но нет интеллектуального подхода к нему.

21.10.1977 Сегодня видел Голду [Меир], выступавшую на встрече с английскими сионистами. Выступает она необыкновенно просто и умно, как-то по-матерински. Ее тема была – необходимость ехать в Израиль по эгоистическим соображениям, исходя из интересов детей.

23.10.1977 Вчера вечером была Шири². Пришла в восемь тридцать, я был усталый и говорил ужасно. После этого я пришел в ужас: осталась всего неделя, а ничего не готово. Опасность в том, что все силы будут уходить на иврит и я не сумею подготовиться как следует к семинару. Подготовка к нему должна быть совершенно конкретной.

¹ Здесь: исторический опыт (англ.).

² Шири Левин – студентка Виталия, которая занималась с ним ивритом, помогая готовить лекции.

Выделить, пожалуй, следующую мысль: китайская модель космоса прямо противоположна еврейской. Отсутствие мифа о творении и модель организма сыграли огромную роль во всем остальном китайском мировоззрении. Мне кажется хорошей интерпретацией то, что, вообще говоря, в Китае имелся органический взгляд на мир, но этот взгляд никогда не дал бы возникнуть китайской культуре, потому что никакая культура не может быть без образа человека. Поэтому можно сказать, что те теории, которые ставят во главу угла вселенскую гармонию, лишают Китай морального пафоса. Между тем, этот пафос составлял существенную часть китайской интеллектуальной истории.

26.10.1977 Вчера было очень хорошее выступление Синявского¹. Синявский держался очень просто и благородно, на вопросы, подчас глупые, отвечал спокойно и с достоинством. Очень хорошо сформулировал свои впечатления об Израиле: что он был ошеломлен Израилем, что здесь современная жизнь не менее интересна, чем древность (чего в большинстве стран не бывает), что он видит здесь необыкновенно глубокие процессы обретения вновь своего наследия, столь важного для этого народа.

27.10.1977 Вчера вечером смотрели по телевидению удивительную картину Бергмана "Седьмая печать". Хоть и не понимали слов, впечатление потрясающее.

В общем, при всем моем беспокойстве у меня где-то внутри уверенность, что я справлюсь.

¹ А. Синявский (род. 1925) – писатель, литературовед, публицист. С 1955 г. публиковал свои произведения на Западе под псевдонимом Абрам Терц. В 1966 г. был осужден на семь лет лагерей. С 1973 г. живет во Франции.

31.10.1977 Сегодня прочитал первую лекцию [на иврите]. Было шесть девочек, две ушли во время лекции и, наверно, больше не придут. Запинался я не так чтобы очень много, но все же. И чувствовал большую неуверенность, когда отрывался от текста. Материала не хватило минут на пятнадцать. Очевидно, уйдут еще две девочки из школы социальных работников. Одна из них писала, потом стала рисовать картинки. Когда они пришли, они с самого начала были недовольны тем, что увидели написанные на доске иероглифы.

В конце концов китайский, как выяснилось, знает только одна Люсьен Фишер, которая спросила меня, не смогу ли я читать на английском, поскольку ее иврит еще слишком плох; она, как будто, немного больше года в стране. В общем же, кажется, мне на лекциях со студентками не повезло. Посмотрим.

Неприятный момент был, когда я стал давать тексты в английском переводе, и одна девушка (наименее интеллигентного вида) предложила мне дать перевод всех этих текстов на иврит. Я сказал, что не думаю, что это необходимо, потому что студенты должны знать английский. Потом она ушла.

Теперь вопрос: что делать, если останется одна Люсьен и попросит меня читать по-английски? Если такая ситуация возникнет, посоветуюсь с Цви [Шифриным]. Вообще же идти на это не надо, потому что читать на иврите для меня очень важно. Нужно продолжать любой ценой.

2.11.1977 Начал читать "The White Nights" [М. Бегина]¹. Очень хорошо.

Прошел первый семинар. Пришло двадцать четыре студента! Это потрясающе.

3.11.1977 Конечно, вчерашний успех очень нужен

¹ Русский перевод: М. Бегин, В белые ночи, Тель-Авив, 1978.

был мне после понедельника. Тем не менее, как говорил Конфуций, трудное впереди. Надо браться за перевод на иврит лекции.

7.11.1977 Сегодня чудесная погода, и после утра, когда я торопился в последний раз подготовить лекцию на иврите, еще раз прочитать ее, – сейчас чувство, что мне принадлежит все время в мире. И в этот раз что-то, Чье-то вмешательство спасло меня. Я видел, что не справлюсь и с лекциями, и с семинаром на иврите, но не видел, что я могу сделать. Я почему-то был уверен, что как-то сумею справиться с трудностями (хотя по временам и было чувство надвигающейся катастрофы). Утром произошло следующее: как и можно было ожидать, у меня осталось две студентки: Люсьен и Шани. Люсьен попросила меня читать на английском, потому что, как она сказала, прошлую лекцию она не поняла из-за своего плохого иврита. Я спросил Шани, и когда она сказала, что она не против, я начал читать по-английски. Теперь это тяжелое бремя с меня снято. Получилось в самом деле идеально: я выразил готовность, таким образом показав, что могу это сделать, но мне предложили (независимо от моего желания), вести занятия на английском. Звонил Цви [Шифрин], и он сказал, что идти навстречу пожеланиям студентов – вещь совершенно нормальная, и я могу спокойно говорить об этом всем и каждому.

Таким образом у меня освобождается много времени и надо распорядиться им с толком. По существу, я могу сейчас читать с очень небольшой подготовкой – английский кажется уже почти родным языком (бывает, конечно, что не нахожу слова, но это относится, обычно, к пустякам).

10.11.1977 Вчера очень приятно было на семинаре. Пришло опять около двадцати человек, причем двое новых. Слушали очень хорошо.

Получил вчера замечательную рецензию Ван Гун-у на свою книжку. Он первый из западных ученых выража-

ет благодарность моим преследователям за то, что получил возможность прочитать эту книгу.

11.11.1977 Начал читать поразительную книгу R. Moody "Life after life" [Bantam books, 1975]. Получается, что то, о чем говорят христиане и другие великие религии, — жизнь после смерти — существует! Поразительное совпадение многих показаний и некоторые потрясающие детали — умирающий видит сверху свое тело, над которым работают врачи. Для меня самое радостное — что я встречу папу.

Книга Moody меняет подход к жизни, меняя подход к смерти. Она объясняет многое такое, что раньше вообще нельзя было понять, в частности, явления "странствия" шаманов. Это поразительный пример того, как успехи современной техники способны приблизить нас к решению фундаментальных вопросов жизни, бытия. Та смутная вера, которая была у меня и раньше, укрепилась. К жизни надо подходить как к труду, как к заданию. Основной вопрос, который задает "свет": "Что ты сделал со своей жизнью?". Интересно, что часто думая о том, что мы приехали сюда слишком поздно, я говорил себе: "Мы тоже не зря прожили свою жизнь и сделали из нее то, что могли".

Читаю Мэнро¹. Он подчеркивает, что в современном Китае много конфуцианского. При этом он ссылается на всю проблематику воспитания, подчеркивая, что у коммунистов воспитание играет столь же существенную роль как в традиционном Китае. Однако тут он делает существенную ошибку, типичную для западного непонимания тоталитарной реальности. Моделью, раскрывающей смысл этого "перевоспитания", является "перевоспитание" в лагере, подобное тому, которое описывает Паскалини. Это воспитание путем оболванивания. Конечно, остается вопрос о мере цинизма —

¹ D.J. Munro, The concept of man in early China, Stanford University Press, 1969.

при полном цинизме никакое воспитание невозможно — возможно лишь насилие. Однако для меня совершенно ясно, что во всем подходе к человеку превалирует легистская "борьба" ("винтовка"), а не воспитание.

14.11.1977 Из-за таких дней, как сегодня, мою работу можно считать одной из самых приятных и приносящих самое большое удовлетворение. Сегодня пришла новая девочка, Рахель Шварц, оказавшаяся очень умненькой и активной, и у меня сложился с ними прекрасный контакт.

28.11.1977 Погода какая-то такая, что сладко и грустно, как начало сентября в России.

Сегодня лекция (о Шан Яне) прошла хорошо, но снова осталось много времени. Когда я уже фактически закончил изложение и посмотрел на часы, было 9.00. Мне стало слегка плохо. Когда я закончил ответ на какой-то из вопросов, было 9.15 — еще целых полчаса оставалось. Следующую лекцию надо будет готовить на иврите.

13.12.1977 Вчера были на заседании в поддержку советских евреев в Кнесете. Сначала были на балконе и слушали выступления Геулы Коэн¹ и Бегина. Когда вылез Вильнер², балкон стал бушевать: крики, шум; потом стали скандировать "фашист". В конце концов на балкон явились несколько полицейских, которые пытались утихомирить публику и даже вывели кого-то с балкона, впрочем, безуспешно. В ответ на слова кого-то из публики: "Он лжет!", полицейский ответил: "У него есть право лгать".

Потом в вестибюле с фресками Шагала было устроенно отдельное заседание с членами правительства и депу-

¹ Депутат Кнесета от партии "Тхийя" ("Возрождение").

² Меир Вильнер — секретарь компартии Израиля.

татами Кнесета, где выступал проф. Харман и Сильва Залмансон, очень хорошо сказавшая, что самолет, который хотели похитить Кузнецов и его друзья, в конце концов вывез из СССР сто тридцать тысяч человек.

19.12.1977 Наконец, прочитал свою настоящую первую лекцию [на иврите]. Я ее не читал, а говорил, и мне, конечно, очень помогали отзывчивость и восприимчивость Шани и Рахель. В результате сегодня (первый раз за все время) конец лекции подошел совсем неожиданно.

24.12.1977 Сегодня ночью думал о том, что по существу книга R. Moody ["Life after life"] производит переворот и в мышлении, и в истории. Поразительная работа осталась незамеченной, что невозможно понять, если не учесть, что сказанное там находится в явном противоречии с предрассудком, который рассматривается как непреложная истина девяносто восьмью процентами всех интеллигентов: что со смертью все кончается.

Теперь ясно, что не кончается. С совершенно неожиданной стороны, которой никто не уделял в плане философском особого внимания — работы по реанимации — пришло решение кардинальнейшего вопроса человеческой жизни. Все изменилось после того, как стали возвращаться из "безвестного края". Таким образом, как это ни странно, оказался неверным взгляд, которого придерживались все мы, свободомыслящие: что успехи науки не имеют отношения к вере, что эти две сферы человеческого духа существуют независимо друг от друга.

Конечно, было много указаний и прежде: так, вспоминаю разговор во время поездки в Орел с молодой женщиной — специалисткой по мозгу. Она сказала, что понять в этом что-нибудь можно, только если верить в Бога.

Какое наслаждение доставляет мысль, что там я увижу папу.

26.12.1977 Вчера получили телеграмму, что у Ирочки Грибановой родилась дочь. Слава Богу! Должны же быть дети у хороших людей в этой несчастной стране.

Сегодня Бегин летит в Исфахию. Как-то не верится, чтобы они пришли к соглашению – как будто для этого нет почвы. Если Египет не откажется от идеи палестинского государства, ничего не выйдет, потому что наши на такое государство не согласятся.

Сегодня встретил И.А. и провел с ним середину дня. Он – прекрасный парень, один из самых умных и славных молодых израильтян, которых я встречал. Замечательно говорил о том, что он не хочет управлять арабами, и не из-за них, а из-за себя. О Даяне он сказал, что он воплощает худшие черты израильтян: arrogance¹, бесцеремонность, беспринципность.

8.1.1978 Начал читать прекрасную книгу Ду Веймина² Centrality and Communalism [Honolulu, 1976]. Необычайно тонкий и новый анализ. По цитированной литературе я вижу, что за последние годы на Тайване издано много книг и статей по проблемам конфуцианства, о которых я не имею представления. Вряд ли мне удастся это восполнить в течение ближайшего года – тут надо гораздо больше. Сейчас передо мной все еще гигантская проблема иврита.

9.1.1978 Никак не могу сосредоточиться и кончить переработку статьи [”Древнекитайская космология и теория фацзя”]. А между тем остается совсем мало времени. Читаю Гране³. С одной стороны, блестяще,

¹ Высокомерие (англ.).

² Tu Wei-ming – современный американский китаист.

³ M. Granet (1884–1940) – выдающийся французский китаист.

умно, тонко, аналитично, написано с огромной эрудицией. С другой – утомительно, тоскливо, чуждо, так, как будто идет речь о комарах или муравьях. Нет “единого на потребу”. Какая разница с прекрасной книгой Ду Вей-мина, написанной так, как пишу я: с позиций человека, для которого древние источники – не объекты любопытствующего изучения, а то, что касается его самым непосредственным образом, то, что в той или иной мере формирует его душу. Так пишет и Тан Цзюнь-и¹, для которого это – живая традиция. Наверно, не случайно мою книжку лучше всех понял именно китаец Ван Гун-у.

Очевидно, именно потому, что это мне так чуждо, так медленно все и движется.

11.1.1978 За время чтения мне пришла в голову возможность поставить вопрос о взаимоотношении свободы и равенства. Тут можно будет сказать о том, что равенство как уравнение всех приводит к низведению всех на низкий уровень, что возможно только при применении насилия. Это делается в Китае. Идеалом равенства, несомненно, вдохновлены наши киббуцы, причем, как я понимаю, многие их теоретики отстаивают также сочетание физического и умственного труда. Помню, как один из киббуцников восхищался китайскими коммунистами.

12.1.1978 Проснулся в ужасном настроении, с чувством какой-то утраты и безнадежности. Потом, когда стало светлее, когда все осветилось этим волшебным иерусалимским светом, это отошло. Проблемы, которые меня угнетали, уже не казались мне такими неразрешимыми. В конце концов, ты уже давно знаешь, что твое слабое место – медленное чтение, что ограничивает тебя вширь. И ты уже давно извлек из этого следствие – работа вглубь.

¹ Современный американский китаист.

Продолжение конспекта статьи Тан Цзюнь-и¹. Тан доказывает, что, не требуя взаимности, мы становимся богоподобны, потому что мы даем то, что можно сравнить с "the grace of deity"². Конечно, он прав, хотя то, как я формулирую это, звучит иначе: я думаю, что правильное отношение к человеку — отношение с точки зрения идеала. *Sub speciae idealis*. Я думаю, что это более правильно и более конфуцианская формулировка, потому что она предполагает движение к идеалу и воспитание, ориентирующееся на это. Тогда *gessompense*³ именно в том, что ты видишь (или надеешься увидеть) плоды своих усилий и жертв. То, как трактует этот вопрос Тан, по существу, приближение к христианству, а не к конфуцианству, и недаром он цитирует здесь христианское "grace". Точно так же существенно и то, что отношение с точки зрения идеала включает надежду. Расизм плох не тем, что он неверен — он верен (как констатация современного положения дел), а тем, что он означает безнадежность.

13.1.1978 Уже второй день читаю днем "Маарив"⁴ и в результате почти ничего больше не успеваю. Появляется чувство пустоты. Конечно, чтение газеты с точки зрения языка важно, но в то же время требует совершенно неадекватных усилий.

15.1.1978 Вчера читал Тан Цзюнь-и и Ду Вей-мина, и я думаю, что в самой исследовательской манере китайских конфуцианцев (а оба, несомненно, таковы) есть черта, которая их отличает — это не просто исследова-

¹ T'ang Chun-i, The development of ideas of spiritual values in Chinese philosophy, in: "The Chinese mind", ed. Ch. A. Moore, Honolulu, 1967.

² Милость Божья (англ.).

³ Вознаграждение (англ.).

⁴ Ежедневная вечерняя газета.

ние, это присоединение к моральному подходу с собственным, ясно выраженным взглядом, большей частью комментирующим источник с определенной, также моральной, точки зрения. То, как пишет Тан, — каждая проблема превращается в моральную проблему. Так как моя книга тоже написана в этом ключе, она должна импонировать китайцам.

Я же тут, конечно, не столько учу, сколько учусь. Учусь ивриту (в чем успехи есть, но далеко не достаточные), учусь читать лекции (в чем по-английски я, действительно, продвинулся — теперь не требует особой подготовки прочтение двухчасовой лекции, что сначала, год назад, было, конечно, проблемой); учусь вести семинар (что сейчас входит в решающую фазу). Конечно, учусь и китайской философии, но главным образом, учусь учить. При этом, учитывая положение *Chinese studies*¹ здесь, мое отношение к своему предмету как к расширению кругозора, к приобщению к новой сфере человеческого опыта — вполне оправдано. Мне было очень интересно узнать, что у Цви [Шифрина] такое же отношение — он сказал, что считает усилия оправданными, если в семинаре есть хотя бы один интересующийся студент.

17.1.1978 Вчера, когда я рассказывал о "Чжуан-цзы", прочитал отрывок о том, что звери в страхе бегут от тех, кого люди считают красивыми женщинами. Рахель весело засмеялась. Мне тоже стало смешно. Это было очень хорошо.

19.1.1978 Каждый раз на семинаре у меня чувство, что я сдам экзамен, и поэтому после — так приятно.

В общем, опыт показывает, что то, что волновало меня в СССР, сохраняет значение и тут. Это общечеловеческие проблемы, и они находят отклик и здесь. Ис-

¹ Китаеведение (англ.).

пытываю удовлетворение, когда думаю, что что-то обязательно должно остаться у них от моих уроков. Это — в традиции китайских работ по философии.

23.1.1978 Последнее время, когда я жду своих студентов (а иногда они опаздывают), я думаю: "А что, если они не придут вообще?" С одной стороны, легче, с другой — обидно. Я бы сразу подумал, что они не выдерживают моего иврита. Но, слава Богу, это было только раз, в прошлом году, и то сразу после окончания какой-то забастовки, и, по-видимому, они не знали, кончилась ли она.

Каждая лекция — что-то вроде чуда: как будто не могу говорить, все слова забыл, а надо говорить полтора часа! Очень мне помогает Шани и тем, что откликается и задает вопросы, и тем, что подсказывает слова на иврите. Вообще педагогическая работа доставляет огромное удовлетворение. Пожалуй, даже большее, чем писание статей. Я думаю, что это самая благодарная работа, наряду с врачебной. После удачно проведенного занятия — очень приятное чувство. Кажется, мне принадлежит все время на земле. И надо покончить с этим мандражом: выясняется, что в нужную минуту у меня находятся и мысли, и слова.

Незаметно идет прогресс и в освоении языка. Чувствуется это, главным образом, по тому, что мысль о лекции на иврите уже не так пугает, хотя готовиться приходится еще очень много.

15.2.1978 Читаю прекрасную книгу J. Epstein, Judaism [Penguin Books, 1974]. Как всегда, когда слышу или читаю о традициях еврейства, передо мной встает лицо папы.

Очень интересно о талмудическом иудаизме. Конечно, он и воспитывал этих кротких и сердобольных людей (ненависть и недоброжелательность изгонялись из душевной жизни), которые отвечали добром на зло. В Танахе такого нет, и поэтому возвращение к Святой земле должно было быть возвращением к психологии

Танаха; по крайней мере, такой тенденцией. С одной кротостью, незлобивостью, готовностью отвечать на зло добром государство построить нельзя.

25.2.1978 Были сегодня у Валерия Крижака в Гивоне¹. Гивон производит достаточно унылое впечатление. При въезде он сделан как военный лагерь, но с одной стороны все открыто и в лагерь можно беспрепятственно пройти. Валерий был со своими друзьями, сохранившимися у него с московских времен – Арье Коганом, Беней Дебориным, Пальханом и их женами. Никого из них, за исключением Валерия, я сначала не узнал – настолько стали другие, счастливые лица. Когана я помню как напряженного, как бы сжавшегося в комок человека; сейчас удовлетворенная улыбка играет на его лице.

2.3.1978 Смотрели потрясающий фильм "Убийство" о начале Первой мировой войны. Подумать, что если бы не [Гаврило] Принцип, молодой идеалист, не подчинившийся указанию отменить акцию, история мира повернулась бы иначе.

Почему папа и мама не поняли, что из России нужно бежать? С одной стороны, потому, что папа не был политическим человеком, его жизнь шла в другой сфере. С другой стороны, он не был богат, скорее наоборот, и ему нечего было спасать и некого бояться (так чувствовал он). К тому же, мама любила Россию (такой, какой она была тогда). И главное, не было опыта. Они выросли и воспитывались в обстановке, не дававшей никакого представления о грядущем людоедстве.

5.3.1978 Вчера были у Рафи И.; очень интересно говорили об арабах и бедуинах. Рафи выдвинул очень разумный план: предложить арабам выбор: служить в

¹ Новое поселение недалеко от Иерусалима.

израильской армии или перейти в ряд людей, живущих в Израиле, но не пользующихся правами граждан. Арабов больше не принимать в университеты и т.д. Тогда почти наверняка арабская молодежь, поняв, что здесь им ничего не светит, начнет эмигрировать. Кроме того (и это самое важное), лишить арабов права выбирать в Кнесет.

7.3.1978 Великая новость — Дина Бейлина получила разрешение!!! После семи лет. Наконец-то.

Одновременно Госдепартамент объявил, что Липавский был агентом Си-Ай-Эй. Какой смысл в подобном объявлении? И еще накануне процесса Толи.

11.3.1978 Вчера вечером были у Т-х. Э. очень интересно говорил о том, что огромная проблема найти хороших молодых научных сотрудников, потому что после армии молодые люди уже совсем не так подходят для научной работы, у них уже не те головы. Одна из сфер, в которых так губительно для нашей страны состояние войны; чем больше знакомишься с жизнью, тем больше это узнаешь. Картина Израиля, встававшая в Москве, неадекватна. Ее можно представить так: "Израиль развивается, живет полной жизнью и легко несет бремя обороны". Несет, конечно, несет, но изнемогая.

Э. очень хорошо говорил об атмосфере всеобщего безделья у них. Как в советском институте.

12.3.1978 Вчера вечером — сообщение о террористическом нападении. Конечно, это успех террористов. Самое печальное — что ненависть возбудить легко, а потушить трудно.

23.3.1978 Вчерашнее должно быть мне уроком: когда я рассказываю о советском опыте, я на твердой почве, с которой никто не может меня сбить. Но когда я начинаю высказывать свои взгляды на израильскую политическую жизнь, Ирит сбила меня, зная в этом отно-

шении больше, чем я. Конечно, она тоже говорила много глупостей, но я не был на достаточной высоте. К тому же, введение элемента прямой политической дискуссии действует на группу деструктивно. Конечно, это подчас возникает неожиданно и произвольно, но это не должно исходить от меня.

Но то, что сказала Ирит о демократии, правильно. Пусть каждый говорит, если же тебе это не нравится, то можешь не слушать и игнорировать. Это, пожалуй, лучшее средство, чтобы сохранить спокойствие и способность работать. Не предаваться политическим страстям, сохранять спокойствие и незамутненность духа.

31.3.1978 Вчера вернулись из замечательного путешествия в Синай. До сих пор во всем теле чувствую усталость от восхождения на [вершину] Хар-Моше. Это было в ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое марта. Вышли в начале первого ночи, и восход солнца, поднимавшегося из-за каких-то незаметных до того гор, я встретил под ледяным ветром, на каменных ступенях уже недалеко от вершины. В какие-то моменты на этом пути мне уже казалось, что я не дойду, что не хватит сил; даже мелькнула мысль, что хотелось бы увидеть восход солнца еще раз.

Второе сильное впечатление — аквариум в Эйлате. Богатство и разнообразие подводной жизни, яркость красок, неожиданность форм — чудо другого мира, рядом с нами живущего, но нам не известного и даже непредставляемого, — вот что я вынес из этого посещения. Можно часами наблюдать эту жизнь, забыв про все остальное. И это наблюдение, как это ни странно, как-то объединяет людей. Как тут не вспомнить "волю" и "представление" Шопенгауэра.

И масса впечатлений от контактов с людьми. Не-

¹ Горная вершина в Синайской пустыне, на которой, по преданию, Моисей получил Скрижали Завета.

сколько прекрасных, благородных семей из йеке¹, молитва под горой Моше, к которой потом присоединились шумные ребята из нешивы.

1.4.1978 Хочется записать один эпизод, пока не забыл. Он кажется интересным. В путешествии мадрих² Амикам предложил меняться местами, чтобы те, кто [сидит] сзади, не чувствовали себя обездоленными. Предложение заключалось в том, чтобы каждый день все передвигались на два ряда вперед; так каждая пара за время путешествия должна была пройти полный круг. Мне понравилось это предложение своим разумным характером. Я вспомнил вечные злобные споры и недовольство во время путешествия по Средней Азии. Там проблема была разрешена не путем реформы, а путем "революции": в середине поездки была проведена жеребьевка, и каждый пересел на место, которое он вытянул по жребию.

На следующий день утром Амикам предложил начать осуществление этого плана. Мы с Иной поднялись с места, поднялась еще одна пожилая пара. Остальные молча сидели на своих местах. Стервозная израильянка – жена русского еврея – предъявила Амикаму какую-то бумажку: выяснилось, что это – программа путешествия, где о таком обмене не было сказано. Девушки из Туниса, сидевшие в первом ряду, упорно отказывались двигаться. Тем временем, наше место было занято Бен-Ционом – пожилым человеком, говорившим с сефардским произношением; как выяснилось потом, он сабра. Бен-Цион, увидев, что только мы согласны, сказал: "Что, только они обязаны выполнять это?"; после этого он ушел с нашего места,

¹ Так в Израиле называют евреев – выходцев из Германии (от немецкого слова *Jaske* в значении "пиджак"); в переносном смысле – пунктуальный, педантичный человек.

² Гид, вожатый (иврит).

а мы на него вернулись. Амикам сказал: "Забудем о моем плане. Постараемся решить вопрос на индивидуальной основе". Он предложил ребятам и девушкам, сидевшим спереди, обменяться с теми, кто был сзади. В течение путешествия все время происходили такие обмены, и таким образом обстановка разрядилась.

Меня многое поразило во всем этом. Прежде всего, неприкрытый эгоизм и нежелание поступиться чем-то во имя справедливого отношения к другим. Во-вторых, отсутствие общественного мнения, осуждающего этот эгоизм. В-третьих, отсутствие озлобления, которое могло бы быть результатом такого конфликта. В-четвертых, умение разрешить общий конфликт при помощи отдельных частных мероприятий. Полный контраст с поведением и реакцией советской публики.

И что еще поразило — что в трудных, тяжелых обстоятельствах всегда находились добровольцы, бравшие на себя заботу о других. Так, в тяжелую ночь в автобусе тот же Бен-Цви и тунисец — отец девиц — несли охрану на холоде и в темноте.

2.4.1978 Надо самым серьезным образом подумать над какой-то исследовательской темой. Одна такая тема: "Место конфуцианской концепции личности среди других концепций личности". Для этого надо будет попробовать выяснить основные концепции личности в других культурах и традициях.

10.4.1978 Вчера была встреча с редакцией нового журнала "22". Очень хорошо говорил Рафа Нудельман. Ему возразил какой-то молодой человек, обвинивший его в либеральности, на что Нудельман отметил, что как раз либерализма в России всегда не хватало. Я подумал, что судьба слова "либеральный" — прекрасный объект для исследования *lingua sovietica*¹.

¹ Советский язык (лат.).

Я выступил и говорил о проблеме, печатать ли антисемитов. Предложил печатать, но с ответом в этом же номере, чтобы не оставаться безоружными перед аргументами антисемитов.

Купил сегодня R. Rass, From Moscow to Jerusalem [New York, 1976]. Хорошо написанная книга, освещающая, в основном, неизвестную мне историю до Ленинградского процесса. Мне захотелось посмотреть, что я делал в это время, достал дневники и убедился, что занимался, главным образом, своим китаеведением. Конечно, надо учесть, что я в то время многого в дневнике не писал, но все же есть отдельные мысли об отъезде. Как изменилась жизнь и кто мог бы это предсказать? В шестьдесят восьмом—шестьдесят девятом годах я был еще так далек от этих вопросов.

12.4.1978 Вчера были на "Illegals", документальном фильме Меира Левина¹. Потрясающе интересно увидеть людей, проделавших весь этот путь, разоренную послевоенную Европу, корабли, набитые беженцами, сцену задержки британцами беженского корабля.

13.4.1978 Вчера написал письмо в "Джерузалем пост"² с выражением возмущения по поводу забастовки на радио.

20.4.1978 Сегодня при возвращении домой были свидетелями minor terrorist incident³. Когда подъезжали к стоянке, я увидел какой-то огонь, и от одной из машин кто-то метнулся. Так как я вел и не отводил взгляда, то я его почти и не видел. Ина же заметила парня, метнувшегося от машины, но не видела огня.

¹ Фильм о так называемой "нелегальной алии" ("Алия Бет").

² Ежедневная газета на английском языке.

³ Небольшой террористический акт (англ.).

Когда мы вышли и подошли к машине, мы сразу же увидели, что под одной из машин горит зеленая шина. У машины уже были наши соседи Леваноны. Мы немедленно позвонили в полицию, и вскоре прибыли несколько полицейских машин и стали тушить огонь. Когда мы подъезжали, передо мной очень медленно ехал мальчишка на велосипеде. Думаю, что он "страховал" поджигателя.

25.4.1978 Вчера были Бейлины, рассказывали о борьбе за Толю; в конечном счете, они, может быть, впервые в советской истории вели успешную борьбу с КГБ, подготавливая людей к допросам и создавая обстановку, при которой допрос делался победой для допрашиваемого.

11.5.1978 Видели сегодня издалека парад в День Независимости; над нами пролетали самолеты. Праздничная толпа, солдаты, девушки, полиция – все свое.

13.5.1978 Кончил "History of Israel" Н. Sachar¹. Очень хорошая книга. Ина вчера сказала, что я уделяю слишком мало внимания подготовке к лекциям; я ответил, что, будучи гражданином Израиля, считаю совершенно необходимым знать историю страны.

Вчера звонил ректор университета и сообщил, что у меня есть квиют², которого добиваются здесь годами.

Итак, я достиг того, о чем мечтал. Я профессор Иерусалимского университета, занимаюсь своей специальностью, и ясно, что могу ею заниматься. Я подчас думал о том, что совершенно нельзя знать, сумею ли я справиться с работой профессора в Университете пос-

¹ Н.М. Sachar, A history of Israel: from the rise of Zionism to our time, Jerusalem, 1976.

² Постоянная должность (иврит; американский эквивалент: tenure).

ле того, как получу разрешение, но я гнал от себя эти мысли, ибо понимал, что разрешить эти сомнения в то время все равно было невозможно, а мне нужна была надежда. Теперь выяснилось, что я в самом деле могу работать, что, несмотря на недостаточное знание иврита и медленное чтение, я справляюсь со своими обязанностями. Теперь моя ахиллесова пята — исследование. Никак не могу кончить свою статью, для которой нашел много интересного материала.

15.5.1978 Сегодня начинается процесс над Юрой Орловым; ровно через два года после того, как [Хельсинкская] группа впервые встретилась, и в том самом доме, около которого он предложил мне вступить в Группу. Кто знает, может быть, он и был тем человеком, который помог нам вырваться [этим] своим предложением.

25.5.1978 Вчера был Лаг ба-омер¹, горели костры на нашем пустыре. Мы с Иной вечером вышли посмотреть; было тепло, даже необычно тепло для Иерусалима. Первый костер уже почти потух, только тлели уголья. Мы остановились рядом, и тут выяснилось, что около него сидят наши соседи-японцы. Они сразу же угостили нас картошкой и луком, запеченными на костре.

Цви Шифрин познакомил меня с проф. Simon Netan, у которого, как выяснилось, работает семинар по сионизму. Собираюсь пойти на заседание, посвященное современному сионизму в СССР, с подзаголовком: "Продолжение традиции или коренное изменение?" На [этот] вопрос можно ответить по-разному, и в той или иной мере это будет зависеть от оценки современного русского государства: чего в нем больше — продолжения ли старой русской импе-

¹ Традиционный праздник, во время которого с наступлением темноты принято зажигать костры.

рии или нового марксистского тоталитаризма? Но в отношении сионизма должно быть принято во внимание одно важное обстоятельство: тут особое значение имеет свобода передвижения. Сионизм в стране, откуда выезд свободен (как из царской России) — это одно. Для такого сионизма главная задача — убедить евреев, что их будущее — не здесь. Сионизм в СССР — совершенно другое. Здесь главная задача не в том, чтобы убедить покинуть страну, а в том, чтобы добиться свободного выезда, чтобы своей головой пробить железный занавес. В истории дореволюционного сионизма не было эпизодов, даже отдаленно напоминающих Ленинградский процесс. А именно этот процесс был решающим в истории советского сионизма. Теперь главная задача сионистов [в СССР] — обеспечить связь с международным сионизмом, а внутри — помочь возрождению еврейского духа, еврейской культуры. Другая сторона этого вопроса — то, что раньше сионистам приходилось бороться с религиозными кругами, которые выступали против светского сионизма и за продолжение традиционной жизни в галуте. Теперь фактически на сионизм перешло все еврейское наследие; сионизм теперь все больше отождествляется с еврейством вообще и в официальном лексиконе, и в народном сознании.

Итак, можно сформулировать следующее:

1. Радикально изменилась политическая задача сионизма. Раньше — внутри еврейства борьба на два фронта, против социалистов-интернационалистов и против религиозников. Теперь социализм в России окончательно обанкротился: социалисты как таковые не существуют, а религиозные люди составляют часть сионистского движения. Борьба теперь идет не против идеологических врагов, а против страха и инерции. Это внутри еврейства. Основная же политическая задача сионистского движения — добиться свободы эмиграции.

2. Раньше в русском политическом спектре сионистское движение было изолировано. Теперь оно пользует

ется, с одной стороны, поддержкой русских диссидентов, видящих в нем наиболее сильное и массовое движение за права человека (а право на эмиграцию – одно из основных человеческих прав). С другой стороны, его поддерживают нерусские движения, видящие в нем удар по ненавистной русской власти.

27.5.1978 Вчера утром был Миша [Гельцер], и когда Ина уехала на работу, я проводил его к автобусу и спокойно вернулся. И вдруг меня словно что-то ударило: ведь сегодня – выборы заведующего кафедрой. В 9.30. Сейчас – 9.35. И все будут говорить: вот, получил квиют, и теперь может себе позволить вести себя как угодно. В лихорадочной спешке побрившись и наскоро одевшись, я вызвал такси и в 9.55 был в университете. Кафедра сидела и ждала Цви [Шифрина]. Он пришел только минут через пятнадцать – он тоже забыл!

28.5.1978 Вчера устроили прием для коллег. Как будто все сошло прилично и даже очень мило. У меня был очень интересный разговор с Рут Шифрин. Она сказала, что сначала Цви поддерживал меня из принципа, а потом, когда узнал меня, сказал, что это стоило. Цви сам сказал, что для него было неожиданностью, что я оказался хорошим педагогом, в то время, как никогда в жизни раньше не преподавал. Я думаю, это потому, что они чувствуют, что я люблю их [студентов], что мне приятно с ними общаться. И что я хочу им дать не просто какую-то информацию, а то, что так или иначе относится к "единому на потребу". Чтобы было интересно студентам, надо чтобы было интересно самому.

31.5.1978 Сегодня – снова забастовка на радио, но – кроме новостей! По-видимому, мое письмо сыграло свою роль, и они слегка устыдились.

1.6.1978 Вчера выступил на семинаре проф. Хармана, вроде удачно. Говорил по-английски, решив не

конкурировать с изысканным ивритом Занда. Говорил о том, что в настоящий момент имеется связь между еврейским и демократическим движением, и эта связь — сила, а не слабость.

4.6.1978 Вчера говорил по телефону с Юлей Винер, и она спросила, не чувствую ли я какой-то пустоты из-за того, что уже достиг того, что хотел. Я ответил, что абсолютно не чувствую этого, потому что далеко не удовлетворен своими достижениями. Однако сейчас я подумал, что в самом деле сейчас можно сказать, что та сверхзадача, которую я поставил себе еще в конце шестидесятых годов, выполнена. В какой-то мере даже перевыполнена — о машине я никогда не думал. Однако для меня, естественно, внешние успехи не могут играть особенно существенной роли. Основное — те задачи, которые я ставлю себе в плане внутреннего развития. И тут, конечно, задача номер один — иврит, задача номер два — возвращение к творческой работе. Мои возможности сурово ограничены недостаточной трудоспособностью, утомляемостью, и поэтому надо особенно беречь время.

В то же время необходимо иметь какую-то перспективу. Нужно готовить книгу по китайской философии.

6.6.1978 Вчера вечером был Лен Шретер¹. Замечательно интересный человек, в традиции американского борца за права, постоянный диссидент и в Америке, и здесь. Очень интересно говорил о том, как он понимает и видит развитие Израиля в последние годы. Во-первых, он видит *strengthening of religious position, polarisation of society to the point of losing the possibility to communicate*². Во-вторых, *conspicuous consumption*³,

¹ Leonard Schroeter — см. примеч. на стр. 234.

² Усиление влияния религиозных евреев; поляризация общества до такой степени, что утрачивается сама возможность общения (англ.).

³ Здесь: потребление.

обогащение — явление, которое он, как американский демократ с наследием социалистических взглядов, рассматривает с глубокой тревогой. Он говорил, что общество теряет жизнеспособность, когда его средства идут не в производство, а на conspicuous consumption. Это последнее, я думаю, ерунда. Богатство вовсе не является признаком упадка. Скорее наоборот. Они не знают, что безразличие к богатству может быть следствием не только героической идейности, но и полной апатии и отсутствия интереса к жизни.

12.6.1978 Три предыдущих дня провели в Галилее и на Голанах. Особенно хорошо было десятого июня. С утра съездили на гору Мерон, потом, после завтрака, поехали на Голаны. По пути заехали в Тель-Хай, где парнишка в музее рассказал нам, что Трумпельдор "потерял руку в Первой мировой войне против Японии". Рассказывал он и том, что дочь царя влюбилась в Трумпельдора и хотела с ним жить, но он отказался — интересный штрих к вопросу об обрастании легендами знаменитого и любимого имени. Вообще же, я люблю слушать таких молодых израильтян, тем более, что теперь я уже все понимаю. Люблю этот народ.

А потом были совсем замечательные места — водопад и парк Еаниас — как выяснилось, построенный еще в древности храм Пану. Здесь было везде очень много друзов, и после того, как мы одолжили одному из них мыло, он в благодарность угостил нас двумя листами хлеба. Чувство здесь от общения с арабами совсем другое, чем у нас. Вернее, эти арабы другие — друзья (друзья!). В деревне Маждал Шамс, у подножья Хермона, мы зашли в сельское кафе. Было очень чисто, везде надписи на иврите, и для нас хозяин — молодой парень в ковбойке — включил радио на иврите. Когда мы ехали по пограничной дороге после осмотра Биркат-Рам, мы в одном из друзских сел увидели праздник — в середине шоссе танцевала большая толпа мужчин, висели наши флаги и еще один многоцветный флаг — может быть, флаг друзов. Веселые девушки в

белоснежных косынках приветливо сказали нам "шалом" и объяснили, что это свадьба.

Очень приятной была беседа с нашим пограничником в Кунейтре. Это оказался немолодой человек, явно милуимник¹, который стал жаловаться на то, что он не видит из нашей ситуации никакого выхода. Когда я ответил, что так наш народ живет уже три тысячи лет, как-то все успокоились. Потом к заставе подошел молодой австриец из войск ООН – его будка находится метрах в пятнадцать от границы. Мы очень мило поболтали с ним. Выяснилось, что он доброволец, и ему платят тысячу восемьсот долларов в месяц.

Но, пожалуй, самым приятным был конец этого дня в живописном селе Амирим (где, оказывается, живут вегетарианцы). В центре деревни мы услышали музыку и увидели танцующих людей. Там было несколько девушек в ярких желтых и синих платьях, и целая толпа других – и женщин, и мужчин. Танцевали они, вставши в круг, под звуки магнитофона, игравшего бодрые и веселые израильские мелодии. Все это было настолько прекрасно, что трудно было поверить. Как будто ожила какая-то старинная картина, изображающая сельскую идиллию.

13.6.1978 Читал статью о Дьюи в [Американской] философской энциклопедии. Очень важная мысль: человек, по Дьюи, – существо страдающее, радующееся и действующее. У Мо-цзы, легистов, а также буддистов он – только страдает и радуется. У конфуцианцев преобладает действие. Это – ключ к проблеме активности и пассивности.

Подумать также и над тем, что в Европе основным материалом, над которым работала мысль, была математика, эксперимент, наука. В Китае – история.

18.6.1978 Вчера и позавчера были в Яар Иерушала-

¹ Резервист (иврит).

им на семинаре¹, озаглавленном "Социальный эксперимент в Израиле". Вчера утром председательствовал на заседании, где выступали Дора Штурман, М. Агурский и Зеев Кац. В докладе о "Третьем пути" Агурский пытался доказать, что, с одной стороны, имеются серьезные проблемы потребительского общества, и поэтому новое общество (в частности, израильское) должно идти по какому-то пути, не совпадающему ни с западной, ни с советской моделью. С другой стороны, он говорил что и советское общество по существу потребительское. Я в своем выступлении указал на это (получалось, что нет двух путей, а есть, по существу, только один), и сказал, что разница в том, что одно общество существует для жизни, другое — для смерти. Агурский в своем ответе признал, что разница есть; он сказал: "Конечно, в этом обществе жить можно, а в том — нельзя". — "Маленькая разница", — заметил я.

21.6.1978 Сегодня — известие, что какие-то американские сенаторы предложили выдвинуть на Нобелевскую премию основателей Хельсинкской группы в Москве. Я думаю, что справедливо было бы, если бы получили троє: Щаранский, Орлов, Гинзбург.

22.6.1978 Вчера поехали к Котелю, где проводит голодовку Гера [Орловская]². Выглядит она ужасно. Потом приехал Любошиц, смерил ей давление и предложил кончить голодовку.

Рядом какая-то школа из Арада праздновала окон-

¹ Семинар "Гуманитарные проблемы современности" был организован по инициативе М. Лихта (1930–1979) и Л. Дымерской-Цигельман, репатрировавшихся в Израиль в июне 1976 г. В. Рубин стал научным руководителем этого семинара, одной из задач которого было налаживание сотрудничества между израильскими и новоприбывшими специалистами.

² Сестра Марии Слепак, проводившая голодовку в связи с предстоящим судом над Владимиром и Марией Слепак.

чание учебного года: пели и танцевали; потом часть детей подходила к Гере, и она объясняла им все. Вечером ее показали по телевидению.

Было заседание, где Айрин Ибер рассказывала о переменах в китайской культуре после смерти Мао. Она говорила о том, как переписывается история, о различных "новинках" китайских коммунистов, вроде того, что Конфуций теперь уже не архиреакционер, которого противопоставляли "прогрессивным" легистам, а представитель феодального класса, в свое время прогрессивный, но для нас, естественно, реакционер. Легистов уже, конечно, не хвалят. Айрин подробно говорила о кампании за провозглашение "женой и товарищем по оружию" не Цзян Цин¹, а предыдущей жены [Мао], об отношении к интеллигенции, теперь несколько лучше, чем раньше.

В конце я выступил и сказал, что, по-моему, вся эта "культура" подобна "культуре" [в романе Орвелла] "1984". Я восхищаюсь и завидую ее умению находить интересные и даже прекрасные вещи в этом материале, но я, к сожалению, ничего интересного здесь не нахожу. I feel a smell of death². Абсолютно ничего нового во всем, что было рассказано, я не вижу. Все это знакомо мне до тошноты по советскому опыту и по тому, что я знаю из пятидесятых—шестидесятых годов в Китае. Все это — перепевы знакомых мотивов, не представляющих собой ничего иного, как *crude falsifications*³. Что же касается вопроса о конфуцианцах и легистах, то, я думаю, тут можно вспомнить Сталина с Иваном Грозным. Дело здесь в том, что маразмизирующий лидер, отождествляющий себя с одним из выдающихся деспотов прошлого, попросту забывает об

¹ Вторая жена Мао Цзе-дуна. После его смерти новые руководители Китая объявили ее главой "контрреволюционной банды четырех".

² Я чувствую трупный запах (англ.).

³ Грубая фальсификация (англ.).

основах марксизма. Потом, после его смерти, к этим основам возвращаются. Нет ничего нового и интересного в характеристике Конфуция как феодального мыслителя. Я уверен, что вскоре кто-нибудь провозгласит его представителем рабовладельцев, и начнется нуднейший спор о периодизации, спор, каких я уже столько начитался в китайской прессе.

Потом, после заседания, я подошел к Айрин. Она сказала, что я сам опровергаю свою теорию, потому что, если бы все было мертво и безнадежно, я не мог бы существовать и не мог бы быть здесь. Однако тут она, по существу, затронула совершенно другую тему — о подпольной культуре.

У меня потом все же было несколько неприятное чувство, ибо мне казалось, что некоторые мои замечания могли обидеть Айрин. Конечно, ее доклад был неудовлетворительным в том смысле, что она с серьезным видом пересказывала коммунистическую чепуху, не давая ей собственной оценки.

Но что было нехорошо в моем выступлении — избыток эмоций. Надо научиться выступать более академично. В самом деле, это — академическое обсуждение, и если чувство и может присутствовать, то оно должно прорываться, а не быть основной тканью выступления. Я должен опасаться того, чтобы превратиться в фанатичного, крикливого антикоммуниста-примитива. Антикоммунизм — это хорошо, но это должно быть более солидно и спокойно.

24.6.1978 Целый день читал об антиконфуцианском движении, и все не мог найти какой-то своей точки, с позиции которой материал заиграл бы. И, наконец, к вечеру, нашел. Я думаю рассказать им основной материал и осветить его с той точки зрения, что то, что происходило в Китае в то время, может быть нами понято гораздо лучше, чем самими китайцами. Мы живем в период, когда мы увидели своими глазами тоталитаризм, и это нам помогло увидеть и понять тоталитаризм в Китае.

2.7.1978 Начал "Светлое будущее" [А. Зиновьева]. Все же производит угнетающее впечатление страстное копание в дерьме без всякого порыва из этого дерьма выбраться.

Вчера был митинг у Котеля [посвященный советским евреям]. У меня было чувство, что мы ничего не можем сделать, хотя и должны поступать так, как будто мы этого не знаем.

Сейчас передали, что десятого июля будут судить Толю — в один день с А. Гинзбургом и Машей Слепак.

5.7.1978 Вчера пришла в голову мысль написать сравнительное исследование о Сюнь-цзы и Зиновьеве — я заметил поразительное сходство в их концепции человека. Истоки и выводы Зиновьева мне ясны, и их легко показать в статье. Что же касается Сюнь-цзы, то тут далеко еще не все ясно. Пока составил список текстов по "Зияющим высотам", — там уже содержатся все основные идеи, хотя заметил я сходство по "Светлому будущему" — несравненно более доступному по изложению.

Обязательно надо написать — я в некотором роде единственный человек, который может написать это, потому что, с одной стороны, я знаю китайскую философию, с другой — понимаю и чувствую русских диссидентов и антикоммунистов. Такая статья сразу создаст популярность в двух кругах и поставит в центр современной полемики.

18.7.1978 Сама фигура Толи, как кажется, решает спор о том, должны ли мы сотрудничать с демократами.

Интересно: считается, что в борьбе против немецких нацистов можно было вступать в союз даже с людоедом Сталиным; в борьбе с советскими нацистами не признают нашего права вступать в союз с Сахаровым.

Вчера начал письмо (вернее, статью) в "Джерузалем пост" о тактике нашего движения. Чувствуется, что здесь многое необходимо разъяснить.

31.7.1978 Ура! Завтра, по-видимому, будет напечатана моя статья в "Джерузалем пост". Это должно было быть сказано. Вставил туда существенную фразу о том, что антисемитская пропаганда стала частью марксизма-ленинизма.

1.8.1978 Статья напечатана под заголовком "Human rights indivisible¹". Интересно, как теперь распределяются силы. Думаю, что статья вызовет бурю, потому что она идет не только вразрез с мнением ряда влиятельных людей, но и рядового израильянина, не понимающего ситуации в СССР.

Ясно, что и с точки зрения моральной, и с точки зрения политической, мы должны сотрудничать с теми антитоталитарными, и антикоммунистическими, и антинацистскими демократическими национальными движениями, которые выступают против главной опоры антисемитизма в современном мире — советского нацизма. Тезис этот настолько самоочевидный, что даже неудобно его доказывать. Однако есть в Израиле люди, которые выступают с противоположными мнениями, помогая тем самым разобщить силы, борющиеся с советским нацизмом.

13.8.1978 Вчера поздно вечером, к началу Тиша бе-Ав² подъехали к Котелю. Была огромная толпа, вся стена была занята молящимися, и все время кто-то ждал, чтобы занять свободное место. На подстилках сидели группы людей, очевидно, собиравшихся провести здесь всю ночь; это большей частью молодые люди, и кто-нибудь из них читал вслух молитвы. Скамейки были повернуты на ребро. Никто не плакал, наоборот, была скорее праздничная атмосфера. И если уж не плакали в Тиша бе-Ав, то ясно, что название "Стена Плача" окончательно устарело.

¹ Права человека неделимы (англ.).

² Традиционный день траура и поста в память разрушения Первого и Второго Храмов.

Заканчиваю статью¹. Наконец, это что-то, что удовлетворяет меня самого. У меня есть полнейшая уверенность в том, что я понял что-то, чего до меня не понимали, а это в моей области кое-чего стоит. Потребовалось более двух лет, чтобы завершить эту тему. С одной стороны, не хватало времени; с другой — отвык заниматься такой работой — как-никак с 1971 года (когда уже тоже голова была занята не тем), прошло семь лет. Окончание этой статьи будет, таким образом, знаменательной датой — моментом возвращения на последнюю из позиций, с которых я вынужден был уйти, когда начал бороться за свободу.

11.9.1978 Вчера целый день читал китайские исторические труды. В общем, в этом мире делается страшно и душно, и лучше понимаешь даосов.

Чего не хватает в китайской истории? От чего это ощущение духоты? Дело в том, по-видимому, что это — крысиная борьба за власть с крысиными законами, при всем ритуализме и навязчивом морализме. "Добрый" Сюань-ван не хотел расправляться с семейством Хо Куан, но ему в конце концов пришлось, и тогда он уничтожил несколько тысяч (!) семей. Интересно, что историк никогда не осуждает исторических деятелей за жестокость — правила игры.

14.9.1978 Итак, сегодня исполняется пятьдесят пять лет. Что ж, не такие плохие итоги. А главное — чувство, что все впереди, что жизнь только начинается.

15.9.1978 Итак, надо еще раз подумать о курсе [по китайской историографии]. Надо подумать, как построить курс, как сочетать лекции с участием студентов, что им давать читать. Надо выработать какую-то собственную оценку проблематики, которой у меня

¹ Статья "Concepts of wu-hsing and yin-yang" была опубликована в "Journal of Chinese Philosophy", vol. 9, 1982, pp. 131–157.

до сих пор нет. Пока у меня есть одна твердая идея: особенность китайской истории — в ее космологической укорененности. Связь истории с астрологией, связь прошлого с будущим.

Но надо очень ясно себе представить, что ты хочешь. Что должны получить студенты в ходе этого курса?

Общее представление об истории как первостепенном явлении китайской культуры. Здесь надо подчеркнуть несколько общих моментов.

Огромный интерес к истории как к кладезю человеческого опыта, составляющему основу для всех философских концепций. Тут надо отметить позднее появление философии истории в европейской науке, и очень раннее ее появление в Китае. Можно говорить, конечно, об *history-mindedness of Jews*¹, но в еврейской истории в конечном счете все концентрировалось на идее Бога. Очень интересно было бы сравнить библейские оценки с китайскими.

18.9.1978 Вчера пришла в голову мысль, что имеет смысл написать де Бари [в Колумбийский университет] и попросить его обеспечить мне *fellowship*² на весну 1980 года. При этом предложить в качестве темы сравнение теории Зиновьева с Сюнь-цзы; озаглавить это, может быть, так: "Сюнь-цзы и Зиновьев: этюд о человеческой природе".

Пока же меня начинает угнетать мысль о том, что я не подготовился к курсу. Возможно, общая идейная структура должна быть такая:

Архаические документы (иньские кости) показывают, что изначально должность историка соединялась с должностью гадалея. Это — очень интересное сочетание, сохранившееся и впоследствии (эту должность

¹ Здесь: склонность евреев к историческому мышлению (англ.).

² Стипендия для научного или творческого работника.

занимал, в частности, Сыма Цянь), и оно показывает весьма своеобразное отношение к истории. Оно заключается, по-видимому, в том, что изначально все исходило из теории (вернее, презумпции) соответствий, и эти-то соответствия заносились в качестве исторических записей для регистрации и проверки. Это была доэтическая религия, вернее, магическое мышление. Гадатель был занят вопросами практики, непосредственно относящимися к будущему, хотя и к будущему близкому. Эти-то указания на будущее и интерес к ним и послужили стимулом для первой хроники, как может быть назван архив гадательных надписей.

Вслед за тем появилась теория усин [пяти элементов], представляющая собой первую формулировку морального циклизма. Был ли циклизм до этого? Если и был, то был связан с годовым или месячным циклом, не несшим в себе никакой моральной нагрузки. Теперь появился цикл, в котором решающую роль стали играть моральные качества правителя, его дэ [добродетель, мораль]. Одновременно с появлением этого цикла, не связанного уже с природой, появилось представление о ценности народа и его связи с небом, о "первом добродетельном правителе", о постепенном вырождении династии, о "последнем плохом правителе". Это в конце концов и оказалось решающим циклом. Его появление, несомненно, оказало влияние на возникновение конфуцианства, и конфуцианство усвоило этот цикл. При этом можно отметить некоторые отклонения от этой основной теории: Мэн-цзы и Сюнь-цзы. Мэн-цзы излагает совершенно особый, свой вид циклизма, Сюнь-цзы же вообще отодвигает циклизм на задний план. Его точка зрения может быть названа моральным иммобилизмом (о термине подумать); она сводится к тому, что поскольку человеческая природа не меняется, по сути дела и исторические проблемы остаются всегда одни и те же. Эта же точка зрения выдвигалась Чжу Си, но у него она сосредоточена на идеале жэнь [гуманность], который всегда остается одним и тем же, и, следовательно, и история

остается одной и той же. Можно назвать это моральным абсолютизмом.

22.9.1978 Самая тяжелая моя проблема – умственное утомление, радикально ограничивающее мою трудоспособность. Надо, очевидно, делать перерывы, менять виды работы. На примере Ины я вижу, что при всем том, моя трудоспособность выше средней, в основном за счет упорства. Без упорства и запаса терпения я никогда не изучил бы китайский.

Однако вместе со свободой к концу жизни пришли и такие задачи, с которыми далеко не легко справиться. Главная из них – овладение труднейшим языком так, чтобы излагать на нем достаточно сложные моменты китайской философии. Наличие такой задачи уже и свободу делает почти фикцией. Если я постоянно должен заниматься своей работой, если надо мной висит эта обязанность, то о какой свободе может идти речь? Но, разумеется, это относится только к свободе в смысле свободного времени, и, в общем, я и раньше слышал, что жизнь в свободном мире значительно более напряженная. Мою свободу я вижу в том, что могу свободно говорить с людьми и свободно вести преподавание.

24.9.1978 Снилось, что я в Москве, что меня должны арестовать. Я в последний день на улице вижу Толю [Щаранского], но его оттягивают от меня за руки окружающие его люди. Теперь, когда я вижу себя в России, где-то есть какое-то странное чувство – хотя все равно страшно.

4.10.1978 Третий день в Греции, конечно, адски устали. Прилетели прекрасно, в первом классе, со всякими дополнительными удобствами и особыми яствами. Устроились в паршивенькой гостинице около Омонии, очень дешевой, меньше пяти долларов на человека. В первый же день поехали посмотреть Пирей, прошлись по центру, поговорили по поводу возможнос-

тей тура по островам. Вчера ездили на [остров] Эгину, а до этого были в музее. Музей прекрасный, с необыкновенным богатством предметов повседневной жизни. Но особое впечатление произвела Эгина, где мы впервые почувствовали, что такое этот мир греческих островов с прохладным морским ветром, чистотой, узенькими, какими-то игрушечными улочками и очаровательными домиками, с мирной и неторопливой жизнью.

Сегодня ходили на Акрополь. Красота необыкновенная, но при этом совершенно невообразимые толпы. Потом прошли в более тихое место, на Агору, с остатками старой жизни и с чудесной восстановленной Стоей Атталы.

7.10.1978 Вчера ездили на автобусе в Дельфы. Четвертого во вторую половину дня ездили в Сунион, мыс на самом краю Аттики, где находится изумительный храм. Сегодня ходили в монастырь Кейсариани поблизости от Афин. Туда нужно идти пешком от автобусной остановки километра три, и когда мы уже подходили, подъехала машина, откуда вышло несколько молодых людей. Когда я спросил у одного из них, как пройти в монастырь, он очень приветливо и мило все объяснил и тут же сказал, что они немцы, и если мы понимаем по-немецки, то он мог бы рассказать о монастыре. Мы с радостью согласились, и его спутники, разумеется, не возражали. Он очень хорошо рассказал и о монастыре вообще, и о церковке в особенности. Все вокруг, оказалось, хорошо знают его, и женщина, продающая открытки, угостила нас всех кофе.

Монастырь расположен в уединенном чудесном месте, и когда мы с ними расстались, мы еще долго сидели, любуясь открывающимся чудесным видом Афин, Пирея, моря вдаль. Ясно был виден Акрополь, поднимающийся над городом, Ликабетос.

Завтра едем в Коринф, Микены, Эпидавр благодаря тому, что у меня оказалось на двадцать пять долларов больше, чем я ожидал. Мы немедленно отправились в

контору Такиса "Солярис" и заказали себе тур по той льготной цене, которую он нам предложил.

10.10.1978 Подплываем к острову Санторини. Утром были на Крите, высадились в Гераклионе и на автобусе поехали в расположенный поблизости Кносс. Дворец сразу же виден, ходишь по остаткам и видишь отдельные его фрагменты. Изумительные вещи видели потом в музее — при их виде, при соприкосновении с этими мелочами развалины, которые видели только что, оживают.

Позавчера видели то, что из всего виденного пока произвело наибольшее впечатление, — театр в Эпидавре. Огромный амфитеатр, и, когда поднимаешься наверх и смотришь вниз, толпа туристов, шедшая вместе с тобой, как на демонстрацию, кажется маленькой группой, украшающей эту идиллическую картину неправдоподобной красоты.

Сегодня поднимались на Санторини. Поразительный город на вершине горы, куда ведет извилистая дорога, по которой туристы едут на осликах и лошадях. Мне попался белый конь, очень резвый, и это было приятное переживание — ехать на нем.

11.10.1978 Сегодня ходили по Родосу. Удивительно интересный город, весь обвешанный огромными укреплениями, построенными рыцарями в XIV—XV веках. Старый город, как и у нас, представляет собой огромный рынок, но несравненно более чистый, тихий и просторный. Уже ходить по нему и смотреть на удивительное богатство и разнообразие, представленное в этих лавках и магазинах, большое удовольствие. Особенно красочны и привлекательны магазины, где продается керамика — раскрашенные блюда, изображающие морских животных, рыб, оленей (герб Родоса), орнамент. Богатство красок поразительно.

Попав на площадь еврейских мучеников, мы свернули на боковую улочку к синагоге. Сегодня — Судный день. Мы подошли к галерее, из которой — вход в зал,

как здесь это обычно, без стекол на окнах и даже без двери. Из галереи ведут в зал проемы, и была такая тишина, что казалось, что зал пуст. На самом деле, он был не полон (небольшая община, по-видимому, не могла заполнить зал, предназначенный для гораздо большего населения), но там было человек шестьдесят, все еврейское население города. Женщины были в том же зале, но сзади, отделенные несколькими рядами от мужчин. Все стояли и в полной тишине сосредоточенно читали молитвы. Ни один человек не обернулся на наши шаги. Я вспомнил о перевороте, решившем всю судьбу Розенцвейга после посещения им синагоги в Судный день. Очевидно, он уже очень хорошо знал и еврейский язык, и традицию, если мог пережить такой переворот. В 1976 году, когда мы решили не есть и пошли в синагогу в Мевассерет Цион, я чувствовал всю вторую половину дня унижительный голод, а в синагоге меня возмутило то, что женщины были отделены от мужчин занавесом, не дававшим им видеть тех, кто читал молитвы. Очевидно, для подобного духовного переворота нужна глубокая религиозная культура, знание языка и традиции. И духовная потребность, которой я не чувствую.

12.10.1978 Сегодня были в Турции, в Кушадаси, откуда на автобусах нас возили на развалины Эфеса. Интересно было сравнить впечатления от Греции и Турции. Турция намного грязнее и беднее, и это видно и по виду домов, и по дорогам, и даже по автобусам. Развалины же производят сильное впечатление, прежде всего в силу колоссальных масштабов. Это был, действительно, огромный город (на его раскопки, как сказал гид, потребуются еще сто лет, а раскапывают его уже лет сорок). Город был на берегу моря, но сейчас наносы реки отодвинули его на семь километров вглубь. Прямые широкие улицы, с колоннами по обеим сторонам, тянутся на километры. Интересно, что непосредственно против библиотеки находился бордель — замечательная иллюстрация античной откровеннос-

ти. Когда я задал этот вопрос гиду, он ответил, что поскольку Эфес населяли моряки, они не знали ничего о женщинах, и чтобы узнать, шли в библиотеку, а оттуда уже — в бордель.

Потом пережили несколько неприятных часов качки. Я долго сидел на корме и наблюдал, как борт то вздымался, то опускался. Вскоре после ужина корабль стал на якорь у Микеноса. Объявили, что кто хочет посетить остров, должен сесть на бот, и последний автобус будет в девять часов вечера. На Микеносе у причала ждал автобус, доставивший нас через пять минут к городку, на осмотр которого у нас осталось немногим более получаса. Мы прошли по узким освещенным улочкам, также представляющим собой сплошной рынок, с удивительно красивыми лавочками, каждая из которых, как музей, и с уютными ресторанами и барами, подчас в полумраке, при свечах, с греческой музыкой. Специфика в том, что от каждой отдельной лавочки отходит вверх выкрашенная в яркий цвет лесенка, ведущая на второй этаж, где сдаются комнаты.

Завтра утром прибываем в Пирей; в одиннадцать тридцать должен быть самолет "Олимпик", и, очевидно, часа в четыре будем дома. В чем этот тур оказался хуже, чем я ожидал, — не оказалось интересного собеседника. Вообще же за последние десять лет сильно поубавились и общительность, и интерес к людям.

15.10.1978 Купил вчера книгу E. Fromm, Man for himself [New York, 1947]. По оглавлению я увидел, что это о проблеме человеческой природы — одной из центральных проблем китайской философии.

Когда думаешь о какой-то проблеме, понемногу все концентрируется на ней. Так, я подумал, что интересным третьим партнером при анализе Сюнь-цзы и Зиновьева может быть, как это ни странно, Фрейд. Как и они, Фрейд видит природу человека как комбинацию биологических импульсов, как и они, он противопоставляет ее цивилизации в том плане, что цивилизация ограничивает, сдерживает, обуздывает природу. Таким

образом, картина обогащается. Можно подготовить работу: "Личность и цивилизация" (Сюнь-цзы, Фрейд, Зиновьев). Что, по-видимому, отличает Фрейда — его полная *unrelatedness to history*¹. Background² Фрейда полностью отличается от Зиновьева и Сюнь-цзы, и тем более интересны совпадения.

17.10.1978 Дина Бейлина вчера рассказала, что Толя [Щаранский] был все время в одиночке и под угрозой смертной казни. При свидании с матерью и братом он сказал, что это, может быть, даже облегчило его позицию (по-видимому, в том смысле, что помогло ему принять экзистенциальное решение). Работала с ним бригада в десять человек, и он сказал, что не думал сам, что он такой умный.

Вчера с Юлей Винер был интересный разговор о Зиновьеве. Она в восторге от него, я же сказал, что мне не нравится, что он мизантроп. Потом, думая об этом, я сформулировал это несколько иначе: он не любит людей. Я уверен, что силой, вдохновляющей любое художественное творчество, должна быть любовь к людям, и потому сатира по сути дела не может претендовать на первый ранг в литературе.

24.10.1978 Вчера вечером вернулись из трехдневной поездки в [киббуц] Рамат-Иоханан. Познакомились с замечательно хорошими женщинами: Тамар, Товой, Ионой, видели Назарет, Кирьят-Тивон, Кармиэль, Акко, Рош-ха-Никра, присутствовали на киббуцном празднике в день Симхат-Тора.

Пожалуй, самое сильное впечатление — киббуц как здоровый и достаточно укоренившийся в израильской жизни коллектив. Вряд ли можно себе представить веселье более непосредственное и беззаботное, чем то, что царило во время танцев в зале столовой, после

¹ Несоотнесенность с историей (англ.).

² Здесь: исходные принципы (англ.).

праздника на воде. На меня произвел впечатление и рассказ Н.М. о киббуцнике, с которым она беседовала, и который никогда не был за пределами Израиля и не хочет быть, потому что гой ему не интересны и вся его жизнь — киббуц. Другой жизни он не знает и знать не хочет. Сначала я подумал: "Какая ограниченность; какое отсутствие интереса к миру за пределами киббуца". Конечно, это так. Однако сейчас я оцениваю это не только отрицательно. В самом деле, это доказательство колоссального успеха сионизма, доказательство того, что удалось воспитать тип человека, диаметрально противоположного галутному "человеку воздуха": человека земли.

25.10.1978 Вчера по телевидению передали, что готовятся меры против неширы¹. По-видимому, собираются осуществить несколько мер. Одна из них — добиться лишения советских евреев статуса беженца, давая им израильское гражданство уже в Москве. Другая — не высылать израильских вызовов родственникам тех, кто поехал в Америку. Конечно, меры не очень приятные, но с другой стороны, может быть, и удастся таким образом сбить массовый психоз эмиграции в США.

Конечно, возникает много вопросов. Прежде всего, если путь будет только в Израиль, какая часть евреев решится ехать? Как будут вести себя евреи, попавшие сюда, по сути дела, вопреки собственному желанию? Как отреагирует на это изменение политики советское руководство? Посмотрим, как будет развиваться этот грандиозный эксперимент и к чему он приведет.

¹ Букв.: отсев, отпадение (иврит). Этим термином в Израиле называют выезд евреев из СССР по израильской визе в другие страны, в отличие от "алии" (букв.: восхождение) — репатриации в Израиль; соответственно: ношрим — евреи, выезжающие из СССР в другие страны, олим — репатрианты.

26.10.1978 Итак, я накануне третьего своего учебного года. Это будет, надо надеяться, решающий год в плане овладения языком. Вопрос в том, чтобы выдержать.

29.10.1978 Замечательная новость: Толя Щаранский получил мое письмо и был очень рад. Буду продолжать писать ему – перестраховка тут бессмысленна. Письмо, которое прочитала Наташа, – прекрасное, бодрое письмо. Толя, как всегда, на самой большой высоте.

30.10.1978 Вчера приходил Миша Штиглиц, который собирает материал для книги о Толе. Он отметил интересную особенность, что у Толи нет врагов, что, сколько мы ни ищем, мы не находим конфликта в его жизни. Между тем, по письмам к Авиталь видно, что ему было очень плохо, что он был часто подавлен. Это противоречие напомнило мне противоречие папы, который раскрывался в письмах как человек много страдавший (я бы сказал даже – человек, имевший талант к страданию), но который в жизни был для всех источником бодрости и силы духа.

Сколько мы ни вспоминали, мы не могли вспомнить Толю озлобленного или ожесточенного. Такое отношение к людям в нем начисто отсутствовало.

31.10.1978 Решил каждое утро, получая [газету] "Ха-Арец", прочитывать статью. Сегодня читал в течение получаса. Чувствую, что постепенно начинаю читать бегло, чего мне так не хватало.

Когда читал статью Широкауэра о Чжу Си, его политических взглядах, подумал о том, что существует глубокая связь между китайским убеждением, что человек по природе хорош, и фактом бесплодности китайской политической мысли. В самом деле, все законодательство в той или иной мере строится на презумпции, что если человек и не плох по природе, то во всяком случае и не вполне хорош, и необходимо создать

какую-то внешнюю принудительную структуру, чтобы добиться чего-то. Так, собственно, шел весь прогресс в отстаивании прав.

Если же, как китайцы, верить в то, что человек хорош, и вопрос в том, как переубедить этого человека использовать свою хорошую природу, то вся политическая деятельность сводится к чисто личной борьбе, которую уже почти невозможно отличить от склоки. К тому же невозможен никакой прогресс — люди, которые пришли (которые, по допущению, хороши), уходя, оставляют за собой точно те же проблемы.

Моя проблема — как сделать мысли, которые я встречаю и принимаю, "своими". Для этого требуется самому продумать и сделать еще что-то, что папа наверно назвал бы "прочувствовать".

Интересно подумать, какие вопросы можно задать в связи с темой сравнения — "Сюнь-цзы — Зиновьев". Тут получается так, что для Сюнь-цзы проблема — "цивилизация или хаос". Вопросы о том, что может быть разный общественный строй, у Сюнь-цзы в этой связи не появляется. Вообще-то у него есть классификация на ван [правитель] и гегемон. Интересно, связывается ли как-нибудь здесь эта проблема с проблемой человеческой природы. Имеется ли мысль о том, что именно потому, что человек по природе плох, ему нужно авторитарное управление.

Что же касается Зиновьева, то у него позиция ясна: человек по природе плох, и именно поэтому низменный строй, подобный коммунизму, ему гораздо больше подходит. У Зиновьева остается невыясненным вопрос, каким образом вообще возможно было возникновение некоммунистического строя.

2.11.1978 Твоя сила в том, что ты ставишь себе большие задачи. Так, большой задачей было овладение китайским, потом — овладение философией и выступление с собственной точкой зрения в СССР, потом — переход в ИВАН, потом, наконец, — Израиль. Не все то, что ты ставишь перед собой, удастся, и на это, как пра-

вило, уходит больше времени, чем ты думал, но это именно и есть твой характер: ставить себе большие задачи, потому что жить, не преодолевая трудностей, неинтересно.

Сверхзадача на этот год — овладеть ивритом так, чтобы совершенно свободно говорить и читать (и тут мне должно помочь ежедневное чтение [газеты] "Харарец"), и, кроме того, создать новый курс китайской исторической мысли. Это должно быть самое трудное, но зато и самое перспективное.

6.11.1978 Сегодня утром было первое занятие курса по истории философии. Пришло много народу (одиннадцать человек), что Ина объясняет определенной популярностью. Посмотрим, кто останется.

В общем, чувство хорошее. Конечно, я плавал подчас и не знал как выразиться, не мог найти подходящего слова. Раза три спросил у них слова, причем, поскольку они отвечали довольно тихо, я не всегда понимал. Но в целом из всех испытаний я вышел достаточно хорошо, хотя подчас казалось, что больше сказать мне совершенно нечего.

Когда читаешь хорошую работу, сделанную твоими студентами, становится очень приятно. Значит, не зря старался.

[На первом занятии семинара] думаю начать с Орвелла, с его замечания о том, что кто владеет прошлым, владеет будущим. Затем поставить вопрос: что такое история?

18.11.1978 В связи с изложением моральных идей конфуцианства хочется остановиться на теме "банальности" моральной проповеди. Хороший пример: мысль Мэн-цзы о том, что и счастье и несчастье зависят от себя самого, человек не должен стремиться сваливать вину на другого. Это, несомненно, пример проповеди, кажущейся банальной. Это, однако, одна из самых трудно-выполнимых заповедей. Она, несомненно, идет против одного из самых глубоких стремлений человека —

взвалить вину на другого. Поэтому в природе моральной проповеди — не стареть. Не устарели Десять заповедей, не устарели и конфуцианские заповеди. Интересно, что эти заповеди направлены не на конкретные поступки, а на моральное состояние. Ни Конфуций, ни Мэн-цзы не говорят о том, что нужно и что не нужно делать ("не убий"); более того, Мэн-цзы прямо хвалит Чжоу-гуна за то, что он кого-то казнил. Замечателен его ответ, что Конфуций поступал по обстоятельствам. Как будто в Танахе нет понятия цзыфань¹, — там обращение к Богу. В этом смысле можно сказать, что конфуцианское понятие личности глубже танахического — в том плане, что здесь сам же человек, его совесть является инстанцией, к которой обращаются.

3.12.1978 Сегодня получили ключ от квартиры. Все утро провели в хлопотах в связи с этим.

Итак, последняя крупная материальная проблема нашей жизни в Израиле решена. Мы получили собственную квартиру (сроком на девяносто девять лет), три комнаты, которых вполне должно хватить для удобной и достойной жизни. Это должен быть наш дом до конца жизни.

11.12.1978 Вчера получил приглашение участвовать в семинаре у президента Навона. Предложили выступить по поводу ассимиляции [в СССР]. Надо подумать, что рассказать. Не так-то просто тут придумать что-то новое.

Может быть, так: с одной стороны, очевидно, ассимиляция в таких размерах редко где имела место, так как она осуществляется тоталитарным антирелигиозным режимом. С другой стороны, этот режим антисемитский и, с одной стороны, стремится к ассимиля-

¹ Букв.: очнуться, образумиться, осознать свое поведение (кит.).

ции евреев, с другой — ее боится. Благодаря этому антисемитизму ситуация в СССР весьма своеобразна. Я думаю, что если бы антисемитизма не было, число евреев в СССР было бы значительно меньше.

Думаю высказаться в том плане, что изменилось сознание русских евреев. Когда я сейчас пытаюсь восстановить свое отношение к слову "ассимиляция" до пробуждения национального самосознания, то я могу сказать, что, всегда ощущая в этом слове некоторый неприятный оттенок, я в то же время думал, что это естественный и неизбежный процесс.

Со времени войны вся проблема ассимиляции осветилась новым светом. Воинствующий антисемитизм рядового русского человека, с которым пришлось столкнуться каждому, кто был в армии, показал, что русский народ вовсе не стремится включить нас в свои ряды, а правительство возводит многочисленные препятствия на пути нормального продвижения еврея и включения его в русскую жизнь. Можно сказать, что годы от конца войны до 1948 года — образования Государства Израиль — были самыми мрачными и беспросветными годами в истории советских евреев. Ясно было, что мы здесь нежеланные гости, но в то же время нельзя было и мечтать о том, чтобы покинуть эту страну.

Первый луч надежды появился с образованием Израиля. И хотя, как и все, что происходило за границами СССР, это происходило как бы на другой планете, тем не менее, все же сам факт, что государство еврейское и что мы евреи тоже, сам этот факт давал отдаленный намек, что когда-нибудь то, что произошло на другой планете, окажется значительным и в нашей жизни.

Теперь, что же можно сказать о нынешней ситуации? Это утрата авторитета ассимиляции. Она, конечно, существует, ассимиляция, но ее уже стыдятся. За четыре с половиной года мне пришлось вести разговоры с сотнями людей о проблемах отъезда, но ни разу не было, чтобы кто-либо в этих разговорах выступил с позицией ассимиляции, будь то в связи с коммунистической

идеологией, будь то в связи с крещением. Лейтмотивом людей, не думающих об алии, была невозможность [отъезда], и подчас объяснения такого рода были похожи на извинение.

Если мы с этой точки зрения посмотрим на цифры неширы, то они предстанут перед нами совершенно в ином свете. Удивляться тому, что шестьдесят процентов евреев из СССР едут не в Израиль, могут только люди, не знакомые с психологией советских евреев и придающие слишком большое значение тому, что все эти люди выехали по приглашению из Израиля. На самом деле мы имеем дело с населением, состоящим на девяносто пять процентов из людей, не имеющих ни малейшего представления о еврейских традициях; что же касается вызова из Израиля, то это еще одна ложь в жизни советского человека, все официальные акты которого являются ложью с начала до конца. Учитывая все это, нужно удивляться не тому, что шестьдесят процентов едет не в Израиль, а тому, что сорок процентов едет в Израиль. Я не знаю точных цифр, но я уверен, что процент евреев, гораздо менее ассимилированных, уезжающих из Южной Африки и Аргентины и выбирающих Израиль, несравненно менее сорока процентов. И тут можно привести пример женщины, которая в Вене спросила у меня: "Что такое Иерусалим?" И эта женщина направлялась в Израиль!

16.12.1978 Американцы признали КНР, порвали отношения с Тайванем и расторгли договор об обороне. Как видно, они готовы и на предательство старых друзей в стремлении обезвредить русских и ограничить их экспансию. В конечном счете трудно сказать, является ли это ударом по коммунизму. Думаю, что да, потому что вся история Китая убеждает в том, что коммунизм там — явление чуждое и временное. Совершенно несомненно, что китайцы вернуться к той или иной разновидности конфуцианства, так же, как это произошло в период господства буддизма. Как

будто уже сейчас можно видеть признаки начала декоммунизации Китая.

Вопрос, следовательно, стоит следующим образом: хотя Китай – коммунистическое государство более молодое и полное сил, но в самой традиции Китая потенции развития коммунистического тоталитаризма ограничены. Скорее всего, комбинация внутренних и внешних факторов (вражда с СССР и дружба с США) довольно скоро приведет к отходу Китая от коммунизма. В то же время СССР, не имея за собой автохтонной культурной традиции и традиционно питаясь европейской культурой, не имеет внутренних потенций к противостоянию коммунизму. До сих пор СССР, а не Китай, представляет опору всей мерзости в мире, и прежде всего антисемитизма.

18.12.1978 Иду на семинар в резиденцию президента. Думаю выступить на иврите, пусть на плохом, но на иврите.

19.12.1978 Выступил по-английски, сначала сказав, что чувствую, что мой иврит недостаточен для такого собрания. Говорил о том, что я не думаю, что ассимиляция в СССР – явление, аналогичное ассимиляции в США, потому что в СССР ассимиляция насильственная. Навон сказал, что еще до моего выступления хотел выразить ту же мысль. Потом я заметил, что какие-либо предсказания о будущем делать трудно, потому что ситуация чревата катастрофой.

Очень хорошо говорил Навон. Он сказал, что трудно было бы ожидать, что люди, которые подвергались интенсивному промыванию мозгов в течение шестидесяти лет, вели бы себя иначе, чем ведут себя советские ношрим.

В конце я подошел к Навону и передал ему [свою] книгу. Он пригласил меня связаться с ним после Ханукки (чего я, конечно, не собираюсь делать). Слегка неприятное чувство осталось от того, что после короткого разговора он подал мне руку, я же не понял и не

взял его руки. Интересно, что такие мелочи ритуала могут так огорчать; [это] показывает нравственную значимость вежливости, которую так тонко понимают китайцы.

23.12.1978 Сегодня заказали шкафы у симпатичного араба Бандака. Но в конце разговора он сказал, что если возникнут какие-нибудь проблемы, нам придется заплатить что-то дополнительно. Думаю позвонить ему и попросить разъяснения, что сие означает: мы как будто платим за предмет и его установку, что касается проблем, то за них именно я и плачу.

Тут (и не только в этом случае) есть тяжелая опасность для душевной ясности и спокойствия: мысль о том, что тебя обманывают. Надо найти к этому такое отношение, которое давало бы возможность встать выше этой мысли. Ибо она поистине унижает. Нужно проникнуться мыслью о том, что моя прибыль и мой главный капитал состоит не в деньгах, а именно в спокойствии и достоинстве, без которого не может быть ни настоящего полета мысли, ни душевного величия. "Каждый получил то, что он хотел: конфуцианцы — гуманность, тираны — власть". Ты получаешь спокойствие, они — прибыль, и так, наверно, и должно быть.

28.12.1978 Сегодня пошел к Стене. Каждый визит туда волнует, потому что это не музейная древность, а народная святыня. Сегодня, после того, как по пути заглянул в Музей старого ишува¹ (где выставлены примерно такие же вещи, какие были в нашем доме в Москве), я вышел в чудную, ясную и прохладную погоду к Котелю. На площади было поставлено много флагов, а сверху написано: "Парашютисты, за мной!". Очевидно, принимали присягу парашютисты. У парашю-

¹ Букв.: поселение, населенный пункт (иврит); в переносном смысле: еврейское население Эрец-Исраэль до создания Государства Израиль.

та на мужской половине были поставлены столы, куда приносили из синагоги свитки и происходили церемонии бар-мицва¹

30.12.1978 Сегодня ездили к Мертвому морю, а на обратном пути заехали в Мишпе Иерихо. Погода была изумительная. Я эту дорогу люблю больше всех остальных из-за удивительной красоты и поэзии этих пейзажей. В самом том, как за Мертвым морем встают горы Моава, есть что-то от мечты.

8.1.1979 Вчера было восемнадцать лет со смерти папы. Я подумал о том, что живу без папы столько, сколько прожил с рождения и до начала войны. Это, конечно, были формирующие годы; в то же время только последнее десятилетие (даже, точнее, семилетие) вывело меня на международные просторы, дало мне возможность сказать свое слово в истории нашего народа. Это редкое счастье — в таком возрасте жить значительной жизнью, не погрязнуть в рутине и в материальных интересах. Мне помогла в этом отношении жизнь, прожитая с папой, незаметно и ненавязчиво внушавшим мне представление о ценности духовной жизни.

Сейчас, вместе с папиными дневниками, нашел копию машинописи с необычайно значительными отрывками из его философских дневников от 1944 года. Там он противопоставляет мир природы миру истории как мир заверченный — миру творящемуся. Он пишет о будущем как о самой значительной категории жизни и вспоминает, как, когда он ходил с нами, детьми, на

¹ Букв.: "сын заповеди" (иврит) — мальчик, достигший тринадцати лет и считающийся в религиозном отношении совершеннолетним, а поэтому правомочным и обязанным исполнять все заповеди иудаизма. С XV века этот термин стал употребляться и для обозначения церемонии, отмечавшей это событие.

”Три толстяка”, он чувствовал, что хотя он как будто живет нормальной жизнью, но на самом деле это не жизнь, ибо не было будущего (его ждал дополнительный разговор в НКВД).

Категория будущего взята из еврейской философии, папа прямо ссылается на имя Бога в знаменитом разговоре с Моше (”Меня послал к тебе ’Я буду’”). Если бы папа мог жить и творить так, что он мог бы выразить себя, он, наверно, разработал бы свою философскую систему, которая, скорее всего, была бы названа ”философия будущего” (в смысле не исторического будущего, а философского понятия будущего).

С этой точки зрения интересно было бы проанализировать конфуцианство. Можно сказать, что это учение, с одной стороны, наиболее далекое от иудаизма, с другой — наиболее ему близкое. Наиболее далекое — с той точки зрения, что религиозный элемент в конфуцианстве очень слаб. Основная инстанция в конфуцианстве — человек, и вместо молитвы и обращения к Богу человек спрашивает самого себя, выполняет ли он те принципы, которые он считает себя обязанным выполнять. При этом сами эти принципы сформулированы как человеческие отношения — в этом смысле, конечно, примером является жэнь [гуманность] с классической пластичностью самого иероглифа (仁), но по сути и остальные термины нравственности говорят именно о человеческих отношениях. В этом смысле нет большего контраста, чем иудаизм и конфуцианство: в рамках конфуцианства столь же немыслимы были бы диалоги Моше с Богом, как и в рамках иудаизма — определения цзюньцзы, в которых религиозное измерение начисто отсутствует. По сути дела, конфуцианство можно признать религией лишь в том смысле, что в конфуцианстве всячески подчеркивается момент почтения и благоговения. Кстати, это и было основанием для взгляда иезуитов, настаивавших на религиозной сущности конфуцианства.

С другой стороны, нет учения, которое было бы так близко иудаизму по ценности, которая придается прак-

тике. Сейчас, читая Накамура¹, я вижу, что и в Индии основной ценностью (подобно Древней Греции) было созерцание и знание. Накамура, не знающий китайской философии, не подозревает, что тут имеется контраст подходов — это признание подорвало бы всю концепцию "parallel developments"². Однако мне это ясно, как ясно и то, что в рамках развития европейской философии имелся контраст между греческой философией и еврейской религией, устремленной на практику. Интересно, что в рамках конфуцианства так мало была разработана при этом проблема будущего — в этом смысле для конфуцианства характерен компромисс с натурализмом.

17.1.1979 Пятнадцатого января переехали в Гило. Третья наша квартира в Иерусалиме — как бы символ убыстрившегося темпа жизни.

Приходится решать массу вопросов, которые никогда не возникали перед нами, потому что в России мы жили в коммунальных квартирах, и раньше вообще были слишком бедны, чтобы думать о новой мебели и всяких улучшениях, — это всегда было за пределами наших возможностей, да и не казалось нам важным; мы не могли этим заниматься, но нас это не огорчало, — а потом, в последние годы, мы жили уже на чемоданах и чувствовали себя временными жильцами, путь которых — либо на Ближний, либо на Дальний Восток.

3.2.1979 От времени до времени чувствуется отсутствие дружбы, такой, которая связывала с Изей и Асей. Получается, что тут встречаешься с соседями. Встречаешься, главным образом, с теми хорошими знакомыми, что живут близко.

¹ Н. Nakamura, *Parallel developments; a comparative history of ideas*, Tokyo—New York, 1975.

² Параллельное развитие (англ.).

Духовную жажду в какой-то мере, конечно, утоляет работа, но не вполне, потому что, при всем при том, здешние студенты, к сожалению, не могут стать друзьями. Счастлив был папа, что у него были такие друзья, как Александр Иосифович [Неусыхин] и Юлия Яковлевна [Мошковская]. Конечно, сам папа был человек потрясающей притягательности. Вот кто был способен удовлетворить духовную жажду!

5.2.1979 Сегодня была удачная лекция о Сюнь-цзы. Мои трое лучших студентов опять задавали хорошие, умные вопросы. Я почувствовал, что особый интерес вызвало то, что я рассказал им о Максе Шелере и его теории человеческих типов. Значит, не зря я сидел вчера целый день и нашел это, наконец, в Encyclopedia of Philosophy¹. Со временем опять было благополучно — закончил без пяти десять. В общем, качество требует больших усилий, но, несомненно, окупается. Очень была приятна их реакция на появление "Homo Faber" на доске: оказывается, почти все они читали на иврите роман Макса Фриша.

Интересный вопрос: правильно ли я поступил, подписав сегодня рабочим-арабам, что они сделали тиккуним², которых по существу не требовалось, и за которые они должны получить какие-то суммы от Амида-ра³. Нормальное соображение помощи простому человеку в его взаимоотношениях с огромным концерном здесь осложняется (даже может отменяться) патриотизмом; но я чувствовал, что доводить патриотизм до этих пределов было бы для меня неестественно.

Иначе это можно сформулировать так: я сделал бы

¹ The Encyclopedia of philosophy, in 8 vol., New York, Macmillan, 1967.

² Исправления, поправки (иврит).

³ Израильская национальная компания, обеспечивающая жильем новоприбывших репатриантов.

это для любого рабочего. Отказ сделать это для араба был бы актом злобы, актом непризнания араба за человека, что мне абсолютно чуждо.

20.2.1979 Вчера была Сузи, которая собирается ехать в Москву. Вернется сюда примерно через месяц. Я подумал, что если бы мне предложили бы сейчас на таких условиях поехать в Москву, я бы не согласился. Слишком тяжело было бы видеть всех этих людей в отчаянном положении, чувствуя, что я уже свободный человек.

25.2.1979 Надо подготовить лекцию об И-цзине. Каждый раз, когда я рассказывал об этом, у меня было чувство, что "не доходит". Очевидно, нужно найти какой-то новый подход к этому, ответить на вопрос, почему это было так нужно и важно китайцам.

Почему эти лекции так важны для меня? Потому, что плохую работу со студентами я чувствую как унижение. Думать, что они увидят, что я плохо подготовился и не знаю что сказать, для меня невыносимо (с болью вспоминаю, что несколько раз было, что у меня не хватало материала; думаю, что они замечали это и смотрели с любопытством на мои попытки импровизации). Конечно, я мог бы сделать больше, если бы не тратил бесчисленных часов на иврит. Однако для меня синология не так важна, как сионизм; конечно, от этого не может не страдать синология.

2.4.1979 Вчера были у Сузи, рассказавшей о своей поездке в СССР. Вышли внутренне усталые, как будто сами побывали там с ней. Весь ужас нашей жизни в 1972–76 годах, неопределенность, граничащая с безнадёжностью, остановившееся время – все это снова встало перед нами.

5.4.1979 Вчера вдруг мною овладело желание с кем-то встретиться, поговорить. Я поехал в Университет, пошел в читальный зал, где встретил И. Авербуха,

и хорошо поговорил с ним. Он сказал, что старый еврей, который здесь уже с пятьдесят третьего года, говорил ему, что очень огорчен теперешним моральным состоянием израильской молодежи, которая хочет только жить. "Мы не выживем, если нашей целью будет только жить". Может быть, не так-то глупая мысль, что евреи могут жить, лишь если они стремятся к чему-то, что кажется фантастическим и невероятным. В этом смысле перспективы нашей страны неясны: уж очень еврею неинтересно выполнять нормальную повседневную работу.

11.4.1979 Сегодня гулял по Старому городу. Площадь перед Котелем сильно расширили и расчистили. Перед Стеной было мало людей, и один из них, как и я, гладил старые выщербленные камни.

13.4.1979 И так, как будто через неделю начинается забастовка. Как это ни противно, придется принять в ней участие — иного выхода нет.

21.4.1979 Я уже начинаю чувствовать отрицательную особенность преподавательской работы: рутину. Иногда мне становится тоскливо, когда я хочу, чтобы они повторили мне то, что я сам им сказал. Страшно интересно и приятно иметь дело с хорошими студентами, такими, как Марк Москович или Давид Гросман. С другой стороны, тоскливо делается, когда имеешь дело со студентами бездарными. Единственное лекарство против этого — строить курс проблемно, так, чтобы в принципе студент должен был мыслить. Как добиться этого — задача, над которой еще придется много думать.

Вечер. Ура! Забастовка откладывается и, возможно, отменяется. Нужно срочно готовиться к лекции.

Вчера — радостное известие об освобождении пяти узников Ленинградского процесса.

23.4.1979 Лекция прошла не так чтоб очень. Конеч-

но, я недостаточно подготовился (вернее, недостаточно было материала), но в конце меня спасла импровизация на тему, которая пришла мне в голову сегодня утром. Я сравнил конфуцианство в период Тан с марксизмом в СССР в том смысле, что и то, и другое — мертвые учения, играющие роль лишь официальной догмы. Однако благодаря наличию великой традиции конфуцианство смогло возродиться (что и произошло в виде неоконфуцианства); но я не верю, чтобы мог возродиться марксизм. Тут Давид [студент] улыбнулся и сказал, что, может быть, так обстоит дело только в коммунистических странах, на что я ответил, что для меня совершенно непонятно, в чем привлекательность Маркса, этого апостола ненависти, и что я не думаю, что "Коммунистический манифест" может быть сравнен по своему содержанию с источниками конфуцианства, иудаизма и христианства.

Сейчас (15.00) у нас было небольшое землетрясение. Дом затрясся, залаяли собаки. Продолжалось это, наверно, полминуты, в два приема. Я подумал, что дом построен фундаментально и вряд ли развалится, но стало страшновато.

24.4.1979 Мысль, которую я высказал вчера студентам, я нигде не встречал. Эта мысль крайне простая, и состоит она в том, что китайцы не могли принять отношения к жизни как к страданию, потому что для них жизнь представляла собой выполнение морального долга, и все величие человека состояло в том, что, выполняя этот долг, он преодолевает препятствия, в том числе и страдания. То удовлетворение, которое он получает, несравненно важнее физических страданий и неудобств, которые он берет на себя. Именно таков смысл слов Конфуция, что цзюньцзы должен взять на себя опасности и тяготы.

28.4.1979 Вчера видели по телевидению выступление Семадар, лишившейся в результате нападения террористов на Нагарию мужа и двух дочерей. Порази-

тельно самообладание, спокойствие, мужество; женщина при всем ужасе, постигшем ее, не сломлена. Поистине израильский тип. Невозможно было бы представить себе еврейку старого типа, так рассказывающую обо всем, что с ней произошло.

19.5.1979 Ездили к Соломоновым прудам¹, видели Кирьят-Арба и Хеврон. В Хевроне смотрели Меарат-ха-Махпела². Что-то в Прудах есть таинственное и потрясающее – это огромные бассейны в глуши, в лесу. По крутой стенке последнего, самого глубокого и обширного водохранилища, почти совсем сухого, отец-сабра заставлял взбираться своих маленьких сыновей.

Из Кирьят-Арба, когда мы подъезжали туда, выходила большая группа празднично одетых молодых людей и девушек. Потом мы перегнали их по дороге к Меарат-ха-Махпела. Мы думали, что они идут молиться, но они там так и не появились. Вероятно, они шли к зданию Хадассы, сейчас занятому женщинами и детьми, требующими возвращения его евреям. Солдат, с которым мы разговорились в Меарат-ха-Махпела, сказал: "Таким образом строилась вся страна".

26.5.1979 Последние дни я чувствовал такую умственную усталость, что почти ничего не читал. Слушал музыку, гулял.

На меня произвела впечатление статья об Эдмунде Берке³ в [Американской] философской энциклопедии.

¹ Искусственные водохранилища недалеко от дороги из Иерусалима в Хеврон. Их постройка традиционно приписывается царю Соломону. Служили для снабжения Иерусалима водой вплоть до 1948 г.

² Букв.: двойная пещера (иврит); согласно традиции – гробница Авраама, Исаака и Якова и их жен Сарры, Ривки и Лей.

³ E. Burke (1729–1797) – английский политический деятель и философ.

Его мыслью было, что "it is an important part of wisdom to know how much evil should be tolerated"¹. Думая о том несправедливом, что есть тут (законы о браке прежде всего), я не мог решить для себя вопрос, как же нужно относиться к этому. По-видимому, это нужно принять как "admixture of evil"², которая присутствует во всем, даже и в самом лучшем.

Прочитал последнюю часть писем Кузнецова. Блестящий ум, выдающееся благородство. Сейчас, как сказала Сузи, он пишет по восемнадцать часов в день. Дорвался.

9.6.1979 Два дня назад получил письмо из Гонолулу, в котором меня приглашают на конференцию Международной Ассоциации китайской философии в Чарлстон (Южная Каролина), в начале июня 1980. Обязательно поеду. Наконец-то начинают устанавливаться связи с коллегами. Надо будет подумать, стоит ли выдвинуть одну из тем, мною уже разработанных, или же написать что-то новое на тему "Insight, vision and truth in Chinese philosophy and Western philosophy"³. Присоединиться к coordinating theme⁴, конечно, имеет смысл уже потому, что это даст общую почву для плодотворных дискуссий и общих точек соприкосновения и интереса. К тому же, я как-то уже думал о том, что было бы интересно выяснить место понятия истины в Китае — гипотеза состоит в том, что для китайцев жэнь [гуманность] — такое же основное понятие, как для Запада — истина.

¹ Мудрость и в том, чтобы знать, какая степень зла допустима (англ.).

² Примесь зла (англ.).

³ Интуиция, провидение и истина в китайской и западной философии (англ.).

⁴ Здесь: главная тема (англ.).

13.6.1979 Вчера смотрели замечательную картину Бергмана "Naked night" — о цирковой группе, приезжающей в город. Бергман at his best — тонкость, глубина, правдивость, доходящая до жестокости.

19.6.1979 Вчера, 18 июня, исполнилось три года, как мы в Иерусалиме. Эти три года были поистине success story¹ для нас обоих.

21.6.1979 Надо подумать о том, чтобы летом попробовать написать курс по истории китайской философии. Я чувствую это как первостепенную потребность, и есть ощущение, что настало время сделать это.

Я соскучился по исследовательской работе, по умственному challenge², по раскрывающимся горизонтам, по новым вопросам, встающим в ходе исследования, по новым ответам, по новому освещению старых вопросов.

8.7.1979 Сегодня студенты сдавали экзамен по китайской философии. Удивительно приятно было слышать ответы Маргалит Левитан, Леи Кац. Последняя — с виду совсем девочка, сидевшая на лекциях все время молча, а отвечавшая блестяще. Я спросил ее, почему она была так пассивна и молчала, она ответила, что это все так интересно, так ново и так чуждо, что она предпочитала просто сидеть и слушать. На вопрос, не мешал ли ей мой язык, она ответила, что ни разу не было, чтобы она не поняла, что я хочу сказать, что я употреблял прекрасные слова, а если порядок слов был неверный, то это никому не мешало. Слышать это, конечно, было очень приятно.

10.7.1979 Неожиданно сегодня Цви [Шифрин] по-

¹ Здесь: годы успеха (англ.).

² Здесь: задача (англ.).

звонил мне рано утром и предложил мне созвониться с Ван Гун-у. Вместо того, чтобы звонить, я решил поехать на конференцию, где он должен был выступать, и в самом деле Рафи Исраэли представил меня ему. Это очень приятно и интеллигентно выглядящий человек лет сорока-пятидесяти, в очках, с изящной любезностью, с постоянной улыбкой на живом лице.

Потом, к концу первой половины дня, получилось так, что Ван Гун-у сел прямо за мной, и, когда он вышел, я вышел тоже и предложил ему побеседовать. Он сразу же согласился. Мы прошли наверх и провели за очень приятной беседой около сорока минут. Я начал с того, что спросил его, как он думает, почему китайское государство Тайвань не организует сейчас спасения китайцев из Вьетнама. Он ответил, что прежде всего ценность человеческой жизни в Китае и в Израиле противоположна. В государстве, где один миллиард, невозможно относиться к человеческой жизни так же, как там, где скорбят об утрате шести миллионов во время Второй мировой войны.

Потом он очень интересно говорил о положении китайцев во Вьетнаме. Их ненавидят вьетнамцы так же, как русские — евреев, и высылка китайцев — несомненно, мера очень популярная среди вьетнамцев. А то, что они погибают, ничего, кроме злорадства, у вьетнамцев вызвать не может. Разговаривать с ним было необыкновенно легко, мы понимали друг друга с полуслова. Между прочим, когда Рафи представил меня ему, и я сказал, что был очень польщен его рецензией, он ответил, что ему очень приятно было читать мою книгу.

Когда я говорил с Ван Гун-у, я еще раз подумал о том, как различно отношение к своему народу, к своим братьям, у нас, евреев, и у других. У нас императив спасения своих братьев — на первом месте, у китайцев — где-то там в конце. Он сказал, между прочим, что в Малайзии есть китайцы, которые пытаются помочь беженцам, но вынуждены делать это "in quiet manner"¹.

¹ Здесь: путем тихой дипломатии (англ.).

18.7.1979 Когда впервые оказываюсь перед какой-то новой проблемой, я стою как бы перед высокой стеной, в беспомощности не зная, как преодолеть ее. Лишь после того, как раз за разом я бьюсь головой об эту стену, я начинаю понимать, что с ней делать и как ее преодолеть.

Надо отчетливо сознавать цель каждой работы. Тема статьи, которую я пишу сейчас, очень узкая, прочтут ее какие-нибудь несколько коллег. Написать ее нужно было, но в основном потому, что тот текст, который есть, написанный в Москве наскоро, меня абсолютно не удовлетворяет. Я должен был переделать эту статью главным образом для того, чтобы не стыдно было читать самому. Но теперь эта цель почти достигнута.

С ходом продумывания работы рамки ее расширяются и появляются совершенно новые толкования. При этом получается, что работаешь где-то внутри (digging¹, по терминологии Ду Вей-мина) и так устаешь, что уже не в состоянии сразу понять, до чего ты докопался. Это становится понятно только потом, когда помотришь сверху и со стороны.

19.7.1979 Вчера смотрели длинную телевизионную передачу о хаосе в нашем правительстве. Печальная картина нерешительности и полного банкротства. У Бегина явно не хватает мужества, чтобы сделать то, что сделал Картер: обратившись к народу, призвать его к жертвам. Он слишком боится потерять популярность. А без призыва к жертвам экономику спасти нельзя.

21.7.1979 Сегодня были на экскурсии по Рова Иехуди¹, которую вела замечательный экскурсовод Шира. В конце, когда группа вышла к площадке над Котелем, она прочитала слова рава Кука: "Бывают камни —

¹ Копая (англ.).

² Точнее: ха-Рова ха-иехуди (иврит) — еврейский квартал в Старом городе Иерусалима.

камни, и сердца – сердца, но бывают сердца – камни и камни – сердца”. Чудесный эпитаф к Камням Иерусалима.

29.7.1979 Просмотрел книгу о Чэнь Ду-сю и, наконец, узнал его судьбу. Действительно замечательный человек, понявший уже со времен войны принципиальную идентичность коммунизма и фашизма и пользовавшийся для их характеристики термином ”тоталитаризм”. В книге говорится, что он верил в человеческую борьбу и считал, что потерпел поражение только тот, кто сам считает, что потерпел поражение.

Я как-то думал в эти дни о своем пути. С того самого времени, как я решил изучать китайский (а наверно и раньше), я ставил себе большие цели. В этом были мои амбиции – овладеть трудным языком (китайским), решить трудную [исследовательскую] задачу, овладеть ивритом. Это как-то привело меня на ум желание женщины иметь ребенка: иврит мне нужен был не для чего-то или вернее главным образом не для, а потому что это мне казалось прекрасной возможностью открытия и познания нового мира. В этом смысле он был для меня как ребенок (тоже новый мир).

31.7.1979 Вчера – превосходный вечер в Тель-Авиве, с Иоавом. Поехали на берег моря, где вышли у какой-то кафешки с задней стороны большого отеля. Там мы просидели больше часа; Иоав заказал шашлыки, и мы говорили на этот раз на иврите. Он говорил необыкновенно интересно, как он ведет занятия. Это, конечно, замечательно, но это по существу не лекции, а семинары. Он ставит такие, например, вопросы, как: что значит вообще – дать характеристику философии, что при этом имеется в виду; значение смерти. Он исходит из того, что, конечно, семьдесят пять процентов студентов от этого не могут много получить, но это те семьдесят пять процентов, которые все равно учатся для диплома, и не так важно, запомнят они или не

запомнят что-нибудь. Что же касается остальных двадцати пяти процентов, то для них это настоящий challenge, и они совместно ищут и находят литературу, он проводит с ними долгие часы, обсуждая то, что они собираются написать. Это, конечно, замечательно, и должно приносить огромное удовлетворение. Но когда я подумал о том, чтобы так организовать свои лекции, я почувствовал, что для этого нужно быть дома в языке. Если нет, если начать переспрашивать, заикаться и т.д., то результатом будет, скорее всего, чувство неудобства, замешательства и неловкости, которое означало бы провал всего. Но для семинара такой метод, очевидно, может пригодиться. Он состоит в том, чтобы ставить интересные и острые проблемы, которые могут быть неясны изначально и для меня самого. Конечно, это требует extensive reading¹ — мое слабое место. Но зато это дает интерес, напряжение, всеобщее участие.

Наблюдать Иоава там было страшно интересно. Он был в своей среде, в своем родном городе, куда уходят все его корни. Он был как рыба в воде. Во всем царила атмосфера легкости, оживления, веселья.

Конечно, нужно решить, что для меня является priority² — педагогический триумф или научные успехи.

2.8.1979 Ине на прощанье в "Архиве" дали прекрасную книгу N. Bethell, *The Palestine Triangle*, [London, 1979], которую я сейчас дочитываю. Потрясающий рассказ о событиях здесь в 1935—48.

Почему так интересно читать историю? Я заметил, что сейчас для меня гораздо интереснее читать историю евреев и Израиля, чем России. Я помню, мое первое впечатление от чтения исторической книги (это был Ключевский) было — насколько же я теперь лучше понимаю то, что происходит вокруг. Конечно, это очень

¹ Здесь: широкое знакомство с литературой (англ.).

² Первоочередность (англ.).

важно, и, читая такую книгу, я гораздо лучше понимаю мир, в котором живу, но все же дело не только в этом, конечно. Китайцы глубоко почувствовали суть истории, поняв ее как воплощение морали.

3.8.1979 Вчера смотрели израильский фильм о молодежи "Дизенгоф 99". Очень интересно и немножко грустно. Интересно, что на протяжении фильма никому из этой распущенной молодежи даже не приходит в голову раз выпить.

6.8.1979 Не так давно где-то встретил мысль о проблеме "collaborate – not to collaborate"¹. Можно говорить о некотором сходстве моей проблематики (китайской) и этой.

Надо сказать, что [эта] проблематика ставит столько вопросов, что в них не так-то легко проложить свой путь. Очень интересной кажется идея о легенде о Бо И. Конечно, тут легко предаться необоснованным измышлениям, но, с другой стороны, тут в том-то и интерес, чтобы поднять эту проблематику выше, чтобы сделать ее значительней, а значит, и ближе нам. Однако теперь уже достаточно ясно, что книгу написать за время этих каникул мне не удастся. Надо думать, что делать с тем крайне интересным материалом, который имеется. Сейчас мне хочется написать статью "Легенда о Бо И". Показать, что Бо И был первым конфуцианским героем, воплощавшим антиэтатистскую струю в конфуцианстве.

9.8.1979 Вчера придумал название для статьи: First dissident as a Confucian hero (The Po Yi legend)²

¹ Сотрудничество – отказ от сотрудничества (англ.).

² Первый диссидент в роли конфуцианского героя (легенда о Бо И) (англ.). Статья осталась незаконченной. Опубликовано в сборнике: "Confucianism: the dynamics of tradition", ed. I. Eber, New York, Macmillan. 1986, pp. 155–184.

Попробую сегодня начать писать набросок с основными этапами развития мысли. Может быть, это ускорит процесс написания, тем более, что план у меня созрел. Это удачное название, перекликающееся с моим собственным прошлым. К тому же, это пункт, позволяющий сделать далеко идущие выводы в отношении целого ряда существенных вопросов китайской идеологии, в частности, вопроса об этатизме китайской мысли, о роли Конфуция. Тот ход мыслей, который я разрабатываю сейчас, конечно, представляет собой нечто совершенно новое.

По существу то, чем я занимаюсь сейчас, можно назвать археологией идей. Диссидентская линия на тысячелетия ушла глубоко под землю, но она существовала и проявлялась в критические моменты.

13.8.1979 Вчера заказал билеты на полет в Испанию и обратно. Вечером были на вечере в семье Роз. Это было в самом деле очень интересно, в том числе и потому, что мы встретили там пару экстремистов, и он сказал, что считает возможным решить арабский вопрос, посадив арабов на грузовики и вывезя их из страны. Я спросил его, не думает ли он, что все же общественное мнение имеет значение, на что он ответил, что не ставит его ни в грош. В ходе этого вечера хозяин предлагал мне надеть кипу, но сказал, что он на этом не настаивает. Я поблагодарил его за кипу, но не надел ее. Потом он сказал, что, если я хочу, я могу помыть руки. Я пошел с ним на кухню, и он предложил мне помыть руки из кружки, на что я спросил, необходимо ли это, и он ответил, что нет. Тогда я помыл руки из крана. Потом у меня было чувство, что это было несколько слишком.

23.8.1979 Вообще все движется гораздо медленнее, чем хотелось бы, и часто вспоминаю замечательные слова Чэнь Ду-сю: "Человек не побежден до тех пор, пока он сам не скажет, что побежден". Между прочим, прекрасное объяснение сталинских

процессов — чтобы добиться поражения своих врагов, Сталину нужно было, чтобы они сами это заявили.

Конечно, больше всего меня лимитирует недостаточная трудоспособность. Писать удается не больше трех часов в день, причем вечером, как правило, уже ничего не получается. Иногда приходит в голову мысль, не лучше ли вообще отказаться от писания, но это все же было бы признанием поражения. Хорошо, я могу сделать не много, но все же я делаю то, что могу. Образец — моя статья об усин, по сути дела является результатом трехлетнего труда. Одна статья после трех лет — не много, но зато статья получилась классическая, и я уверен, что ее, начиная с 1982 года, будут много цитировать. Теперь у меня на подходе статья о Бо И, которая, я уверен, будет также новым словом. Ну что же, не так плохо. Нет причин впадать в уныние, если мне самому это интересно.

4.9.1979 Днем, чувствуя, что не могу заниматься ничем творческим, пошел в банк и уладил ряд финансовых проблем (в том числе получил разрешение на кредитную карточку). Все эти вещи я чувствую как часть свободы, и поэтому с удовольствием занимаюсь ими.

Дебби [Шиплер]¹, которая спросила, не скучаю ли я по московской дружбе, не может, конечно, всего этого понять. Она никогда не была рабом, и не знает, что такое свобода.

6.9.1979 Надо сейчас составить окончательный план письма в "Journal of Asian Studies" [о проблемах периодизации в историографии Китая]². Мне было бы не-

¹ Жена Дэвида Шиплера, корреспондента газеты "Нью-Йорк таймс" в Израиле (1979–1984). В 1975–1979 гг. он был корреспондентом той же газеты в Москве, где с ними познакомились Рубины.

² Речь идет о статье "The periodization problem in the histo-

интересно заниматься этим, если бы не желание пнуть священную корову марксизма. Конечно, я не могу упустить случая рассчитаться с марксятиной. Письмо должно быть хорошо обоснованным, потому что оно, конечно, вызовет негодующие отклики. Как же! Я посягнул на священную корову.

Думаю, что, пожалуй, стоит оформить это не как письмо в редакцию, а как отдельную статью. Тогда полемика будет только поводом для серьезного разбора этой проблемы. Тут можно будет опираться на мои прежние работы двадцатилетней давности (1955–1957). Теперь, наконец, можно будет высказать то, что я на эту тему думаю.

9.9.1979 Вчера Зеев Кац рассказывал о своей поездке в Россию. Он необыкновенно интересно рассказывал о своих киевских приключениях, о том, как он видел новый советский стриптиз в Ленинграде, и т.д. На стриптизе какой-то канадец сказал: "Проклятье! Даже и это они сумели испортить!"

14.9.1979 Итак, пятьдесят шесть. Многого или малого достиг? Кто знает.

Вчера кончил статью о периодизации. За окном работал отбойный молоток, но мобилизоваться помог пример Э. Кузнецова, чью вторую книгу ["Мордовский марафон"] я сейчас дочитываю. Какая потрясающая судьба! Писатель милостью Божией, которому шестнадцать лет не давали писать, держа в таких условиях, по сравнению с которыми "Мертвый дом" действительно санаторий. Не сомневаюсь, что он будет знаменит не меньше Солженицына, и талант, и интеллект его на самом деле и глубже, и гуманнее Солженицына. Фигура Кузнецова — фигура гиганта, и вся его судьба — одно из свидетельств и роли евреев в России, и вырождения,

riography of the CPR", in: "Chinese culture", vol. 22, No. 2, June 1981, pp. 87–92.

и деградации последней. Очень интересно, как сложится его судьба здесь. Для него еще остается открытой возможность политической карьеры, но я думаю, что поскольку ему будет жаль тратить время на изучение языков, эта возможность останется неосуществленной.

Сегодня ночью ездили к Котелю слушать слихот¹ и шофар, а потом поехали с классом Дани на Хар ха-Цофим смотреть рассвет над горами Иордана. И величественное зрелище, и дети, скачущие и веселящиеся в амфитеатре², — все это незабываемо.

18.9.1979 Сегодня были в Тель-Авиве на пресс-конференции по поводу здоровья узников Сиона. Пресс-конференция была никуда не годная, но интересно было увидеть Кузнецова, Хноха, Бутмана, Авиталь. Кузнецова я сначала не узнал, когда увидел человека довольно низкого роста (ниже меня) в темных очках, русоволосого и с узкими губами. Когда я сказал ему, что прочитал уже его книгу и попросил подписать ее, он спросил меня, что я думаю. Я ответил, что глава об Альберте [из книги "Мордовский марафон"] — классика, что через пять лет он будет более знаменит, чем Солженицын.

24.9.1979 Вчера перечитал написанное о Бо И. Когда я думаю об этой статье, я вижу, что в ней есть то, что наиболее интересно и существенно в исторической работе — переоценка известного материала с новой точки зрения, с той точки зрения, которая непосредственно связана с моим лично историческим опытом и с историческим опытом эпохи. Конечно, как во всякой на-

¹ Ед. ч.: слиха; букв.: прощение (иврит). Молитвы о прощении грехов, которые читаются во время постов и десяти дней покаяния между Рош-ха-Шана и Иом-Киппуром.

² Около Иерусалимского ун-та, в кампусе на горе Скопус (Хар-ха-Цофим).

стоящей scholarly work¹, есть неадекватность между основным тезисом, который в конце концов может быть сформулирован в нескольких фразах, и долгим и обстоятельным путем доказательства. Но этим-то и отличается серьезная работа от несерьезной.

3.10.1979 В Испании с двадцать шестого сентября.

Вчера были в Эскуриале и Аллее Павших. Аллея – потрясающее место: огромный крест в горах, под ним в толще горы – базилика, колоссальная, с фигурами, имеющими для испанцев глубоко символический смысл. В базилике – могилы Франко и Примо де Ривера.

7.10.1979. Вчера были в гостях у Габриэля Амиама², где собралось человек семь испанцев – его друзей. К сожалению, никто не говорил по-английски (даже журналисты), и пришлось обращаться за его помощью в качестве переводчика. Беседа была очень оживленной, главным образом в силу участия в ней замечательной женщины Кармен, которая сказала, что ей хотелось бы пригласить нас остаться в Испании, но поскольку Испания превратилась в говно, ей хочется сказать: "Уезжайте поскорее". Она разъяснила, что она против демократии, за авторитет и иерархию, на что я ответил, что и я за авторитет и иерархию, но не вижу здесь противоречия с демократией. Когда я спросил их, не считают ли они Франко великим национальным лидером, она ответила положительно и сказала: "И добрым притом". На мое предположение, что коммунизм потерпел в Испании поражение именно потому, что он шел вразрез с испанским национальным духом, духом христианства, католичества, они ответили, что не только это,

¹ Научная работа (англ.).

² Испанец, вывезенный ребенком в СССР во время гражданской войны в Испании, а затем вернувшийся в Испанию.

но и то, что испанский дух индивидуалистичен, и это также идет вразрез с коммунизмом. Очень интересно, что врач, лечащий китайского посла, рассказал, что посол сказал ему то же, что сказал им о будущем Китая и я: что Китай должен вернуться к конфуцианству. Интересно, что посол решился сказать ему это (прибавив, что пять лет назад он не решился бы это сказать); он также сказал, что Мао останется эпизодом в истории Китая.

12.10.1979 Итак, ночью с десятого на одиннадцатое вернулись из Испании. Как всегда по возвращении, наваливается куча обязанностей и информации. Но хочется и подвести итоги.

Первое — то, что Испания теперь уже не просто звук и место на карте. Этот звук и это место ожили, став живым воспоминанием. Пожалуй, лучшими были моменты в Толедо и в Севилье, а также путь от Торремолинос в Севилью с переходом от пышности Средиземноморья к суровости Атлантического берега. Прекрасен был путь через Гвадарраму и Ла Гранху в Сеговию, с чудесными лесами и воздухом такой чистоты, что его хотелось пить. Замечателен величием весь комплекс Эскуриала, хотя сама символика решетки, на которой поджаривали св. Лоренцо, кажется мрачным погружением в мир пыток и садизма; конечно, эти пытки и садизм являются испытанием, особенно подчеркивающим величие духа и твердость веры, и в этом смысле решетка ничем не отличается от креста (что и отмечалось китайскими критиками христианства, возмущавшимися тем, что крест — изощренное орудие мучительной казни — служит основным символом христианской религии); но назойливое повторение этой темы производит все же впечатление некоего упоения жестокостью — черты, очевидно, действительно свойственной испанцам, судя по их любви к бою быков (зрелищу, на которое мы, к сожалению, не попали).

И тут надо сказать, что если Греция возбуждала вос-

поминания детства, и ее руины и дикая прекрасная природа глубоко волновали именно тем, что мы видели перед своими глазами те самые места, которые стали великим мифом всей западной цивилизации, то в Испании мы видели живую культуру и народ, и сейчас творящий свою культуру и живущий полной жизнью. Содержание этой жизни — католицизм, некоторые черты которого отчуждают своим идолопоклонством. Это особенно почувствовалось в городе Св. Терезы — Авиле — городе, окруженном стеной XI—XII вв., со множеством башен, где показывают крест из дерева дома, где родилась Тереза, ее палец и т.д. В памяти останется и вечер шестого октября, разговор с испанцами, подобного которому не было у нас в Греции.

13.10.1979 Надо сознательно сопротивляться тенденции к тому, чтобы слишком много душевных и умственных сил отдавать столь новым и даже в определенной мере занятым финансовым и прочим материальным проблемам. Сосредоточиться на духовной жизни здесь труднее, чем в России, — там жизнь была настолько тусклой, в ней было так мало возможностей: занятие духом, культурой там было тоже своего рода *escape*¹. Здесь же столько возможностей разного рода удовольствий, столько различных комбинаций с деньгами, покупками и т.д., и все это настолько ново и настолько пахнет свободой, что трудно оторваться от этой увлекательной игры.

15.10.1979 Когда пишешь, всегда приходят новые мысли. Когда думал над формулировкой своего несогласия с F. Mote², пришел к выводу, что на самом деле в Древнем Китае основной формой протеста было не *eremitism*, а *departure*³. И тут подумал: так это же точ-

¹ Здесь: уход, бегство от действительности (англ.).

² Современный американский китаист.

³ Отшельничество; уход (англ.).

но наш путь! И хотя наша departure была не только откуда, но и куда, сходство все же поразительно. Оно показывает, что вопреки непониманию этого рядом современных деятелей на Западе, эмиграция издревле была формой протеста.

20.10.1979 Сейчас, просматривая свои старые дневники, наткнулся на запись от декабря 1968, в которой я предвижу будущий ход событий и выпуск евреев, исходя из разгула антисемитизма. Все же есть у меня, значит, историческое чутье. Здесь, однако, все гораздо сложнее, потому что я не чувствую так, как там, психологию этого народа, и есть в ней элементы, которые мне совершенно не ясны.

26.10.1979 Прочитал вчера "Зону отдыха" Канделя и написал ему письмо. Очень хорошая книга, смешная до крайности, хотя и не веселая.

Вчера слушали концерт [Израильского] Филармонического оркестра. Звук прекрасный, однако программа была не столь интересна. Но во всяком случае есть чувство, что вернулись к некоторым уже давно оставленным культурным привычкам.

30.10.1979 Название доклада [для конференции в Чарлстоне]: "История как место понятия истины в раннем конфуцианстве". Я думаю, что доклад может быть очень интересный. Начать можно со сравнения места понятия истины в еврейской философии и в конфуцианстве. Отметить, что фактически это понятие, тесно связанное с knowledge¹, было в центре европейской философии. В конфуцианстве этого понятия нет вообще, но есть теория чжэнмин ["исправления имен"], которая впоследствии, со времен Мэн-цзы, понималась как теория "правильных наименований". Иначе говоря, именно соответствие наименований действитель-

¹ Знание (англ.).

ности выступает как ценность. Однако значение этой ценности совсем другое, чем в Европе, где она выступает как абсолютная цель. Здесь же [в Китае] она должна помочь правильной политике.

1.11.1979 Вчера получил из Тайваня приглашение на конференцию синологов. Приглашение личное, с оплаченным билетом и пребыванием там с пятнадцатого по двадцатое августа 1980. При этом надо написать работу на тридцать-пятьдесят страниц и прислать ее к ним к двадцатому июня. Я послал им вчера телеграмму с согласием, а сегодня отправил заказное письмо с темой: "Problems of gentleman's political activity in classical Confucianism"¹.

2.11.1979 Впервые видел настоящие еврейские похороны, без гроба. С. лишился, таким образом, за один год двух своих самых близких людей. Но держался он, как всегда, замечательно. Вообще, я заметил в этой семье, как, может быть, и в других израильских семьях, как бы точнее выразиться, простое и естественное что ли отношение к смерти. Without excessive grief². Как бы доминирует мысль, что жизнь должна продолжаться.

6.11.1979 Завтра думаю прочитать лекцию о конфуцианстве таким образом:

1. Духовный мир до Конфуция:

а) Отметить, что Конфуций, подобно Иисусу, строил на основе уже существующей цивилизации и культуры. Но можно сказать, что роль Конфуция в китайской культуре и больше, и меньше, нежели роль Иисуса в христианстве. Дело в том, что Конфуций, с одной стороны, традиционно рассматривался как редактор, а отчасти и автор существующего до него канона, в то вре-

¹ К вопросу о политической активности цзюньцзы в классическом конфуцианстве (англ.).

² Без чрезмерных проявлений горя (англ.).

мя, как о Христе этого сказать нельзя.

б) Коротко рассказать о господстве Шан и Чжоу, упомянуть о том, что в период Шан сложились основы китайской математической культуры и китайского письма. Но чего мы не находим в Шан, так это морали. Религия, которая, конечно, существовала в эпоху Шан, не имеет отношения к морали. Появление такой религии – важнейшее достижение сравнительно примитивного племени Чжоу.

в) Основные концепции этого нового взгляда:

1) Тянь [небо]. Отметить различные интерпретации этого термина; то, что сначала он носит достаточно антропоморфный характер. Потом, в ходе развития китайской философии, он все чаще стал интерпретироваться как закон природы. Можно сказать, что определенное религиозное значение он сохранил до конца традиционного Китая, но это понятие утратило личностный характер.

2) Связь понятия тянь с понятием минь [народ]. "Небо видит глазами народа и слышит ушами народа". Поэтому Небо дает мандат на управление тому, кто заботится о народе. Можно сказать, что его "выбирает" народ, выражающий свое недовольство предыдущим правителем. В этом смысле это можно сравнить с демократической теорией народного представительства на Западе. Но тут смена династии происходит приблизительно раз в триста лет, и не в ходе выборов (теории народных представительств в западном смысле в Китае так и не возникло, и по существу ее нет и до сих пор, ибо и в национальном Китае нет до сих пор демократии, но существует авторитарный режим). Отсюда – понятие о династическом цикле и о революции как о перемене мандата.

3) Понятие тянься [Поднебесная] как Китая. Специфика китайского представления о мире и о месте в нем Китая. Последующее самоназвание Чжунго¹

¹ "Срединное государство" (чжун – середина; го – государство; кит.).

также подчеркивало центральное значение Китая.

4) Представление о том, что Поднебесная должна быть единым политическим целым, во главе которого стоит династия, назначенная управлять Небом. В связи с этим — понимание раздробленности как аномалии. Тут же рассказать, что, при всем при этом, мир Китая был миром раздробленности, что воспринималось Конфуцием как ситуация неправильная, как вырождение и разброд.

Отметить, что, несомненно, тот факт, что Китай на протяжении тысячелетий сохранился как единое государство, в значительной мере связано с идеологией тяньмин [веление Неба; судьба], с мыслью о том, что во главе китайской цивилизации должен стоять один лидер, объединяющий в себе качества политического, морального и религиозного руководителя.

7.11.1979 Итак, сегодня вторая встреча с семинаром. Что я буду говорить о самом Конфуции?

1. Годы 551—479. Фигура абсолютно не драматичная, по сравнению с другими основателями религий — Буддой, Христом. Он сформулировал основной подход китайской цивилизации к человеку, выдвинул идеал человека и основное понятие, которое осталось центральным понятием конфуцианской традиции — понятие гуманности (жэнь).

2. Биография. Подчеркнуть, что Конфуций не хотел быть учителем; он хотел быть политическим деятелем, но именно в этой области он потерпел неудачу. В той же области, где он не думал особенно преуспеть, которую он рассматривал как что-то вроде "прибежища для обойденных судьбой", он одержал победу, которую без преувеличения можно сказать, что это победа всемирного значения.

Самым выдающимся моментом было его путешествие, когда он пытался добиться того, чтобы правитель доверил ему управлять в соответствии с его принципами. Однако из этого ничего не вышло, и Конфуций вернулся в Лу и вскоре умер.

17.11.1979 Были сегодня на экскурсии в Мошава германит¹. Я подумал во время экскурсии, что это удивительный исторический эпизод – возвращение в Иерусалим нашего маленького народа, в то время, как на этот город претендуют такие огромные общины, как мусульмане и христиане. Как долго это продлится? Мне кажется, что сейчас мы представляем здесь мир Запада, который находится в состоянии глубокой деморализации и отступления перед силами Востока. Нужен какой-то сильный шок, чтобы побудить Запад вспомнить об основных своих ценностях и осознать их. Быть может, иранское варварство окажется таким спасительным шоком. А так как Иран воплощает силы мусульманского фанатизма и обскурантизма, то можно ожидать и понимания некоторых существенных особенностей мусульманства.

Мусульмане совсем осатанели: сегодня захватили Каабу и американское посольство в Пакистане. Авошь, это поможет ликвидировать американскую робость.

22.11.1979 Ночью не спалось и слушал советское радио. "Любовная песня" оказалась песней о любви к родине, со словами: "Не для того, чтоб ты меня любила, а потому что я тебя люблю". Передавали также радостные новости о начале варки целлюлозы, об открытии цеха бытового обслуживания и т.д.

Иногда хочется сказать израильтянам: "Вы дураки. Вы не понимаете наиболее важных вещей в жизни. Не зная, что такое отчаяние, вы не понимаете, что такое радость. Не зная, что такое рабство, вы не понимаете, что такое свобода". Вспоминаю хохотушку, которая сказала: "А разве в Израиле можно быть счастливым?"

Разброд и взаимная ненависть среди мусульман (по видимому, Каабу захватили шииты-мессианисты) – лучшая новость последних дней. Уродливая, искажен-

¹ Район Иерусалима, основанный одной из немецких христианских сект в 80-х гг. XIX в.

ная ненавистью исламская рожа — вот что может помочь излечиться от культа "третьего мира" и от готовности терпеть от него любые мерзости.

25.11.1979 Сегодня утром после медитации почувствовал себя обновленным. Восхитительное мгновение, когда шевельнулась надежда. Как будто нельзя было сказать, что раньше я был в состоянии безнадежности, но было как-то внутренне тесно и тоскливо, и о надежде я не помнил. И вот в момент внутренней сосредоточенности я о ней вспомнил, и она осталась со мной.

26.11.1979 Наконец-то в нашей общественной жизни происходит что-то очень приятное. Объявленная Гистадрутом¹ на завтра всеобщая забастовка явно проваливается, а сам Гистадрут делается всеобщим посмешищем. Тут наконец наши израильяне отказались подчиниться наглým демагогам.

29.11.1979 Вчера был очень хороший день в плане занятий. Шмулик оказался очень умным парнем, задававшим хорошие вопросы, и мне явно удалось его заинтересовать.

Что касается семинара, то тут было, в определенной мере, чувство пробитой стены. Моя тактика, заключающаяся в том, чтобы приблизить и сделать мой предмет не академическим, а живым, принесла плоды и в форме поддержки, и в форме противодействия. Сравнение Мо-цзы с социалистами вызвало возражение со стороны какого-то юного бородача, который заявил, что не видит оснований для подобных сравнений; кроме того, он заявил, что СССР — это не социализм. Интересно, что его мнение вызвало противодействие других студентов, и между ними разгорелся спор. Очень мне понравилось замечание одной девушки о том, что нельзя назвать утопией идею "identification with one's

¹ Объединение израильских профсоюзов. Основан в 1920 г.

superior”¹, если эта идея была в точности осуществлена Мао Цзе-дуном. На это я ответил, что, как заметил Бердяев, проблема XX века в том, что оказалось, что утопии слишком легко осуществляются. Это вызвало сочувственный смех. Кроме того, я был обрадован реакцией на мое замечание, что культ труда оказался идеологической основой концлагерей XX века, и именно в этом плане замечательна еврейская теория субботы, с самого начала провозгласившая, что есть в жизни что-то выше труда.

В общем, вчерашний пример показал, что сейчас у меня создалось несравненно больше возможностей для творчества, чем раньше. Фактически я готовился к обеим лекциям только за день.

16.12.1979 В пятницу вечером были у Шиплеров, где Дэвид рассказал, что уже в 1963 году Липавский предложил свои услуги в качестве стукача (чтобы спасти своего отца) некоему Б. Каменецкому, который в то время был прокурором в Ташкенте и который сейчас находится здесь. Он был здесь уже в 1977 году, во время суда над Щаранским, но ничего не сказал из страха, что его младшего брата не выпустят из Ленинграда.

Итак, вопрос решен, и мое мнение опровергнуто фактами. Липавский, как правильно сказал Дэвид, выглядит все же трагической фигурой; он ведь разрушил свою собственную жизнь, чтобы спасти отца. Вчера здесь была Тамара Гальперина, которая все время говорила, и говорит до сих пор, что она уверена в том, что он смертельно ненавидел их, и на самом деле любил нас. Да, я думаю, что она права, но он, будучи связан по рукам и ногам, предавал нас и служил им.

20.12.1979 Вчера получил письмо от координатора конференции в Чарлстоне о том, что они приняли мой

¹ Полная солидаризация с мнением вышестоящих (англ.).

доклад. Надо послать им abstract¹ к концу января. Мне кажется, что это может быть очень интересно.

Общий план:

Определение истины. Отметить, что одним из весьма значительных фактов истории китайской философии является отсутствие понятия истины как такового.

Теперь подумать о структуре работы.

1. Роль понятия истины в китайской и греческой философии. Контраст.

2. Единственная концепция, которая может быть сравнена с концепцией истины, — это концепция "исправления имен".

3. Переход концепции "исправления имен" из политической сферы в историческую.

4. Таким образом, именно история стала сферой истины как таковой. Но это была не истина объективного описания, а истина справедливого суда. Задачей истории стало говорить, что "хорошее хорошо, а плохое плохо".

5. Понимание истории как справедливого суда резко противоречит греческому противопоставлению истории и истины как чего-то хаотически изменяющегося — чему-то вечному и неподвижному. По сути дела в идеологическом плане вся история начинается с Мэн-цзы. До этого рекомендации Конфуция относятся к политике, и он их дает именно в ответ на вопрос, как управлять. Вероятно, действительно "исправление имен" надо понимать как "исправление наименований". Тогда смысл этого наставления в том, что надо бороться с ложью. Начиная же с Мэн-цзы получается, что, поскольку эра императора как "совершенного правителя" кончилась, функция, которую уже невозможно выполнять в политике, перешла в историю. Интересно, что Мэн-цзы говорит об истории так, как будто это политика. Ведь никакой реальной власти у Конфуция не было. Была, однако, власть морального суда. Таким

¹ Резюме (англ.).

образом, можно сказать, что власть истории была своего рода судебной властью, и она была (со времен Конфуция) независима от власти императора. Отсюда, очевидно, и возникла странная для Китая традиция независимости историков.

28.12.1979 Да, неувязочка получилась у русских в Афганистане: вместо того, чтобы явиться по приглашению оказать "братскую помощь", они явились, и потом уже при помощи переворота организовали "приглашение". Но с афганцами воевать, как показала история, дело не простое, и, по всей вероятности, медведю придется там завязнуть. Афганцы не чехи и подчиняться русским не будут, тем более, что помощь им будет оказываться и из Ирана, и из Пакистана, и, может быть, из США. Тупость русской политики ясна с первого взгляда. Не будет ли это последней каплей? Это вполне в духе мировой истории — гигант должен упасть, наткнувшись на маленький сучок.

Дочитываю книгу В. Буковского "И возвращается ветер". Книга интересна не талантом, а поразительной судьбой.

1.1.1980 Когда я кончил говорить¹, много людей подходили ко мне и пожимали руки. А когда я спросил, как можно назвать современных советских евреев, если ясно, что название "евреи молчания" уже не подходит, и ответил "Jews of the human dignity"², меня прервали аплодисментами. Интересно, что я чувствовал полное сочувствие, когда объяснил, что еврейское

¹ На семинаре у президента Израиля Ицхака Навона. Семинар был посвящен проблемам ассимиляции.

² "Евреи человеческого достоинства" (англ.). Парафраза известного выражения, введенного в обиход современным еврейским писателем, лауреатом Нобелевской премии мира Эли Визелем, который назвал советских евреев "евреями молчания".

движение — часть движения за свободу в СССР.

Да, очень приятное чувство, когда удается сказать в такой аудитории то, что хочешь. Я почувствовал некоторое движение, когда я сказал о "красном фашизме". Начал я с того, что объяснил, что дает мне право выступать здесь — Урбах меня представил как профессора синологии. Я сказал, что был в 1972—1976 одним из еврейских активистов, и в советских газетах я фигурирую как человек, который завербовал Щаранского на службу Си-Ай-Эй. После этого я начал с объяснения трудности передать "living experience"¹, которое бы дало ощущение другого мира.

7.1.1980 Сегодня девятнадцать лет как нет папы. Сейчас прочитал то, что написал год назад. Вспоминаю, как страшно было жить после смерти папы, каким черным казалось все впереди. Передо мной вставал образ семьи, растерянно сидящей вокруг потухшего очага. Свет погас, впереди длинные, темные, бессмысленные годы.

Через три с половиной года не стало и мамы, и я помню, как на меня подул странный и устрашающий ветер свободы. И история шла вперед, и делалось возможным и осмысленным то, что еще вчера было бы самоубийством в глухой темноте подвала.

13.1.1980 Вчера вечером смотрели "The last tango in Paris"². Тот же конфликт природы и цивилизации что и в "Чжуан-цзы". Природа в виде brutального самца, в котором привлекает сила и безудержность разоблачения всех штампов, условностей и лжи цивилизации (а условности цивилизации, построенные на преодолении животной природы человека, неизбежно должны выступать в форме лжи, прежде всего потому, что они

¹ Жизненный опыт (англ.).

² Фильм итальянского кинорежиссера Б. Бертолуччи с Марлоном Брандо в главной роли.

в той или иной мере навязываются всем, в том числе и большинству, которое не способно этот животный уровень преодолеть, но, с другой стороны, не решается и на открытый бой). Цивилизация — в виде ничтожного пошляка, не способного ни на какое чувство и не живущего, но снимающего фильм.

17.1.1980 Сегодня маме исполнилось бы семьдесят девять лет. Не думаю, что она хотела дожить до этого возраста. Она, как и папа, сама не хотела жить лишь для того, чтобы жить. Она предпочитала умереть. Мое отношение к этому вопросу, может быть, от них: и я не склонен цепляться за жизнь любой ценой.

20.1.1980 Вчера были на очень приятной party в Мишкенот-Шаананим у Максимова.

Очень приятно было поговорить с Кузнецовым. Рассказал ему, как использую его дневники для анализа возрождения еврейского сознания; он сказал, что для него еврейство было освобождением — интересная и неожиданная интерпретация.

Пошли с ним на пари относительно того, выведут ли советские войска: как это ни странно, он думает, что они сумеют замирить Афганистан до первого июля и вывести оттуда свои войска. Яша Цигельман разнимал нас. Приз — бутылка шампанского.

Да, вчера я видел человека, которым, может быть, восхищаюсь больше, чем кем-либо из живущих, и которому считаю себя обязанным за свою собственную свободу. После чтения дневников у меня оставалось к нему отношение личное — что-то есть в самом дневнике, какая-то пронзительно-трагическая и глубоко личная нота, не позволяющая видеть в нем только документ и заставляющая взглянуть в лицо автора.

22.1.1980 На лекции о "Чжуан-цзы" я упустил высказать свой новый подход к критике цивилизации. Этот подход заключается в том, что критика цивилизации неразрывно связана с самой цивилизацией, ибо вы-

сокая цивилизация (подобная китайской) всегда связана с наличием высокой идеологии, содержащей призыв и порыв к подъему человека на высший уровень; можно сказать, что каждая такая цивилизация стремится поднять человека над ним самим, ввысь, к уровню, доступному лишь немногим избранным. Когда такое учение становится в центре цивилизации (здесь можно видеть параллель между христианством и конфуцианством), то оказывается (даже, по-видимому, до официального признания и принятия этой идеологии), что принятие этой идеологии становится обязательным для всего населения. И тут оказывается, что, на словах принимая учение, ведущее ввысь, большинство не в состоянии этому учению следовать. В то же время у него нет ни смелости, ни интеллектуальных, ни моральных ресурсов для того, чтобы этой идеологии открыто противостоять. И вот создается ситуация, при которой идеология превращается во фразеологию, и принятие ее большинством может быть охарактеризовано как лицемерие. Всякое учение, обращенное к широкой аудитории и достигшее ее, неизбежно должно сопровождаться лицемерием, просто в силу того факта, что нравственный идеализм (как и прочий идеализм) не может быть достоянием масс. И таким образом всегда есть искушение (а в известной мере и основание) видеть все учение (в том числе и его основателей) сквозь очки лицемерия и оценивать формулировки, содержащие этот высокий порыв, как выражение (естественно, замаскированное) каких-то эгоистических интересов — почва, на которой пасется все марксистское стадо. Но не только марксистское. Для Чжуан-цзы, однако, характерно другое обвинение: что проповедники морали становятся орудием жестоких правителей.

И, однако, эта критика должна быть подвергнута в свою очередь критике.

Во-первых, нет никаких оснований считать, что в идеологии, подобной конфуцианству, есть только лицемерие. Сила великого учения в том, что оно действительно способствует созданию элиты, в самом деле

достигающей высот культуры и нравственности. Пример конфуцианства в этом плане столь же значителен, как пример иудаизма и христианства.

Во-вторых, если говорить о народе, то тут наряду с явлениями лицемерия можно говорить об огромном цивилизующем усилии, гуманизирующем целые народы. И если рядовой человек не способен стать цзюньцзы, то учение Конфуция по крайней мере помогает ему стать человеком. Максималистское отрицание здесь так же бесплодно, как восторженная апологетика.

В-третьих, разоблачение морали как лицемерия может быть в свою очередь использовано для совсем уже циничных хищников и бандитов.

Арестован Сахаров. Что еще решила эта клика? Надеюсь, что его вышлют, как это было с Солженицыным. Трудно себе представить, чтобы его судили.

24.1.1980 Вечер двадцать второго января был лихорадочным. Сначала мне позвонили из русской службы нашего радио и попросили об интервью [по поводу ареста Сахарова]. Я согласился, а через несколько минут раздался звонок из службы на английском языке, и они предложили мне дать интервью по телефону. Через несколько минут интервью было взято, и потом, как рассказывает Ина, его передали в восьмичасовых известиях. После интервью на русской службе радио, когда я уже собирался уходить, мне сказали, что меня просят подъехать на телевидение, где меня тоже хотят проинтервьюировать для передачи "Мабат"¹. Я согласился, и, когда я вышел, меня уже ждал парнишка с машиной с телевидения, и мы поехали в Ромему². Вошли, и в комнате, где гримируют, я сразу увидел Хаи-

¹ Букв.: взгляд (иврит); ежевечерняя передача новостей израильского телевидения.

² Район в Иерусалиме, где помещается телестудия.

ма Евина¹, который сказал, что я должен буду гримироваться после него. Пока я сидел в этом кресле, он сидел рядом и задавал мне некоторые вопросы (например, может ли он сказать, что я друг Сахарова, на что я ответил, что нет, но что я знаю его, много раз его видел и один раз говорил с ним в его машине на пути в Москву из аэродрома Шереметьево, где мы провожали одного из еврейских активистов; слово "провожали" выпало у меня из головы, но я сумел выразить это иначе). Потом он попросил меня отвечать коротко, и мы отправились в зал. Как обычно, все имело там задрипанный вид; стул, на котором я должен был сидеть, был без спинки, так что Хаим [Евин] притащил другой стул; потом комната стала заполняться сотрудниками, и перед самым началом к Хаиму, запыхавшись, подбежал [журналист] Ахи-Меир и передал ему бумажку, полученную в последний момент. Между тем было уже девять, и напряжение нарастало, пока эту последнюю информацию вставляли в аппарат, который показывает диктору текст. "Go ahead"², — торопил Хаим. Наконец, началось: сначала два коротких документальных фильма об Андрее Дмитриевиче (причем в это время у всех было впечатление, что с минуты на минуту Сахаров должен прибыть в Вену — впечатление, возникшее, очевидно, под влиянием того, что мильтоны говорили тем, кто приходил к его дому, что он сейчас на аэродроме), потом — интервью со мной. Неприятной деталью было то, что Хаим спутал мое имя, и объявил меня как "Анатолий Рубин"; на мгновение мелькнула мысль поправить его, но потом, и, наверно, правильно, я решил не сосредотачивать на этом внимания. Само же интервью прошло хорошо и гладко, и, как говорит Ина, я хорошо смотрелся. Интересно, что большин-

¹ Известный комментатор израильского телевидения, с 1986 г. — его директор.

² Здесь: начинайте (англ.).

ство моих знакомых думали, что интервью было подготовлено и заснято раньше, и удивились тому, как я хорошо говорил на иврите.

29.1.1980 Очень интересно следить за international development¹. Впечатление, что под влиянием тупиц-военных советские сделали величайший политический просчет, изолировав себя в мире, ради приобретения никому фактически не нужного Афганистана. Их тактика постепенного, незаметного захвата по кусочкам отдельных территорий была эффективна в Анголе, Мозамбике, Эфиопии, но там не было столь грубого вторжения. Фактически массированное военное вмешательство должно быть припасено под конец, как неожиданный удар по западным идиотам. Это — такое раскрытие карт, которое можно позволить себе только в конце. Афганцы неожиданно сорвали этот милый сценарий. Своим свирепым сопротивлением тем мерам, которые, между прочим, в самом деле не лишены элемента прогрессивности (освобождение женщин, раздача помещичьих земель и т.д.), они сорвали кремлевский замысел захвата "тихой сапой", руками местных лакеев, незаметно и культурно. Ирония истории в том, что Запад, спокойно проглотивший захват Чехословакии, выступившей под знаменем гуманности и прав человека, заступился за дикий Афганистан.

Советские преждевременно сбросили маску.

30.1.1980 Опять был замечательный семинар — как праздник. Кончила свой блестящий доклад Гали Гиллад. Говорила она увлеченно, прекрасным языком, так что я (и не только я, по-видимому) получил истинное удовольствие. Потом начала говорить вторая умница — Наоми Иосефсберг, которая сравнила Мэн-цзы с пророками (и об этом стоит подумать), в заключение развив это сравнение.

¹ Здесь: международные события (англ.).

1.2.1980 Вчера был на собрании молодых американцев и канадцев, работающих для советских евреев. Эйтана рассказала свою историю. Когда слышишь все это, снова проходят [в памяти] те годы, и охватывает тоска и чувство бессилия.

13.2.1980 Вчера получил приятное предложение прочитать в Музее [Израиля в Иерусалиме] лекцию о китайской философии. Это будет пятого марта.

24.2.1980 Давно уже мне не было так тяжело. В этом году, впервые после приезда, я начал чувствовать тоску рутины и желание вырваться. Желание перемены. Неужели и для меня это так: неудовлетворенность собой, творческое бессилие и внутренний застой переносятся на внешние факторы, и бегство от себя выглядит как бегство из страны? Сколько мы уже здесь слышали таких историй!

Конечно, наш исход в основном не таков, и бегство из ада не нуждается для своего объяснения в психоаналитических ухищрениях. Но личность не меняется радикально, и если я был жертвой жутких приступов депрессии в течение всей жизни, если они прекратились под влиянием резкой перемены обстановки, то в общем нет ничего удивительного, что они возвращаются, когда жизнь входит в нормальное русло.

Что делать? Как с этим бороться? У меня есть сейчас достаточно возможностей для этого. Прежде всего, сама работа с ее challenges. В общем я могу сказать, что я многого достиг, но еще до совершенства так далеко. И столько задач, столько книг надо прочитать, столько проблем языка. Взять хотя бы сейчас придуманный мной семинар — обсуждение проблем человеческой природы. Как я его проведу? Что я буду говорить? Ведь все это надо продумать, чтобы прошло хорошо, и если я надеюсь на моих орлиц, то ведь невозможно заранее знать, придут ли они.

Итак, первый вопрос: есть ли человеческая природа?

Второй: как мы можем знать, что такое человеческая природа?

Третий: каковы черты человеческой природы?

Нужно продумать, какой линии держаться: говорить ли, исходя из материала китайской философии, или из опыта тоталитарного режима, существования при тоталитарном режиме?

Интересно, что для меня сам процесс решения — очень серьезная работа. Но тут я решительно склоняюсь к тому, чтобы говорить о вещах, волнующих меня, и, как показывает опыт, и их.

На первый вопрос я думаю ответить так: хотя можно сказать, что мы наблюдаем бесконечное разнообразие явлений, относящихся к человеку, однако в то же время есть моменты, которые объединяют все человечество во что-то одно. В первую очередь, это биологические моменты; во-вторых, это моменты, которые можно назвать культурными моментами. Они относятся к языку и к религии. В конечном счете можно сказать, что вопрос о человеческой природе — это вопрос о человеке. Естественнонаучный подход к этому вопросу заключается в том, что человек — особого рода животное, и вопрос в том, чем это животное отличается от других животных. Этот подход можно найти в древнекитайской философии, и с современной науке о философии.

Вопрос, таким образом, может быть поставлен в достаточно банальной плоскости: человек — один из видов животных. Однако вопрос в том, где же отличие, если такое отличие существует. И тут мы видим, что Мэн-цзы видит это отличие в нравственном сознании. Он не отрицает того, что у человека много общего с животным, но он видел отличие в том, что у человека имеется моральное сознание, которое выше и сильнее его биологической природы: "Для меня важна жизнь, но справедливость для меня важна не меньше. И если я не могу иметь того и другого, то я выбираю справедливость".

Таким образом, человеческая природа проявляется

именно в момент экзистенциального выбора. Мэн-цзы подчеркивает, что именно в этот момент перед человеком открывается нечто такое, что существует всегда, но что в обычное время человек не видит. Для того, чтобы он увидел это и почувствовал, нужен момент кризиса.

Часто кажется, что ты вообще ничего не можешь. И тогда мысль о том, что ты как-то справляешься, и уже перевалил за половину четвертого года преподавания, очень утешает.

25.2.1980 Сегодня у меня были на консультации Михал Унгер и Шмулик Хадар. С Михал был действительно очень интересный разговор, касавшийся того, что конфуцианцы не упоминают о страдании и смерти. Михал до этого сказала, что она видит жизнь трагически, что она склонна обращать внимание во всем на зло, страдание и смерть. После ее ухода я еще раз подумал, как это приятно — общаться с молодежью, и какая это благодарная профессия.

26.2.1980 Теперь предстоит выработать позицию и стратегию в отношении завтрашнего семинара. Встреча с Михал вчера была очень полезна и в том смысле, что она указала мне на проблему, на которую я не обращал особого внимания: на вопрос, который, казалось мне, не должен вызвать никаких дискуссий вообще: проблема того, что человеческая природа существует.

28.2.1980 Ну, что ж, семинар прошел ничего. То, чего я боялся, не случилось: активность была вполне достаточная. В общем в этом разговоре принимали участие все, и это было, конечно, хорошо.

Начал я с Иорит, и она ответила, что, по ее мнению, человеческой природы как таковой не существует — существует природа лишь отдельных людей. Тогда я спросил ее, не думает ли она, что само наличие языка, говорит о наличии общих черт в человеческой природе.

После этого начался весьма оживленный обмен мнениями.

Дискуссия часто превращалась в одновременный разговор всех, что было непросто прервать и вернуть в русло упорядоченной дискуссии. Интересно, что мое напоминание о том, что Мэн-цзы основывал свое понимание человеческой природы на чувстве, которое испытывает каждый, видя ребенка, который сейчас упадет в колодезь, было встречено скептически: мне в ответ были приведены аргументы, относящиеся к массовым убийствам. На это я ответил так, что ситуация массовых убийств все же не является нормальной человеческой ситуацией.

Кончил я тем, что сказал, что, как видно, вопросы, поднятые Мэн-цзы, и до сих пор могут служить предметом оживленных дискуссий.

2.3.1980 Сегодня — необычное зрелище: все покрыто глубоким снегом (около двадцати см). Прервано сообщение с Тель-Авивом, закрыты магазины — жизнь остановилась.

Совет безопасности вместе с США принял резолюцию не только против нашей политики поселений, но и за dismantling of existing settlements¹. Позорная и идиотская резолюция, показывающая меру лакейства США перед арабами. Думаю написать письмо Картеру и в "Нью-Йорк таймс" по этому поводу.

5.3.1980 Двадцать седьмая годовщина [со дня] смерти Сталина. Мы всегда праздновали этот день, а сегодня я отпраздновал его по-новому: первый раз прочитал публичную лекцию на иврите. Выступал в Музее на тему о китайской философии. Перед самой лекцией казалось, что плохо подготовился, и я лихорадочно дочитывал что-то. Но в конечном счете оказалось, что лекторский опыт помог: я говорил свободно, и сам

¹ Ликвидация существующих поселений (англ.).

чувствовал, что картина получается интересная. Пришли человек тридцать, и слушали они очень внимательно. В конце было несколько вопросов: об отношении к смерти и страданию, о том, почему конфуцианство и тоталитаризм несовместимы, почему Мао был против конфуцианства. В общем, в конце было очень приятное чувство. Теперь думаю предложить читать лекции в Цахал¹.

6.3.1980 Сегодня были на семинаре, посвященном вкладу советских евреев в израильскую науку. Встретили Авиталь, которая показала нам замечательное письмо от Толи, где он пишет, как он читает псалмы и какое это доставляет ему удовольствие и радость. К счастью, с глазами у него стало лучше благодаря какому-то иогическому рецепту упражнений, присланному его матерью. Теперь надо будет ему послать описание американского рецепта против головной боли. Получили книгу Авиталь² с рядом очень хороших фотографий.

7.3.1980 Вчера начал читать книжку Авиталь. Замечательные письма Толи. А вся история похожа на классические сюжеты о любви, верности, долге, благородстве с таким ясным и классическим текстом, от которого современный человек может просто оторопеть. Где же насилие? Где предательство? Где сексуальные извращения? Где неверность? Поистине жизнь таких людей, как Толя, есть свидетельство о человеке даже в самое скверное время. И может быть смысл тяжелых испытаний именно в том, что они стимулируют такое свидетельство.

Читая вчера книгу Авиталь, я был поражен текстом

¹ Армия Обороны Израйля (аббр. от Цва хагана ле-Израэль; иврит).

² А. Shcharansky with I. Ben-Joseph, Next year in Jerusalem, New York, 1979.

Толиного письма, где он говорит, что он вовсе не воспринимает все происшедшее только как трагедию. Какое блестящее подтверждение правильности конфуцианского оптимизма, свойственного человеку, активно творившему добро и находящему глубокое удовлетворение в этом сознании.

12.3.1980 Приближаюсь к завершению доклада¹. Нужно напрячь все силы, потому что от этого зависит моя поездка в Тайвань. Встает вопрос об общих выводах. Пожалуй, можно сказать, что Мэн-цзы ответил на вопрос в том, как должен вести себя цзюньцзы в безвременье, так, что он может и уходить, и оставаться.

Но другая, еще более интересная мысль, состоит в провозглашении принципа, что цель не оправдывает средства. Вот этой-то особенности политической и этической теории Мэн-цзы, кажется, никто не заметил. Это-то и должно быть то новое, что будет содержаться в моей работе.

Теперь встает очень интересная проблема политики в смысле необходимой меры аморальности — об этом хорошо пишет Н. Arendt. Определенная мера политического маневрирования известна мне и на собственном опыте.

Это само по себе, однако, подразумевает, что рассуждение "цель оправдывает средства", имеет право на существование в политике. Вопрос в том, как найти его границы.

Конфуцианцы никогда в этом вопросе не шли на компромиссы. И они, вероятно, были правы, поскольку они знали, что весь аппарат построен на антиморальных принципах. Единственное, на что они могли надеяться, это на то, чтобы сдержать эту аморальность,

¹ Для международной синологической конференции в Тайбэе (Тайвань). Доклад — "The profound person and power in classical Confucianism" был опубликован в "Proceedings of the International Conference on Sinology", Taipei, 1981, pp. 339–362.

и для этой цели они и подчеркивали свою бескомпромиссную позицию, полагая, что сама жизнь приведет к компромиссу, но в усилении нуждается именно моральная позиция.

28.3.1980 Вчера ездили на целый день в Эйн-Геди, совершили замечательную прогулку по Нахал Аругот, по изумительно красивому вади. Вернулись около семи, причем путь обратно был под сильным, почти ураганным ветром, когда кончался шараф¹, и солнце серебрянно светило сквозь облака на туманные силуэты гор, уходивших к Иерихо.

14.4.1980 Я до сих пор не решил, стоит ли ехать в Америку [на конференцию в Чарлстон]. Дело в том, что встреча с коллегами может быть очень полезна. Сегодня говорил с З., который мне сказал, что у меня достаточно денег на обе поездки. Может быть все-таки поехать? Все же какой-то контакт с коллегами. А что если погадать на "И-цзине"?

15.4.1980 Вчера "И-цзин" дал следующий ответ. №11: "The small departs, the great approaches. Good fortune. Success". И после трансформации, №41: "Decrease combined with sincerity brings about supreme good fortune... It furthers one to undertake something"². Итак, очевидно, стоит поехать. Тем более, что план доклада, который я составил, кажется очень интересным, и стоит подготовиться.

18.4.1980 Теперь нужно быстро подготовить черно-

¹ Жаркая сухая погода (иврит; арабский эквивалент: хамсин).

² Малое уходит, великое приходит. Счастье. Успех. Убыль в сочетании с искренностью приводит к высшему счастью... Это побуждает к действию (англ).

вик к Чарлстону. Самый интересный пункт – вопрос о правде. Подчеркнуть, что правда была моральной категорией, а не категорией познания. Надо обязательно взять тексты, говорящие о том, как первые историки поплатились своей жизнью за правду, попробовать выяснить идейные основы этой этики.

21.4.1980 Вчера вечером праздновали День Независимости. Мы прошли по центру, по Яффо и Кинг Джордж¹, запруженным толпами народа, детьми, танцующими хором. Часов в одиннадцать я вернулся. Показывали очень интересный фильм о сионистах двадцатых-тридцатых годов, в том числе о группе, отправившейся в Россию, и там в конечном счете уничтоженной.

23.4.1980 Вчера вдруг получил очень милое письмо от Мелвина Ласки по случаю прочтения моей книжки (стоит, значит, посылать!). Он предлагает мне написать что-нибудь для журнала "Энкаунтер", и я думаю предложить ему тему "Сюнь-цзы и Зиновьев".

29.4.1980 Вчера были на "Чонкине"². Страшно забавный спектакль, доводящий гротеск Войновича до предела.

27.5.1980 Феномен специфики китайской истории по существу так и не освещен, а он достоин того. Работу можно было бы назвать "История как суд".

Есть возможность подойти к этой теме с лингвистической позиции. Это – вопрос о воссоздании языка истории. Можно сказать, что весь ход исторического творчества можно изобразить следующим образом:

¹ Улицы в Иерусалиме.

² Пьеса, поставленная Иерусалимским театром "Хан" по роману В. Войновича "Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина".

сначала — приговор, который, несомненно, представлял собой лишь часть исторической профессии, но часть, по-видимому, центральную. Затем — возведение функции суда в высшую и единственную функцию истории, и, исходя из этого, попытка интерпретировать то, что было хроникой, как приговор, как evaluation¹. Это включало попытку найти в хронике своего рода код моральных суждений. Но что последовало затем? Хотя вся китайская история по существу признавала задачу praise and blame² как основную, но историческое творчество, содержащее, конечно оценку, все же шло в основном путем описания.

Конечно, тема "History: description or evaluation"³ может быть темой отдельного исследования еще и потому, что само побуждение рассказать глубоко заложено в человеческой природе; по существу, именно поэтому я и пишу. Ясно, что так должно было быть и в Китае, и это побуждение отличается от стремления извлечь урок, оценить и осудить. Плодотворность моего подхода я уже в той или иной мере выяснил хотя бы тем, что эта теория объяснила некоторые факты, которые существовали отдельно, без внутренней связи и необходимости. По существу, на европейском языке нет работы, где выяснялась бы эта специфика истории.

29.5.1980 Как случалось и в прошлые годы, чувствую большую умственную усталость. Правда, в этом году ситуация несколько иная, чем в прошлом, ибо в течение учебного года мне удалось закончить две работы, и одна из них — об истории — несомненно новая и очень интересная по мысли. Впервые я мог позволить себе отвлечься во время учебного года от подготовки к очередной лекции и писать работу.

¹ Оценка (англ.).

² Похвала и осуждение (англ.).

³ История: описание или оценка (англ.).

И, наконец, неожиданное достижение – шоферские права.

2.6.1980 Лечу в Нью-Йорк. По моим часам уже восемь пятнадцать вечера, а светло как днем, потому что летим вместе с солнцем.

Летим на самолете зеленого цвета, на носу которого нарисован американский флаг. Очевидно, именно поэтому самолет и не окружает полиция с автоматами (как было в Париже, Лондоне и других местах с самолетами Эл-Ал). Правда, затем, приглядевшись к людям в форме, я заметил там довольно много людей с нашивками "airport security"¹. Обстановка же в зале аэропорта была совершенно нормальная, наши евреи собрались за какой-то загородочкой и, конечно, молились. Я, кстати, заметил, как вне Израиля сразу меняется мое отношение к ним – начинаю чувствовать некую identity² даже с одетыми в лапсердаки.

3.6.1980 Тэрритаун [под Нью-Йорком].

Вчера около шести вечера прилетел в Нью-Йорк. Сейчас пишу в комнате, где будет кабинет Павла [Литвинова]. Вокруг – изумительные леса и прекрасное здание школы, увитое плющом. Павел ждал меня у выхода из здания аэропорта, и встреча была очень душевной.

7.6.1980 Люда Алексеева рассказала мне, что была на каком-то заседании, где выступал [президент Колумбийского университета] Мак Гилл, который подробно рассказывал обо мне. По тому, как он об этом рассказывал, она поняла, что для него самого мой случай был значительным этапом, заставившим его понять, что такое мужество; он так и говорил об этом, делая

¹ Служба безопасности аэропорта (англ.).

² Здесь: солидарность (англ.).

упор на том, что мужество, которое требуется человеку там, не сравнить с тем, что требуется здесь. Он об этом же говорил и тогда на митинге, но что мне интересно было услышать, это значение, которое он придает всему, что связано с моей историей, для себя. Это подтверждает мою правоту, когда в ответ на замечание Н. о том, что Бо И не создал ничего, я сказал, что он создал пример.

10.6.1980 [Чарлстон]. Итак, кончается первый рабочий день [конференции]. Самым забавным был доклад Сайруса Ли, в котором он пытался доказать, что Мо-цзы был китаец, побывавший в Иудее. Доказательства были, конечно, смехотворны. При этом очень интересным было отношение аудитории к этому вопросу: не только ни малейшего оттенка антисемитизма (никаких шуток в этом плане и т.п.), но, напротив, необыкновенное, я бы сказал, априорное восхищение евреями. Ли сказал, что он занимается этой проблемой уже тридцать лет (когда я потом, во время ужина, сказал проф. Чжану, что все это надо было принять как шутку, тот ответил, что для шутки это слишком долгий срок), и заявил, что, к счастью, среди нас находится еврейский ученый. Все это, конечно, было hoch komisch¹.

14.6.1980 Только что, вернувшись от Чжун-юэ Чжана, который на прощанье повозил нас по ночному Чарлстону, позвонил Ине и услышал ее голос. Это было хорошо, потому что утром, услышав по радио о предстоящей сессии Генеральной Ассамблеи о "правах палестинцев", как-то забеспокоился. Отсюда все кажется страшнее, чем от нас, из Израиля.

Интересная фигура — Сайрус Ли. Его доклад о Мо-цзы был совершенной ерундой, но сегодня он рассказал мне, что во время "великого похода" скрывался вместе со всей своей семьей шесть месяцев в горах от

¹ Очень смешно (нем.).

коммунистов, а брат его, не желая служить коммунистам, покончил с собой. Я поделился с ним наблюдением, что найти общий язык с китайцами легче, чем с американцами — wasp'ами¹.

Сегодня совершил две поездки по Чарлстону, исходя из того, что еще раз увижу этот город разве что в следующем рождении. Сначала в половине второго мы объехали город на специальном автобусе, потом отправились на пароходную экскурсию по заливу, мимо разных исторических мест, авианосца "Йорктаун", превращенного в музей, к американской военно-морской базе, которую объехали с подробными объяснениями капитана. Такое бывает только в США. Вот уж у кого нет психоза секретности.

Думал о том, как мне строить свою работу. То, что я не философ, мне ясно: я не живу понятиями философии, у меня нет комбинаторского и спекулятивного дара оперировать ими. По существу, меня привлекает интеллектуальная история, а это отнюдь не философия. Для этого нет необходимости в метафизическом горении; для этого нужны качества историка. Кстати, потому-то отклик на мой доклад был такой слабый, что по существу это доклад исторический, а не философский. Мне он кажется интересным как раз потому, что я чувствую историческую проблематику. Наверно, для того, чтобы понять, что я не философ, и надо было поехать в Чарлстон. Какие выводы надо будет сделать из этого — об этом еще надо подумать. Но во всяком случае часть завета "познай самого себя" выполнена.

22.6.1980 Вчера провел последний день в Нью-Йорке. Решил посмотреть стацию Свободы, поехал на метро к какой-то близко расположенной станции, а оттуда уже пошел пешком, ориентируясь по карте. Поездка

¹ Так в США называют американцев, ведущих свою родословную от выходцев из англоязычных стран, принадлежащих к протестантской религии (аббр. от White anglosaxon protestants).

была интересная — мне хотелось посмотреть этот воплощающий дух Америки монумент вблизи, но уж очень было много народа — суббота. Я подумал тогда, что американская толпа характерна тем, что в ней всегда представлены все три великие расы, но именно вследствие этого евреи как таковые в ней не заметны.

28.6.1980 Вчера были в гостях у К. и, как всегда, и Дэвид, и Рут говорили очень интересно и умно. Дэвид очень хорошо говорил о разнице американской и русской психологии, о том, что героизм Буковского, который планировал, как он должен использовать время после того, как его освободят, с тем, чтобы успеть как можно больше до следующей посадки, — что такого рода героизм абсолютно не доступен американцам.

30.6.1980 Вчера получил билет на Тайвань. Ура!

5.7.1980 Читаю "Политику" Аристотеля. Несомненно, очень поучительное чтение. Дает очень много занятного и интересного материала и кое-какие весьма неожиданные мысли. В то же время впечатление общей наивности.

6.7.1980 Прочитали замечательное интервью с Алэном Безансоном¹ из "Русской мысли", отвечавшее в определенной мере на вопрос, который мы обсуждали: почему в СССР люди нашего возраста — уже глубокие, безнадежные старики?

"Каков бы ни был нормальный традиционный режим, будь он реакционный или либеральный, умеренный или тиранический, время продолжает нести с собой и хорошее, и плохое, время одновременно и плохое, и хорошее. Мы стареем и обогащаемся опытом. А специфическое время коммунистических режимов

¹ Современный французский историк и советолог.

не несет с собой ничего, кроме износа и усталости. Каковы там признаки уходящего времени? Старость и усталость, изношенность плоти. Нет и следа того обогащения, каким обычно сопровождается физическое увядание. Почему же его нет? Потому, что жизнь состоит из разрушения того, что есть, и построения того, что существовать не может”.

16.7.1980 Казалось бы, я должен испытывать большой подъем перед захватывающей поездкой¹, о которой в той жизни невозможно было бы и мечтать. Но депрессия, умственное утомление препятствуют этому подъему. Казалось бы, вообще говоря, упоение своими успехами — неплодотворно, но мне для того, чтобы выйти из состояния *dejectedness*², стоит вспомнить, чего я достиг. Ведь когда я ехал сюда, я намеренно отстранял от себя страшную мысль, что я не вытяну. Я понимал, что с каждым лишним годом, проведенным в отказе, мои шансы войти в новую жизнь как ее полноценный участник все больше уменьшаются. Подчас я думал о том, что если я проведу еще пять лет в отказе, эти шансы сведутся почти до минимума. Однако я поставил на эту карту и должен был идти до конца, предоставив свою судьбу Богу. Я понимал, что не в состоянии предвидеть того, что произойдет со мной, и решил делать то, что подсказывает мне мой долг.

И в конце концов все сложилось на диво хорошо. Я оказался не только в состоянии овладеть ивритом, но и продолжить творческую работу в своей специальности. При этом, если я мог закончить свою первую серьезную работу уже два года назад, то лишь в этом году я начал участвовать в международных конференциях, и при этом участвовать активно, не просто посещая их, но и делая доклады. Конечно, это требует больших уси-

¹ На синологическую конференцию на Тайвань.

² Угнетенное, подавленное состояние (англ.).

лий, но я в состоянии это делать, несмотря ни на что, несмотря на медленность чтения, на трудности английского и т.д.

17.7.1980 Читаю "Политику" Аристотеля со скукой. Конечно, есть много тонкого, и очень нужно будет для сравнения, но уж очень все как-то *terre-a-terre*. Крайне мало ярких мест.

Конечно, очень бы хотелось взяться за какую-то новую исследовательскую работу. Может быть, взять тему "Profound person and the problem of harmony"?¹ Постановка вопроса такая: китайская философия – философия гармонии, на этом сходятся почти все комментаторы. Однако сама концепция цзюньцзы могла возникнуть только в качестве определенного протеста против растления и деградации политической жизни. Выражение, говорящее о том, что цзюньцзы нельзя ни запугать, ни купить, говорит о том, что сам образ цзюньцзы возник как протест, как утверждение личности, не желавшей мириться с происходящим. Следовательно, цзюньцзы есть единство гармонии и дисгармонии. Может быть так и назвать работу?

19.7.1980 Вчера вечером поехали за Р. в Ашкелон. Ночью выкупались в теплом и довольно бурном море, потом Р. покормила нас, и часов в девять мы отправились обратно.

Как при всех встречах с людьми, когда-то знавшими родителей и помнящими что-то, вдруг приоткрываются некоторые факты, о которых не знал и мог только догадываться. Так, Р. рассказала, что присутствовала при том, как папа писал письмо отречения от дяди Исаака. Я помню этот документ, найденный мною в свое время в папином архиве. Это было короткое письмо в "Правду", где папа писал, что не имел ничего общего с

¹ Цзюньцзы и проблема гармонии (англ.).

антисоветскими действиями, в которых обвиняется Исаак Ильич.

Я, прочитав его, подумал тогда, чего папе, должно быть, стоило написание такого письма. Р. рассказала, что помнит, что папа не хотел писать письма, но его уговорили, ссылаясь на жену и детей.

28.7.1980 Вчера получил от М. Ласки [редактора журнала "Энкаунтер"] необыкновенно милое письмо. Он просит меня написать о Зиновьеве и Сюнь-цзы по предложенной мной теме. Для того, чтобы вернуться к этой мысли, явившейся мне уже около двух лет назад, нужны некоторые усилия. Если сравнить Зиновьева и Сюнь-цзы, то интересно было бы поставить ряд вопросов. Во-первых, как вообще рассматривается вопрос о человеческой природе в Древнем Китае. Это сравнение (Зиновьев—Сюнь-цзы) должно стать ядром, из которого должна развиваться статья. Конечно, тема эта очень интересна, но надо придумать, как подойти к ней так, чтобы, с одной стороны, было видно, что я — китаевед; с другой, мой background¹ как диссидента.

Нужно многое прочитать и продумать прежде, чем я смогу представить эту статью, и в настоящее время проблема — найти правильное направление.

Прежде всего, очевидно, надо обратиться к Руссо и взять его классические тексты. Позиция Руссо, по-видимому, сводится к "возвращению к добровольному дикарю". Иначе говоря, природа человека хороша, цивилизация плоха, и было бы хорошо вернуться к первоначальной чистоте. Эта же позиция, но еще сильнее, выражается у Чжуан-цзы. Можно сказать, что вообще там, где говорится о такого рода конфликте, симпатии бывают на стороне человеческой природы. Собственно, из этого исходит вся линия протеста против цивилизации, то, что называется "примитивизм". По су-

¹ Здесь: прошлый опыт (англ.).

ти дела, очевидно, в определенной мере с этим связана и утопия.

С другой стороны, и фрейдизм является выражением этого же подхода: цивилизация как угнетение человеческой природы. Ответ Фрейда мне не ясен, но, надо полагать, он сводится к призыву к облегчению некоторых сковывающих моментов (проверить).

Итак, уже намечается некоторый *mainstream*¹, и Зиновьев в него укладывается. Он укладывается в ряд таких мыслителей, которые, по сути дела, видят природу человека как животного. Может быть, дальше вести рассуждение так:

Критика коммунизма часто исходила из того, что он противоречит человеческой природе. При этом исходили из того, что человеческая природа эгоистична. Те, кто с этой стороны критиковали коммунизм, исходили из того, что теория эта, может быть, и хороша, но нереалистична: человек в силу своей эгоистической природы слишком привязан к собственности, чтобы можно было построить общество на отказе от частной собственности. Можно сказать, что в этой констатации был оттенок сожаления.

Другим направлением, уже возникшим под влиянием опыта коммунизма, было указание на катастрофические результаты этой попытки. Таким образом, происходило "искажение" великой идеи, "обращение ее в свою противоположность".

Эту линию, исходившую из того, что коммунизм противоречит человеческой природе, Зиновьев решительно перечеркивает. В этом смысле он вносит новый элемент во всю критику коммунизма. Его подход заключается в том, что коммунизм не только не противоречит человеческой природе, но ей полностью соответствует. И в этом-то весь ужас. Эту природу, правда, он, дабы исключить всякие религиозные и метафизиче-

¹ Основное направление (англ.).

ские ассоциации, называет "sociality"¹, в конце концов, это то же самое — такое он дает определение (selfish behaviour²).

Что же интересно тут подчеркнуть?

1. Радикальное отчаяние. Если коммунизм противоречит человеческой природе, то есть надежда на его ослабление и свержение. Если он ей соответствует, такой надежды гораздо меньше.

2. Представление о цивилизации как о чем-то хорошем. Ностальгия по цивилизации.

12.8.1980 Сингапур.

Сегодня прилетел в Сингапур в девять тридцать по местному времени. Поскольку моим соседом [в самолете] был человек, много раз бывавший в Сингапуре, хваливший этот город и рекомендовавший совершить в нем все покупки, я все время старался заметить пороки в "хваленном" Сингапуре, и — не замечал. Везде — молодые китайцы, необычайно любезные и в то же время деловые. Уже при выходе из самолета я заметил, что автобусы здесь гораздо больше и удобнее, чем в Италии и у нас. Аэропорт — огромный, с прекрасным кондиционером (потом уже таксист сказал мне, что теперь строят новый аэропорт — этот уже считается старым), с необычайно быстро рассасывающимися очередями (хотя чиновник тщательно сверяет все, написанное в анкете, с записями в паспорте). Когда я начал искать свой чемодан, он уже давно крутился на конвейере. Эффективность и доброжелательность китайцев просто не поддаются описанию.

13.8.1980 Тайбэй. Двенадцать часов ночи.

Только что прибыл в Тайбэй и остановился в роскошном отеле "Golden Palace".

¹ Социальность (англ.).

² Эгоистическое поведение (англ.).

14.8.1980 Итак, мой первый "поход" по Тайбэю. Первое впечатление — нет воды! Вот чего никак не могло быть в Сингапуре. Не зря вчера была наполнена ванна — я, не задумываясь, выпустил воду, и теперь вынужден пользоваться одеколоном.

Различие с Сингапуром разительное: ничего подобного той чистоте и блеску; грязи особой нет, но ситуация, примерно, как у нас. Общее впечатление гораздо более бедной и скромной жизни. Очень много мотоциклистов, и для них отведена отдельная часть улицы. Когда я ходил по улицам (а это было в семь утра), на улицах были главным образом дети, шедшие в школу, — очень милые и интеллигентные мордочки, но все же тоже есть разница с Сингапуром — гораздо больше простых лиц.

Восемь часов вечера. День кончается лучше, чем начался. Я решил отправиться в Palace Museum. Он, действительно, прекрасен, и по красоте здания, и по своему расположению за городом, среди зеленых холмов, и по тем сокровищам, которые там собраны. Очень интересно было смотреть на китайцев, как живо они подчас реагировали на старинную живопись. Я же не могу сказать, что меня в этом плане что-то особенно поразило. Дело, может быть, еще и в том, что китайская живопись требует для понимания и прочувствования гораздо более длительного времени.

Вечером мне позвонил какой-то корреспондент местной газеты и попросил интервью. Я согласился, думая, что он будет спрашивать меня об "антисоветской" деятельности в Москве. Он даже и слыхом об этом не слыхал; он решил узнать, что я думаю о конфуцианстве.

15.8.1980 Сижу на заседании. Открытие было в весьма торжественной обстановке: выступали и современный президент Академии наук, и бывший. В начале выступления оба они, повернувшись к портрету Сунь Ят-сена, отвесили ему поклон. То же и в конце.

Три сорок пять. Чэнши-цюань выступает об "И-ци-

не". Занятная фигура — старый почтенный человек, одетый в халат до пят. Говорит, конечно, по-китайски, и я не понимаю. Вслед за ним выступает еще один китаец, уже молодой, и снова говорит по-китайски. Очевидно, это такая тема, по которой для китайца выступать не по-китайски было бы противоестественно, как в России выступать о Пушкине по-английски, с неизбежно обедняющими переводами и усилиями подобрать иностранный эквивалент.

16.8.1980 Сегодня, чувствую, успешно выступил. Передо мной говорил Чжун-ин Чжэн о *timeliness*¹, и я начал с того, что заметил, что я думаю, что то, что сказал проф. Чжэн, правильно, но стоило бы добавить, что кроме *timeliness* существует еще *resistance to time*², и можно говорить о единстве обоих. В общем, чувство у меня осталось хорошее.

После второго заседания вернулся в отель, где заказал трехдневный тур по Тайваню. Стоит бездну денег (почти двести долларов), но другой возможности, по-видимому, нет.

17.8.1980 Два ночи. Вечером был чудесный китайский театр. Что-то поразительное по красочности, по акробатическому мастерству, по тонкости и благородству. Принимал нас премьер Сун и его жена (она производит очень интеллигентное впечатление); за столом было человек десять, во главе с каким-то Чжаном, членом правительства, и его молодой и красивой женой, немного говорившей по-английски. Но вообще я обратил внимание на то, что женщины здесь другие, чем у нас, гораздо более пассивные и, по-видимому, менее образованные. Среди участников [конференции] женщин вообще нет, а жены, как правило, молчат. Я впер-

¹ Своевременность (англ.).

² Соппротивление течению времени (англ.).

вые почувствовал себя одиноко, потому что все, кроме меня, были китайцы и говорили по-китайски.

Девять пятнадцать. Начало заседания. По-видимому, сегодня все будет по-китайски, и будет проблемой все это выдержать. Познакомился утром, за завтраком, с директором музея в Стокгольме, Бо Гилленсвардом, оказавшимся очень приятным джентльменом. Какое счастье, что я представляю здесь Израиль, и с любимым, кто бы он ни был, могу говорить о еврейских проблемах. Бо сказал, что уже в конце XVIII века в Швеции был принят закон, уравнивающий евреев в правах, и никакого антисемитизма в Швеции никогда не было.

Китайцы, выступающие тут, не только старые — древние. Очевидно, было много предложений, и при решении вопроса, кому дать выступить, исходили из традиционного почтения к старости. Впрочем, все они весьма живые, и тот, что выступает сейчас, говорит с большим жаром и взволнованно, подчас вызывая веселый смех в ответ на свои шутки. Интересно, сумею ли я когда-нибудь найти время для того, чтобы выучить разговорный китайский? Конечно, это очень мешает пребыванию здесь; единственное утешение, что не я один в таком положении. Очаровательный утонченный интеллект Жерне также, оказывается, не понимает разговорного китайского. Это участь всех, кто не жил долго в Китае.

Очень интересная идея появилась у меня недавно в связи с книгой Ханны Арендт. Арендт доказывает, что сама идея святости человеческой жизни и ее высшей ценности вытекает из понятия работы, как процесса, непосредственно связанного с продолжением и воспроизведением человеческого рода. Представление об этом возникло в Танахе. Другой подход, греческий, связан с оценкой действия, при которой свобода — нечто более ценное, чем жизнь, и Платон обвиняет тех, кто не отказался стать рабом, в том, что они не покончили с собой. В общем, ход рассуждения очень интересен и показывает, что моя мысль о том, что свобода дороже жизни, имеет достаточно глубокие корни, о

которых я не знал. Но, что еще более интересно, фактически западный мир сейчас захвачен идеей работы и связанным с этой идеей подходом к человеческой жизни как к высшей ценности. Мы же, первые выдвинувшие мысль о ценности человеческой жизни, перешли в последнее время на противоположную позицию. Масада стала нашим символом — один из выдающихся в истории человечества случаев массового самоубийства. Свобода для нас дороже жизни. Эту тему надо будет развить во время курса.

19.8.1980 Озера "Солнца и Луны". Приехали на озеро, расположенное в действительно поразительно красивом месте, среди гор, и поехали смотреть конфуцианский храм. Это, несомненно, было главное впечатление, и ради этого стоило платить бешеные деньги. Это изумительной красоты храм, построенный девять лет назад и посвященный Конфуцию. Столько читал о конфуцианстве, но ни разу не был в храме. Наш гид, мистер Гао, человек очень неглупый, но подчас преподающий жуткую вульгаризацию, тут покорила меня: объясняя, почему рядом с генералом стоит статуя Юэ Фэя¹, он всячески подчеркивал мысль, что с точки зрения конфуцианства, успех неважен, ибо, как он говорил, если вы будете думать только об успехе, вы станете ruthless². Когда я спросил его, что он думает о будущем Тайваня, он ответил, что не стоит думать о том, что будет, а думать надо о том, как себя вести, и быва-

¹ Юэ Фэй (1103–1141) — известный полководец, биография которого обросла легендой. В эпоху династии Северная Сун он возглавил борьбу против завоевателей с севера — киданей. Однако среди правящих кругов господствовали капитулянтские настроения, и они не поддержали призыва Юэ Фэя к вооруженному сопротивлению киданям. По ложному обвинению в заговоре против правительства Юэ Фэй был заключен в тюрьму и там убит.

² Безжалостный, жестокий (англ.).

ют ситуации, когда достоинство требует идти на защиту безнадежного дела и на то, чтобы принести себя в жертву.

Что еще интересного сказал Гао: китайский высший класс кончился, ибо в Тайване уже шла речь не о развитии культуры, а о survival¹. Когда же я упомянул о двух физиках — лауреатах Нобелевской премии, он сказал, что это неважно, и гораздо более важной задачей является сохранение и развитие китайской культуры.

21.8.1980 Какой трудолюбивый народ! Шофер, когда он ждет босса, не читает газету, а вытирает и чистит машину, доводя ее до идеального блеска. Каждая яблоня окружена специальными подпорками, и каждое яблоко завернуто в бумагу! От чего: от насекомых, от птиц, от солнца? Очень интересно было смотреть, как прямо на дороге организована упаковка и отправка урожая: во временных сооружениях, средних между палатками и домами, сидят рабочие (много женщин) и укладывают яблоки и персики в коробки, к ним подъезжают машины и забирают их. Guest-house² построен удивительно интересно, по типу китайского дворца, с очень занятыми и изящными переходами, беседками, служащими для обзора, и, сделанной по типу пекинской, белой парадной лестницей со львами.

Вчера вечером ходил в городок. Было около половины десятого, темно, но в городе жизнь кипела. Все лавки были открыты, народ на улицах кишел, и в одном узком переулке даже возникла ссора, чуть не дошедшая до драки. Впрочем, окружающие этой драки не допустили. Очень хотелось услышать голос Ины, и, может быть, позвоню ей сегодня collect³ из отеля. В

¹ Выживание (англ.).

² Дом для приезжих; гостиница (англ.).

³ Международный телефонный разговор за счет вызываемого (англ.).

Японию думаю пробыть до тридцать первого — в чем-то Восток уже начал угнетать. Наверное, человеческой чуждостью.

22.8.1980 [Тайбэй]

Вчера был волнующий день. Прилетели мы прекрасно; сидел я рядом с К. и приятно с ним беседовал. Но главное — удачный звонок в Иерусалим: я слышал голос Ины! Он был слабый, но отчетливый. Это было большое счастье после того, как сердце у меня было уже не на месте после двенадцати дней отсутствия известий. И важно было не то, что она говорила, а то, что это была она.

Вчера в отеле был забавный эпизод. Примерно через полчаса после того, как я пришел, раздался стук в дверь. Я открыл, и вошел плотный и высокий молодой китаец в белой форме персонала и с ним еще два человека в серой форме подсобных рабочих. Он задал мне вопрос, касавшийся покрывала на моей кровати, на которой были набросаны разные вещи. Я стал снимать чемодан и прочее, перекладывая это на стол. Он помогал, и я понял так, что постель не сменена, и они хотят сделать это. Ничего подобного. Он снял покрывало, сложил его в шкаф для одежды, затем вынул из под подушки одеяло, отвернул его, поклонился и вышел. С одной стороны, это было смешно: здесь, как видно, в той или иной мере сохранились феодальные привычки обслуживания; в *willingness to serve*¹ находит выражение трудолюбие, постоянная готовность прилагать усилия, но на меня это производит несколько неприятное впечатление, потому что мне кажется это несколько унижительным для них, что они, по видимому, совсем не чувствуют; с другой — устрашающе. Если бы он получил приказ отрубить мне голову, он выполнил бы это столь же неукоснительно.

Все время вспоминаются различные высказывания

¹ Желание услужить (англ.).

Гао. Он, несомненно, личность с определенного рода авторитарностью, которая явно импонирует простым людям: каждый раз при контактах с ними он очень мило шутил, и все весело смеялись. Он очень хорошо сказал, что считает глупой коммунистическую идею равенства. "Вы можете быть очень высоко, я — совсем низко, но я доволен своим положением, я счастлив, и почему я должен завидовать вам и бороться против вас?" Доминирующей его идеей была идея готовности к поражению, идея, что в истории никогда нет стопроцентной уверенности, и человек должен делать то, что подсказывает ему долг, стремиться и делать усилия, а что получится из этого, он предугадать не может. Такое понимание китайского сознания, несомненно, самое благородное, и это по существу совпадает с моей интерпретацией конфуцианства. Кстати, он сказал, что именно конфуцианство является основной китайской идеей.

23.8.1980 Прибыл вчера в Токио в два пятнадцать; сейчас вернулся с тура "afternoon Токио"¹. Японцы показали себя во всем своем организаторском и исполнительском великолепии. Закончился тур очаровательной чайной церемонией, когда две американки выполняли под общий смех забавные указания гида (вроде, например, того, что допивать чай надо очень шумным глотком). Я думал, что японка, угощавшая чаем, обидится — ничуть не бывало. Она смеялась тоже. А в конце нам очень интересно рассказали и продемонстрировали, как выращивают искусственный жемчуг.

Мицуру дал мне английский буклет "Introduction to Japan Christian Friends of Israel" (JCFI)². Во главе, ока-

¹ Вечерний Токио (англ.).

² В Японии Виталий был гостем Японской христианской организации "Друзья Израиля" ("Бет-Шалом" — иврит: "Дом мира"), основанной в 1946 г. Мицуру — хозяин дома, где Виталий останавливался в Токио.

зывается, стоит Father Otsuki, человек, которому было видение о будущем возрождении Государства Израиль и объединении Иерусалима. Мне явилась идея предложить в Киото рассказать о советском еврейском движении. Мицуру откликнулся на это вполне положительно.

25.8.1980 Токио – Киото.

Начинаю писать в *Bullet train*¹ из Токио в Киото. Впервые за последние несколько дней у меня пара свободных часов. С самого приезда был так занят, что приходил домой абсолютно обессиленным и ложился спать с тем, чтобы встать в пять часов утра. Мицуру принял меня очень мило. Мы с ним обсудили мои планы и решили, что двадцать третьего я посмотрю Токио, двадцать четвертого – Никко и двадцать пятого – Камакуро.

Самый интересный разговор произошел вчера вечером, на обратном пути из Никко. Когда я сел на свое место, моим соседом оказался молодой человек европейского вида, очень радушно меня встретивший. Узнав, что я из Израиля, он тут же спросил, откуда я приехал в Израиль и, когда я ему ответил, заговорил со мной по-русски и заявил, что он итальянец и к тому же коммунист, проживший в Москве девять месяцев и очень любящий русских. Это сразу навело меня на мысль, что сейчас последует длинный, неинтересный и по сути дела бесполезный политический спор. Однако уклониться от этого тоже было невозможно, тем более, что Карло с самого начала произвел на меня хорошее впечатление.

Я узнал, что он коммунист, и в то же время читал Зиновьева и других (он хорошо сказал потом, что такой сильной убежденности, как у советских диссидентов, он не находит во всей современной литературе).

¹ Скоростной поезд.

Затем он выдвинул привычный аргумент, что теория прекрасна. Но интересно то, что в результате разговора со мной, он фактически полностью капитулировал (кстати, оказалось, что он не принадлежит к ИКП и относится к ним отрицательно; он принадлежит к какой-то мелкой идеалистической левацкой группке, пытавшейся издавать собственную газету, но неудачно, — откуда, естественно, разговоры о всевластии денег). Он сказал, что восхищается мной, что у него нет моей силы убеждения, проверенной практикой, и он в разговоре со мной в то же время выясняет свою позицию для себя и т.д. Я решил не нажимать на уже ясные пункты, а убеждать его иллюстрацией нашей деятельности, что, очевидно, было правильно.

27.8.1980 Вчера выступал в "Бет-Шалом" после afternoon tour. Места были действительно, потрясающие, но наличие синтоизма как религии в Японии продолжает оставаться для меня загадкой. Может быть, Мияко права — японцы не верят в это, но играют с этим. Но в общем у меня чувство отсутствия контакта с японцами — вернее, какого-либо значимого контакта. При этом, однако, создается впечатление, что для поверхностных контактов японцы — лучшие люди.

После длинного пути в автобусе я, наконец, вовремя прибыл в "Бет-Шалом". Началось все с пения хора, состоящего примерно из 80 юношей и девушек. Пели песни на иврите. Пели они чудесно. Потом вышел я. Я начал с того, что выразил им благодарность, сказав, что был крайне тронут, когда услышал, как чудно они поют на нашем древнем и новом языке, и что я уже слышал о них, но одно дело — слышать, другое — видеть их лица. Я действительно смотрел на их лица и видел, что примерно двадцать — двадцать пять процентов из них понимают, что я говорю, еще до перевода. Мальчик, стоявший рядом со мной и переводивший, делал это, очевидно, очень тщательно, поскольку даже короткие фразы он переводил достаточно долго. Как это ни странно (очевидно, в результате утомления и напря-

жения), я ловил себя на том, что slipped¹ в течение нескольких секунд на русский. Но, в общем, по-видимому, все сошло хорошо. После моего выступления они спели еще несколько еврейских песен, удивительно хорошо, потом кто-то подошел и пожал мне руку, и мы удалились. Несмотря на то, что они явно понимали и сочувствовали, вопросов не было, и я был несколько удивлен этой lack of articulateness² — может быть, тоже типичной?

1.50 дня. Закончился утренний тур, с гидом-женщиной, до невероятия тщательной и вежливой. Она не меньше, чем пять раз, извинялась за то, что одна из башен дворца ремонтировалась, а все свои обращения заканчивала: "Thank you, ladies and gentlemen". Все это было слегка комично. Дворец в настоящее время используется только для коронации, и никто в нем не живет. Тем не менее, к главному зданию, где эта коронация происходит, никого не подпускают. Интересно, что все окрашено в черный и белый цвета, с подчеркнутой простотой, и в окнах вместо стекол — бумага. До сих пор об императоре она говорит с некоторым придыханием. Говорить о будущей коронации в Японии — табу.

Не забыть о вчерашнем образце японской вежливости: я сидел на заднем месте в автобусе, и около меня сел какой-то японец. Потом он решил пересесть на другое место. Встав, он полуобернулся и поклонился тем, от кого он уходил.

30.8.1980 Копенгаген.

Вчера был жутко напряженный день. Подумать только, что вчера в это время я был еще в Киото. Сегодня — в другом мире, в старушке-Европе, в номере [гостиницы] в центре Копенгагена. За окном — дождик.

¹ Здесь: переходил (букв.: соскальзывал; англ.).

² Здесь: неспособность к самовыражению (англ.).

Нет, друзья мои, кто не бывал в Японии, тот не знает, что такое обслуживание. Помню, как Д.С. доказывал преимущества европейского обслуживания над израильским. В какой-то мере он был прав, но по сравнению с Японией эти преимущества и эти различия бледнеют. Здесь делается все (или почти все) что нужно, но без улыбки, без готовности, без желания помочь.

Что еще бросается в глаза: чувство расхлябанности, грязь, неопрятность и халтура. Пару раз я столкнулся и с прямой грубостью, в Японии немыслимой. Я купил вчера тур на полтора часа — объездить город, наверно, стоило, но гидша была явная бездельница, проспектов не давала, и вообще никакого сравнения с тем, как это делается в Японии.

1.9.1980 Вчера ездил в Хельсингор, а оттуда на пароме — на шведскую сторону, в Хельсингборг.

...Все время вспоминается Япония. Что-то есть поразительное в этом народе, такое, что не позволяет о нем забыть: когда напротив меня на обратном пути из Хельсингора уселась парочка лет сорока, они почти все время молчали, и я подумал, что, помимо прочего, японцы полны жизни. Они все время общаются между собой, разговаривают, смеются. Их улыбки принято считать заученными, механическими. Но так ли это? Если в Сингапуре было, подчас, чувство, что все ради денег, то в Японии этого чувства, как это ни странно, нет. Не только деньги двигают этим народом. Конечно, невозможно думать, что все японцы — моральные идеалисты, добрые и благородные души, но может быть, все же в Японии таких людей больше, чем где бы то ни было?

3.9.1980 2.25 ночи. Стокгольм.

Не спится и хочется записать вчерашние впечатления. Стокгольм, конечно, город удивительно красивый, потому что вода везде, в самом центре, и у набережных стоят нарядные белые корабли и яхты, а дома построенны в немного старомодном, но приятном стиле начала

XX века, с позеленевшими крышами, и везде — флаги. Все это придает городу необыкновенно праздничный характер, наверное, единственный в своем роде. В Копенгагене хоть море и есть, но его как-то не видно и не чувствуется, и все выглядит достаточно буднично.

После конца экскурсии я решил, что в такую чудесную погоду не стоит упускать поездки на пароход по архипелагу, так рекомендуемой, и три часа любовался этими райскими уголками. Потом, вернувшись, я решил зайти в музей, о котором гид упомянул, что там прекрасное собрание Рембрандта. Найдя зал Рембрандта, не мог оторваться от потрясающего портрета апостола Петра, а также чудесной картины, где старик принимает на руки младенца-Христа. Как Рембрандт чувствовал, что старость может быть и достойна, и прекрасна!

4.9.1980 Стокгольм.

Сегодня подумал, что пальцев обеих рук уже не хватает для того, чтобы перечислить страны, где я был. Но что сегодня покидаю Стокгольм, очень рад — соскучился по человеческим контактам.

Думаю о разговоре со шведкой в поезде и о понятии нейтральности. Это понятие, как мне кажется, устарело, и пора бы и Швеции, и Швейцарии от него отказаться. Возникнув в XIX веке, оно означало нежелание малых стран быть вовлеченными в конфликты великих держав в то время, когда эти державы были более или менее одинаковы по своему характеру. После возникновения тоталитарных государств, людоедских по своему характеру и признающих нейтральность лишь до тех пор, пока это им выгодно, претензия на нейтральность означает лишь одно: безграничный национальный эгоизм. В борьбе с людоедами никакой нейтральности быть не может, и это давно пора было бы понять порядочным людям этих наций. Такое понимание, однако, повлекло бы за собой определенные выводы, делать которые они совершенно не склонны. Интересно,

что пока я не попал в Швецию, никаких мыслей на эту тему не возникало.

26.9.1980 Иерусалим.

Как всегда, после приезда — мало сил и много дел.

Впору задать себе вопрос, что же я привез оттуда, с Дальнего Востока? В конечном счете, передо мной открылся совершенно новый мир, иногда — в абсолютно новых и неожиданных феноменах (и это относится, главным образом, к Японии), иногда же эта новизна подтверждала то, что я ожидал увидеть. Одну задачу, которую я наметил себе, я не выполнил: я не установил связи ни с каким тайваньским университетом с тем, чтобы провести там шаббатон¹. Что делать, у меня всегда получается так, что при контактах с людьми их использование — на последнем месте.

30.9.1980 Утром занимался, а потом, в три часа, услышал по радио, что закончился марш к Иерусалиму², и решил посмотреть на это. Смотреть было страшно приятно: шли с двух сторон солдаты вперемежку с детьми, стариками, летчиками, какими-то ребятами с английскими, американскими, австралийскими флагами. Казалось, царил полный хаос, а между тем, все шло очень спокойно и организовано. Это был типично израильский парад, показывающий всю разношерстность нашего народа и объединяющую его силу.

2.10.1980 Вчера подумал, что открытие "Христиан-

¹ Год (обычно седьмой год пребывания на работе), предоставляемый сотрудникам ряда научных и учебных заведений для повышения квалификации (иврит; американский эквивалент: sabbatical).

² Традиционное "восхождение" к Иерусалиму на праздник Суккот, в котором обычно принимают участие и представители различных христианских организаций, сочувствующие Израилю.

ского посольства” в Иерусалиме¹ можно расценивать как шаг, о котором я давно думал, — создание союза между христианами и евреями. Во время крестовых походов христиане выступили против евреев и мусульман — не забудем, что эти походы начались с погромов в Европе. Б. Льюис² правильно отметил, что в XIX веке идейные позиции здесь изменились: тогда было принято считать мусульманство ближе к иудаизму, в противоположность христианству, сейчас — наоборот. Многие зависит от того, появится ли у нас разумное руководство среди религиозных кругов, которое тоже поймет это, как и то, что традиционная враждебность к христианству должна отойти в прошлое. В этом контексте мы можем приветствовать возрождение христианского фундаментализма в США — именно от этих кругов можно ожидать поддержки в борьбе с мусульманским фанатизмом.

Ирак с Ираном крепко схватили друг друга за глотки. Это очень хорошо как демонстрация ”исламского единства”, и это ослабляет двух наших смертельных врагов. Это важнее, чем ожидающийся подъем цен на бензин.

5.10.1980 Конечно, что привлекает в моей работе, это возможность рассказать студентам все, что я знаю и думаю, поделиться с ними всем. Есть темы, которые мне особенно дороги (как, например, тоталитаризм, утопизм), которые и самому интересно сформулировать в этой связи.

19.10.1980 Сегодня собираюсь попробовать прочи-

¹ International Christian Embassy — представительство христианского движения солидарности с государством Израиль и еврейским народом — было открыто в Иерусалиме 30 сентября 1980 г.

² Bernard Lewis — современный американский историк, специалист по Ближнему Востоку и исламу.

тать "Князя" [Макиавелли]. С самого начала чувствуется необыкновенная значительность этой книги, и уже сейчас у меня явилась мысль, что политическая мысль может быть разделена на утопическую и реалистическую по линиям Томас Мор—Макиавелли.

Подумал о том, что интересно было бы прочитать совершенно новую вступительную лекцию на семинаре, охарактеризовав два подхода к китайской философии, существующие в современной синологии. Один из них можно назвать подходом организмическим, и он исходит, с одной стороны, из "И-цзина", с другой — из даосизма. Особенности этого подхода является то, что он видит в китайской философии прежде всего космологическую систему, в которой роль гармонии и конфликта глубоко отлична от роли, которая приписывается этим категориям в европейской философии. Этот подход связан с приоритетом космологии над моралью и даосизма над конфуцианством. Отметить тут же, что этот взгляд трактует китайскую философию именно как философию, то есть как сферу человеческого мышления, озабоченную познанием. Иначе говоря, уже сама постановка вопроса исходит из понятия науки — сферы деятельности, в истории европейской философии тесно связанной с философией, но по сути дела не игравшей серьезной роли в китайской философии. Как правильно отмечалось, такой подход к китайской философии не учитывает решающего факта гуманизма.

Другой подход исходит из классического конфуцианства как из основной традиции Китая. Преимуществом этой теории является то, что она представлена живущими ныне китайскими философами высшего уровня, поставившими вопрос о том, что философия в Китае — это нечто иное, чем философия в Европе. Это, строго говоря, не философия, а такая сфера духовной деятельности, которой в Европе не существует, ибо она находится где-то между философией и религией.

20.10.1980 Вспомнил о том, что в китайской поли-

тической мысли есть нечто такое, что можно было бы сопоставить с европейской теорией различных форм правления: это теория о ване [правитель] в отличие от ба [гегемон; тиран, деспот] у Мэн-цзы и Сюнь-цзы. Об этом надо будет сказать во вступительной лекции. В качестве основных моментов я думаю выдвинуть следующие.

1. Теория морально-религиозного и политического единства Поднебесной. Этому противостоит плюрализм древнегреческой политической мысли, где никогда не было мысли о единстве. Таким образом, уже с самого начала китайской истории можно видеть в китайской идеологии то стремление к культурному и политическому единству, которое в дальнейшем получает свое воплощение в Китайской империи.

2. Китайская мысль с самого начала концентрировалась на проблемах человеческого общежития и государства, эта концепция нашла себе выражение в мысли Конфуция, также сконцентрированной на человеке. Это отличается от ситуации на Западе, где в традиции греческой философии центральное место отводилось объективному знанию о мире; с другой стороны, в христианской философии, вышедшей из иудаизма, в центре было понятие Бога. Таким образом, основная струя китайской философии оказалась гораздо ближе к проблемам политической реальности, нежели это имело место в Европе.

3. Другой стороной близости китайской философии к политической проблематике была близость политики к философии, несравненно более значительная, чем на Западе, роль идеологии в китайской политической реальности. Если в Европе Платоном была высказана мысль о том, что государством должны управлять философы-правители, то это осталось утопическим пожеланием. Лишь в Китае была сделана серьезная попытка осуществить этот идеал путем создания конфуциански-образованного чиновничества, набиравшегося не на основе происхождения, а на основе знаний, способностей и характера.

4. Это делает китайскую политическую мысль, как и китайскую историю, очень близкой к попыткам осуществления утопии. Если понимать под утопией всякий проект будущего, то это в известной мере верно. Однако, хотя можно говорить о конфуцианской утопии, но эта утопия, во всяком случае, не та, которую мы знаем по европейской традиции.

3.11.1980 Вчера были на фильме Феллини "Репетиция оркестра". Превосходно. Оркестр бунтует против дирижера, которому, к тому же, мешают работать идиоты — представители профсоюзов. В сцене бунта мы видим привычные черты анархии и одичания — надписи на стенах, сексуальная свобода, взаимная грызня и низвержение только что поставленных кумиров (метроном вместо дирижера). Кончается эта сцена, проходящая под глухие удары грома, крушением стены зала — гибель мира. Дирижер все это время спокойно сидит. Но когда все стоят в растерянности, в пыли и грязи после обвала стены, дирижер подходит к пульту, напоминает, что они музыканты, и начинает дирижировать. Какая прекрасная иллюстрация к Сюнь-цзы о спасительности порядка, цивилизации, иерархии, о непреходящей ценности музыки, в конечном счете переживающей и вырождение и хаос, и спасающей мир.

5.11.1980 Итак, началась эпоха Рейгана. Что она принесет нам? Кажется, это будет хорошо для нашей страны — вряд ли можно себе представить, что Рейган будет так неприлично заигрывать с ООП, как это делал Картер, что он будет колебаться из стороны в сторону. Я многое готов простить ему за то, что он решился сказать непопулярную у американцев истину, что война во Вьетнаме была славной страницей американской истории. Наконец-то к власти в США пришел настоящий антикоммунист. Я часто вспоминаю, что было сказано Перл Бак об американском характере: американцы сильны тогда, когда они говорят и действуют прямо, без обиняков, когда они режут правду-матку.

Именно к таким людям относится Рейган.

8.11.1980 Наконец-то я сумел понять место так упорно отстаиваемой китайцами концепции creativity¹. Дело в том, что в западной традиции основной творец — Бог; в Китае, где нет Бога, это — человек. При помощи creativity человек становится на один уровень с Небом и Землей.

11.11.1980 Кончаю книгу Ду Вей-мина², данную мне на рецензию. Книга, несомненно, замечательная, и хочется написать на нее большой обзор³.

То, что Ду Вей-мин описывает как учение Ван Ян-мина, напоминает в некоторых чертах философию и Бубера, и Розенцвейга: Бубера в том, что касается "between"⁴, Розенцвейга в том, что касается экзистенциального решения. Очень приятно было бы в статье сослаться на какие-то еврейские материалы, в частности, на статью Бергмана о Розенцвейге.

То, что Ду Вей-мин пишет о значении экзистенциального решения для познания, глубоко верно. Читая это, я вспомнил ощущение отсутствия внутренней ориентации, которое я иногда улавливал при своих контактах с западными коллегами. Действительно, западное общество, не ставящее человека в ситуацию экзистенциального выбора, не воспитывает тех черт, которые воспитывает тоталитаризм. Я уже не раз отвечал в таком духе на вопрос, есть ли что-нибудь хорошее в совет-

¹ Творческая способность (англ.).

² Tu Wei-ming, *Humanity and self-cultivation*, Berkeley, 1979.

³ Обзор под названием "Values of Confucianism" был опубликован в журнале "Numen", vol. 28, No. 1, 1981, pp. 72–80.

⁴ М. Бубер (1878–1965) — немецко-еврейский философ, религиозный мыслитель. Центральная идея его учения — бытие как "диалог" между (between) Богом и человеком, человеком и миром.

ском обществе, и теперь я мог бы ответить на этот вопрос, основываясь на опыте китайской философии. В некотором роде эта философия является наиболее глубоким ответом на challenge тоталитаризма. Этот ответ дается в терминах абсолютно приемлемых для современного человека.

12.11.1980 Итак, сверхзадача – написать первую в своем роде статью о соответствиях между еврейской и китайской философией. Пожалуй, только я могу это сделать, ибо, хотя много евреев-синологов, но мало кто (а вернее, почти никто) не занимается китайской философией с еврейской точки зрения. Это, несомненно, вызовет большой интерес с двух сторон – и с нашей, и с китайской, и создаст более глубокую связь между нашими народами. На эту тему я могу сделать доклад и на следующей конференции Society for Chinese Philosophy¹.

В эту тему я сумею вложить и некоторые свои собственные идеи, и свой опыт в семинаре (именно тогда я прочитал Розенцвейга), и знание немецкого и иврита. И тут надо будет выделить основные моменты сходства (прежде всего – ориентация не на знание, а на жизнь) и раскрыть китаеоведам богатства еврейской мысли.

17.11.1980 Вчера начал читать книгу о Бубере. Мой тезис должен быть, что в самом корне еврейской традиции есть такие моменты, которые сближают ее с китайской традицией. Это – значение диалога, недоверие к теории и экзистенциальная направленность, значение проблемы творчества. Кроме Бубера и Розенцвейга надо еще привлечь Гешеля (с его прекрасной статьей о понятии человека).

25.11.1980 Вчера в статье А. Федосеева в "Русской мысли" высказана очень неглупая мысль, что нена-

¹ Общество по изучению китайской философии (англ.).

висть социалистических государств к несоциалистическим объясняется не какими-то их действиями, а самым своим существованием, которое "демонстрирует человечеству выгоды свободы и демократии перед человеческими невыгодами и тиранией социализма. Этот пример разрушает конформизм населения социалистических стран и, следовательно, разрушает социализм".

Этот пример показывает правильность конфуцианской мысли о том, что главное — не теории и доказательства (и тут интересно, что имеется совпадение взглядов у конфуцианцев и даосов), а жизненный пример. В этом смысле сам факт бегства из коммунистических стран недвусмысленно решает спор о преимуществах и недостатках различных систем.

30.11.1980 Вчера и позавчера были у Майкла и Мюриэл Шерборн¹ в [киббуце] Неве-Эйтан. Двадцать восьмого ноября в двенадцать часов приехали в Бет-Шеан, и молодой сотрудник музея предложил нам показать все окрестные достопримечательности (часть из них только недавно открыта). Это большей частью мозаичные полы (синагоги и монастыря), а также вновь найденные остатки огромного амфитеатра. Парень был занятный, толстый, в кипе, он постоянно носил с собой автомат, так как музей расположен в помещении, когда-то бывшем мечетью, и не исключены всякие неожиданности, вроде нападения фанатиков, а телефона нет. Такие детали создают специфику жизни в этой стране и внушают симпатию к людям, которые в другой обстановке были бы для меня безразличными.

Около двух приехали к Майклу. Очень скоро после этого мы с Мюриэл пошли на "каббалат шаббат"² к их

¹ Michael Sherbourne — один из главных активистов движения в поддержку репатриации советских евреев в Англии. Благодаря хорошему знанию русского языка в течение многих лет осуществлял связь с еврейским движением в СССР.

² Встреча субботы (иврит).

внучке в детский сад. Это было поистине замечательное занятие. Руководительница вела его так тактично, подытоживая все, что дети делали на протяжении недели, она так мило вызывала их на собственные высказывания и так тактично призывала к порядку (тихо говоря: "ты мешаешь"), что это осталось самым сильным впечатлением от этих двух дней. На следующий день поехали в расположенный поблизости киббуц Ган ха-Шлоша и выкупались в чудесном озере Сахне. Вода была теплая, и мы несколько раз с Иной проплыли по озеру, и это двадцать девятого ноября!

3.12.1980 Был сегодня на встрече студентов с Ариэлем Шароном. Прошла гораздо спокойнее, чем я ожидал, и, что меня удивило и обрадовало, около половины (или больше) проявило к нему большую симпатию, прерывая его речь аплодисментами. Были, конечно, и враждебные выкрики (также встречающие сочувствие части зала), но в общем встреча прошла спокойно. Около меня сидел парень, проявлявший к нему явную враждебность, но ни он не говорил мне ничего, когда я аплодировал, ни я ему, когда он завывал. Председатель — рыжий парень, лишь один раз напомнил о терпимости, и даже это напоминание было, по существу, не обязательно.

4.12.1980 Похоже, что вторжение в Польшу — дело дней. Утешения Запада, уверения, что еще ничего не решено, не звучат. Но смотреть на эту трагедию мы уже будем со стороны. Совсем другое чувство — хотя и страшно за поляков и жаль их, но пока мы были там, какая-то тень соучастия ложилась и на нас. А сейчас все ясно. К их преступлениям мы никакого отношения не имеем. Да и поляки, с их патологическим антисемитизмом — не чехи. Во всемирно-исторической перспективе "и это к добру" — чаша преступлений советских людоедов наполнится до краев и терпеть это дальше даже и европейским капитулянтам станет все труднее, и час расплаты приближается.

10.12.1980 Одна из проблем жизни на Западе — умение подниматься над мелочами. Казалось бы, это проблема жизни вообще, однако здесь дело обстоит совершенно иначе, чем в СССР, потому что там в повседневной жизни не приходилось почти принимать решений, здесь же все строится именно на решениях, которые нужно принимать по любому поводу, потому что всегда есть выбор. Решения же чреваты колебаниями и требуют, в конечном счете, решимости.

22.12.1980 Вчера пришли книги из Тайваня. Начал читать некоторые работы и почувствовал, что не могу терпеть такого прекраснодушия и идеализма в плохом значении слова. Как объяснить, что в Китае, где было такое жестокое государство, где история представляет жуткую картину мощи зла, проблеме зла в философии можно было почти не уделять внимания?

23.12.1980 Вчера — интересный разговор с Орли [студенткой], которая рассказала мне, что какой-то ее знакомый собирается уехать из Израиля, потому что разочаровался: мол, "нет больше идеологии". На это я ответил, что, вероятно, друг — левак, потому что никто, кроме них, не придает такого значения идеологии. Что касается меня, то я считаю, что жизнь намного важнее идеологии, и я вижу тут свободную жизнь нашего народа.

1.1.1981 Сведения из России говорят о фактическом закрытии эмиграции.

Какова будет судьба наших друзей — старых отказников? Неужели им суждено кончить там свои дни? Не хочется верить в это.

5.1.1981 Каир.

Вчера после тринадцатичасовой поездки по Израилю, синайским дюнам и египетской пустыне прибыли в Каир. Отель вполне приличный, хотя и не роскошный. Вечером с Иной прошли по Каиру, причем каким-то об-

разом нашли дорогу к Нилу, по пути проконтактировав с кучей египтян. Когда мы только двинулись, мы обратили внимание на нечто вроде шкафа, запряженного тремя ослами — ”птица-тройка”. На ней сидел мужчина и девочка лет семи. Когда девочка заметила, что мы на нее смотрим, она стала нам махать, а потом сошла и пошла около нас, говоря нам что-то — грязная, с огромными глазами. В конце концов мы решили дать ей десять пиастров, и, когда пошли дальше, заметили, как она выходила из какой-то лавочки, где что-то себе купила.

Группа наша включает около десяти молодых американцев и канадцев из Hebrew Union College¹.

7.1.1981 Каир.

Сегодня двадцать лет со [дня] смерти папы. Когда он умер, мне казалось, что жизнь кончилась. На самом деле передо мной было еще две жизни: одна началась в феврале 1972 года и продолжалась до семнадцатого июня 1976 года, другая началась восемнадцатого июня 1976 года и еще продолжается. Сейчас, думая об этом, я задаюсь вопросом, как это можно было вынести — весь этот ужас, продолжавшийся до 1976 года... Нужно было больше четырех лет здесь, на свободе, чтобы задать себе такой вопрос.

Вчера были в Александрии. Самым волнующим был момент, когда зашли в роскошную синагогу, которая со всех сторон охраняется жандармерией — достаточно жалко выглядящими людьми с винтовками и в черной форме. Синагога — великолепное помещение с колоннами, построенное около ста лет назад, когда здесь жило сорок тысяч евреев. Сейчас их всего сто пятьдесят. Мы вошли к шкафу, где хранится Тора, служитель открыл его, и мы увидели огромные свитки. Потом подошел очень почтенный человек лет семидесяти

¹ Учебные заведения для подготовки раввинов реформистского направления в иудаизме.

— староста общины, рассказавший, что сейчас самому молодому еврею здесь шестьдесят пять лет, детей нет вовсе, по субботам собирается миньян. И тут один из ребят из Hebrew Union College спросил у него, есть ли молитвенники. Он ответил, что да, и несколько ребят в кипах, и с ними вместе очаровательная Шарис, стали молиться. Этот памятник, уже почти умерший, они как бы возвратили к жизни. Это было поразительно!

Путь в Александрию шел по сельскохозяйственному району, и видеть эту чудовищную грязь, жалкие жилища с землей и соломой на крышах, волов, крутящих устройство, подающее воду на поля, — все это было поразительно. Вставал вопрос, как можно так жить, но этот вопрос обращался на наше же прошлое.

Сегодня — осмотр мечетей Каира и поездка на лодке по Нилу, вечером — поезд в Луксор.

9.1.1981 Только что прилетели из Луксора. Изумительное впечатление произвели изображения на стенах гробниц в долине Царей, с их богатейшей символикой. Интересно, что эти гробницы показывают и жестокость, — постоянно присутствуют связанные пленные, обезглавленные тела.

10.1.1981 Вчера смотрели обе синагоги Каира (в одной ремонт, другая, старая, была вообще закрыта, но пройти по улочке, ведущей к ней, было очень интересно). Старый служитель повел нас в небольшую подземную галерею и сообщил, что здесь нашли Моисея и здесь он открыл первый бет-кнесет. М., засмеявшись, сказал на иврите, что раз есть легенда, должно быть и место.

12.1.1981 Иерусалим.

Вчера целый день провели в автобусе [на обратном пути из Египта]. Как всегда, поездка с израильской группой дает массу впечатлений. В общем, самой яркой фигурой была [йеменская еврейка] Нехама — тип людей, которых мы до сих пор не встречали и которые

как бы олицетворяют то лучшее, что есть в нашей стране. И еще очень приятно было встретить всех этих чудных американцев.

29.1.1981 Вчера начал собирать материалы для новой работы и сразу заинтересовался. Встает куча интересных проблем, и выясняется ряд интересных теоретических моментов.

Приятно было смотреть вчера, как наши баскетболисты победили ЦСКА.

2.2.1981 Прочитал "Переписку из двух углов"¹. Очень интересно. Но я уверен, что мало кто так читал эту книгу. Для меня это было перепиской конфуцианца с даосом, причем в роли даоса выступает Гершензон с его иконоборчеством и утопизмом, в роли конфуцианца — Иванов с его глубокой любовью к культуре и пониманием ее.

Любопытно, что конфуцианцы так же, как и он, бывшие за творческий, конструктивный подход к жизни и культуре, с самого начала понимали, живя в обстановке восточного бесправия, что есть случаи, когда единственное, что остается благородному человеку, — это уйти. Пожалуй, уход здесь термин намного более адекватный, чем бегство, ибо подразумевает и обдумывание, и определенную меру неторопливости, и достоинство. Даосское бегство, в противоположность этому, стремительно и проникнуто ужасом и отвращением к миру культуры.

5.2.1981 Вчера вечером было выступление Переса в "Мокед"². Он мне понравился: нет попытки откру-

¹ В.И. Иванов, М.О. Гершензон, Переписка из двух углов, Петербург, 1921.

² Букв.: фокус (иврит); передача израильского телевидения.

тяться от ответа по существу. Деловой подход, знание, отсутствие злобы и раздражения. Его ответ по поводу иорданской опции: "Пусть король говорит 'нет'", — был очень неглупым. Это, собственно, и есть отличие внешнеполитической линии Маараха от Ликуда¹; отличие это в значительной мере тактическое, и оно дает нам совершенно определенные тактические преимущества. Этого, по-видимому, действительно боятся палестинцы, что является еще одним доказательством того, что это хорошо для нас.

14.2.1981 Явилась мысль написать работу о проблеме страдания и подходу к ней в Древнем Китае. Начать можно с радикального отрицания страдания у китайцев. Для них как будто не существует проблемы страдания и смерти, и все было направлено на активное преобразование этой жизни.

Надо отметить, что тема страдания появляется у Мэн-цзы, но в виде активном, не жалобы, ибо центральная тема — спасение, и тот, кто бросается, чтобы спасти ребенка, очевидно, его спасает, как и правитель, "неспособный видеть страдания", делает все, чтобы этих страданий не было. В противоположность этому, у Сюнь-цзы проблема страдания начисто пропадает. Да и у Конфуция нечувствительность ко всей проблематике страдания удивительна. Поистине, всю сферу несправедности судьбы Конфуций просто отталкивал.

15.3.1981 Вчера ездили с Эйдусами в Иерихо и к Мертвому морю, купались с Иной в Эйн-Фешха. В Иерихо, при посещении раскопок, я совершил faux pas²: очевидно, под влиянием разговора предыдущего вечера с Саней Якобсоном (говорившем о достаточно тяжелом

¹ Блок правоцентристских партий.

² Ложный шаг, неправильный поступок (франц.).

положении арабов на штахим¹), я там, где при бесплатном посещении древнейших развалин нужно было лишь расписаться и указать гражданство, дал пожилому арабу, сидевшему там, две монетки по полшекеля. Он с негодованием, сказав что-то по-арабски, пододвинул их обратно. Я, однако, не взял их. Когда мы возвращались, их, естественно, не было. Из этого надо извлечь урок: всякое чувство вины перед арабами бесплодно. Наш народ перед ними ни в чем не виноват. Вернее сказать, вопрос этот представляет сложное историческое сплетение, но Кестлер прав: надо принять сторону. Фактически я давно это сделал, и вчерашнее было, по сути дела, достаточно незначительным отклонением. Вообще же в общении с арабами всякие проявления такого рода могут привести лишь к подобным неприятностям и недоразумениям. Нужно придерживаться линии официальной и безличной любезности, которая может заставить их (если они захотят) просить у меня чего-то, но, во всяком случае, не предлагать им что-то незаконное. Интересно, что как раз накануне мы видели по телевидению интервью с уходящим в отставку судьей Хаимом Коэном, обаятельным и искренним человеком, который сказал, что хотя судья сознательно всегда старается не подпасть под влияние органов печати и всяких подобных факторов, но подсознательно он, конечно, такому влиянию подвергается.

5.4.1981 Что будет с Польшей? Похоже, что в ближайшие дни произойдет вторжение, и сирийская бойня, устроенная в Ливане, предназначена лишь для того, чтобы отвлечь от этого внимание (это версия вчерашнего сообщения нашего телевидения).

Что же будет с нами? Польша должна сильно ослабить советскую империю, и сил для поддержки арабов останется намного меньше. К тому же, пример

¹ Контролируемые территории (иврит); т.е. территории, занятые Израилем после Шестидневной войны.

Египта все же показывает арабам, что успехов можно добиться скорее не военным, а мирным путем. Разложение и общественная деградация советской империи неизбежно скажется и на ее арабских клиентах, которым через десять-двадцать лет придется примириться с существованием Израиля. Не исключено, конечно, что в случае глобального столкновения Израиль будет уничтожен ядерным взрывом, но это уже в руках Господа.

7.4.1981 Остается двадцать дней до окончания каникул, а до окончания работы¹ еще далеко. Вчера нашел целый ряд интересных материалов, скопировал их, и сегодня думаю включить их в черновик. Работа явно переросла рамки, которые я сначала для нее поставил, и, как всегда в таких случаях, с каждым новым аспектом появляется потребность пересмотреть заново, с нового угла зрения, то, что уже написано. Увлекательнейшей стороной исследовательской работы является фактор объединения и строительства: то, что я читаю, я соотношу с занимающей меня проблемой, и так постепенно строится нечто значительное.

19.4.1981 Вчера были на Седере [Песах] в американской молодежной организации. Вел ее очень славный молодой раввин Нафтали, сумевший придать всему достаточно приятный семейный характер. Выяснилось, что он из Нью-Йорка, слышал обо мне; к концу вечера он спросил, не буду ли я против, если он скажет о моем присутствии здесь. Я тут же отказался, и Ина подала мне мысль предложить упомянуть Толю Щаранского и Иду Нудель. Он сделал это, прибавив еще несколько фраз о сирийских евреях, что мне особенно понравилось. В конце вечера я поблагодарил его за это и за весь вечер.

¹ Имеется ввиду статья о Бо И (см. примеч. на стр. 306).

Сегодня ездили в Старый город, ходили по стенам, были в Церкви Гроба Господня, видели крайне занятую процессию сирийской молодежной христианской организации, с барабанами и в красочной форме — в Старом городе всегда встречается что-то интересное.

24 апреля 1981

Дорогой Толя!¹

Мы сейчас находимся в очень занятом периоде еврейского календаря, который называется "праздник и будни". До того, как мы приехали сюда, мы и понятия не имели, что такое бывает: после праздника Пасхи в течение недели все работают половину рабочего дня. В это же время магазины не продают никакого хлеба и ничего хлебного и перебродившего (русский термин подобрать оказалось очень трудно, и входит сюда довольно много всяких продуктов, противоположных пресной мацце, — печенье, пиво, некоторые виды молочных продуктов). Вместо этого все едят маццу. Поистине интересная религия, приверженцы которой по случаю своего главного праздника лишаются не чего-нибудь, а хлеба.

Сначала мне казалось это трудным (я имею в виду бесхлебную неделю), но теперь я к этому привык и с удовольствием ем маццу. Не потому, что иначе нельзя: никто здесь ни за кем не следит, и кто хочет, кладет себе в морозильник хлеб, закупленный заранее, и вынимает его по мере надобности. Я же чувствовал какую-то внутреннюю потребность присоединиться к этому народному обычаю. Что же касается религиозных людей, то у них подготовка к Пасхе носит характер грандиозной уборки и поисков хомеца (т.е. кислых продуктов) во всем доме. В этой связи в нашем районе, строящемся и потому грязном, призвали детей (а их

¹ Письмо в лагерь А. Шаранскому, которое было возвращено недоставленным в ноябре 1981 г.

тут раз в десять больше, чем в СССР) принять участие в уборке улиц, и я еще никогда не видел такой чистоты вокруг.

В этом году мы провели, так сказать, экспериментальный седер. В Москве я как-то даже сам его вел, но здесь это, конечно, немыслимо. Обычно нас приглашали на седер коллеги и знакомые, и это было очень приятно; в каждой семье он проводится по-разному, и там, где бывали мы, т.е. в нерелигиозных семьях, он проводился, так сказать, по сокращенной программе: читали не всю пасхальную Хаггаду, а лишь части ее. Так, например, в Хаггаде есть часть, которая заключается в том, что спрашивают, кто знает, что такое Один, и на это отвечают: "Я знаю, что такое Один: Один Бог. Что такое Два? Две таблицы, на которых были Десять заповедей", и так до тринадцати — хорошее число у нас. В нерелигиозных семьях ограничиваются двумя-тремя. Так вот в этом году мы впервые прослушали всю Хаггаду, потому что купили билеты на седер, организованный американской молодежной религиозной организацией, недавно открывшей свой филиал в Иерусалиме. Участвовало в этом седере человек сорок, и вел его молодой раввин, который читал Хаггаду (точнее, это что-то вроде пения) на иврите, но все объяснения давал по-английски, и это было хорошо для нас. Кроме того, у нас здесь особенно теплые отношения с англоговорящей частью населения. И здесь тоже получилось, что раввин слышал обо мне, и у нас нашлось очень много общих знакомых и в Нью-Йорке, и в Иерусалиме.

Эксперимент удался: раввин создал теплую атмосферу среди людей, до того друг друга не встречавших. Как очень часто бывает в Израиле, это была встреча континентов: за одним столом с нами сидели люди из Кении, Ирана, Голландии, и, разумеется, США. Возвращаясь, мы взяли в свою машину иранца, и он выразил недовольство тем, что седер был недостаточно серьезным: мы должны были в ходе седера мыть руки только один раз, в Иране — минимум три раза, наш седер

кончился в половине первого ночи, в Иране — не раньше трех. Но главная причина его недовольства заключалась в том, что, как выяснилось, он почти не знал английского и не понимал того, что говорилось.

Надеюсь, что эта картинка нашей жизни будет Вам интересна. Всегда помним о Вас и ждем Вас.

Ваш Виталий.

25.4.1981 Читаю книгу Аун Ранд "We the living".¹ Сначала показалось несколько экзальтированно, но потом понравилось. Ее героиня с самого начала ненавидит советский строй и мечтает когда-нибудь оттуда вырваться, и до сих пор я в литературе таких образов не встречал (у Пастернака, например, явно были иллюзии, сохранившиеся вплоть до тридцатых годов, а может быть, и позже).

Долго читать Ранд я, однако, не могу — как-то задыхаюсь, как будто снова оказавшись там. Трагический конец таких людей сейчас слишком ясен, и все, что происходит, является страшным приближением к этому трагическому концу. Слишком невыносимо.

26.4.1981 Думал вчера о том, что мне не хватает здесь друга, и было очень грустно. А сегодня заехал в Университет по всяким делам и встретил ряд приятных людей. Сразу стало легче. Дело в том, что человеку свойственна жажда общения (одним больше, другим меньше; Ине, например, больше, чем мне). Глубина этого общения — второй вопрос. Можно ли назвать общение со студентами глубоким? Это не общение друзей, но отношения между учителем и учеником — один из наиболее древних и почтенных способов общения. По сути дела чуть не все великие памятники челове-

¹ Книга написана в 1936 г.

ства представляют собой именно такого рода разговоры (за интересным исключением Библии, где есть фигуры патриарха, вождя, пророка, но нет фигуры учителя, столь характерной и для Древней Греции, и для буддизма, и для конфуцианства). Поэтому не удивительно, что общение с учениками может дать так много.

28.4.1981 Вчера — странный сон. Я где-то в СССР приговорен к смертной казни. Ничего явного не происходит, но я знаю. Я иду на место казни в сопровождении какой-то знакомой интеллигентной женщины и говорю ей, что у меня есть ценная вечная ручка, и я хотел бы, чтобы она предложила ее палачу в вознаграждение за то, что он все сделает быстро. Совершенно спокойно, так, как будто идет дело о мелкой бюрократической проблеме, она мне отвечает: "Тут могут быть некоторые трудности..." Здесь я проснулся, сделал, как сказала Ина, лучшее, что можно было в этих обстоятельствах сделать. Потом, думая об этом сне, удивлялся, откуда, из каких темных глубин появляются такие сны. И почему их не было там?

29.4.1981 Вчера были в Бней-Брите¹ на выступлении Бен-Элисара, бывшего посла в Египте. Произвел очень хорошее впечатление, отметив очень тонко некоторые исторические моменты. Так, он настаивал на том, что теперь не XIX век, когда покупали землю за деньги, и если бы мы не отдали весь Синай вплоть до международной границы, никакого мира не было бы. Процесс он назвал "динамикой мира", заметив, что у нас нет теперь ощущения, что мы живем между двумя войнами. Забавно, что еще до его назначения кто-то сказал ему, что хотел бы быть вторым послом Израи-

¹ Букв.: "сыны завета" (иврит) — одна из наиболее старых и многочисленных еврейских общественных организаций. Основана в Нью-Йорке в 1843 г.

ля в Египте, потому что первого убьют.

Почему-то испытываю особое удовольствие от того, что слушаю дома завывание ветра. Дома очень тепло и приятно, на улице — вой ветра, живой и чем-то страшно приятный.

3.5.1981 Неудовлетворенность от того, что не в состоянии справиться со всеми обязанностями, и как-то не уверен в том, что работа о Бо И может быть интересна и стоит ею заниматься. Кроме того, привычное чувство невыполненных обязанностей. Казалось бы, пора привыкнуть к тому, что мои возможности сугубо ограничены, но дело в том, что этот вопрос возникает вновь и вновь с каждой жизненной ситуацией.

Два дня назад по телевидению выступала женщина, пережившая четыре операции и победившая рак. Когда ее спросили, что же ей помогло, она ответила: "Бог, и то, что я люблю жить". Вот это очень важное качество, которого мне не хватает: любовь к жизни. Может быть, именно потому, что мне дается все с трудом, и что именно эта сторона — трудность — всегда занимает первое место в моем взгляде на будущее. Труд, обязанность, а не увлечение, не свободное творчество, занимают первое место в моем мироощущении, и отсюда — недостаток радости, любви к жизни.

Как изменить это? Как вернуть вкус к жизни, интерес к жизни? Надо найти такой challenge, который действительно увлечет. В этом смысле работа о Бо И представляется весьма проблематичной, поскольку сам интерес к Бо И — вещь достаточно редкая. И я сам чувствую подчас, что этот интерес теряю. Не взять ли более широкую тему, например: "Проблема трагического в китайской культуре". Тут нужно будет прежде всего разобраться в теориях трагического, существующих в Европе (Гегель, Ницше и т.д.), а затем попробовать выяснить, как это все выглядит в Китае. Конечно, это проект надолго, и в этом плане, очевидно, стоит начать собирать материал.

Может быть, поставить вопрос более узко: вопрос о

страдающем праведнике. Разобрать теории зла в европейской традиции, выяснить, обращали ли внимание на этот парадокс в Китае.

6.5.1981 Вчера вечером смотрел телевизионный фильм о молодом человеке, вступающем в Палмах¹ и погибающем в арабской засаде. Сейчас, после сирены², думаю о том, что он и такие же ребята дали мне и двумстам тысячам других евреев из СССР вырваться из советского ада.

7.5.1981 Вчера смотрели по телевидению прекрасную и трогательную церемонию [по поводу Дня] Независимости. Читаю прекрасную книгу Weiner'a "9½ mystics"³. Нашел там изречение: "Нельзя быть старым", которое толкуется автором как то, что нельзя прекращать строить планы и надеяться на будущее. Постоянно сопровождающее меня чувство усталости иногда все же уступает место свежести и любознательности. В такое время чтение — великое наслаждение. Особенно чтение одного талантливого автора: в ходе чтения раскрывается структура его идей и стиль мышления, которые невозможно понять и усвоить на основании отрывочного чтения.

30.5.1981 Я подумал о том, что в то время, когда мы были в отказе, я ясно понимал и чувствовал смысл своей деятельности: он состоял в том (если говорить достаточно конспективно), что я должен своей борьбой за свободу нашего народа показывать пример

¹ Ударные отряды еврейской самообороны в подмандатной Палестине.

² В День памяти павших в войнах за независимость Израиля.

³ Н. Weiner, "9½ mystics: the Kabbala today", New York, 1969.

— что бы ни случилось со мной, я смогу свидетельствовать своей жизнью в пользу того дела, в которое я верил.

При всех ситуациях и опасностях той жизни это было для меня как бы внутренней опорой, той сверхиндивидуальной целью, ради которой стоило жить и приносить жертвы. Приехав в Израиль, я определил для себя свою новую роль и задачу так, чтобы стать хорошим профессором и фактом своей жизни и работы здесь показывать осмысленность этого пути и с точки зрения свободомыслящего интеллигента, который находит в свободном мире возможность творческого самовыражения, и с точки зрения Израиля, которому я могу принести посильную пользу, и с точки зрения правильности пути в Израиле для русского еврея. Именно в ситуации, когда столько видных фигур предпочитали линию на США, последняя задача представляется особенно существенной. В ситуации, когда мне предстояло решить, перед кем я вижу свою главную обязанность, я пришел к выводу, что перед студентами. Я не мог себе представить, чтобы какие угодно усилия в пользу советских евреев оправдывали плохую работу, которая, как и всякая педагогическая работа, включает совершенно определенный моральный элемент. Мысль о том, чтобы появляться перед студентами в роли беспомощного, невежественного или плохо подготовившегося лектора, была мне невыносима.

Я не раскаиваюсь в этом решении. До тех пор, пока выполнение этой задачи требовало от меня постоянных суровых усилий (стоит вспомнить, как я поднимался ежедневно в пять утра), это понимание моей роли, выступавшее как трудная задача, не было проблематичным. Стать хорошим профессором было так трудно, что это наполняло всю жизнь. Но в этом году это изменилось в связи с тем, что с двумя серьезными трудностями я в той или иной степени справился: язык и определенный педагогический опыт. И вместе с облегчением бремени я почувствовал некоторую пустоту, и

вновь встал вопрос: "Для чего я живу, какой цели служу?"

Может быть, эти вопросы возникли в связи с визитом Н., которая гостит у нас сегодня. Она в последнее время занялась политикой, агитируя за русский список в Кнесет. Когда я спросил ее, не жалко ли ей на это времени, она ответила, что находит в этой деятельности удовлетворение, потому что любит людей. Я ощущаю это иначе, может быть, и потому, что не так люблю людей, во всяком случае тех, кто постоянно занимается политической суетой (а повседневная жизнь политического деятеля невысокого масштаба в значительной мере в этом и состоит), — это оставляло бы во мне ощущение пустоты.

7.5.1981 Вчера возник интересный разговор о наших проблемах. Бен [Шварц] — голубь, как и Това, они считают, что нельзя оккупировать штахим. При этом Бен ссылается на то, что он против сионизма, выступающего за то, чтобы мы были "нормальным" народом. Я говорил, что история не идет путем чисто моральным, что оккупация территории практиковалась всеми, в том числе и США, и что запрещать ее только нам, значит требовать от нас того, что не делает никто, и настаивать на том, чтобы мы были (в ущерб себе) лучше всех и действовали бы в политике только моральными средствами. Аргумент А. был легалистский: что нельзя "создавать факты" [заселяя оккупированную территорию], что это незаконно. Такая аргументация не кажется серьезной: легальные тонкости (при наличии реальной возможности заселения) не в состоянии убедить никого. Другая линия отстаивалась Сашей Сыркиным; она не имела отношения к морали и говорила лишь о том, что у нас нет сил для такого заселения. На это можно ответить то, что отвечает Ювал Незман: в практически пустом Шомроне достаточно построить жилища для пары сотен тысяч молодых пар, чтобы ликвидировать "демографическое чудовище". Следовательно, силы могут найтись. Самой серьезной

аргументацией, однако, была аргументация Шварцев, носящая моральный характер. Вопрос о моральном содержании политики — центральный вопрос политической теории. С одной стороны, ясно, что отказ от морали ведет к тоталитаризму и к разгулу террора. С другой стороны, провозглашение полного запрета использования аморальных средств обрекает политического деятеля на бессилие и на верное поражение. Иначе говоря, есть случаи, когда цель оправдывает средства. Выходит, что вопрос в том, какая цель и какие средства. Вопрос в конкретной оценке ситуации, в том, какие силы борются и ради чего, каково их соотношение и чем нужно пожертвовать.

9.6.1981 Теперь надо срочно подготовиться к телевизионной беседе "Сиха бе-шнаим"¹.

Вопросы:

1. Связь с нееврейскими элементами. Тут надо сказать о том, что, конечно, у нас было много связей с русской, нееврейской интеллигенцией. Можно отметить как особенность, что среди нее очень много евреев, а также людей, которые так или иначе связаны с евреями — браком ли, или браком детей, или как-то еще. Я имею в виду в данном случае русских диссидентов. Но не только. Я должен сказать, что я дружил со многими из них, но меня удерживало от присоединения к ним то, что в самом общении с ними я чувствовал определенное различие между центром своей духовной жизни и их. Для меня вопрос о судьбе еврейского народа [был центральным], и я не готов был делать вид, как это принято очень часто в кругах интеллигенции в СССР, что от того, что я принадлежу к русской интеллигенции, вопросы еврейской судьбы для меня утратили свою актуальность. Я чувствовал в такой позиции

¹ "Диалог" — одна из популярных передач израильского телевидения (телеинтервью). Эта передача не была осуществлена.

определенную ложь для себя. А надо сказать, что импульс правдивости, стремление говорить правду — один из сильнейших импульсов человека, принявшего решение противопоставить себя чудовищу тоталитарного коммунистического государства.

В разговорах русских диссидентов постоянно подчеркивается необходимость борьбы против этого государства, как и тот факт, что борьба против этого государства является общим делом всех народов, населяющих СССР. Предпосылкой является то, что подобная борьба, являясь прежде всего внутренней потребностью честных людей, в то же время в той или иной мере может улучшить [общее] положение в СССР. И тут я чувствовал, что моя позиция решительно расходится с этими людьми, ибо, признавая благородство мотивов этих людей и их самоотверженность, я всегда чувствовал, что, участвуя в общей борьбе [против врага], являющегося врагом номер один всего человечества, наш народ имеет и свои собственные задачи, и именно эти задачи представлялись [мне] наиболее существенными. Так, я считал, что среди всего комплекса прав человека, за который борются демократы, для нас, евреев, важно особенно одно право, одна свобода: свобода передвижения, свобода эмиграции. Но я считаю совершенно неправильной позицию тех, кто боится контактов с демократами, кто думает, что можно добиться чего-то в изоляции, как-то договориться с советскими властями.

2. Теперь — вопрос, очень интересный, было ли ощущение, что это "лучшие годы нашей жизни". У меня не было такого ощущения, и я думаю, что его не было почти ни у кого. С одной стороны, конечно, были моменты большого удовлетворения. Самый, пожалуй, большой плюс этой жизни был тот, что человек, вступающий на этот путь, должен отбросить страх. Внезапно установилась жизнь, при которой мы уже не должны были претендовать на то, что мы советские люди. То, о чем мы тихо говорили со своими друзьями, теперь стало можно говорить всем открыто. В этом смыс-

ле о всем процессе получения вызова из Израиля и подачи заявления на выезд можно говорить как о процессе перевоспитания. Когда человек выходит из ОВиРа, он уже другой, чем когда он начинал все это дело.

Многие отказники говорят, что они — самые свободные люди в СССР, и в определенном смысле это правильно. Когда я читал лекцию в пятую годовщину Ленинградского процесса, в декабре 1975 года¹, и излагал и цитировал замечательный дневник Кузнецова, и вообще говорил все, что я думал, я испытывал большое удовлетворение, так же, как я испытывал большую радость от общения с такими людьми, как Щаранский, Лернер, Слепак, как и от общения со многими замечательными людьми, главным образом, евреями, но и неевреями, приезжавшими в Москву, чтобы встретиться с нами.

Однако эта свобода была свободой в тюрьме. Мы отлично понимали, что мы живем в нестерпимом положении, в пределах СССР, но уже вне советского общества, преследуемая группа, каждый из членов которой может быть осужден либо за антисоветскую деятельность, либо за тунеядство. Наши телефоны были отключены, в любой момент в нашу квартиру мог прийти агент КГБ или милиционер и вызвать на допрос, в стенах наших квартир были прослушивающие аппараты.

Стоит прибавить к этому, что почти все активисты были из рядов высококвалифицированных специалистов, привыкших к творческой работе, и эта деятельность была навязана нам обстоятельствами (не надо только понимать это в смысле какой-то абсолютной необходимости — ясно, что человек, который боялся, предпочитал сидеть тихо и не высовываться). Поскольку каждый из нас надеялся принять участие в строительстве страны нашего народа, Эрец-Исраэль, то время, которое мы были вынуждены оставаться в России, чувствовалось как время, вырванное из жиз-

¹ Перед группой московских отказников.

ни. Одним из очень тяжелых ощущений было ощущение остановившейся жизни, жизни, которая стоит на одном месте. В самом деле, в жизни зрелого человека есть сознание определенного прогресса. Особенно в жизни ученого. И вот, если вы не молоды, у вас уже не остается много времени, и вы получаете отказ. Проходит год, другой, наконец, четыре года, и вы думаете, что если вас продержали четыре года, то с таким же успехом могут продержат еще четыре или восемь лет, а тогда и ехать не стоит.

3. Вопрос о руководящей группе. Как это часто случается в истории, задним числом можно сказать, что формирование той группы лидеров, которая сложилась в еврейском движении в середине семидесятых годов, было результатом тех особенностей советской ситуации, которые были отлично известны. Они были результатом того беспрецедентного решения, которое было принято советским руководством в начале 1971 года, — решения разрешить евреям эмиграцию. Повидимому, советское руководство не понимало в это время, что это означает начало массовой эмиграции. Оно, очевидно, сделало ту же ошибку, что иракское руководство в свое время, полагавшее, что разрешением покинуть [страну] воспользуется лишь несколько сотен активных сионистов.

На самом деле, однако, с просьбой о разрешении стали обращаться тысячи и тысячи евреев. И тогда начали сыпаться отказы. Конечно, это можно было предвидеть: если оказалась неожиданно возможной массовая эмиграция, то невозможно представить себе в СССР свободную эмиграцию. Особенно советское руководство было взволновано тем фактом, что среди подавших заявления с просьбой о разрешении на выезд было много высококвалифицированных специалистов. Именно они-то и стали первой группой отказников, из числа которых выдвинулись лидеры движения.

4. Проблема вживания в демократическое общество. Может быть, для меня эта проблема легче, чем для

многих, так как я изначально не ожидал встретить в Израиле идеальное общество. Занятия философией, размышление приучили меня видеть разницу идеала и действительности и не ждать, что та страна, куда я стремлюсь, потому что вижу в ней родину нашего народа, может быть страной идеальной. В то же время, конечно, и я не был свободен от некоторых черт, свойственных советскому человеку. Так, мы привыкли к дисциплине, к постоянному надзору, и я был поражен, когда выяснилось, что никто, решительно никто не проверяет моих планов и не следит за тем, чтобы мои лекции соответствовали этим планам. Я помню, в самом начале, когда я составил план своего курса, я убедился, что мой план не вполне соответствует названию. Я позвонил декану, чтобы спросить, что он посоветует, но он ответил мне, что направление, которое я хочу придать курсу, зависит исключительно от меня. Это было для меня хорошим уроком академической свободы.

Другим уроком было вот что. В СССР автоматически принимается связь человеческих качеств с политической позицией. Иначе говоря, существует предпосылка, что человек, ненавидящий советскую власть, должен быть человеком хорошим, человек, восхищающийся советской властью, — подлец и карьерист. Конечно, может быть еще третья возможность — что он безнадежно глуп, но в кругах, где вращался я, этот третий тип почти не встречался. Вы можете сказать, что наш мир делился на черное и белое, и это будет в определенной мере верно. Вам, может быть, это покажется очень примитивным подходом, но этот подход вам, может быть, будет легче понять, если вы представите себе ситуацию в гитлеровской Германии. Хотя, может быть, и можно теоретически представить себе доброго и гуманного нациста, но в общем с нацистскими взглядами у нас ассоциируется определенный нравственный облик.

Советская идеология как марксистская и социалистическая имеет существенные общие черты с идеоло-

гией левых кругов на Западе, и наше отношение к этим левым кругам определялось тем подходом к коммунизму, который сложился на основании советского опыта: мы считали изначально левых на Западе столь же отвратительными людьми, как и советских коммунистов.

18.6.1981 Казалось бы, все прекрасно, но как-то грустно. В конце концов среди поправок, вносимых действительностью в наши иллюзии, оказывается и то, что любая организация, особенно массовая организация, — вещь неприятная, и перед нами всегда выбор — пойти на контакты с неприятными вульгарными людьми ради достижения каких-то целей или держаться в стороне, сохраняя чистоту и спокойствие своего внутреннего мира.

Вчера прочитал свое обращение на встрече Holocaust survivors [переживших Катастрофу] в Биньяней ха-ума. Вульгарность и невежество председателя — некоего С., его грубая лесть, мелкий обман — все это немало раздосадовало меня. Эб Байер после заседания зачем-то потащил меня на пресс-конференцию, посвященную Браиловскому, где на самом деле о Браиловском была прочитана одна фраза, и где я был совершенно ни к чему. Стоило ли вообще во всем этом участвовать или лучше было под каким-то предлогом отказаться? Поскольку популярность меня не интересует и в суетящейся толпе я чувствую себя отвратительно, думаю, что в следующий раз постараюсь уклониться от участия в подобных мероприятиях.

19.6.1981 Утром наспех готовился к занятиям, когда пришел Гарольд Тиктин — удивительно милый и интересный американец, с которым мы встречались еще в Москве. Он, оказывается, пришел на заседание в Биньяней ха-ума специально, чтобы послушать меня, и моя речь ему очень понравилась. Я подумал потом — вот и ответ на мои колебания. Может быть, именно ра-

ди того, чтобы встретить Тиктина, стоило городить огород?

22.6.1981 Вчера Бани Садр¹ привлечен к суду; по телевидению показывали толпы, фанатично орущие, женщин в черном, производящих поистине жуткое впечатление.

Так перед нами разворачивается история. Все идет по известному сценарию: даже интеллигентное лицо этого человека показывало, что он не может долго продержаться в этом зверинце. Теперь — расправы внутри, и, скорее всего, поражение вовне, нищета, деградация, взаимное поедание, пока, наконец, не поднимется какой-то более или менее разумный деспот. Во всяком случае, видя эти толпы, трудно оставаться универсальным филантропом.

Можно ли сказать, что есть действительно отвратительные народы, или толпы любого народа отвратительны? Если такие омерзительные народы есть, иранцы, несомненно, относятся к их числу; и убийство Грибоедова, и захват американских заложников — несомненное тому свидетельство.

В конце концов сейчас стоит вопрос: что лучше (или, вернее, что хуже) — партийное руководство, состоящее из функционеров, уверенных, что только они знают как управлять, и что без них все пропадет (подобных нашим функционерам Маараха, как, например, Бар Лев, повторявших перед маем 1977, что без Маараха Израиль существовать не может), или же популистское руководство, демагогически разжигающее страсти толпы, достаточно антипатичной нам (ибо состоящей главным образом из восточных евреев с их шумом и плебейскими манерами), но в то же время более человечное и менее бюрократичное? Что хуже — безликая организация, создавшая огромную и не-

¹ Глава временного правительства Ирана, образованного после свержения шаха.

нужную бюрократию, или правая партия, которая хотя и оказалась мало эффективной, однако все же ликвидировала некоторые безобразия (как, например, налог на заграничные поездки), и в то же время в принципе выступает против бандитов-стачечников?

Эти беды кажутся мне основными, и оба эти явления созданы Маарахом. Исходя из этого, голосовать надо за Ликуд. И это впечатление усиливается вчерашней статьей А. Рубинштейна, первой, вызвавшей у меня резкий протест. В ней Рубинштейн пытается запугать избирателя перспективой всеобщего господства насилия. Малоубедительно и явно демагогически.

29.6.1981 Вчера выступал на семинаре по поводу взглядов на современный Китай. Сообщение делал проф. Шварц в свойственном ему приятном либеральном тоне, с широким обзором имеющихся взглядов и отказом от однозначного выражения собственного мнения. В то же время, конечно, сами подходы показывали центр интересов, и они-то и были основой для того, что я сказал. Я начал с того, что чувствовал себя "объектом исследования" проф. Шварца, и взгляд изнутри и извне никогда не совпадает. Потом я остановился на проблеме тоталитаризма, отметив полное свое согласие с [его] концепцией тоталитаризма. Затем говорил о проблеме законности и несущественности ее для общества России и Китая и о том, что китайский тоталитаризм еще почище русского. В самом начале я сказал, что знаю, что мои взгляды скорее всего будут охарактеризованы тут как антикоммунистические, но я не боюсь этого, ибо еще в СССР привык к тому, что выступаю один против всех.

30.6.1981 Сегодня начал перерабатывать статью об истории. Это как-то совпало с событиями в Иране, в связи с которыми я подумал о том, что с точки зрения человека, пережившего и передумавшего русскую революцию, кажется, очень легко предсказать, чем это безумие кончится. Но тут я подумал, а что же такое ко-

нец? Есть ли вообще в истории конец? Можно ли сказать, что русская революция "кончилась"?

Думаю, что конец все же бывает. В смысле завершения цикла. Так, конец французской революции, очевидно, настал тогда, когда Наполеон был провозглашен императором. А может быть, во время Реставрации? Опять проблема. Можно сказать, что конец неудачного предприятия определить легко. Так, например, легко определить конец неудавшегося восстания, конец экспедиции, окончившейся поражением. Но как с успешным предприятием? Как с революцией? Можно ли предвидеть их конец?

В какой-то мере вся китайская теория тяньмин [судьба; воля неба] говорит о непременном поражении, о конце любого предприятия, даже начавшегося удачно.

20.7.1981 Продолжается война на нашей северной границе. Последнее время думаю много о политике, и под этим влиянием стал читать Макиавелли. Мне кажется, что Бегин в самом деле понимает, что такое политика, и в этом меня поддерживает пример Дир-Ясина. Я уверен, что Бегин сознательно организовал убийство арабов, и при этом поступил очень мудро.

В самом деле, до тех пор, пока легенда о еврейских зверствах не была подтверждена фактами, бегство арабов можно было остановить, о чем так старательно радели деятели социалистов. Между тем, сосуществование с арабами с самого начала было мертвой идеей, и Бегин, по-видимому, понимал это. Поэтому он видел необходимость в создании прецедента реальной жестокости с тем, чтобы серьезно напугать арабов и побудить их к бегству. В этом, очевидно, была его сила -- он понимал необходимость принятия жестоких решений в ситуации, когда не было другого выхода, и обладал решимостью такие решения принимать и внутренней силой, необходимой, чтобы взять на себя ответственность за такие решения.

Такие решения нельзя, конечно, считать моральными.

ми. В то же время нельзя считать их и аморальными: Бегин сделал то, что с его точки зрения было правильно в борьбе еврейского народа не на жизнь, а на смерть. Он при этом любопытным образом мог сослаться на Танах, где Бог дает указание уничтожить все прежнее население Ханаана — указание, никак не укладывающееся в рамки гуманистической морали. Политика, конечно, не может строиться на одной морали, но не может строиться и абсолютно без морали, потому что тогда она превратится в бандитизм.

23.7.1981 Заканчиваю книгу Ч. Милоша¹. Замечательная работа, где особенно хороши портреты — Альфа, Бета, Гамма, Дельта. Нужно иметь настоящий талант и глубокое благородство, чтобы написать в таком неозлобленном тоне о таких подонках, как Гамма, считавших, что тот, кто решил пойти на соглашение с Историей, должен продать свою душу дьяволу. Милош пишет, что где-то в глубине души он все же понимал, что дьявол силен именно тем, что кто-то продает ему свою душу, и детерминизм Истории в конечном счете плод человеческих теорий, которые могут быть совсем не верны.

Блестяща его критика разоблачения культуры. В конечном счете это та черта, которая сближает даосизм с марксизмом и фрейдизмом. Все три учения занимаются разоблачением культуры, и все три приводят к тому, что человек сводится к животному. В даосизме это сочетается с мистицизмом дао, поднимающим человека куда-то высоко над повседневной жизнью, в сферу сверхъестественного, в то же время представляющую сферу единства человека с космосом. В марксизме имеется теория базиса и надстройки, по которой вся мораль и идеология относятся к надстройке. У Фрейда имеется теория сублимации, пожалуй, все же наиболее достойная. Од-

¹ Cz. Milosz, *The captive mind*, New York, 1961.

нако все три видят в культуре фальшь и заняты разоблачением этой фальши. Как замечает Милош, в конечном счете это приводит к тому, что слово становится излишним по сравнению с кулаком.

4.8.1981 Изнуряющая жара. Сегодня ездил с Эриком М., его родителями [американцами] и сестрой на [военную] базу Т. Эрик, очевидно, преследовал некоторые педагогические цели в отношении своего отца. По-видимому, именно для этого он держал нас в машине на палящей жаре в палаточном лагере полчаса — посмотреть палатки и все остальное было очень интересно (в частности, тяжелую "солдатскую выкладку" — патроны, фляжки и т.п., которые всегда на солдате, даже во время упражнений с носилками). Папаша, наконец, уже вышел из терпения и стал вызывать Эрика сигналами машины. Когда он пытался выговаривать Эрику, тот сказал: "В такой обстановке израильские солдаты живут месяцами, и я хотел тебе показать, чего требует независимость Израиля".

26.8.1981 Вчера — длинный телефонный разговор с Саней Якобсоном по поводу отношения к нешире¹. Сая из принципиальных соображений решительно против каких бы то ни было принудительных мер. Однако за время пребывания здесь я понял и оценил иначе многие вопросы политики. Если раньше, в СССР, мы настаивали на введении морали в политику, потому что перед нами был попросту тоталитарный бандитизм, то теперь я вижу, что политика не может держаться на одной морали, и определенная роль принуждения (с точки зрения чистой морали недопустимого) в ней должна присутствовать. Вопрос в том, какая.

В этом конкретном случае я исхожу из того, что большую роль играет элемент массового психоза и непривычки к тому, чтобы принимать самостоятельные

¹ См. примеч. на стр. 283.

решения. Для массы бремя свободы было подчас слишком тяжело, и простые люди сами часто хотят, чтобы это бремя с них сняли. На мой взгляд, то принуждение, которое имеет место здесь, не выходит за пределы того, что является нормальной частью политики.

31.8.1981 Сегодня в "Ха-арец" написано, что несколько членов Кнесета — либералов — вместе с Маарахом хотят провести признание всех течений иудаизма и гражданский брак. Посмотрим, что из этого получится. Конечно, я буду голосовать за них обеими руками.

2.9.1981 Подумал, что если бы кто-нибудь сказал мне первого сентября 1939 года, что через сорок лет в этот день я буду в Иерусалиме, я бы очень удивился. Поистине, прав был тот журналист, который написал, что я человек чрезвычайно удачливый.

13.9.1981 Каждый раз перед началом нового учебного года мною овладевает паника: "Справлюсь ли? Потяну ли?" И хотя до сих пор оказывалось, что я справлялся и тянул, каждый новый challenge кажется вновь почти непреодолимым. Я замечаю падение работоспособности, умственную усталость, сильно ограничивающую мои возможности чтения и переработки материала.

К сожалению, сейчас я не мог бы написать, как написал три года назад: "Чувство, что вся жизнь впереди". Наоборот, чувство усталости, а подчас овладевает и нечто вроде апатии: *taedium vitae*¹.

К счастью, тут есть возможности обновления: путешествие и работа, хотя и тяжелая, но поднимающая тонус и доставляющая глубокое удовлетворение. Весь вопрос в том, чтобы вернуть самому себе интерес к

¹ Отвращение к жизни, пресыщенность (лат.).

жизни. Недаром Пастернак писал своей двоюродной сестре, что счастье ему необходимо, чтобы творить.

3.10.1981 Кипр, г. Пафос.

Сегодня поехали в центр города, побродили там, прошлись по музею. Потом взяли такси и поехали к порту. Осмотрев башню на молу, мы заняли столик в ресторанчике у самой воды, где наслаждались тем, как рыбы, большие и маленькие, хватали кусочки еды, которые им бросали мы и другие, сидевшие за столиками. Движения рыб были столь художественно-изящны и в таком головокружительном темпе, что смотреть на них можно было, кажется, бесконечно. От этого занятия трудно было оторваться.

Пришли домой часа в три, и в новой квартире оказалось все очень удобно и достаточно прохладно. Я принял душ, а Ина пошла к морю, откуда вернулась часа через полтора, я же за это время поспал и почитал книгу Рейгана о самом себе¹. Дает представление о человеке достаточно поверхностном, как и полагается среднему американцу — футболисту, радио-анонсеру, киноактеру. Но при этом у него большое природное чувство справедливости и *fairness*². Его антикоммунизм носит достаточно практический и потому глубокий и пережитой характер, и он должен был ждать Ирана и Афганистана, чтобы быть наконец принятым и понятым американским народом, не имеющим собственного жизненного опыта коммунистической гнусности, и видящим в коммунизме лишь теорию, в которой есть и кое-что положительное. И все еще неясно, насколько все это серьезно: Афганистан слишком далек, унижение заложников в Иране забывается после того, как их выпустили. Правда, коммунистическая гнусность каждый раз вновь себя демон-

¹ R. Reagan and R.G. Hubble, *Where's the rest of me?* (Ronald Reagan tells his own story), New York, 1965.

² Здесь: честность (англ.).

стрирует, и, по-видимому, этот процесс необратим. Закат начался, он ясен каждому, кто способен ясно видеть и ясно мыслить, и вопрос лишь в том, доживем ли мы до развала советской империи. О Китае нечего и говорить — эта династия продержится еще лет пятьдесят, хотя в конечном счете и ее судьба ясна.

5.10.1981 Сегодня утром предложил хозяину рассчитаться, и он вдруг заявил, что мы должны платить не восемь фунтов (как договаривались вначале), а еще десять процентов "за обслуживание", и я, не возражая, согласился, хотя, конечно, мог бы и не соглашаться, и почти наверняка добился бы своего. Потом себя ругал.

Только недавно, пару дней назад, думал о том, какие же грехи я совершил в прошлом году, чтобы, в соответствии с еврейской Новогодней традицией, внутренне покаяться, но как-то не мог ничего найти. Сейчас я подумал, что грешно было седьмого января, вместо того, чтобы заказать аскару¹ по папе, уехать в Египет. Но сейчас я думал о том, можно ли считать [грехом] неумение защитить себя и свои права. Конечно, ни в Десяти заповедях, ни в других традиционных этических учениях такого рода обязательства бороться за свои права и интересы нет, и я уверен, что по Галахе² я не согрешил. Однако для современного правосознания, как мне кажется, неумение отстоять себя представляется чертой несимпатичной, и сам я знаю, что гораздо более приятное чувство остается после борьбы и победы, чем от безропотного согласия облапошить себя. Меня в свое время удивляло неумение и нежелание мамы бороться за себя. Мне кажется, что она считала недостойным вести такого рода борьбу и предпочитала принимать оскорбление и несправедли-

¹ Религиозная служба в день памяти по умершему.

² Нормативная часть иудаизма, регламентирующая религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев.

вость, но не унижаться до своекорыстной защиты. Интересно, что в отношениях с КГБ я великолепно умел отстаивать себя, свою чистоту и свое достоинство, но жизнь не подготовила меня к столкновениям с мелкими жуликами, с которыми приходится иметь подчас дело "за кордоном", и в Израиле, и здесь. В общем такие инциденты следует не принимать слишком всерьез, и после того, как это произошло, не возвращаться к этому внутренне, бесплодно возбуждая в себе невысокого порядка чувства. Но на будущее надо стараться не давать садиться себе на шею.

8 октября 1981 г.

Дорогая Ася!

Собирался ответить на Ваше письмо, возбуждившее много мыслей, из Кипра, но там как-то не получалось сосредоточиться (последние дни в очаровательном городке Пафосе — родина Киприды — прошли в купаниях в ласковом Средиземном море, в посещениях местных и окрестных достопримечательностей и в дольче фар ниенте), и вот пишу из нашего дома через два дня после возвращения. Новость об убийстве Садата мы услышали сразу же, как сели в такси по дороге с аэродрома. В этой же машине было два австралийских пятидесятника, приветствовавших остальных словами: "Христос любит вас", девушка из Америки, бывшая в России, и пара израильтян. Мы сразу же почувствовали, насколько лучше услышать такую новость здесь, а не за границей, и я подумал, что хотя новость очень плохая, но есть в этом элемент немезиды: Садат был убит на параде по случаю годовщины войны Йом-Киппур, которую он сам затеял и которую всячески рекламировал как свою великую победу.

Но не об этом хотелось написать. Ваш ответ на мое описание нашей избирательной кампании полон великого пессимизма. Я, однако, совсем не чувствую, что созерцание альтернатив столь обескураживающе. Скорее напротив. Это несовпадение выводов вполне объяснимо, но я хотел бы добавить несколько слов к то-

му, почему, при всех недостатках западных политических систем, я полон великого восхищения перед их возможностями, перед гибкостью существующих тут политических механизмов (или, скорее, организмов), исключающих злоупотребление властью и с неожиданной быстротой и эффективностью реагирующих на те явления, которые кажутся совсем за пределами влияния и сил простого человека. Нравственное противостояние отнюдь не сводится к стоическому индивидуализму, у него есть мускулы, хотя они не всегда видны.

К чему, действительно, тут приходишь — это к отказу от глобального подхода и глобальных формулировок. Именно из-за множества оттенков и неспособен западный человек понять, что на самом деле существует и разница между белым и черным. Совсем черное существует где-то на таких задворках, о которых всерьез почти никто и не упоминает; то же, что имеет значение, — комбинации между белым, синим и желтым, оранжевым и зеленым и т.д. (цвета здесь взяты просто для примера). Очень трудно здешнему человеку понять и поверить, что бывает и просто черное. Тут, впрочем, у нас ситуация лучше, чем в Европе и даже в Америке. Я много слышал о том, что делается в университетах Италии и Германии, об общей, достаточно противной обстановке там, и каждый раз радовался тому полному или почти полному взаимопониманию, которое имеется с моими студентами у меня.

Это, таким образом, не полный, но относительный отказ. Он, однако, крайне важен для того, чтобы понять и разобраться в здешней жизни. Я имел в виду, кроме того, огромное значение местных конфликтов и проблем, часто заслоняющих по своему страстному накалу и близости общие вопросы. Тут отсутствие живого опыта приводит подчас к самым странным и удивительным гримасам. Интересно, однако, что везде можно найти людей, которые все отлично понимают, и встреча с такими людьми — радостное событие. В сельском автобусе, неторопливо спускавшем нас с прохладных гор Кипра к побережью, к нам подсел кипри-

от, постоянно живущий в Австралии, но приехавший посетить родные места. С естественным для сельского захолустья интересом он стал расспрашивать нас кто мы и откуда. Мы сразу нашли общий язык, и кое-что из того, что он говорил, поразило меня тонкостью и глубиной. В Лимасоле мы расстались, конечно, навсегда.

Всего доброго, дорогие.

9.10.1981 [Иерусалим].

Вчера Иом-Киппур прошел тихо, а к вечеру зашли к Шоррам и договорились о поездке на Синай, к кораллу у Ди-Захав.

Вчера говорил довольно долго по телефону с Айрин Ибер. Когда я сказал, что мы были на Кипре, она ответила, что, по ее мнению, там ничего особенно интересного нет. Я подумал, что для нас подобные поездки имеют не только значение отдыха и развлечения, но еще и символическое значение — мы особенно остро чувствуем, что мы свободные люди. Конечно, мы чувствуем это и здесь, но особенно остро — пересекая международные границы.

11.10.1981 Все еще не решил основного вопроса, относящегося к будущему курсу по влиянию конфуцианства. Думаю, что надо будет сосредоточиться на интеллектуальной истории, оставив в стороне такие проблемы, как семья, государство, литература. Вернее, все эти вопросы встанут в ходе курса, но они не будут в центре. В центре будут проблемы судьбы конфуцианства как основного идеологического учения, начиная с попытки сохранить его в конце XIX века, затем антиконфуцианское движение с резким отрицанием конфуцианства и полным его ниспровержением, и, наконец, возвращение к конфуцианству в современной китайской мысли.

14.10.1981 Вчера был неожиданный визит: к нам приехало трое христиан: двое американцев, связанных

с христианской организацией "Ambassador to Israel", и чрезвычайно тонкий и интеллигентный человек – американец норвежского происхождения, живущий в Моца Иллит уже много лет, Иоханан Ронен. Разговор с ними был действительно замечательным переживанием. Особенно интересно было услышать от Иоханана, как он был в тупике, каким образом объяснить действительно шокирующие места в Книге Иисуса Навина. Он говорил, что до конца объяснить это место будет невозможно, но он подумал о том, что Бог, по-видимому, подчас знает, что есть такие силы зла, с которыми ничего невозможно сделать, кроме уничтожения. Эта мысль вызвала сочувственный отклик во мне, и я сказал, что у меня впечатление, что у американцев есть тенденция недооценивать силы зла.

Очень интересна была его отрицательная оценка мусульманства и пути, которым оно идет.

15.10.1981 Завтра утром выезжаем на полтора дня в Синай, в Ди-Захав. Посмотрим рыб под водой.

Начал вчера читать "Деяния апостолов". Когда хорошо представляешь себе места, где все это происходило, читается совершенно иначе.

[На обратном пути из Ди-Захав Виталий Рубин погиб в автомобильной катастрофе.]

ИЗ ПИСЕМ ДРУЗЕЙ ИНЕ РУБИНОЙ (1981 г.)

...Только что радио принесло нам страшную весть: нет больше Виталия... Виталий — всегда жизнерадостный, неисправимый оптимист, человек, всегда готовый прийти на помощь тому, кто в ней нуждается, не терпящий несправедливости и боровшийся с ней где только и как только мог... Я никогда не мог себе представить, что когда мы прилетим в Израиль (дай Бог, чтобы это случилось поскорей), среди встречающих не было бы Виталия, что не будет после нашего приезда длинных вечеров с неизменным чаепитием, где мы рассказывали бы друг другу о том, что происходило там и что происходило здесь за эти долгие годы.

Володя.

...Я не думал, что известие о смерти Виталия так ушибет. ...Вспоминаю раннее: конец пятидесятых, начало шестидесятых годов... Треп в столовой [ФБОН], выборы "мисс ФБОН"... Что-то юношеское (без внимания к возрасту) и совершенно несовместимое с мыслью о смерти. А она взяла и стукнула. Я сам чувствую себя гораздо более готовым к встрече с ней, а это — как смерть ребенка. Шутил, смеялся — и вдруг кирпич на голову...

Гриша.

...Мы все не в состоянии прийти в себя после шока, полученного два месяца назад. Так это все непостижимо и горько. Виталий продолжал оставаться для нас близким человеком. Для меня он часто был мысленным собеседником, одним из немногих, чье мнение и советы были мне всегда дороги. Собственно, и сейчас

я часто задаю себе вопрос, что бы подумал Виталий по поводу той или другой мысли, того или другого обстоятельства. Привыкнуть к мысли, что мы больше не увидим его, просто невозможно.

Дима.

...Мы, Ваши и Виталия друзья, счастливы, что когда-то жизнь скрестила наши дороги. Мы считаем Виталия одним из самых светлых, мужественных и честных людей и никогда не забудем его интереса к людям, его ум, его живую речь, его смех...

Майя.

...25 октября я утром поехала к детям, и мы пошли с Павликом гулять в лес. Был неожиданно теплый и солнечный день – и я шла как-то умиротворенно, вспоминая Виталия, а оставшиеся еще золотые листья падали легко на землю...

Когда мы вернулись домой, Павлик сел рисовать, а я рассказывала Сереже и Любе про Виталия и сказала, что еду к Асе, потому что там соберутся друзья Виталия. Мне казалось, что малыш занят своим делом, но он поднял голову и сказал: "Вы решили собраться, чтобы оживить его?". Как потрясла меня эта детская вера в силу духа – он был уверен, что мы можем его оживить...

Удивительно же то, что в духовном смысле это произошло. Смотрели фотографии, читали совершенно удивительные письма Виталия во время войны семнадцатилетним юношей... ..Бог мой – какая жизнь, какие испытания и свершения. Война в семнадцать лет и его несокрушимость при выходе из окружения, когда в дождь и слякоть было невозможно идти, но он шел; плен и бегство из плена – такое удивительное. И шахта, эта ужасающая шахта! И туберкулез. Совершенно потрясающее письмо из больницы, когда он (такой обычно мужественный и веселый) написал, что он рад, что он в больнице, где все такие же, как он, т.к. ему тяжело быть со здоровыми.

И еще была пленка, где Виталий читал Гумилева, Ходасевича, — и я еще раз поняла написанное Виталием горькое в его последнем письме — о том, что он теряет русскую культуру, а приобрести другую — уже не может. И вот, когда я слышала его голос, я чувствовала его любовь к стиху — и щемящую боль расставания с этим, несмотря на ясность пути и одержимость желанием быть в Израиле.

Так и погиб на лету.

Флора.

...В воскресенье у нас собрались наши общие друзья побыть вместе в общем горе. Собрали фотографии из альбомов, читали юношеские письма Виталия, а Боря принес запись голоса Виталия (чтение стихов). Все это очень взволновало присутствующих. Интонации голоса, чудесные письма, в которых так трогательно раскрывается его характер, знакомый нам уже в более зрелом и замкнутом периоде. Я не сомневаюсь, что очень много друзей горюет по Виталию в Израиле. И старых, и новых... Но, вероятно, у нас, друзей вашего прошлого, была особая проникновенность и теплота, овеянная воспоминаниями многих, многих совместно прожитых нелегких лет. Всю ночь, как впрочем, и все эти дни, в сознании все время всплывают разные эпизоды, слова, интонации, жесты...

...Я думаю, все мы чувствуем, что Виталий всегда будет с нами, как был, в каком-то смысле все эти годы разлуки, а может быть, даже и более того...

Ася.

...И вдруг, после утреннего звонка Аси — принесли открытку Виталия, написанную 15 сентября и письмо с Кипра от 29 сентября, где вам, кажется, было так тихо и спокойно. Так, Виталий, написал: "Конечно, мне очень не хватает старых друзей, тех, общение с которыми незаменимо никакими путешествиями. Кто знает, увидимся ли когда? Кажется нет, но ведь мы видели в жизни чудеса, а надежда — великий дар".

Флора.

...Виталий был в моих глазах удивительный человек. Ты знаешь, что не во многом мы сходились в иные годы...

Меня умиляло в Виталии отсутствие ханжества и религиозной одержимости. Виталий был открыт жизни и к холоду той власти привыкнуть не мог. Виталий был мудр, мягок, человечен, в его видении был юмор...

Я не верю в случайности в этом мире. Нелепости, несчастья, трагедии, драмы, смерти — но и в них можно видеть внутренний смысл. Никакого смысла в ранней смерти Виталия я не могу видеть. Или не хочу. Как объяснить, что счастливый человек уходит из этого мира?

Юра.

...Мы с Машей говорили, я: "Как трагично, когда Виталий, наконец, добился всего, о чем мечтал!", а Маша: "А может быть и так: он умер счастливый?"

Таня.

Список основных работ

1. Походы Хуан Чао, в книге: "Сборник статей по истории стран Дальнего Востока", Москва, 1952, стр. 106–120.
2. Проблемы рабовладельческой формации в Древнем Китае в освещении современных китайских ученых, "Вопросы истории", 1957, №4, стр. 193–201.
3. О датировке и аутентичности "Цзо чжуань", "Проблемы востоковедения", 1959, №1, стр. 78–85.
4. Рабовладение в Древнем Китае в VII–V вв. до н.э., "Вестник древней истории", 1959, №3, стр. 3–21.
5. Народное собрание в Древнем Китае в VII–V вв. до н.э., "Вестник древней истории", 1960, №4, стр. 22–40.
6. Статьи в "Советской исторической энциклопедии": "Конфуций", "Конфуцианство" — т. 7, Москва, 1965.
7. Tzu-Ch'an and the city-state in ancient China, "T'oung Pao", 1965, vol. 52, No. 1–3, pp. 8–34 (Цзы-чань и город-государство в Древнем Китае).
8. Проблемы восточной деспотии в работах советских исследователей, "Народы Азии и Африки", 1966, №4, стр. 95–104.
9. Два истока китайской политической мысли, "Вопросы истории", 1967, №3, стр. 70–81.
10. Размышления о всемирной истории (рецензия на книгу: Н.И. Конрад, Запад и Восток, Москва–Ленинград, 1966, 518 стр.), "Вопросы философии", 1967, №3, стр. 149–152 (в соавторстве с А.В. Гулыга).
11. Человек в древнекитайской мысли, "Народы Азии и Африки", 1968, №6, стр. 74–85.
12. Оценки Конфуция в западном Китаеведении, в

книге: "Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки", вып. 2, 1968, стр. 80–88.

13. Шан Ян и его идеи (рецензия на книгу: "Книга правителя области Шан", Москва, 1968, 350 стр.), "Новый мир", 1969, №12, стр. 267–270.

14. Традиции китайской политической мысли, "Вопросы философии", 1970, №5, стр. 90–100.

15. Идеология и культура Древнего Китая, Москва, 1970, 161 стр.

16. "The end of Confucianism?", "T'oung Pao", 1973, vol. 59, pp. 68–78. (Конец конфуцианства? Рецензия на книгу: W. Bauer, China und die Hoffnung auf Glück: Paradies, Utopien, Idealvorstellungen, München, 1971, 703 pp.)

17. Shen Tao and Fa-chia, "Journal of the American Oriental Society", 1974, vol. 94, No. 3, pp. 337–346. (Шэнь Дао и фацзя).

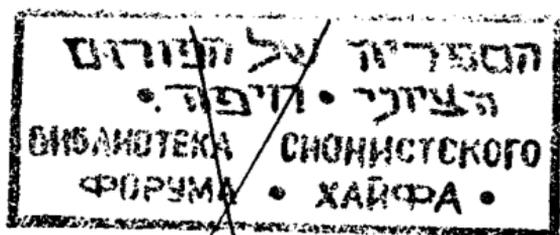
18. Individual and state in ancient China, New York, 1976, 150 p. (Перевод книги: Идеология и культура Древнего Китая, Москва, 1970, с новым предисловием.)

19. Values of Confucianism, "Numen", vol. 28, 1981, No. 1, pp. 72–80. (Ценности конфуцианства.)

20. The profound person and power in classical Confucianism, "Proceedings of the International Conference on Sinology", Taipei, 1981, pp. 339–362. (К вопросу о цюньцзы и его отношении к власти в классическом конфуцианстве.)

21. Concepts of wu-shing and yin-yang, "Journal of Chinese Philosophy", 1982, vol. 9, pp. 131–157. (Понятия усин и инь-ян.)

22. A Chinese Don Quixote: changing attitudes to Po Yi's image, в книге: "Confucianism: the dynamics of a tradition", ed. I. Eber, New York, 1986, pp. 155–184 (Китайский Дон Кихот: подход к образу Бо И.)

2875

749

**КИТАЙСКИЕ ИМЕНА И ТЕРМИНЫ,
ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В КНИГЕ**

Бо И – полулегендарная фигура отшельника, "китайского Дон Кихота" (XI век до н.э.). (См. статью В. Рубина: "A Chinese Don Quixote: changing attitudes to Po Yi's image", в книге: Confucianism: the dynamics of a tradition, ed. I. Eber, New York, 1986, pp. 155–184.)

Ван Фу-чжи (1619–1692) – философ-материалист; выступал с критикой буддийской философии.

Ван Ян-мин (1472–1529) – государственный деятель и философ, отстаивавший интуитивное постижение нравственной истины, дающееся человеку в процессе самоуглубления.

Го Мо-жо (1892–1978) – историк, писатель.

Гоминдан – "Народная партия". Основана Сун Ят-сеном в 1912 г. После смерти Сун Ят-сена ее возглавил Чан Кай-ши.

Дао – букв.: путь; в китайской философии: путь природы; смысл жизненного пути; этическая норма.

"*Даодэцзин*" ("Лао-цзы"; IV–III вв. до н.э.) – основной источник даосизма.

Даосизм – одно из ведущих течений древнекитайской философии, возникшее в VI–V вв. до н.э. Это учение призывает, отбросив культуру и цивилизацию, вернуться к природе и следовать "дао".

Дун Чжун-шу (ок. 187–120 гг. до н.э.) – философ; последователь Конфуция.

Жэньчжэн – гуманное управление.

Западное Чжоу – древнекитайское государство (XII–VIII вв. до н.э.).

"*И-цзин*" ("Книга перемен") – один из древнейших письменных памятников Китая (VII–IV вв. до н.э.). Первоначально гадательная книга. Обрастая постепенно комментариями, она превратилась в философское произведение.

Инь – древнейшее государство в Китае (XVIII–XIII вв. до н.э.).

Инь и ян – основные категории китайской натурфилософии, обозначающие полярные противоположности: отрицательное и

положительное, женское и мужское, темное и светлое, пассивное и активное и т.п. Инь и ян выступают как две силы, находящиеся в неразрывном единстве, во взаимодействии и взаимоборстве. Их борьба рассматривается как источник движения и изменения мира.

Конфуций (551–479 гг. до н.э.) – мыслитель, политический деятель и педагог; создатель оригинального этико-политического учения, до сих пор сохраняющего свое влияние на развитие общественной и философской мысли на Дальнем Востоке.

Лао-цзы – полупоупендарный древнекитайский философ (VII–VI вв. до н.э.), считающийся основателем даосизма. Ему приписывается основной даосский трактат “Даодэцзин” (“Классический канон пути и достояния”).

“*Лао-цзы*” (“Даодэцзин”; IV–III вв. до н.э.) – философский трактат, основной источник даосизма.

Легизм, легисты (кит.: фацзя – букв.: “законники”) – учение об управлении государством с помощью системы наград и наказаний, возникшее в Китае в середине IV в. до н.э.

Ли – ритуал; традиции.

Лу Синь (1881–1936) – китайский писатель, выступавший против конфуцианства как государственной идеологии.

“*Луньюй*” (“Беседы и рассуждения”) – философский трактат, составленный в начале IV в. до н.э. и содержащий разговоры Конфуция с его учениками; основной источник конфуцианства.

Мин – династия в Китае (1368–1644 гг.).

Мо-цзы (479–381 гг. до н.э.) – основатель философского учения о “всеобщей любви”.

Моизм (“Теория всеобщей любви”) – политико-философское учение, основателем которого был Мо-цзы (V–IV вв. до н.э.).

Мэн-цзы (ок. 372–289 гг. до н.э.) – философ, последователь и продолжатель Конфуция; создатель теории “гуманного управления” (жэньчжэн).

“*Мэн-цзы*” – философский трактат (IV в. до н.э.), названный по имени последователя и продолжателя Конфуция. Один из четырех основных трактатов классического конфуцианского канона.

Неоконфуцианство – одно из основных направлений в развитии конфуцианской идеологии, сложившееся в основном в X–XIII вв.

Сун – династия в Китае (960–1279 гг.).

Сун Ят-сен (1866–1925) – китайский революционер-демократ и мыслитель, первый президент Китайской республики, установленной в 1911 г. в результате свержения монархии.

"Сунь-цзы" – "Трактат о военном искусстве" (XI в.), заложивший основы военной науки в Древнем Китае (назван по имени полководца Сунь-цзы – конец VI – начало V в. до н.э.).

Сыма Цянь (ок. 145–86 гг. до н.э.) – историк; основное его сочинение – "Исторические записки" – представляет собой свод всего развития китайской государственности и культуры за предшествующие эпохи.

Сюнь-цзы (ок. 298–238 гг. до н.э.) – философ-конфуцианец, заложивший основы "императорского конфуцианства", ставшего государственной идеологией в Китае.

"Сюнь-цзы" – философский трактат (III в. до н.э.); первое систематическое изложение конфуцианской философии.

Тан – династия в Китае (618–906 гг.).

Тяньмин – букв.: веление Неба; судьба; теория управления, созданная в Китае в XII–VIII вв. до н.э. Согласно этой теории правитель является лицом, облеченным властью условно; условие: забота о благе народа.

Усин – пять элементов (стихий) китайской космогонии: металл, дерево, вода, огонь, земля. Впервые "учение о пяти элементах" было сформулировано в трактате "Хун Фань" ("Великое учение"), относящемся к первому тысячелетию до н.э.

Фацзя (букв.: "законники") – см. легизм.

Фын Ю-лань (р. 1895) – философ, автор двухтомной "Истории китайской философии" (Пекин, 1931–1934).

Хань – династия в Китае (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.).

Хань Фэй (ок. 280–230 гг. до н.э.) – один из главных мыслителей школы "фацзя" (легисты); автор трактата "Хань Фэй-цзы".

"Хань Фэй-цзы" (III в. до н.э.) – философский трактат, один из основных источников легизма.

Хань Юй (768–824) – публицист, поэт и мыслитель.

Хуан Чао – руководитель крестьянского восстания в Китае (IX в.).

Хубилай-хан (1260–1294) – внук Чингис-хана, правивший в Китае в период монгольского владычества.

"Хунлоумэн" ("Сон в Красном тереме") – китайский классический роман XVIII в.

"Цзо Чжуань" – первый летописный свод в китайской историографии, последовательно излагающий события, происходившие в Китае в период Чуныцю (721–480 гг. до н.э.).

Цзоу Янь (конец IV – начало III в. до н.э.) – философ, занимавшийся проблемами натурфилософии.

Цзунцзу – объединение родственных семей, происходящих от одного мужского предка; патронимия.

Цзы Чань – мыслитель и государственный деятель; в 542–522 гг. до н.э. стоял во главе царства Чжэн.

Цзюньцзы – букв.: “государев сын”; аристократ. В конфуцианской философии: идеал благородного человека, гармонической личности.

Цзя-цин – китайский император (1796–1820 гг.).

Цин – династия в Китае (1644–1911 гг.).

Цинь – древнекитайская династия (246–207 гг. до н.э.).

Цинь Ши-хуан – первый император (221–210 гг. до н.э.), объединивший китайские царства в централизованную империю. Известен жестокими расправами над конфуцианцами.

Чань (в япон. произношении: дзэн) – одно из направлений дальневосточного буддизма; сложилось в Китае в VI–VII вв. под сильным влиянием даосизма.

Чжаньго – “Эпоха Воюющих царств” (403–221 гг. до н.э.).

Чжоу – древнекитайское племя, возглавившее союз древнекитайских государств в 1122–249 гг. до н.э.

Чжу Си (1130–1200) – философ; один из создателей неоконфуцианства.

Чжу Юань-чжан (1328–1398) – первый император династии Мин.

Чжуан-цзы (369–286 гг. до н.э.) – философ; один из основателей даосизма и составителей трактата “Чжуан-цзы”.

“*Чжуан-цзы*” – философский трактат (IV–III вв. до н.э.) – один из основных источников даосизма. Написан в форме притч, коротких новелл и диалогов, носящих полемический характер и направленных против основных положений конфуцианства и моизма.

Чжэн – одно из китайских царств (город-государство) периода Чуньцю (721–480 гг. до н.э.).

Чжэнмин – букв.: исправление имен; приведение наименований в соответствие с действительностью – одно из теоретических положений конфуцианства.

Чуньцю – период в истории Древнего Китая (721–480 гг. до н.э.); другое название: период Лего (“разделенные царства”).

“*Чуньцю*” – (“Весна и осень”) – летопись царства Лу в период Чуньцю (721–480 гг. до н.э.).

Чэнь Ду-сю (1879–1942) – генеральный секретарь китайской компартии (1922–1927). В конце 20-х гг. его резко кри-

тиковали в Советском Союзе как "правого оппортуниста". В 1927 г. снят с поста генсека, в 1929 г. исключен из партии как троцкист.

Шан – династия в Китае (1766–1122 гг. до н.э.).

Шан тун – "превознесение унификации" – одно из основных положений теории моизма.

"*Шан цзюнь шу*" ("Книга правителя области Шан") – философско-политический трактат (IV в. до н.э.), приписываемый Шан Яну.

Шан Ян (390–338 гг. до н.э.) – правитель области Шан; один из основателей теории легизма.

"*Шицзи*" ("Исторические записки") – основной труд историка Сыма Цяня (ок. 145–86 гг. до н.э.).

"*Шицзин*" ("Книга песен") – древнейший литературный памятник Китая (XII–V вв. до н.э.).

"*Шуцзин*" ("Книга исторических преданий") – древнейший источник по истории Китая (его составление приписывается Конфуцию).

Шэнжень – мудрец.

Шэнь Дао (конец IV в. до н.э.) – легист, один из предшественников Шан Яна.

Юн-чжэн – китайский император (1723–1735) эпохи Цин.

Ян – см. инь и ян.

КНИГИ СЕРИИ "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

- 1—2. Леон Юрис. ЭКСОДУС
3. Д-р А. И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арье (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6000000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А.И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы
в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Ахарон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Аллон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. Дневник
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917—1967)
25. Ш.Й. Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести,
главы из романов
26. Элизер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Тувия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 2
30. А.Итай и М.Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С. Г. Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. Р. Губер. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И. Башевис-Зингер. РАБ
37. Р. Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ
40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ

41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернارد Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в кибуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ
ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. Исаак Бабель. ДЕТСТВО и другие рассказы
58. Проф. И.Слущкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И.Слущкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андрэ Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ
ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зев) Жаботинский. ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
63. Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. Сол Беллоу. ПЛАНЕТА М-РА СЭММЛЕРА
66. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник:
И.Кауфман. Библейская эпоха; Л.Финкелстайн.
Еврейская вера и претворение ее в жизнь; Ш.Эттингер.
Корни современного антисемитизма
67. А.Суцкевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ
72. Л. Коллинз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. М. Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. М. Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. Ф.Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. Ф.Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ

77. А. Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ
79. Х. Н. Бялик и И. Х. Равницкий. АГАДА
80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ: Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля; С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе
82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ В ИСПАНИИ
83. Хаюх Бартов. ВЫДУМЩИК
84. Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД–ИЕРУСАЛИМ С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ
85. Жак Дерожи. ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС-1947"
86. Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ
87. М. Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. А. Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ
89. Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов
90. Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ
91. Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ
92. М. Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ
93. Н. Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ
94. Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
95. Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ
96. Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
97. МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания
98. Хаим Градэ. АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)
99. Луи Финкелстайн. РАББИ АКИВА
100. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1
101. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2
102. Муня М. Мардор. СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ
103. Феликс Розинер. СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА
104. Владимир Лазарис. МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА
105. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1
106. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2
107. ИВРИТ – ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ. Сборник статей
108. Ахарон Аппельфельд. ПОРА ЧУДЕС
109. Гилель Бутман. ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ
110. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1
111. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2
112. Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 1
Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 2
113. В ОТКАЗЕ. Сборник

114. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 1
115. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 2
116. Эфраим Урбах. МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА
117. В ПОИСКАХ ЛИЧНОСТИ. Сборник рассказов современных израильских писателей
118. Владимир (Зеев) Жаботинский. ВОСПОМИНАНИЯ
119. Оскар Минц. ПРИЗМЫ
120. Игал Аллон. ЩИТ ДАВИДА
121. Моше Даян. ЖИТЬ С БИБЛИЕЙ
122. Иерухам Кохен. ВСЕГДА В СТРОЮ. Записки израильского офицера
123. Израэль Таяр. СИНАГОГА – РАЗГРОМЛЕННАЯ, НО НЕПОКОРЕННАЯ
124. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 1
125. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 2
126. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 1
127. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 2
128. Хаим Гвати. КИББУЦ: ТАК МЫ ЖИВЕМ
129. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 1
130. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 2
131. Януш Корчак. ИЗБРАННОЕ
132. Ашер Бараш. ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ
133. Двора Омер. СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ
134. Андре Неер. КЛЮЧИ К ИУДАИЗМУ
135. Ицхак Зив-Ав. ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...
136. Эрбер Ле Поррье. ВРАЧ ИЗ КОРДОВЫ

**ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
 ИЗДАТЕЛЬСТВА
 "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"
 ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
 РУССКОЙ КНИГИ**
 Наши книги можно заказать
 также по адресу:
**Р.О.В. 4140
 91 041 Jerusalem**